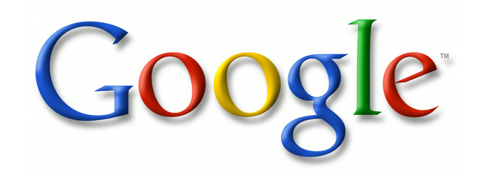
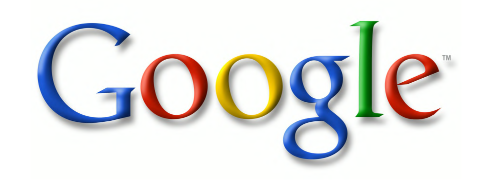
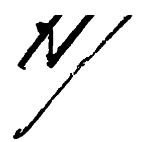
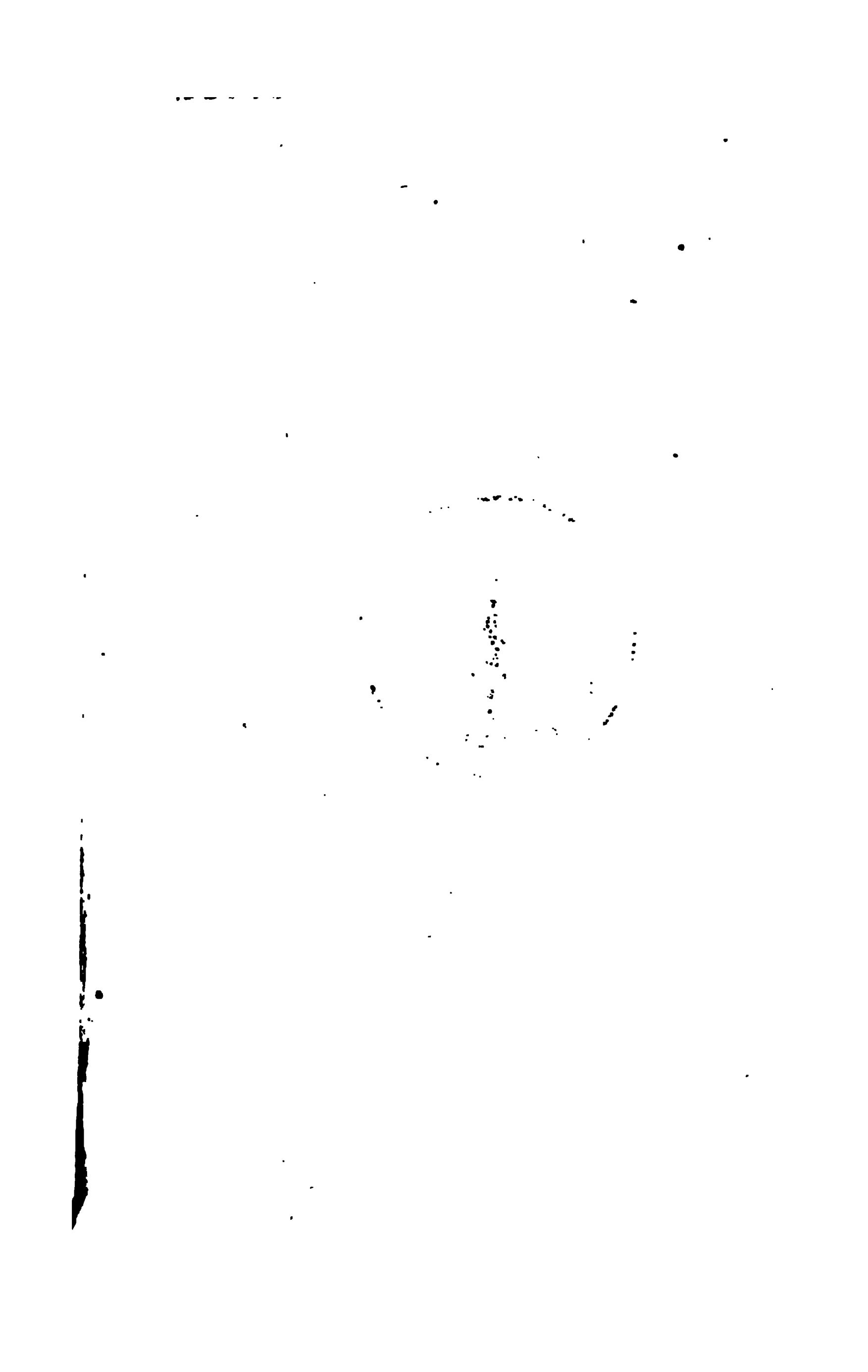

Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 февраля 1849 года.

Ценсоръ *Ал. Крыловъ.*

СОЧИНЕНІЯ

КОСТРОВА.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.
1849.

Цѣна за сочиненія Кострова и Аблесимова 4 р. с.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ КОСТРОВА.

Стран.

Стран.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА

НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ КОРОНАЦІИ
Ея Императорскаго Величества
Екатерины II,

Сочинена 1778 года.

Златаго свѣтоносца персты
Открыли въ тверди горизонтъ;
Врата восточныя отверзты,
Оставленъ Фебомъ хладный понтъ,
И сонъ, сынъ чернаго Морфея,
Уже насильствій не имѣя,
Летитъ съ мечтаньми отъ очей;
Вся тварь въ сомнѣніи не дремлетъ,
Но должности природной внемлетъ
Для пользы общей и своей.

И ты ли, Муза изумленна,
Безмолвія пребудешь въ снѣ?
Возстань, явися ободренна
Священныхъ горъ на вышинѣ,
Другинь прелестныхъ внемля звуки,
Ты арфу златострунну въ руки
Съ подобнымъ жаромъ пріими;
Излей отъ устъ усердныхъ сладость,
Россійскія державы радость
Не премолчи, вѣщай, греми.

Соч. Костр.

Въ сей день, отъ вѣка предъизбранный,
Россія, твой вознесся рогъ;
Царемъ царей обѣтованный
Съ тобою совершенъ залогъ;
Въ вѣнцѣ, во блескѣ багряницы,
Екатерина, взоръ денницы,
Источникъ радостныхъ отрадъ,
Героевъ вождь, миролюбива,
Великодушна, справедлива,
Явилась для россійскихъ чадъ.

Воображеній быстры крила
Въ восторгѣ Муза распростри;
Куда влечетъ парнасска сила,
Со тщаніемъ стремись, пари;
Представь въ умѣ предтекши лѣта,
Что дѣйствомъ Вышняго совѣта
Въ нихъ зрѣли Россы, возвѣсти;
Что днешня торжества виною,
Что намъ ниспослано судьбою —
Въ скрижалахъ памяти прочти.

Я чту... и мысль благоговѣетъ,
Чудясь Предвѣчнаго дѣламъ,
Языкъ вѣщать недоумѣетъ.
О, коль щедра, Судьба, ты къ намъ!
Тобою рушатся державы,
Тобой на верхъ восходятъ славы
И въ благоденствіи цвѣтутъ;
Въ избранной отъ тебя Россіѣ
Пактолы, Гангесы златые
Обогащая насъ, текутъ.

От горнихъ мѣстъ, со звѣздна трона
Къ монархамъ свой ты мещешь взоръ,
Въ твоей десницѣ ихъ корона
И въ нѣдрахъ всѣхъ блаженствъ соборъ.
Твои законы не пресѣчны,
Глаголы устъ твоихъ предвѣчны,
Речешь — и тако свѣтъ течетъ;
Ты перстъ прострешь — и все послушно:
Вся внемлетъ тварь единодушно;
Никая плоть не пр權речетъ.

Хощу, рекла, да Россовъ громы
Достигнутъ облачныхъ круговъ
И, храбрости рукой несомы,
Разятъ преступну грудь враговъ.
Моей десницею клянуся,
Вѣщаній сихъ не отрекуся,
Се часъ грядетъ, и нынѣ есть,
Наступитъ радостна година;
Помажется Екатерина,
Противнымъ въ ужасъ, Россамъ въ честь.

Глаголъ Судьбы Россія внемля,
Воззвала: се спасеній день!
И взоръ и длани выспрь подъемля,
Узрѣла лучезарну сѣнь.
Тамъ Вышняго слуги Владыки,
Соединясь въ несчетны лики,
Приникли на подзвѣздный долъ,
Чтобъ видѣть нашей взоръ Царицы
И славу свѣтлой багряницы,
Корону, скипетръ и престолъ.

Единъ изъ нихъ съ круговъ спустился
И сталъ на стражѣ надъ Москвой,
Нетлѣннымъ блескомъ весь покрылся,
Небесъ касаяся главой;
Колебля тяжестью земною,
Какъ вѣстникъ возгремѣлъ трубою:
Се нареченный день и святъ;
Отнынѣ сыны Россовъ сильны,
Дарами Вышняго обильны,
Сей день вовѣкъ благословятъ.

И се величества стопами
Екатерина въ храмъ грядетъ,
Пріосѣненна облаками,
Ліющими небесный свѣтъ;
Ея предтечи всѣ герои,
Во слѣдъ Ея стремятся вои;
По стогнамъ шумъ и плескъ и громъ;
Въ ѳирѣ молніи блистаютъ,
Сердца Россіянъ вѣрныхъ таютъ,
Всякъ радости исполненъ домъ.

Таковъ великъ Зиждитель вѣчный
На трепетный Синай низшелъ,
Гдѣ огнь и вихри быстротечны,
Гдѣ гласъ трубы его гремѣлъ;
Низшелъ, чтобъ дать законъ народу
И падшу обновить природу
Возлюбленнымъ себѣ вождемъ;
Но тамъ сей громъ былъ знакомъ казни,
Раждалъ смущенія, боязни;
А въ насъ онъ радости творцемъ.

Уже Царицу зрю во храмѣ,
Ея благоговѣетъ умъ;
Усердныхъ жертвъ при ѳиміамѣ
Умолкъ народныхъ плесковъ шумъ;
Единой ревности сердцами,
Единыя хвалы устами
Мольба несется къ небесамъ:
О, Царь вѣковъ непостижимый!
Отъ всякой плоти равночтимый,
Коль милостивъ и щедръ Ты къ намъ!

И се вождемъ левитска чина
Ліется на главу елей;
Се помазуется Богиня,
Россія, къ радости твоей!
Виссонъ на раменахъ священный,
Вѣнецъ, отъ бисеровъ сложенный,
Сіяетъ на главѣ Ея;
И тако въ полномъ цвѣтѣ славы,
Во средоточіи державы
Явилась, лучъ отрадъ лія.

Въ лучахъ сидяще неприступныхъ
Само трилично Божество,
Со ликомъ Ангелъ совокупныхъ
Воззрѣвъ на Россовъ торжество,
Отверзло благостей пучину,
Благословя Екатерину,
Обильны дары подаетъ;
Духъ мудрости, духъ правды вѣчной,
Духъ силы, радости сердечной
И духа крѣпости ліетъ.

Внезапу новыхъ зракъ видѣній
Мятетъ, колеблетъ зрящихъ духъ,
Средь радости, средь восхищеній
Перстъ пламенный явился вдругъ,
И къ полдню на стѣнѣ стоящей,
Къ боязни всѣхъ во храмѣ вящшей
Онъ тайны письмена чертилъ;
Но чтобъ понять, въ нихъ кая сила,
Потребенъ разумъ Даніила;
Отъ насъ Всевышній то сокрылъ.

И се отъ алтаря исходитъ
Сей древней мудрый богочтецъ,
И взоръ свой къ письменамъ возводитъ;
Вѣщалъ: «коль къ Россамъ благъ Творецъ!
«Противникъ всуе ополчится,
«И злоба тщетно изострится,
«Вси облекутся въ студъ и срамъ;
«Екатерина днесь владѣетъ —
«И въ Россахъ Князь не оскудѣетъ.»
Таковъ былъ тайный смыслъ словамъ.

О, свѣтоносный мужъ желаній!
Глаголъ неложенъ устъ твоихъ:
Достойна вѣчныхъ восклицаній,
Среди владѣтелей земныхъ,
Богиня царствуетъ надъ нами,
Ея и сердцемъ и устами,
Хвалить и чтить одолжены.
Злость хитра, мудростью пожерта,
И наглость мужествомъ сотерта
Противны въ смерть поражены.

Седьмнадесятый годъ сіяетъ
Свѣтильникъ дневный отъ Вѣсовъ,
Поля, долины позлащаетъ
И освѣщаетъ мракъ лѣсовъ;
Какъ взоръ Богини солнца краше
Веселіе сугубитъ наше,
Гоня печалей черну тѣнь;
И всѣ Ея державы лѣта
Посредствомъ Творческа совѣта,
Преобратились въ свѣтлый день.

Но кто сіи при Нвй толь млады?
Какая нѣжная чета?
Иль древни божества Эллады
Въ нихъ зрится равна красота?
То мудрый Павелъ и Марія,
Твоей надежды столпъ, Россія!
Они, какъ лучезарный Фебъ,
На высшій горизонтъ восходятъ,
Съ собою счастіе возводятъ
Благоволеніемъ судебъ.

И сей, что въ пеленахъ играетъ,
Являя рожденнымъ сладкій смѣхъ,
Кого въ себѣ изображаетъ?
Кому источникомъ утѣхъ?
То Александръ, дитя драгое,
Рожденъ во время намъ златое,
Рожденъ въ пресвѣтлы мира дни,
Вокругъ Его оливы вьются,
И лавры съ миртами плетутся,
Играютъ Граціи одни.

Такъ Онъ? О, первенецъ прекрасный!
О, юныхъ плодъ Полубоговъ!
Отъ свѣтлыхъ двухъ планетъ лучъ ясный
Къ блаженству россiйскихъ Ты сыновъ.
Россія и Ея любитель,
Союзовъ ревностный хранитель
Восхитились, Тебя узря;
Нева въ струяхъ своихъ взыграла
И Александра возвѣщала
Въ сосѣднія ліясь моря.

И Музы лиру позлатили
Твое гремящу рождество;
Они меня въ свой ликъ плѣнили
И я пѣлъ съ ними торжество.
Расти! Россійски Геликоны
Произнесутъ сладчайши тоны.
Когда пріидешь въ полный цвѣтъ,
Моей гласъ лиры укрѣпится
И съ ними въ хоръ соединится
Твоихъ при совершенствѣ лѣтъ.

Но Ты, велика Героиня,
Обрящешь гдѣ Себѣ пѣвцовъ?
Побѣдоносная Богиня!
Иль пѣсни внемлешь Ты птенцовъ?
Твои дѣла хвалы превыше;
Ты въ мирѣ зришься Ангелъ тише,
Во брани грозный исполинъ,
Во ополченіяхъ предивныхъ,
Твой взоръ смущаетъ сопротивныхъ
И обращаетъ вспять единъ.

Но Ты кротка, зефиромъ дышешь
И ободряешь Музъ соборъ;
Ты имъ сама уставы пишешь,
Ведя на верхъ Ѳессальскихъ горъ.
Подъ сѣнію Твоей щедроты
Онѣ поютъ Твои доброты;
Что нашихъ арфъ не звученъ гласъ,
Твоихъ дѣяній громъ виною:
Онъ заглушаетъ всѣхъ собою,
И тако посрамляетъ насъ.

О, еслибъ Пиндаръ быстрый съ нами
Еще на свѣтѣ пребывалъ, —
Онъ въ пѣсняхъ бы своихъ хвалами
Твои побѣды увѣнчалъ;
При первомъ онъ Твоемъ восходѣ
Послѣдній отдалъ долгъ природѣ,
Сокрылся росскихъ Музъ орелъ.
Мы хощемъ тщетно такъ стремиться,
Птенецъ не можетъ сравниться,
Хотябъ желаніемъ горѣлъ.

Среди торжествъ и плесковъ звучныхъ,
Среди чувствительныхъ отрадъ
Во цвѣтѣ дней благополучныхъ,
Средь милліоновъ росскихъ чадъ,
Московскаго Парнасса Музы,
Прервавъ свои безмолвны узы,
Дерзаютъ пѣснь Тебѣ соплесть:
Ты удостой ихъ кроткимъ духомъ
И матернимъ вонми имъ слухомъ,
О, какъ сія намъ лестна честь!

Источникъ благостей безмѣрныхъ,
О! непостижно Божество,
Вонми мольбѣ народовъ вѣрныхъ,
Призрѣвъ на свѣтло торжество!
Тобой помазанну Богиню,
Тобой храниму Героиню,
Какъ прежде, удостой щедротъ,
Съ Маріей Павла осѣняя,
Стезями оныхъ управляя
Пріосѣни ихъ первый плодъ.

———

ОДА

на рожденіе Его Императорскаго Величества Государя Великаго Князя Александра Павловича.

Сочинена 1778 года.

—

Потрясшись звукомъ трубъ гремящихъ
Въ россійской тверди тихъ зефиръ;
Сердецъ усердіемъ горящихъ
Вливаетъ въ нѣдра сладкій миръ.
Желанну радость возвѣщая,
Къ вниманью смертныхъ слухъ склоняя,
Скорѣе молній въ быстротѣ,
Златыми снабдѣна устами,
Подъята легкими крылами,
Несется Слава въ высотѣ,

Глаголетъ: «въ брани грозны чада!
Коль жребій нынѣ вашъ блаженъ!
Надежда ваша и отрада —
Се Александръ на свѣтъ рожденъ!
Уже отъ Павла и Маріи
Благословенный для Россіи
Лобзаете любезный плодъ;
Коль красенъ первенецъ въ добротѣ,
Коль нѣжный склоненъ зракъ къ щедротѣ!
Геройскій всюду видѣнъ родъ.

Младой исчадіе Латоны,
Коль вѣрить древности сѣдой,
Превысивъ естества законы,
Блисталъ безсмертной красотой;
Подобно какъ лучи златые,
Власы его по юной выѣ,
По нѣжнымъ раменамъ катясь,
Небесный блескъ очамъ являли,
И зрящихъ сладостью питали,
Въ сугубыя струи ліясь.

Толико чудно и прекрасно
Къ порфирѣ рождшеся дитя!
Въ немъ ощутительно и ясно
Вѣнчанныхъ главъ черты цвѣтя,
Уже въ младенчествѣ являютъ,
Кого въ немъ Россы ожидаютъ.
Въ очахъ златая тишина,
Источникъ всяка совершенства
И общаго вина блаженства,
Какъ въ ясномъ времени луна.

Что гордый храмъ Эфесска града,
Преславно чудо древнихъ лѣтъ
Столповъ величествомъ громада,
Толь удивившая весь свѣтъ,
Во время грозной царствамъ ночи,
Какъ въ первый разъ геройски очи
Отверзъ на свѣтъ Филипповъ сынъ;
Свирѣпымъ пламенемъ сожженна
И въ мрачный пепелъ превращенна,
Оставивъ въ память прахъ единъ.

То было знакомъ смертныхъ роду,
Что гнѣвный Македонянъ царь
Обременитъ собой природу
И трепетомъ наполнитъ тварь;
Премѣны счастья быстротечны
Во узы заключивши вѣчны,
Расторгнетъ нѣдра твердыхъ горъ,
Невинныхъ главъ кровей возжаждетъ,
Все отъ меча его пострадждетъ,
Гдѣ только онъ простретъ свой взоръ.

Какъ бурный сонмъ воды шумящей
Плотинъ заклепы разорвавъ,
Отъ глубины пескомъ кипящей
Стремяся на поля стремглавъ,
Стада спокойны, и пасущихъ
Златые класы, алчно жнущихъ,
Подъявъ, въ волнахъ своихъ несетъ,
Громады камней обращаетъ,
Древа надменны исторгаетъ,
Крутясь, пучину черну вьетъ.

Толикихъ въ видѣ наводненій
Сей юный устремится Грекъ,
Поправъ великость преткновеній,
Чрезъ горъ хребты, чрезъ наглость рѣкъ,
Престолы опровергнетъ сильныхъ,
Въ сребрѣ и златѣ изобильныхъ
Мечемъ кровавымъ потребитъ;
Цвѣтущи грады уничтожитъ,
Сраженныхъ вопль и стонъ умножитъ:
Да будетъ въ смертныхъ знаменитъ.

Но ваша коль судьба отмѣнна!
О, Россы, родъ Творцемъ избранъ,
Во время мира вожделѣнна
Вамъ мирный Ангелъ дарованъ.
И се есть знакъ благополучный,
Что милость съ правдой неразлучны
Незыблемъ утвердятъ престолъ,
При Александрѣ росскомъ крины,
Какъ въ свѣтлы дни Екатерины,
Покроютъ красотою долъ.

Такъ рекши, устремилась Слава
На Западъ, на Востокъ и Югъ,
И гдѣ Бореева держава,
И гдѣ живущихъ дышетъ духъ;
Устамъ ея плоть всяка внемлетъ,
Со плескомъ рѣчь ея пріемлетъ;
О, коль священны имена:
Екатерина, Павлъ, Марія
И Александръ, Ему Россія
И всѣ соплещутъ племена.

Но тѣ, чтó дружества очами
Взираютъ на россійскій тронъ,
И вѣрности ходя стезями,
Чтутъ святость правъ и царствъ законъ, —
Тѣ въ нашемъ торжествѣ толикомъ
Являютъ сердцемъ и языкомъ
Коль имъ пріятна вѣсть сія:
«Расти, о вѣтвь, расти драгая,
«Намъ миръ и тишина златая,
*Едино*гласно вопія.

Ходящіе въ путѣхъ неправыхъ,
Отъ устъ ліющи льстивый медъ,
Сплетатели сѣтей лукавыхъ,
Блюдущи потаенный слѣдъ;
Что, какъ змія въ извиты члены
Клубясь, бѣжатъ во злакъ зеленый
И, скрывшись, путь идущихъ зрятъ,
Да пяту жаломъ ядоноснымъ,
Лукавымъ, неизцѣльнымъ, злостнымъ
Неосторожныхъ уязвятъ.

Сіи отвнѣ веселья полны
При свѣтлости россійскихъ дней;
Но въ ихъ нутри смущенья волны
И мрачный царствуетъ Борей:
Такъ водъ лице хоть безмятежно,
Спокойно, радостно и нѣжно,
Являетъ чистую лазурь;
Но бездна яростью крутится,
Кипитъ, клокочетъ и дымится,
Полна неукротимыхъ бурь.

Но кто витійствомъ слова силенъ
Россійску радость изъяснить?
Какой страны языкъ обиленъ
Гомеровы струи излить?
Градовъ и селъ одушевленныхъ,
Восторгомъ сладостнымъ плѣненныхъ
Восходятъ клики до небесъ:
«О, Александръ, Петрово племя,

«Родителей преславныхъ сѣмя,
«Дражайшій нашихъ свѣтъ очесъ!»

Повсюду въ алтаряхъ курится
Благоуханный ѳиміамъ,
И малъ, и юнъ, и старъ стремится
Со тщаніемъ въ священный храмъ;
Огнемъ сыновнимъ пламенѣя,
Сердца и взоръ горѣ имѣя,
Возносятъ благодарный гласъ:
«Благословенъ вѣковъ Зиждитель,
«Царей и царствъ земныхъ Правитель
«На верхъ блаженствъ вознесшій насъ.

Журчащи рѣки и пѣнисты,
Нарушивъ естества союзъ,
Какъ въ лѣтни дни спокойны, чисты,
Изъяты тяжкихъ мразныхъ узъ,
Стремясь весело протекаютъ,
Брегамъ обиліе вѣщаютъ;
Въ долинахъ, на холмахъ, горахъ,
Сугубо эхо раздается
И имя рождшася несется,
Скрываясь въ горнихъ небесахъ.

Церера купно и Помона
Соборомъ Нимфъ окружены,
Предъ стопы всероссійска трона
Спѣшатъ, спѣшатъ, восхищены;
И, зря Младенца вожделѣнна,
Полубогами въ свѣтъ рожденна,
Прекраснѣе весеннихъ дней, —

Его цвѣтами украшаютъ
И дары тучны полагаютъ
Во знакъ преданности своей.

Но кое зрѣлище прелестно
Плѣненный созерцаетъ взоръ?
Коль бреннымъ мыслямъ несовмѣстно
Взнестись Атлантскихъ выше горъ!
Гдѣ небожителей держава,
Безъ мрачной ночи вѣчна слава,
И неприступный смертнымъ свѣтъ.
Меня не восхищенна радость,
Или небесной пищи сладость, —
Но Невскій Александръ влечетъ.

И се за облачны предѣлы
Несется восхищенный духъ;
Боговъ вѣщанія веселы
Отнынѣ смертный внемлетъ слухъ;
Тамъ сей Герой и Петръ Великій,
Стоя межъ горнихъ воинствъ лики,
Въ нетлѣнныхъ погрузясь лучахъ,
Съ высотъ приникнувъ на Россію,
Воззрѣвъ на Павла и Марію
И на Младенца въ пеленахъ,

Вѣщаютъ тако другъ ко другу:
Коль святъ и праведенъ Творецъ,
Марію Павлу давъ въ супругу,
Тѣмъ Россовъ укрѣпивъ вѣнецъ!
Престолъ Ихъ, яко дніе неба,
И краше свѣтоносна Феба,

О, коль любезная чета!
Прекрасны тѣломъ и душею;
Добротъ и совершенствъ зарею
Блистаютъ, какъ сіи мѣста.

Се юный отрокъ, плодъ Ихъ первый,
Благоуханной розы цвѣтъ!
На дланѣхъ россійскія Минервы
Отъ устъ зефиры сладки льетъ,
Главою нѣжно помавая,
Невинны руки простирая,
Младенческій являя смѣхъ,
Счастливо всѣмъ назнаменуетъ,
Что Россъ при Немъ восторжествуетъ
И всѣхъ исполнится утѣхъ.

Рекли, и се свѣтообразный
На Отрока ліется духъ,
Да въ Немъ дары почіютъ разны,
Подзвѣздный удивляя кругъ;
Премудрость, благость и щедроты,
Святыхъ, помазанныхъ доброты,
Его единственная часть;
Превыситъ славныхъ всѣхъ дѣлами,
Какъ сынъ предъ мужемъ ветхимъ днями,
Предъ Нимъ да будетъ гордыхъ власть.

Царица Россовъ страхъ противныхъ
Сердецъ и душъ усердныхъ рай,
Толь радостныхъ отрадъ и дивныхъ
Сама Виновница взыграй!
Полна чудесъ Твоя держава,

Небесъ коснулась дѣйствій слава;
Твой громъ потрясъ враговъ престолъ;
Твоя превыше смертныхъ сила
Для Россовъ въ небо претворила
Земный, плачевный прочимъ долъ.

Но что, возможно ли намъ мыслить,
Чтобъ мѣрять пядью небеса?
И можно ли Твои исчислить,
О, Героиня! чудеса?
Твоихъ благодѣяній рѣки
Текутъ и будутъ течь вовѣки;
Твой въ Павлѣ духъ и духъ его
Во Александрѣ воцарится,
И тако вѣчно утвердится.
И что дражаѣ намъ сего?

Се внемлю, разные языки,
Вездѣ тмочисленный народъ,
Торжественны составивъ лики,
Какъ шумный гласъ премногихъ водъ,
Твое величіе вѣщаютъ
И стопы ногъ Твоихъ лобзаютъ,
Тѣмъ жизнь свою счастливой чтутъ;
Они едиными устами
И совокупными сердцами
Къ Царю царей мольбы лiютъ.

О, божество непостижимо!
Приникни отъ высотъ на насъ,
Отъ темъ чиновъ небесныхъ чтимо,
Вонми народовъ вѣрныхъ гласъ!

«Доколь продлятся круги звѣздны,
«Въ пучинѣ необъятной бездны,
«И не отъимется луна, —
«Екатерины славно племя,
«Отъ Павла и Марiи сѣмя
«Да будетъ въ Россахъ, какъ весна.

ОДА

на день рожденія Ея Императорскаго Величества **Екатерины II.**

Апрѣля 21 дня 1779 года.

—

Парнасскимъ пламенѣя духомъ,
Отверзу къ пѣнію уста:
Вы радостнымъ внимайте слухомъ —
Земля и горнія мѣста;
При звучной, сладостной цѣвницѣ
Простру слова мои къ Царицѣ,
Вступя во свѣтло торжество,
И Музъ соединившись съ ликомъ,
Дерзаю сердцемъ и языкомъ
Ея воспѣти рождество.

Но ты, которому отверзты
Совѣтъ и таинства судебъ,
Ты правь мои на лирѣ персты,
Латонинъ сынъ, премудрый Фебъ;
Чтобъ пѣснь была красна и стройна
И Россовъ Божества достойна,
Тобой потребно мнѣ дышать,
Въ грудь Музы нѣжныя, младыя,
Свои ты чувствія живыя
И пламень удостой вліять.

Уже небесныя свѣтила,
Вѣнецъ природныя красы,
Изъ коихъ Божеская сила
Себѣ составила часы,
И обращая оныхъ бремя,
Текуще измѣряетъ время;
Которыхъ бѣгъ, составъ колесъ,
Движенье, стройность намъ невмѣстна,
И только одному извѣстна
Премудрому Творцу небесъ.

Уже назначеннаго лѣта
Своей достигли быстротой;
Стрѣла, не заблудя съ предмета,
Коснулася минуты той,
Въ котору Божество Россіи
На казнь Луны, и въ мѣсть Асіи
Возникнуть должно было въ свѣтъ;
Минервы духомъ упоенно,
Ея Эгидой покровенно,
Да уничтожитъ злыхъ совѣтъ.

Тогда Божественны глаголы
Неслися въ высотѣ небесъ,
Спустились въ земноводны долы,
Внимали горы, бездна, лѣсъ:
Приблизилась судьба и время,
Хощу прославить Россовъ племя.
Довольно видѣлъ свѣтъ мужей,
Довольно видѣлъ женъ избранныхъ,
Оливой, лаврами вѣнчанныхъ,
Водимыхъ дланію моей.

Но пусть вселенна зритъ отнынѣ,
Десницу въ крѣпости мою
Раждаемой Екатеринѣ
Я лучъ премудрый излію,
Разсыплю Ею гордыхъ царства,
Расторгну зависти коварства,
Въ путѣхъ строптиваго препну,
Трофеи самъ предъ Ней воздвигну;
Моихъ намѣреній достигну,
Да вѣчну зритъ борей весну.

Предъ Ней сотру кремнисты горы —
И стѣны ужасомъ падутъ;
Куда простретъ пресвѣтлы взоры,
Тамъ лавры съ миртомъ возрастутъ,
Подъ кроткими Ея стопами
Усыпанъ будетъ путь цвѣтами
И нектаръ сладкій истечетъ;
Она разрушитъ всѣ препоны,
Предастъ спасительны законы,
Луны померкнетъ ложный свѣтъ.

Тебѣ, Уранія священна,
Гремящаго Зевеса дщерь!
Лазорью, златомъ покровенна,
Тебѣ небесъ отверзта дверь!
Скажи, открой свои скрижали,
Чтò небожители вѣщали,
Когда сѣдящій выше звѣздъ
Судьбу возлюбленной Россіи
И гордой униженье выи
Изрекъ въ пространствѣ горнихъ мѣстъ?

Тогда сіи безплодны вои,
Сестра, ты мнѣ даешь отвѣтъ,
Соединясь въ несчетны строи,
Лія отъ крылъ небесный свѣтъ,
Въ восторгѣ сладкомъ, въ изумленьѣ,
Умолкнувъ на одно мгновенье,
Другъ къ другу умственно рекли:
Сія въ женахъ благословенна,
Екатериной нареченна,
Что имать быти на земли?

Рекли.... органски восшумѣли
Согласны пѣсни въ небесахъ,
И хоры ангельски воспѣли,
Великъ Ты, Боже, въ чудесахъ!
Глаголъ Твой святъ и правосуденъ,
Совѣтъ непостижимъ и чуденъ
И правы всѣ Твои стези!
Зиждитель всей природной связи!
Тебя трепещутъ міра князи,
Тобой избранну вознеси!

И се на облацѣхъ эѳирныхъ
Адонаи Господь возсѣлъ.
При гласѣхъ радостныхъ и мирныхъ
И гласъ трубы Его гремѣлъ:
Подвиглись страхомъ круги звѣздны,
Врата вострепетали бездны,
Смутились вѣчныхъ горъ сердца;
Предъ Нимъ вся тварь благоговѣетъ
И солнцевъ свѣтлый взоръ блѣднѣетъ
Предъ свѣтомъ Творческа вѣнца.

Возсѣлъ, и дланію предвѣчной
Онъ праведны пріялъ вѣсы,
Гдѣ жизни смертныхъ быстротечной
Минуты зрятся и часы;
И та завѣса мрачной ночи,
Сквозь кою тщетно наши очи
Простерти слабый взоръ хотятъ,
Гдѣ нашихъ дѣйствъ и помышленій,
Словесъ, намѣреній, хотѣній
Несчетны бремена лежатъ.

Пріялъ, и Творческой рукою
Вѣсовъ сихъ на странѣ десной,
Орла съ полночною страною
И дѣву свѣтлу красотой,
Залогъ россійскаго блаженства,
Залогъ торжествъ и благоденства,
Залогъ побѣды утвердилъ;
Луну, Херсонъ и Полдень знойный,
Гдѣ врагъ бунтующъ, безпокойный,
На шуей сторонѣ явилъ.

Потрясъ, поколебалъ мгновенно:
Блѣднѣетъ гордый видъ Луны,
Явилось легко и лишенно
Вдругъ бремя южныя страны.
Екатеринины щедроты,
Ея душевныя доброты
Въ судьбѣ имѣли перевѣсъ.
О, нашихъ красныхъ дней начало,
Тобой въ Россіи возсіяло
Благоволеніе небесъ!

Соч. Костр.

Германію восторгъ объемлетъ,
Что въ красныхъ областяхъ ея
Екатерина восприемлетъ
Начало жизни Своея;
Но въ сердцѣ грусть она питаетъ,
Когда завѣсу проницаетъ,
Завѣсу будущихъ временъ,
Гдѣ зритъ, что рождшася Богиня
Кротка, премудра, Героиня
Для россихъ рождена племенъ.

Но кій предметъ смущаетъ очи?
Что блескъ веселой музы тмитъ?
Сквозь мракъ густой безмолвной ночи
Мое смущенно око зритъ
Жену стенящу, блѣдну, злобну,
Убійцѣ тайному подобну,
Гониму собственнымъ студомъ:
Отчаянье, дитя боязни
И ужасъ предлежащей казни,
Ей внити воспящаютъ въ домъ.

По стогнамъ въ трепетѣ скитаясь,
О, жалость, о, плачевный рокъ!
Какъ Фурія страстьми терзаясь,
Повергнуть хочетъ въ ровъ глубокъ,
Повергнуть хочетъ въ мрачны гробы
Кого? дитя своей утробы.
Эхидна, дай мнѣ видѣть свѣтъ,
Несчастный томными очами,
Простертой дланью и слезами
Младенецъ къ рождшей вопіетъ.

Но Генiй, сирыхъ покровитель,
Восхитилъ вдругъ сiю жену,
Надежды свѣтлой обновитель,
Восхитилъ и пренесъ въ страну,
Планета нова гдѣ явилась,
Екатерина гдѣ родилась;
Пренесъ и предъ Богининъ взоръ
Представилъ мрачну и стенящу,
Еще сокрыть себя хотящу
Въ разсѣлинахъ недвижныхъ горъ.

Воззрѣвъ благоутробнымъ окомъ
На плачъ, на скорбь жены сея:
«Не орошайся слезнымъ токомъ,
«Не трепещи предъ мной стоя,
Рекла Владычица Борея,
Лiя цѣлебный сокъ елея:
«Жива не снидешь съ сыномъ въ адъ,
«Я, рождшись, приняла законы
«Изъять отъ смерти миллiоны
«Раждаемыхъ несчастно чадъ.

О, гласъ превысшiй человѣка!
О, наше кротко божество!
Въ дѣлахъ, неслыханныхъ отъ вѣка,
Тебя все славитъ естество!
Щедроты равны гдѣ обрящу,
Гдѣ образъ твой, Богиня, срящу?
Ни гдѣ, какъ токмо — въ небесахъ.
Зерцало мирныя природы!
Твой зракъ россiйски поздны роды
Изобразятъ въ своихъ сердцахъ.

Въ приходъ Сіонскаго Кивота
На прагъ бездушный идолъ палъ
Во храмѣ студнаго Азота;
И въ прахъ сотершись не возсталъ:
Такъ Ты, пришедши во вселенну,
Повергла гордость вознесенну,
Премудрыхъ въ буйство прекратя;
Насиліе, коварства, злобы
Запечатлѣла вѣчно въ гробы,
Плачевной местью имъ претя.

Твой Сынъ, Твой Сынъ единороденъ,
Отъ корене Петрова плодъ,
О! коль съ Тобой во всемъ Онъ сходенъ:
Онъ образъ всѣхъ Твоихъ добротъ;
Его Супруга именита
Покровъ гонимыхъ и защита,
И Первенецъ Его младой
Намъ предвѣщаютъ дни златые,
Какіе нынѣ зритъ Россія,
Наполнивъ славой кругъ земной.

Преобращаяй кругъ небесный
Источникъ и Отецъ временъ,
Планетамъ давый бѣгъ извѣстный,
Владыка всѣхъ земныхъ племенъ,
Въ десницѣ коего державной
Превознесенной, вѣчной, славной,
Стихій бунтующихъ бразды,
Предъ коимъ самый рокъ трепещетъ,
Которой гнѣвомъ стрѣлы мещетъ,
Даритъ щедротой разны мзды.

Таковъ завѣтъ поставилъ съ нами
Чрезъ вѣрную свою Рабу,
Онъ рекъ неложными устами
Сію не премѣнить судьбу.
Подъ скипетромъ Екатерины
Поля красуйтесь и долины,
Парнасъ московскихъ Музъ взыграй,
Одѣйся въ свѣтлыя одежды
И съ исполненіемъ надежды
Торжествъ подобныхъ ожидай.

ОДА

НА ТОТЪ ЖЕ ДЕНЬ И НА ПРАЗДНЕСТВО СОВЕРШИВШЕЙСЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ СТОЛѢТІЯ ОТЪ УЧРЕЖДЕНІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Апрѣля 21 дня, 1780 года.

Весеннихъ дней любитель нѣжный,
Пѣвецъ недремлющъ — соловей,
Ты въ часъ прохладный, безмятежный,
Предъ восходящею зарей,
Пріятный голосъ напрягаешь
И тѣмъ ея восходъ срѣтаешь;
Плѣняясь спящихъ Нимфъ красой,
Нѣжнѣе арфы и свирѣли
Имъ въ слухъ лія согласны трѣли,
Велишь прервать ночный покой.

Твой гласъ, пренесшись къ слуху Музы,
Воздвигъ ее отъ сладка сна;
Морфеевы расторглись узы;
Она встаетъ восхищена,
Летитъ на холмы Геликона
И хочетъ звукомъ лирна тона
Пѣть въ ликѣ свѣтла торжества,
Не утренній восходъ денницы,
Но день рожденія Царицы,
Превысшей смертна естества.

Богиня хладныхъ странъ полночныхъ,
Но теплыхъ ревностью къ Тебѣ,
Судебъ предвѣчныхъ и всемочныхъ,
Совѣтъ имущая въ Себѣ,
Ты къ счастью Россійя державы,
Дабы суды возставить правы,
Исполнить Вышняго обѣтъ,
Исторгнуть корень алчной злости
И расточить коварныхъ кости,
Въ сей день родилася на свѣтъ.

Мой духъ плѣненный возлетаетъ
До мѣстъ, гдѣ невещественъ міръ,
Гдѣ лучезарныхъ оживляетъ
Неосязаемый эѳиръ.
И се крылатыя минуты,
Имущія устнѣ сомкнуты,
У вратъ небесныхъ предстоятъ,
Да всѣ державъ земныхъ премѣны,
Монарховъ рокъ, народовъ плѣны,
Творцу вселенной возвѣстятъ.

Содѣйствіемъ Твоей планеты,
Наведшей имъ безмрачну тѣнь,
И отъ счастливыя примѣты
Они, предвидя свѣтлый день,
Который Ты навѣкъ прославить
И незабвеннымъ въ насъ оставить
Должна рожденіемъ своимъ,
Отверзли дверь, — Судьба исходитъ,
Премудрость слѣдъ ея предводитъ,
Сопутствуетъ Щедрота имъ.

Ты въ пеленахъ, — Богини внемлютъ
Уже младенческій Твой гласъ,
Даровъ фіалы вдругъ пріемлютъ
И въ грудь Твою ліютъ для насъ,
Вѣщая: се покровъ убогимъ,
Се страхъ, се радость въ свѣтѣ многимъ;
Рекли, и Зефиръ ихъ подъялъ;
Олимпъ со плескомъ многократнымъ,
И съ мановеніемъ пріятнымъ,
Ихъ въ нѣдра горнія пріялъ.

Но просвѣщенныхъ умны очи
Другой пророчествъ видятъ знакъ:
Се облакъ возстаетъ съ полночи
И блескомъ гонитъ съ тверди мракъ,
Лучи распространя веселы,
На всѣ россійскіе предѣлы
Онъ златомъ и сребромъ дождитъ;
Тамъ сладкій медъ, здѣсь капли млечны
Піютъ луга и брегн рѣчны,
Земля обиліемъ кипитъ.

Чрезъ Россское пренесшись царство,
Стремится онъ на гордый Югъ:
Казня тиранство, злость, коварство,
Тамъ въ тучу превратился вдругъ,
Расторгся — и Перуны блещутъ,
Дубравы и лѣса трепещутъ,
Сердца недвижныхъ стонутъ горъ,
Съ долиной холмы соравнились,
Вспять рѣки съ ужасомъ стремились,
И звѣрь бѣжалъ во мрачность норъ.

Тамъ степи кровью воскипѣли,
Крутя песокъ въ ея волнахъ,
Эгейски воды каменѣли
Подобно въ узахъ и цѣпяхъ.
Но прочь отъ мыслей тѣнь сурова,
Не представляй дней прежнихъ снова:
Судьба свершилась, врагъ смиренъ,
Мечи оливами обвиты,
Трофеи лаврами покрыты
И громомъ хитрый ковъ сраженъ.

Куреньемъ чтима ѳиміамовъ
Богиня мыслей и очесъ!
Твоихъ столь много въ свѣтѣ храмовъ,
Сколь много звѣздъ верху небесъ:
Всякъ вѣрный Россъ Твоей щедротѣ,
Монаршей благости, добротѣ
Несетъ усердно сердце въ даръ,
Гдѣ жертва ревности дымится,
И благодарностью стремится
Вѣнчать толико нѣжный жаръ.

Съ высотъ блистательна престола
Ты орлій простирая взоръ,
Въ странахъ Тебѣ подвластна дола
Смиряешь бурныхъ вихрей споръ;
Велишь зефирамъ нѣжно вѣять
И сѣмя кротка мира сѣять.
Они, оставя Нилъ, Евфратъ,
Къ брегамъ Твоей державы тучнымъ,
Къ брегамъ всегда благополучнымъ
На радостныхъ крылахъ летятъ.

Различенъ нравомъ и закономъ
Языковъ неисчетный родъ
Предъ неподвижнымъ росскимъ трономъ
Спокойствія вкушаетъ плодъ;
Подъ радостнымъ Твоимъ покровомъ
Всегда ликуя въ счастьи новомъ,
Свободны мы отъ грозныхъ тучъ;
Насъ миромъ скиптръ Твой ограждаетъ,
Порфира кротко осѣняетъ,
Вѣнецъ ліетъ отрады лучъ.

Благовѣствуй, земле, ты радость,
Главой коснися небесамъ!
Вы, горы, источайте сладость
И дайте вѣсть крутымъ холмамъ,
Да съ высоты взирая низу,
Въ зелену облекутся ризу,
Покроютъ цвѣтомъ рамена,
Весельемъ чресла препояшутъ
И съ нами въ торжествѣ воспляшутъ
Въ сіи златыя времена!

Гдѣ мракъ невѣжества нелѣпый?
«Расторженъ мудрости лучемъ;
Гдѣ духъ зловредный и свирѣпый?
«Сраженъ отмщенія мечемъ,
Гдѣ лицемѣрія завѣса?
«Сокрылась въ тму густаго лѣса;
Гдѣ руки оскверняяй мздой?
«Въ объятіяхъ бездонна ада;
Что клеветы коварной чада?
«Презрѣнья стягнуты браздой.

Предвѣчный гласомъ восхищаетъ
Екатерину на Синай,
Гдѣ твердь не въ мглѣ уже скрываетъ
И не колеблетъ неба край,
Но видъ рая представивъ красный,
И облакъ распростерши ясный,
Ей пишетъ правоты законъ:
Она благоговѣйно внемлетъ
И съ теплой вѣрою прiемлетъ
Да вѣчно утвердится тронъ.

Се богописанны скрижали,
Гдѣ милость, истина и судъ,
Во храмѣхъ правды возсiяли
И сладостны лучи лiютъ:
Се въ грады и безмолвны села
Ихъ власть небесна пролетѣла!
Но можетъ ли хвалить языкъ.
И бренный разумъ тѣ уставы,
До коихъ Россiя державы
Царицы свѣтлый умъ возникъ?

Ты прозорливымъ видя окомъ,
Богиня, связь грядущихъ лѣтъ,
И чтобъ на степени высокомъ
Стоялъ всегда полночный свѣтъ —
Наслѣдника Твоей доброты,
Престола, скипетра, щедроты,
Ведешь премудрости путемъ,
Съ какою ревностiю тщишься,
Съ какимъ усердiемъ стремишься,
Чтобъ духъ Твой опочилъ на Немъ!

Достойный Сынъ Екатерины,
О, Павелъ! нашихъ мыслей цѣль,
Превысивъ юностью сѣдины
Владѣтелей другихъ земель,
Ты лѣтъ своихъ весною зрѣешь,
И тѣ уже плоды имѣешь
Княземъ приличнаго ума,
Что прочимъ осень возращаетъ,
Или искусство доставляетъ,
Иль многихъ опытовъ зима.

Богиня тѣломъ и душею
Тебѣ въ супружество дана;
Стыдится блескъ зари предъ Нею,
Сама дивится Ей весна;
Не столь Діана взоромъ блещетъ,
Когда изъ лука стрѣлы мещетъ;
Какой же плодъ принесъ сей бракъ?
То Александра, Константина
Надежды кажда росска сына,
Являетъ намъ и видъ и зракъ.

О, Константинъ боговъ порода!
Ты круглый въ жизни годъ свершилъ,
Вторично радостна природа
И лучезарный вождь свѣтилъ,
Весны прекрасной, безмятежной,
Любезна лѣта дщери нѣжной
Тебя въ объятія кладутъ;
Сплелись вторично мягки лозы,
Цѣлуются съ Зефиромъ розы
И ароматъ изъ устъ ліютъ.

Но кая радостна музыка
Еще мой плѣнный слухъ влечетъ?
Среди торжественнаго лика
Мнѣ новый лучъ во грудь течетъ!
Сей храмъ, Минервѣ посвященный,
Ея столпами утвержденный,
Сіяетъ вящшей красотой;
Въ немъ блескъ срѣтается со блескомъ
И звучный гласъ съ веселымъ плескомъ;
И что сей радости виной?

Се двадесять пять лѣтъ свершилось,
Какъ онъ воздвигнутъ въ градѣ семъ
И какъ пространное открылось
Любезнымъ Музамъ поле въ немъ.
О, сладкое воспоминанье
И мыслямъ лестное мечтанье!
Когда представлю оный день,
Въ который во струяхъ кастальскихъ,
Притекшихъ къ намъ отъ мѣстъ ѳессальскихъ
Москвы изобразилась тѣнь!

Москва! ты горестью кипѣла,
На градъ Петровъ простерши взоръ,
Что тѣхъ отрадъ въ себѣ не зрѣла,
Которы Музъ ліетъ соборъ.
Вѣщала ты, имѣя ревность:
«Мою почтите, Музы, древность,
«Почтите ветхую Москву,
«Въ ея объятіяхъ воспойте,
«Сѣдины лаврами покройте —
«Да вознесетъ свою главу.

Твой гласъ Елисаветы слуха
Чрезъ горы и лѣса достигъ;
Превыспренння исполнивъ духа,
Въ Ней сердце къ жалости подвигъ.
Она рекла съ высотъ престола:
Возникни ввыспрь, Москва, отъ дола
И ощути парнасскій свѣтъ,
Упейся токомъ Иппокрена:
Въ моихъ очахъ ты не забвена,
Я исполняю свой обѣтъ.

Живуща съ ликомъ лучезарныхъ,
Безсмертная Петрова Дщерь!
Сколь много Россовъ благодарныхъ
Ты видишь чрезъ небесну дверь!
Ты днесь на облацѣхъ эѳирныхъ,
Безмрачныхъ, свѣтоносныхъ, мирныхъ,
Носясь по высотѣ небесъ,
Своей насъ ризой осѣняешь,
И само солнце помрачаешь
Твоихъ сіяніемъ очесъ.

Достойный даръ мы гдѣ обрящемъ
Твоихъ къ отечеству щедротъ?
Гдѣ образъ Твой, Богиня, срящемъ
И гдѣ алтарь Твоихъ добротъ?
Тебѣ всѣхъ смертныхъ хвалъ превысшей
Амврозія днесь служитъ пищей,
И сладкій нектаръ — питіемъ;
Златыя арфы Тя срѣтаютъ
И лики Ангелъ провождаютъ
Твои слѣды по небесамъ.

О, коль пріятны и любезны
Тебѣ самой Твои труды!
И коль для общества полезны
Раждаютъ днесь они плоды!
Отъ всѣхъ градовъ россійскихъ спѣшно
Въ сіе селеніе утѣшно
Цвѣтущи младостью текутъ;
Гдѣ муракъ отрясши мыслей грубый,
И въ сердце свѣтъ пріявъ сугубый,
Другимъ во грудь его ліютъ.

О, небожителей Другиня,
Ты нашей радости внемли!
Се равная Тебѣ Богиня,
Примѣръ владѣтельницъ земли,
Твои щедроты умножаетъ
И тѣнью кроткой осѣняетъ
Поющихъ Музъ въ долинѣ сей!
Мы движемся, цвѣтемъ и зрѣемъ
И красоту свою имѣемъ
Отъ свѣтлости Ея лучей.

Повѣйте нѣжны къ намъ Зефиры
Для умноженія отрадъ,
И гласъ моей усердной лиры
Вы пренесите въ оный градъ,
Чтó именемъ красясь Петровымъ
И озаряясь блескомъ новымъ,
Собой изображаетъ рай;
И повторите вы Царицѣ,
Что утренней весны денницѣ
Подобенъ весь полночный край.

Но звучну арфу заглушають
Моря, долины, холмы, лѣсъ,
И трубнымъ гласомъ проницають
Превыспренюю твердь небесъ;
Да здравствуетъ Екатерина,
Торжествъ и радостей причина!
И пусть Ея любезный Сынъ
Цвѣтетъ съ Марiей въ поздны роды;
Цвѣтите къ счастiю природы
Ѳ Александръ и Константинъ!

Да будетъ россiйскiй флотъ безвреденъ
Средь пристаней, средь ярыхъ волнъ;
И земледѣлецъ да безбѣденъ
Жнетъ тучный класъ, веселья полнъ;
Пусть ратниковъ полночныхъ бедры
Превзыдутъ крѣпостiю кедры,
И твердость горъ, ихъ рамена;
Почiютъ села, страха чужды,
Не узритъ никакiя нужды
Вѣнчанна лаврами страна.

ОДА

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
Ея Императорскаго Величества
Екатерины II.

Іюня 28 дня, 1780 года.

—

Что новыхъ плесковъ громки звуки
Восходятъ спѣшно къ облакамъ?
И что усердныхъ Россовъ руки
Простерты къ свѣтлымъ небесамъ?
Кого блажатъ уста счастливы?
Кому плетутъ хвалы правдивы?
Екатерина мыслей рай!
Къ Тебѣ стремится сердце наше,
Тобой въ сей день явился краше
Полночныя державы край.

Тритоновъ одръ заря оставя,
И съ нимъ пучинородный понтъ,
Коней браздой багряной правя,
Текла на синій горизонтъ:
Течетъ — и зритъ Тебя въ коронѣ,
Сѣдящу на россійскомъ тронѣ,
Во всемъ подобную себѣ;
Узрѣла — сердцемъ негодуетъ,
Что поздно такъ соторжествуетъ
Она въ сей день Твоей судьбѣ.

Уже въ благоговѣйныхъ храмѣхъ
Священныхъ устъ былъ слышанъ гласъ,
Безкровныхъ жертвъ при ѳиміамѣхъ
Благословлялся оный часъ,
Въ которой Ты, судьбой избранна,
Совѣтомъ вышнимъ оправданна,
Возшла на блещущій престолъ!
Исполнясь стогны всѣ народа,
Вѣщали: миръ! се миръ! свобода́!
И всѣхъ конецъ свирѣпыхъ золъ!

Ты, шлемъ спасенія пріявши,
И вѣры оградясь щитомъ,
Бронею правды возблиставши,
Надежды осѣнясь крестомъ,
И зря сыновъ россійскихъ пламень,
И грудь ихъ тверже, нежель камень,
Готову стать противъ мечей,
Противъ враговъ и стрѣлъ и грома,
За скиптръ и честь Петрова дома,
Рекла къ нимъ съ высоты Твоей:

«Сколь царь превыше земнородныхъ,
Являетъ санъ его и власть;
Въ разумныхъ тварѣхъ и свободныхъ
Державствовать — его есть часть:
О, бремя лестно, но тяжело,
Несносно иго, но весело!
Владыка всѣмъ, и всѣмъ онъ другъ:
Зрѣть связь вещей, премѣны, слѣдства,
Предвидѣть сокровенны бѣдства —
Къ сему коликой нуженъ духъ!

Различный долгъ, различны правы
Между рабами и царемъ:
Царь долженъ знать подвластныхъ нравы
И видѣть склонности во всемъ;
И, правя разумы браздами,
Стремить ихъ разными стезями
Блаженства общаго къ концу;
И чрезъ сіи причины разны,
Чрезъ способы многообразны
Подобиться вещей Творцу.

Державы всей корабль опасно
По морю должно провождать:
Вездѣ волненіе ужасно
Его стремится колебать;
Въ немъ царь, какъ кормчій прозорливый,
Обязанъ вѣтры знать счастливы,
Сражаться съ бурею войны,
Предвидѣть мель коварствій тайныхъ
И бодрствовать въ напастяхъ крайнихъ
И не дремать средь тишины.

Слеза вдовицъ, сиротъ вздыханье,
Гонимыхъ вопль, несчастныхъ стонъ,
Въ судѣ обидимыхъ стенанье
Возвысятся предъ вѣчный тронъ:
За нихъ Творцу и всей природѣ,
Законамъ, разуму, свободѣ
Обязанъ тотъ воздать отвѣтъ,
Кому и судъ и силу властну,
Ко благу всѣхъ, ко благу частну
Вручилъ Божественный совѣтъ.

О, Россы! храбро въ смертныхъ племя,
Горяще вѣрностью сердецъ,
На рамена толь тяжко бремя
Мнѣ возлагаетъ днесь Творецъ.
Но чтобъ служеніе толико
Исполнить мнѣ, о, всѣхъ Владыко!
Склони Ты Небеса небесъ,
Тебѣ премудрость присѣдящу,
Излей мнѣ въ грудь, тобой горящу,
Для славы всѣхъ Твоихъ чудесъ.

Сей гласъ, сей гласъ, смиренья полный,
Достойный истинныхъ царей,
Благоговѣйно вняли волны
Трепеща кротости твоей;
Орелъ державный воскрилялся,
Превыше вихрей, тучъ носяся,
Внутрь солнца взоръ свой устремлялъ,
И быстрымъ то проникши окомъ,
Чтò скрыто въ пламени глубокомъ,
Спустившись, благо возвѣщалъ.

И Россы плескомъ подтвердили
Стократъ пророчество сіе,
И лѣтъ осьмнадесять открыли
Его желанно сбытіе.
Толико лѣтъ, Богиня, внемлемъ
Хвалѣ Твоей, и даръ пріемлемъ
Отъ матернихъ твоихъ щедротъ;
Но мы о томъ иначе мыслимъ:
Минутами всегда мы числимъ
Для насъ плоды Твоихъ добротъ.

Твое величество какъ въ мирѣ,
Такъ славно въ пламенной войнѣ;
Въ Твоей монаршей блескъ порфирѣ,
Какъ злато, искушенъ въ огнѣ.
Лукавства тѣнь и зависть злостна
Бѣжатъ отъ скиптра свѣтоносна;
Благотворительный Твой лучъ
Ліется въ чуждые предѣлы
И тамъ раждаетъ дни веселы,
Прогнавши мракъ военныхъ тучъ.

Какъ сонмы пчелъ отъ дебрей мразныхъ
Къ весеннимъ прелестямъ летятъ,
И тамъ въ лугахъ, въ долинахъ разныхъ
Обрѣтши множество отрадъ,
Цвѣтовъ пріятностью прельщаясь
И съ ними по чредѣ лобзаясь,
Устами сладость ихъ піютъ,
И малыхъ крылъ своихъ летаньемъ
И томнымъ межъ собой журчаньемъ
Веснѣ честь должну воздаютъ:

Твоей державы тако въ поле
Отъ прочихъ странъ народъ течетъ;
Къ Тебѣ, сѣдящей на престолѣ,
Твоя щедрота всѣхъ влечетъ;
Они птенцы неоперенны,
И матери своей лишенны,
Къ Тебѣ свой слабый гласъ стремятъ:
Прикрывъ ихъ орлими крылами
И грѣя благости лучами,
Питаетъ такъ, какъ россkихъ чадъ.

Въ Египтѣ чудныя громады
Хранили бренный прахъ царей;
Но Ты ихъ зиждешь для отрады
Несчастныхъ, немощныхъ людей;
Тѣхъ слава тщетная причиной;
Твои — отъ благости единой;
Тѣ созидая, гибъ народъ;
Въ Твоихъ спасается отъ смерти;
Тѣ могъ Сатурновъ скиптръ сотерти;
Твои пребудутъ въ вѣчный родъ.

Не тщетно бодростью кипѣла
Героевъ россиихъ въ брани кровь:
Москва! въ предтекшій годъ ты зрѣла
Паллады къ ихъ трудамъ любовь;
Они, средь лавра и оливы
Препровождая дни счастливы,
Съ восторгомъ Ей благодарятъ,
Стократно язвы лобызаютъ
И подвигъ тотъ воспоминаютъ,
Что̀ въ честь отечества подъятъ.

Чему прекрасный Фебъ дивишься,
Когда ты утреннимъ лучемъ
Мрачити звѣдный бисеръ тщишься,
Стремясь, какъ исполинъ путемъ?
Тому, что̀ всякой день во славѣ,
Въ Россійской радостной державѣ
Ты новы грады съ тверди зришь;
Узря, нисходишь въ понтъ, въ надеждѣ
Узрѣть еще, какъ видѣлъ прежде;
И правда! въ томъ себя не льстишь.

Богиня! прочихъ странъ владыки,
Внимая славѣ о Тебѣ
И чтя дѣла Твои велики,
Любезны Вышнему, судьбѣ,
Свой велелѣпный санъ скрываютъ,
Въ Твои предѣлы поспѣшаютъ,
Чтобъ зрѣть плоды Твоихъ трудовъ;
Узрѣвъ, съ почтеніемъ дивятся
И быть Тебѣ подобны тщатся
Для блага собственныхъ рабовъ.

Весна, что̂ нынѣшнему лѣту
Красясь цвѣтами предтекла,
Явила въ вящшемъ блескѣ свѣту
Твои монаршія дѣла:
Тамъ Днѣстръ Двину, тамъ грады, села,
Ты быстрымъ взоромъ обозрѣла;
Вездѣ вникая въ храмы тѣ,
Въ которыхъ правда, судъ священный,
Съ благоутробіемъ спряженный,
Быть должны въ полной красотѣ.

О, коль усердныя желанья
Всѣхъ зрящихъ чувствовала грудь,
И коль веселы восклицанья
Вездѣ Твой провождали путь!
Къ Тебѣ единой всѣ стремились,
Съ восторгомъ вкругъ Тебя тѣснились;
Тобой единою дыша,
Всѣ взоромъ, мыслію, серцами
И восхищенными душами
Летѣли, въ слѣдъ Тебѣ спѣша;

Стези цвѣтами устилали
И злачные плели вѣнцы;
Тебѣ изъ устъ хвалы вѣщали
И ссущи матерни сосцы;
Дѣвицъ и юношъ сельскихъ лики
Тя чтили простотой музыки;
Старикъ, желаніемъ влекомъ,
Въ несчетномъ сонмищѣ тѣснился
И, чтобы зрѣть Тебя, крѣпился
Усердьемъ болѣ, чѣмъ жезломъ.

Тамъ нѣжными Зефиръ устами
Цѣлуя жатву на поляхъ,
И легкими носясь крилами,
Рѣзвился въ класахъ, какъ въ волнахъ;
Они, то кверху поднимались,
То книзу томно преклонялись,
Являя злачна моря видъ.
Когда они твой образъ зрѣли,
То зерна въ нихъ тучнѣе спѣли.
Тебя Церера тако чтитъ.

Колико благости явила
Владычица своимъ рабамъ!
Щедротъ колико истощила
Ты, шествуя по симъ мѣстамъ!
Твоя горяща къ Богу ревность
Священныхъ храмовъ ветху древность
Возставила, украсивъ вновь;
Недужнымъ, сирымъ и несчастнымъ
Фортуна ярости подвластнымъ
Явила матерню любовь.

Таких щедротъ, благодѣяній
Что мзда? Единъ вѣковъ Творецъ:
Онъ знаетъ искренность желаній
И нашихъ глубину сердецъ,
Судьбами вѣчнаго совѣта
Продлитъ Екатерины лѣта,
Предъидетъ всюду Ей путемъ;
Коль врагъ къ коварству мысли склонитъ,
Онъ съ гнѣвомъ вспять его погонитъ
Помазанницы сей мечемъ.

Любезный Павелъ и Марія
Надежда наша и покровъ!
И вамъ соплещетъ вся Россія;
Вы страхомъ будете враговъ;
При васъ, какъ въ дни Екатерины,
Безстрашны въ бранѣхъ исполины
Въ странахъ полночныхъ возрастутъ;
И вашихъ чадъ для россхой славы,
Для Музъ, для скипетра, державы,
Златыя лѣта процвѣтутъ.

ОДА

на день рожденія Ея Императорскаго Величества Екатерины II,

сочиненная Апрѣля 21 дня, 1781 года.

—

Спокойствомъ сладкимъ упоенны,
Почивши въ нѣгѣ тишины,
И злакомъ лавровъ осѣненны,
О, чада росскія страны!
Подвижники необоримы,
Нептуномъ и Беллоной чтимы —
Еще ко мнѣ прострите слухъ,
Птенца младаго воскрилите,
Еще къ полету ободрите
Мой ревностью пылающъ духъ:

Не громы вашей крѣпкой длани,
Не звукъ мечей спѣшу воспѣть;
Трубу Гомеровой гортани
Судьбой мнѣ не дано имѣть;
Виновницу отрадъ всемѣстныхъ,
Похвалъ и радостей нелестныхъ
Екатерину воспою;
Сей день для Ней священъ, божественъ,
Для Россовъ счастливъ и торжественъ,
Предъ Нею духъ мой излію.

Въ своихъ сокровищахъ хранящій
Для смертныхъ счастіе и зло
И неусыпнымъ окомъ бдящій
На все, что въ міръ проистекло,
Обрадовалъ въ сей день Россію,
Вознесъ ея до облакъ выю,
Пославъ Екатерину въ свѣтъ;
Дабы толь красное свѣтило
Своимъ блистаньемъ помрачило
Лучи другихъ земныхъ планетъ:

Ея младенчески зѣницы
Едва возникли въ міръ съ зарей;
Уже достойна багряницы
И вѣчныхъ зрѣлась алтарей:
Ко начертанію законовъ,
Или къ рушенью гордыхъ троновъ
Простерта зрѣлась длань Ея,
И свѣтозарны, быстры очи
Сгущенный мракъ печальной ночи
Разгнали, кроткій лучъ лія.

Творецъ! предзнаки толь счастливы
Ты оправдалъ событіемъ:
Трофеи, лавры и оливы
Россія въ нѣдрѣ зритъ своемъ;
Союзны царства ей соплещутъ;
Но злобой дышущи трепещутъ,
И всѣ во изумленьи зрятъ,
Какъ росскіе орлы державы
На верхъ торжествъ и громкой славы
И счастья въ высоту парятъ:

Что божеска твоя десница,
Сердцами правитъ всѣхъ царей;
Тобой намъ данная Царица
Свидѣтель вѣрный правды сей:
Ея для Россовъ чувство нѣжно,
Духъ кроткій, сердце безмятежно,
Зерцало истинныхъ добротъ.
Въ немъ дары промысла чудесны,
Въ немъ мудрости лучи небесны,
Въ немъ блещетъ свѣтъ твоихъ щедротъ.

Коль многи смертныхъ милліоны
Отъ матернихъ Ея даровъ,
Вкушая счастье безъ препоны
И сладость зрѣющихъ плодовъ,
Торжествъ во блескѣ лучезарномъ,
Въ восторгѣ сладкомъ, благодарномъ,
Мольбы возносятъ къ небесамъ;
Ея хвала у всѣхъ въ гортани,
Ей кажда грудь защита въ брани,
Ей въ каждомъ сердцѣ ѳиміамъ.

Речетъ — безплодныя пустыни
Преобратятся въ вертоградъ,
Градовъ прекрасныя твердыни
Отъ нѣдръ земныхъ возстать спѣшатъ;
Воззритъ въ поля — и спѣютъ класы:
Прострetъ ли слухъ — веселы гласы
Вездѣ изъ устъ въ уста текутъ;
Подъ кроткими Ея стопами,
Одѣвшися луга цвѣтами,
Струи нектарные ліютъ.

Что юность? — Конь неукрощенный,
Отваженъ, гордъ, надменъ, свирѣпъ,
И, жаромъ бодрымъ воспаленный,
Преградъ нелюбящъ, ни заклепъ;
Который не предзря напасти,
И не терпя чужія власти,
Летитъ чрезъ горные хребты,
Летя, въ груди сугубитъ пламень,
Но вдругъ, въ пути преткнясь о камень,
Стремглавъ стремится съ высоты.

Но чтобъ сей юности кипящей
Стремленье въ благо обратить
И обществу для пользы вящшей
Ей истинны стези явить,
Повсюду зрятся новы домы,
Благоутробіемъ блюдомы,
Гдѣ нравовъ добрыхъ красота
Младымъ сердцамъ себя являетъ,
Но кто ихъ тако созидаетъ?
Екатеринины уста.

Коль славны, коль прекрасна вида
Тѣ храмы для земныхъ очесъ,
Гдѣ утвердила тронъ Ѳемида,
Оставивъ горняя небесъ!
Ихъ основанье — вѣрность тверда,
Ихъ кровъ есть — благость милосерда,
Безмездный, правый судъ, столпы;
Ко благу ревность, крѣпки стѣны,
Помостъ, гдѣ подлой нѣтъ измѣны
И къ злости не скользятъ стопы.

Минервой мужіе избранны,
Тѣ храмы бодрственно стрегутъ;
Законы, Ею начертанны,
Въ ковчегѣ совѣсти блюдутъ:
Богиня имъ во всемъ начало,
Источникъ правды и зерцало;
Но Ей закономъ горній свѣтъ:
Въ скрижалѣхъ Творческихъ нетлѣнныхъ,
Ей духомъ вышнимъ откровенныхъ,
Она Свои уставы чтетъ.

Утѣшьтесь радостью вдовицы:
Екатерина вамъ покровъ;
Подъ тѣнью крилъ Сея орлицы
Несчетно множество птенцовъ.
Согбенны старостью не стонутъ
И сироты въ слезахъ не тонутъ.
О, Россовъ счастье и хвала!
Коль многихъ Ты и коль несчастныхъ
Исторгнула отъ бѣдъ ужасныхъ,
Отъ смертныхъ челюстей спасла!

Судьбой, иль промысломъ влекомы
Се царства къ участи своей,
Взаимно мещутъ грозны громы,
Среди Нептуновыхъ зыбей.
Волна съ волной, гора съ горою
Сражаются, покрыты мглою;
Но мирна Мать россійскихъ странъ
Ихъ жребій мудро измѣряетъ
И правды на вѣсахъ равняетъ
Смущенный бранью океанъ.

Но се спокойствія на полѣ,
Богатствъ обильныхъ при струяхъ,
На зеленѣющемъ престолѣ,
Во блескѣ, въ радостныхъ лугахъ,
И гдѣ влюбленными устами
Лобзается Зефиръ съ цвѣтами,
Сидитъ изъ юныхъ Нимфъ одна;
Въ устахъ ея играютъ смѣхи,
Въ очахъ приманчивы утѣхи
И вѣчная цвѣтетъ весна.

Подобна утренней денницѣ,
И гласъ ея, есть гласъ Сиренъ,
Златый фіалъ въ ея десницѣ,
Въ немъ сладкій нектаръ растворенъ:
Она, очами помавая,
Усмѣшку нѣжную являя,
Прохожихъ ласково зоветъ,
Да каждый изъ ея фіала,
Гдѣ сладость томну изліяла,
Къ своей отрадѣ испіетъ.

Спѣшатъ ко Нимфѣ обольщенны;
Но свѣтозарный нѣкій духъ,
Минервой росской воскриленный,
Съ высотъ вѣщаетъ имъ во слухъ:
Несчастны быстроту сдержите,
И Нимфы на чело воззрите,
Гдѣ начертанно имя ей,
Се *роскошь* въ образѣ прекрасномъ
И для геройскихъ душъ опасномъ —
Брегитесь злачныхъ сихъ путей:

Ея васъ очи миловидны
Стрѣлами пагубы пронзятъ;
Ея забавы всѣмъ постыдны,
Уста ліютъ горчайшій ядъ;
Печаль, отчаянье, недуги —
Ей вѣрны спутницы, подруги;
Ея пріятно питіе,
Почерпнуто изъ водъ Коцита:
Въ немъ адская отрава скрыта,
Въ немъ всѣхъ несчастій бытіе.

То рекши, Геній воскрилился,
Простеръ полетъ превыше тучъ;
И Россамъ въ тверду грудь излился,
Благоразумныхъ мыслей лучъ.
Се тако мудрости предзрѣньемъ
И неусыпнымъ попеченьемъ
Стоитъ незыблемъ россkій тронъ!
Ни тишина, другимъ опасна,
Ни браней молнія ужасна
Его не двигнетъ оборонъ.

Но чистыхъ Музъ питомцы нѣжны
Еще возвысьте мирный гласъ:
Коль дни прекрасны, безмятежны,
Осіяваютъ нашъ Парнассъ!
Онъ скоро злачными холмами
И многоплодными древами
Коснется облачныхъ высотъ:
Однимъ Екатерина словомъ,
Явя его во счастьи новомъ,
Животворитъ лучемъ щедротъ.

Ея доброты неисчетны
Внесите вѣчности въ ковчегъ:
Да будутъ всѣмъ царямъ примѣтны;
Доколь продлится звѣздный бѣгъ:
Зря кроткій лучъ и свѣтозарный,
Сердца явите благодарны,
Умножьте ревностны труды;
Вы славу общества и благо
И мира тишину златаго
Умножьте чрезъ свои плоды.

Петрополь съ вами гласомъ звучнымъ
Дѣла Монархини поетъ;
Онъ радостнымъ, благополучнымъ
Путемъ на верхъ торжествъ течетъ;
При гордомъ, но веселомъ брегѣ
Невы, текущей въ томной нѣгѣ,
Въ немъ зиждутся Парнассы вновь;
Къ художествамъ прострутся руки,
И благородныя науки
Влiютъ къ себѣ во всѣхъ любовь.

Такъ Россовъ счастье возрастаетъ,
Толь благъ къ Екатеринѣ Богъ!
И что потомству обѣщаетъ,
Въ томъ Павелъ истинный залогъ;
Онъ, вышнею ведомъ рукою
И щедрой огражденъ судьбою,
Алкида превзойдетъ трудомъ;
Онъ славой кругъ земной измѣритъ
И всю подсолнечну увѣритъ,
Коль твердъ Петровыхъ Внуковъ Домъ.

Его супруга вожделѣнна
Есть цвѣтъ едемскія весны;
Сіяй чета благословенна
Къ блаженству сѣверной страны!
На лонѣ кроткомъ и зефирномъ,
Среди утѣхъ, при звукѣ лирномъ
Лабзай своихъ любезныхъ Чадъ:
Въ нихъ Вышня промысла обѣты,
Въ нихъ Божескихъ судебъ совѣты
Россіяне съ восторгомъ зрятъ.

ОДА

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II,

сочиненная Іюня 28 дня, 1782 года.

—

Блистающа надъ кровомъ храма,
Гдѣ ликъ священныхъ Меонидъ
Тебя куреньемъ ѳиміама
И пѣснію согласной чтитъ,
О, немерцающа планета!
Ты лучъ животворяща свѣта
Излей въ мою усердну грудь,
И мнѣ, въ сей свѣтлый храмъ спѣшащу,
Екатерину пѣть хотящу,
Яви ты цвѣтоносный путь!

Сей день для Россовъ озарился
Приникшей правдой отъ небесъ,
Совѣтъ Предвѣчнаго открылся,
Таимый отъ земныхъ очесъ:
Облекшись Истина во славу,
Пріемля крѣпости державу,
Твердыни гордыхъ сотрясла;
Свершая мудрости глаголы,
Имущей область надъ престолы,
Побѣдой *кротость* вознесла.

Самъ бодрый и Святый не дремля,
Со пламенныхъ зыбей взиралъ;
Мольбѣ смиренныхъ кротко внемля,
Пріятно знаменіе далъ:
Взыграли съ шумомъ въ Бельтѣ волны,
И, радостна восторга полны,
Неслись въ сосѣднія страны;
Нереиды вѣнки сплетали,
Екатерину возглашали
Изъ многоводной глубины.

Вознесшись на крылѣ зефирны
Тамъ Слава, дѣлъ геройскихъ другъ,
Вѣщанія вливаетъ мирны
Изъ устъ въ уста, отъ слуха въ слухъ;
Являютъ злачны холмы радость,
Цвѣты благоуханну сладость
Ліютъ среди луговъ, полей.
Фавоній ласковый, счастливый,
На желты возлетая нивы,
Колеблетъ ихъ, какъ верхъ морей.

Въ сердцахъ и мысли изумленной
Пророческъ ощутился гласъ:
Да вси живущи по вселенной
Познаютъ въ сей преславный часъ:
Владѣетъ Вышній племенами;
Князей владѣетъ онъ сердцами,
И царствами владыкъ земныхъ;
Все къ средоточію блаженства
И къ цѣли обща совершенства
Влечетъ огнемъ лучей своихъ.

О вы, чтó умной остротою
Вникая въ трудну царствій связь,
И осторожною стопою
По лабиринту ихъ стремясь,
Всѣхъ знаете путей исходы
И разныхъ средствъ различны роды
Къ своимъ намѣреньямъ клоня,
Быть мните быстры, прозорливы,
Въ предвѣдѣньи своемъ нелживы,
Стыдитесь блеску днешня дня!

Онъ вашу слабость открываетъ
И мрачность мысленныхъ очей;
Познайте: Вѣчный управляетъ
Судьбой владычней и стезей!
Въ неразрѣшимости гаданій
Сплетайте узлы совѣщаній;
Самъ Богъ боговъ судьбы мечемъ,
Своей невидимою властью
Имъ расторгая, насъ ко счастью
Предводитъ радостнымъ путемъ.

Такъ, полно лестныхъ воображеній,
Забавныхъ замысловъ и нѣгъ,
Дитя средь дней увеселеній,
Притекши на песчаный брегъ,
Ведетъ на немъ черты различны,
Уму играющу обычны;
Но вѣтръ воздвигся — всѣ черты,
Пескомъ покрыты, исчезаютъ
И съ вѣтромъ равно отлетаютъ
Забавы дѣтскія мечты.

И се являя зракъ прелестной,
Заря верхи холмовъ златитъ;
Со тверди пламенной небесной
Росой подлунный міръ кропитъ;
Облекшись въ розову порфиру,
Слѣды по свѣтлому эѳиру
Стремитъ на вышній горизонтъ;
Природа вновь животворится,
Ея восходъ поздравить тщится,
Соплещетъ ей, колебясь, понтъ.

Богиня! се израженье
Восхода твоего на тронъ,
Зарю — природное теченье,
Тебя вознесъ святый законъ;
Ее срѣтаютъ птичекъ хоры,
Тебя — вѣнчанныхъ музъ соборы;
Она въ цвѣты ліетъ бальзамъ,
Щедротъ ты блескомъ лучезарныхъ
Въ сердцахъ Россіянъ благодарныхъ
Къ себѣ раждаешь ѳиміамъ.

Эѳирны крылья быстротечны
Пресвѣтлый духъ направя въ долъ,
Во ушеса Тебѣ сердечны
Предвѣчной правды рекъ глаголъ:
Царемъ царей отъ вѣкъ избранна,
Его лучами осіянна
И свѣтомъ выспреннихъ даровъ,
Сообразуйся вышней волѣ,
И умъ, сѣдяща на престолѣ,
Клони къ источнику умовъ.

Истекшей отъ предвѣчна лона
Себя Ты вѣрой упояй;
Любовь и страхъ ея закона
Въ сердца подвластныхъ изливай:
Умы Господень страхъ имущи,
Его стези всегда блюдущи
Земнымъ покорнѣе властемъ;
Не будетъ нужды въ казнѣхъ строгихъ,
Не требуютъ законовъ многихъ
Ходящи Вышняго путемъ.

Синайскимъ духомъ упоенна,
Законы кротко предписуй;
Во багряницу облеченна,
Сіяй величествомъ души;
Воздаждь преступнымъ должны мести,
Брегись совѣтовъ хитрой лести,
Ищи доброты во сердцахъ;
Да отъ престола свѣтоносна
Мужей порочныхъ совѣсть злостна
Бѣжитъ и кроется въ горахъ.

Владычня сана со степени,
Къ наукамъ съ кротостью воззри,
Благопріятны музамъ тѣни
Монаршей благостью простри.
Защиты Твоея покровы
Да будутъ бѣдности готовы;
Ко изліянію щедротъ
Да нѣжно сердце расширится,
Да гладный съ сирымъ устремится
Пожать плоды Твоихъ добротъ.

Онъ рекъ и, взвившись, отлетаетъ
Въ незаходимый горній свѣтъ,
Блестящи искры разсыпаетъ
Его стремительный полетъ.
Богиня! ты его вѣщанья,
Исполнясь вышня упованья,
Уже чрезъ двадцать лѣтъ блюдешь!
О, коль пути твои прекрасны,
Съ совѣтомъ мудрости согласны;
Коль животворный лучъ ліешь!

Твои сотерты сопостаты
На сушѣ и въ волнахъ морей;
И твой орелъ крилѣ пернаты
Простеръ еще поверхъ зыбей;
Къ тебѣ отъ чуждыхъ странъ стремятся,
Да сладкимъ миромъ насладятся
Подъ кроткимъ скипетромъ Твоимъ;
Премудрость, Кротость, Благостыня —
Престола твоего твердыня,
О, коль оплотъ необоримъ!

Воззри, какъ надъ Твоей державой
Прозрачный облакъ тишины,
Исполненъ свѣтоносной славой
И чуждъ громовыхъ стрѣлъ войны,
Дождитъ спокойствія прохладой,
И благоденствія отрадой
Россійскихъ утѣшаетъ чадъ:
Тамъ пышны грады, кротки села,
Исполнясь празднества весела,
Тебя, Тебя благодарятъ!

Движеніе свѣтилъ небесныхъ,
Храня предписанный законъ,
Стремя ихъ во кругахъ извѣстныхъ
И стройный составляя тонъ,
Не столь Творцу всемірну внятно,
Не столь чувствительно, пріятно,
Сколь благодарной груди вздохъ:
Мольбы сердецъ и душъ смиренныхъ
Быстрѣе молній устремленныхъ
Летятъ въ святый Его чертогъ.

Коль многи племена, языки
Тебя, чадолюбиву Мать,
Торжественны устроивъ лики,
Во пѣсняхъ тщатся восклицать!
Сердечны гласы благодарны,
Проникнувъ своды лучезарны,
Ліются Вышняго во слухъ;
Такъ можетъ ли всещедра Бога,
Его же благость въ Россахъ многа,
Въ тебѣ не опочити духъ?

Но кто сіи подъ чуждымъ небомъ
Толико чистый лучъ ліютъ?
Или Діана съ свѣтлымъ Фебомъ
Путемъ торжественнымъ текутъ?
Отъ взора ихъ поля, долины
Раждаютъ нѣжны розы, крины;
Такъ можно ль не познати ихъ,
Что Павелъ тò и съ нимъ Марія,
Твоя надежда, о Россія!
И сладка радость чадъ твоихъ?

Они свѣтъ чуждымъ изливаютъ,
Взаимно ихъ пріемлютъ свѣтъ,
Да съ вящшимъ блескомъ возсіяютъ,
На россkій горизонтъ восшедъ,
Да больше въ нихъ добротъ примѣтятъ
И съ большей радостію встрѣтятъ
Ихъ Александръ и Константинъ.
Познать племенъ различны нравы,
Законы и стези ихъ славы
Царямъ есть опытъ путь единъ.

Сердецъ Богиня восхищенныхъ
Сама Ты сердцемъ веселись;
Тобой въ народѣхъ вознесенныхъ
Безсмертной славой вознесись!
Твое исчадіе драгое
Намъ время продолжитъ златое,
Такъ вѣчный устроитъ Богъ.
Еще Петрово сильно племя
Прославится въ грядуще время
И вознесется Музъ чертогъ.

ОДА

Ея Императорскому Величеству
Екатеринѣ II,
на открытіе губерніи въ столичномъ градѣ Москвѣ,

сочиненная Октября 5 дня, 1782 года.

—

Почтенна старости власами,
И древностію лѣтъ горда,
Обильна славными дѣлами
И крѣпостью сыновъ тверда,
Москва, ты рамена воздвигни,
Главою облаковъ достигни,
Восторгами наполни грудь:
Еще тебѣ вѣнцы лавровы
И мирты съ пальмами готовы,
Еще къ блаженству новый путь!

Ты мать градовъ; остави ревность,
Что позже прочихъ новый свѣтъ
Твою пріосѣняти древность
Отъ трона мудрости течетъ:
Творцу Богиня подражаетъ,
Когда что́ ново созидаетъ:
Такъ первый начатъ міра вѣкъ;
И небо и земля и море
Престали быть въ мятежномъ спорѣ,
Тогда и *созданъ* человѣкъ.

Что се! какъ бурны въ морѣ волны,
Восколебался твой народъ?
Гремящихъ звуковъ стогны полны,
Повсюду шумъ, какъ гласы водъ?
Но шумъ престалъ, и громъ пресѣкся,
Тамъ всякъ вниманіемъ облекся,
Трепещетъ въ каждой груди духъ,
Изъ устъ не льются разговоры,
Желанье ускорњетъ взоры:
Чего ихъ ждетъ и взоръ и слухъ?

Лучи блеснули, холмъ открылся,
Мгновенно всѣ подъемлютъ взглядъ,
Свѣтлообразный Вождь явился,
Единъ изъ лучезарныхъ чадъ:
Подъ легкими его стопами
Пестрѣетъ мягкій злакъ цвѣтами;
Скрижали держитъ онъ въ рукахъ,
Скрижали, тако всѣмъ желанны,
Гдѣ мудрымъ духомъ начертанны
Судъ, милость, правда, миръ и страхъ.

Онъ съ кротостію рекъ зефирной:
Москва! блаженство созерцай;
Завѣтъ Монархини ты мирной
Прими и радостно лобзай!
Пріяла Ты, уже лобзаешь,
И духъ и сердце преклоняешь:
Я паки слышу трубный гласъ,
Вездѣ торжественные лики,
Повсюду благодарны клики:
Ущедрилъ Богъ въ щедротѣ насъ!

Такъ нѣкогда избранно племя,
Народъ возлюбленный Творцу,
Но днесь развѣянное сѣмя
Всея вселенной по лицу,
Законъ съ Синая воспріяло;
Такъ ихъ вождя лице сіяло
И громъ летѣлъ изъ грозныхъ тучъ;
Израиль въ ужасѣ трепещетъ,
Но Россъ веселіемъ сплещетъ
И видитъ кротка свѣта лучъ.

Такъ силы Ангельски взыграли
Познавъ Божественный совѣтъ,
И Вышнему, *трисвятъ*, вѣщали,
Когда Онъ рекъ: *да будетъ свѣтъ*;
Какъ сей глаголъ непостижимый,
Обиліемъ неистощимый,
Стихій вражду собой пресѣкъ;
Всѣхъ тварей нѣдра проницая
И онымъ лучъ свой сообщая,
Ихъ въ образъ, въ жизнь и свѣтъ облекъ.

Ликурговъ слава и Солоновъ
Престань гремѣть, сомкни уста:
Низверглась крѣпость ихъ законовъ
И носится одна мечта:
Священной вѣрой упоенна
И силой свыше облеченна,
Минерва намъ даетъ законъ:
Да верхъ владычня совершенства,
Возможну твердость благоденства
Явитъ Ея незыблемъ Тронъ.

Природы кроткія уставы,
Премѣны царствъ, стези владыкъ,
Сердецъ подвластныхъ склонность, нравы,
Ея великій духъ проникъ,
И все объемля, испытуя,
Все истинѣ сообразуя,
Напрягся крѣпостію силъ:
И се, ко удивленью славныхъ,
Высокихъ, сильныхъ и державныхъ
Сіе блаженство породилъ!

Такъ славы своея сіянье
Открыть благоволяя Богъ,
Чтобъ внѣ Себя, въ Своемъ созданьѣ
Узрѣть доброты Своихъ чертогъ;
Въ Своемъ единородномъ Сынѣ,
Всѣхъ совершенствъ его въ пучинѣ
Возможныхъ чертежи міровъ
Вращалъ, и силою глагола
Сей міръ небытія отъ дола
Воздвигъ во блескѣ своихъ даровъ.

Раждаютъ мудрые законы
Спокойство, миръ и тишину;
Оливой осѣняютъ троны,
Ведутъ съ зефирами весну:
Отъ нихъ прохладны росы льются
И дружества вѣнцы плетутся;
Течетъ согласіе въ сердца;
Мятежъ, насиліе, раздоры
Во мракъ свои скрываютъ взоры
Отъ ихъ пресвѣтлаго лица.

Не внѣшній сопостатъ ужасенъ,
Коль твердъ исчадіями домъ;
Но врагъ имъ внутренній опасенъ:
Онъ мещетъ тайный въ злобѣ громъ.
Ловецъ спокоенъ, безмятеженъ,
На лукъ и мѣткость стрѣлъ надеженъ,
Идетъ въ лѣса противъ звѣрей;
Но долженъ часто озираться,
Блюстись и мудро удаляться
Отъ скрытыхъ подъ травою змѣй.

Источникъ радостей обильныхъ
Царица мыслей и сердецъ,
Владычица народовъ сильныхъ,
Носяща мудрости вѣнецъ!
Тобой начертанны скрижали
Твердыни крѣпки основали,
Что́ можетъ злобный врагъ успѣть?
Побѣдой мудрость вознесется,
Надменный во стезяхъ преткнется,
Падетъ въ свою коварство сѣть.

Се холмъ высокъ и возвеличенъ
И твердъ отъ низу до высотъ,
Древесъ обиліемъ отличенъ
И токами кристальныхъ водъ:
Къ нему стремятся вихри яры,
Летятъ громовые удары;
Но онъ съ кремнистыя главы
Ихъ бурну ярость презираетъ
И грозны тучи отражаетъ.
Богиня! Россы таковы;

Но опытъ намъ вѣщаетъ ясно:
Законъ безъ вѣрныхъ стражей слабъ,
Его прещенье тѣмъ опасно,
Кто бѣденъ, беззащитенъ, рабъ.
Чтобъ зла сего изъять отравы
И чтобъ суды явились правы,
Минерва показала путь:
Она отъ Скиніи Ѳемиды
Женетъ творящихъ злы обиды,
Женетъ клятвопреступну грудь.

О вы, что Истины священной
Избранны присидѣть стопамъ,
Я голосъ лиры восхищенной
Въ восторгѣ обращаю къ вамъ!
Не отъимите гладнымъ пищу,
Судите правдой сиру, нищу,
Не презрите вдовицы слезъ;
Ни санъ, ни блески пышной чести,
Ни лучъ сребра, ни хитры лести
Да вашихъ не затмятъ очесъ.

Екатеринино избранье
Чрезъ то потщитесь оправдать,
На вашу ревность упованье
Неложнымъ тщитесь показать;
Какъ воды рѣкъ въ моря катятся,
Къ блаженству Россовъ такъ стремятся
Пусть ваши мысли, сердце, духъ:
Тогда пожнете сладки класы,
И благодарны купно гласы
Во кроткій вашъ прострутся слухъ.

Но что! уже они несутся
И лиры заглушаютъ звукъ,
Повсюду похвалы плетутся
Сопровождаясь плескомъ рукъ.
Восторгомъ радостной премѣны
Московскія подвигшись стѣны,
Трясутся въ твердости своей.
Теченье ускоряютъ рѣки
И вѣсть въ края несутъ далеки,
Играя хладною струей.

Съ холмовъ на холмы, съ горъ на горы
Гремящая молва летитъ,
Съ долиной лугъ подъемлютъ взоры;
Веселый всюду зрится видъ.
Вѣщаетъ каждая стихія:
Вѣнчалась нынѣ вся Россія,
Вѣнчая славою Москву:
Москва, исполненна отрады,
На прочіе взираетъ грады,
Подъявъ вѣнчанную главу.

Огня первоначальна сыне,
О, солнце! удержи свой бѣгъ.
Что клонишься морей къ пучинѣ,
Гдѣ шумныхъ волнъ хребетъ возлегъ?
Но запада отверзлись двери,
Тебя морей срѣтаютъ дщери;
Нептуна озаряетъ свѣтъ;
Тритоны радости сугубятъ,
Въ зеленый рогъ семькратно трубятъ
Величество царя планетъ.

Почилъ, и любопытны волны
Приблизиться къ тебѣ спѣшатъ,
Да, радости и страха полны,
На красоту Твою воззрятъ:
Трепещущи главы подъемлютъ,
Въ Тебѣ валамъ горящимъ внемлютъ
И Божества зерцало чтутъ;
Веселье зря въ лицѣ священно
Москвы отрадой впечатлѣнно,
Благоговѣя вспять текутъ.

Почій въ величествѣ и мирѣ,
Чтобъ вновь прехвальный путь начать,
И пусть Сестра твоя въ порфирѣ
Изыдетъ смертныхъ осѣнять.
Но се, она уже восходитъ
И Нимфъ прелестныхъ ликъ изводитъ,
Кротка, блистательна, скромна;
Средь осени, какъ будто лѣтомъ,
Дѣвическимъ сіяетъ свѣтомъ,
Великолѣпна и нѣжна.

Сестра огнеобразна Феба,
Ты съ нимъ блаженство раздѣляй!
И по чредѣ съ высока неба
На росски торжества взирай!
Ты видишь огненные блески
И слышишь радостные плески;
Но вникни въ нашу грудь лучемъ:
Ты узришь алтари и храмы,
Возженны узришь ѳиміамы
Священнымъ кротости огнемъ.

ОДА

на прибытіе **Ея Императорскаго Величества въ Москву 1785 года, Іюня 3 дня, поднесенная Ея Величеству отъ тамошняго университета.**

Благовѣствуй, о Муза! радость;
Внезапный устреми полетъ:
Внезапна вѣсть восторга сладость
Въ сердца московскихъ чадъ ліетъ.
На крыльяхъ мрачныхъ бурь несомы,
Молчатъ молніеносны громы
И вихри не шумятъ въ поляхъ;
Все нашему веселью внемлетъ,
Все очи въ высоту подъемлетъ
И въ новыхъ зритъ себя лучахъ.

Отъ Сѣвера, отъ шумна Понта,
Съ бреговъ кристальныя Невы,
На твердь спокойна горизонта
Вѣнчанной славою Москвы
Возникнулъ блескъ — все обновилось,
Желаннымъ чувствомъ оживилось;
И кто творецъ такихъ чудесъ?—
Владычица страны полночной,
Залогъ любви Судьбы всемочной,
Иль ангелъ, посланный съ небесъ.

О, коль Тебѣ, Богиня, сродно!
Насъ тѣшить яко чадъ Своихъ,
Коль благости Твоей угодно
Россію зрѣть во дняхъ златыхъ!
Ты, зная мысленны желанья,
Сердечны зная воздыханья,
Грядешь обрадовати насъ;
И чтобъ умножить восхищенье,
Привесть въ пріятно изумленье,
Грядешь въ неожиданный часъ.

Ты важныхъ помысловъ въ пучинѣ
Великій духъ Свой углубя,
Божественна всегда и нынѣ,
Всегда достойная Себя,
Рекла (такъ Муза мнѣ вѣщаетъ),
Рекла, да свѣтъ Мой осіяетъ
Престольный градъ, героевъ мать!
Глаголъ Твой съ дѣйствіемъ согласенъ,
Твой взоръ, и кротокъ и прекрасенъ,
Велитъ намъ счастье созерцать.

О! кто мнѣ дастъ крилѣ орлины,
Да вознесуся къ облакамъ,
Да обозрю луга, долины,
Коснуся горъ крутыхъ верхамъ!
Летитъ, блистая какъ денница,
Летитъ Богини колесница;
Ея слѣды — нектарный путь,
Ея стремленье — орля младость;
На ней возсѣла Россовъ радость,
Животворяща кажду грудь.

Такъ Ангелъ, царствій сражъ священный,
Благотвореній полный духъ,
Въ эѳиръ и влагу облеченный,
Для земнородныхъ нѣжній другъ,
Небесной силою питаясь,
И близъ Огня огней вращаясь,
Летитъ съ небесъ подъ лунный сводъ,
Гдѣ искрами лучей эѳирныхъ
И мановеньемъ крилъ Зефирныхъ
Распростирается съ высотъ.

Разгнавъ полетомъ тучи мрачны
Сей лучезарный молній вождь,
И облаки собравъ прозрачны,
Носящи теплый въ нѣдрахъ дождь,
Средь дней весеннихъ, дней пріятныхъ,
Съ зыбей воздушныхъ, ароматныхъ
Дождемъ нечаяннымъ кропитъ.
Сей дождь, хотя не ожиданный,
Но всѣми много-кратъ желанный,
Стихійны сѣмена живитъ.

И кто сіи толико смѣлы,
Средь молній пламенной войны,
Трудолюбивы и веселы
На кроткомъ лонѣ тишины?
То ревностныя къ славѣ чада,
То сынове священна града,
Гдѣ помазуются цари.
Они, Монархиню срѣтая,
Любовь сыновню къ Ней питая,
Въ сердцахъ Ей зиждутъ алтари.

Въ поляхъ, во градѣхъ, межъ водами,
Гремятъ щедротъ Ея дѣла,
Вездѣ нелестными устами
Ея вѣщается хвала:
Союзны царства Ей соплещутъ,
Враждебны — ужасомъ трепещутъ
И злость боится стрѣлъ Ея;
Любитель мзды, неблагодарный,
Преступникъ клятвы и коварный
Бѣгутъ во мрачные края.

Среди торжествъ и восклицаній
Парнассъ московскихъ Музъ взыграй!
Средь общихъ радостныхъ желаній
Ты лирны гласы изливай!
Благодари судьбѣ счастливой,
Вѣнчайся лавромъ и оливой,
Лучемъ Минервы озаренъ;
Представь Ея къ тебѣ щедроты,
Исчисли Матерни доброты:
О, коль ты Ею возвышенъ!

Еще, еще кастальски токи
Свою умножатъ быстроту,
Цвѣтущи холмы и высоки
Умножатъ блескъ и высоту:
Намъ то Богини взоръ являетъ;
Она Россіянъ возвышаетъ
Небесной мудростью Своей.
А вы, Піериды любезны!
Явитесь обществу полезны,
И равно благодарны къ Ней.

ПѢСНЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Ея Императорскому Величеству

за оказанныя Москвѣ щедроты въ бытность Ея Величества въ сей столицѣ.

Читанная въ публичномъ собраніи Университета въ день восшествія на престолъ Ея Величества. Іюня 28 дня 1785 года.

Свѣтися, древній градъ, но нынѣ обновленный,
Свѣтися, озаренъ лучами Божества!
И да возвысится еще твой верхъ священный
На лонѣ тишины, средь свѣтла торжества!
Съ восторгомъ воспряни, возстани,
Воздвигни лавроносны длани,
Благодареній пѣснь Монархинѣ поя.
Исчезла дряхлость и унылость,
Владычицы полночной милость
И слава на тебѣ отлично возсія.

Сей день для Россовъ святъ, хвалѣ Ея приличенъ;
Онъ святъ: начало онъ Господнихъ въ насъ чудесъ.
Екатерины духъ надъ всѣми возвеличенъ,
Ей жребій нашъ врученъ могуществомъ Небесъ,
Врученъ, взыграли Бельта волны,
Гортаней мѣдныхъ грома полны,
Вились одна съ другой сребристою струей.
На тронѣ, и подобну лѣту,
Въ порфиру и виссонъ одѣту,
Увидѣлъ Фебъ своихъ Совмѣстницу лучей.

Объемля мыслію протекше оно время,
Как Ты, Монархиня, на россійі тронъ восшелъ,
Простерла скипетръ Свой, пріяла тяжко бремя
Россію вознести превыше всякихъ бѣдъ:
Мы зримъ Твой подвигъ многотруденъ,
Благоуспѣшенъ, славенъ, чуденъ;
Вѣнчаетъ счастьемъ насъ протекшій каждый день.
Еще ли солнце въ твердь восходитъ,
Намъ новы радости изводитъ,
И Россы съ нимъ текутъ на высшую степень?

Державной святостью Твоей единой длани
Ты начертала намъ спасительный законъ;
Другой могуществомъ расторгла тучи брани,
Дерзнувшія возстать на Твой священный тронъ.
Къ художествамъ простерлись руки,
Въ сіянье облеклись науки;
Пріемлютъ видъ градовъ пустыни, дебри, степь.
Твоя держава знаменита
Слабѣйшимъ царствіямъ защита;
Въ Твоей рукѣ вѣсы Европы всей и цѣпь.

Твой духъ издитъ во всѣ Твоей державы части,
Связуетъ ихъ, живитъ и движетъ и крѣпитъ,
Многоразличныя пружины, силы, власти,
Удобства, случаи къ намѣренью стремитъ;
Покоясь въ тишинѣ, не дремлетъ,
Всѣхъ прочихъ царствъ движеньямъ внемлетъ,
Предвидитъ хитрости, предвидитъ скрыту лесть;
Премудръ, и въ силахъ не слабѣетъ,
И созидать чрезъ все умѣетъ
Блаженство русское, хвалу, безсмертну честь.

Такъ Божій Духъ, носясь превыше вѣчной бездны,
Превыше Эмпирей, гдѣ лики умныхъ Силъ,
И плавающи въ ней, какъ искры, круги звѣздны
Вседѣйствіемъ объявъ своихъ эѳирныхъ крилъ,
Все зиждетъ, строитъ, образуетъ,
Стези стихіямъ показуетъ,
Вѣсъ, мѣру и число всѣмъ существамъ даетъ;
Планетъ движеніемъ прекраснымъ,
Разнообразнымъ, но согласнымъ,
Въ духовный вышній міръ сладчайши пѣсни льетъ.

Тебѣ, Владычица, мгновенія присущи
Благотворительны дѣянія Твои,
Обиліемъ щедротъ на россихъ чадъ текущи
Златымъ перомъ въ свои преемлютъ хартіи....
Но кто сія блестяща свѣтомъ,
Луны сребру подобна цвѣтомъ?
То мать градовъ, Москва. Она средь мирныхъ дней
И дщерей и сыновъ устами
И восхищенными сердцами
Се такъ благодаритъ Монархинѣ своей:

«О! что воздамъ Тебѣ, кротчайшей во Владыкахъ?
И слава и хвала Тобою мнѣ даны,
Я пѣсни возношу во сладкострунныхъ ликахъ;
Но пѣсни чистыхъ Музъ Тобою рождены.
Смиренну, кротку, благодарну,
Твоимъ сіяньемъ лучезарну
Припадшу виждь меня Величества къ стопамъ;
Къ Тебѣ колѣна преклоняю
И духъ и сердце изливаю:
Алтарь Твой — грудь моя, а сердце — ѳиміамъ».

«Мнѣ тысящи отрадъ въ мои толь древни лѣта,
Какъ Ты божественна, величественна всѣмъ,
Великолѣпіемъ и святостью одѣта,
Узрѣла чадъ моихъ въ срѣтеньи своемъ!
Я зрѣла всю въ себѣ Россію,
Преклоншу предъ Тобою выю.
Возрадовалась Ты, меня восторгъ вознесъ;
Душа Твоя мнѣ изливалась,
Когда весельемъ сотрясалась
Въ лучахъ очей Твоихъ жемчужна капля слезъ».

«Всходяща тако въ твердь, весенняя Аврора
Уныній гонитъ мракъ, ночную гонитъ тѣнь;
Сладкопоющихъ птицъ срѣтаема отъ хора
И обѣщая въ міръ известь прекрасный день,
Носима на крилахъ Зефира,
Съ высотъ чистѣйшаго эѳира
Живительной росы сребристы слезы льетъ;
Все зря собою оживленно,
Изъ мрака въ свѣтлость восхищенно,
Пріятнѣй по зыбямъ лазоревымъ течетъ».

«Тебѣ, по твердости веселыхъ стогнъ носимой,
Средь шума звучнаго и праведныхъ похвалъ,
Тебѣ, какъ Божеству, нелестно мною чтимой,
Осанна чадъ моихъ веселый сонмъ взывалъ,
Но чуждъ витійственна искусства,
Однѣ и тѣ жъ сыновни чувства
Тебѣ, Виновницѣ для россихъ чадъ добра,
Явить простолюдинъ желая,
Но какъ, или чрезъ что̀, не зная,
Гласитъ Тебѣ свое сердечное *ура!*»

«Ты удалилася, — Петрополь Тя срѣтаетъ,
Но свѣтъ Твоихъ щедротъ во мнѣ не уменьшенъ;
Чрезъ грудь мою сердецъ изгибы проницаетъ
И верхъ моей главы сіяньемъ озаренъ.
Такъ вождь израильскаго лика
И страхъ преслушнаго языка...
Отмѣннымъ восхищенъ присутствомъ Божества:
Божественъ самъ, всѣхъ изумляя,
Низшелъ отъ высоты Синая
Въ чудесныхъ зрѣлася лучахъ его глава».

«Я въ умилительномъ восторгѣ лобызала
Десницы Твоея божественной черты,
Гдѣ каждая строка мнѣ счастіе вѣщала,
Гдѣ, яко Богъ земный, во всемъ явилась Ты.
Теченье чувствамъ давъ свободно,
Я возгордилась благородно;
И льзя ль иначе быть при участи моей?
Средь счастья, радости, покою,
Еще хвалимой быть Тобою
Есть выше всѣхъ похвалъ и выше чести всей.»

«Священны Пастыри, Вожди, Судьи избранны,
Всякъ возрастъ, полъ и чинъ Тобою одобренъ;
Всѣмъ благости Твоей потоки изліянны,
Никто отъ кротости Твоей не отчужденъ.
Соплещутъ мнѣ сосѣдни грады,
Тобой исполненны отрады,
Я, свѣтъ преемля Твой, блистательна, славна,
И многочадна и спокойна,
И быть главою имъ достойна,
Какъ полная средь звѣздъ въ спокойну ночь луна.

«Я зрю, какъ древній домъ оставленный, забвенный,
Преображается въ священнѣйшій чертогъ,
Въ немъ слезный льется токъ, чрезъ радость извле-
ченный,
И славится хвалой въ Екатеринѣ Богъ.
Вдовицы, сироты, несчастны,
Блаженства общаго причастны,
Екатерины тамъ вѣщаютъ чудеса.
Тамъ вздохи — вздохи восхищеній,
Мольбы — мольбы благодареній.
Что съ домомъ симъ сравню? Едины небеса».

«Тотъ постыжденъ, кто рекъ, что царіе вселенной
Не могутъ дружествомъ сердецъ своихъ питать;
Они въ величествѣ и благости священной
Сладчайшимъ чувствомъ симъ удобны обладать;
Внимая правдѣ кроткимъ слухомъ,
Чтя добродѣтель сердцемъ, духомъ,
Умѣютъ другомъ быть; и, что всего святѣй,
Ліяя щедроты лучезарны,
Умѣютъ быть и благодарны.
Богиня то въ душѣ явила намъ Своей».

«Не тронъ Ей высота, не скипетръ честь и слава,
Лучи вѣнца предъ Ней какъ мрачность облаковъ;
Великолѣпіе Ей скучная забава,
Всемѣстны похвалы — игрушки отроковъ:
Но паче тѣмъ Она велика,
Что, яко царствъ земныхъ Владыка,
Что, яко Богъ, въ сердцахъ имѣетъ Свой престолъ;
Что, святости храня законы,
Премноги смертныхъ милліоны
Творитъ счастливыми единъ Ея глаголъ.»

Умолкла мать градовъ, но звуки раздаются,
И многошумною своею быстротой
Изъ веси въ весь текутъ, изъ града въ градъ ліются
Наполнить всѣхъ уста и всѣхъ сердца собой.
    Счастливъ и ты и хвалъ достоинъ
    Градодержатель мудръ и воинъ,
Что такъ достойною щедротъ явилъ Москву.
    Стоя на степени высокомъ,
    Ее объемля бдящимъ окомъ,
Ей славу пріобрѣлъ, вѣнчалъ свою главу.

О, дщери небеси, холмовъ парнасскихъ лики!
Спѣшите чувствамъ въ слѣдъ безчисленныхъ сердецъ,
Излейте чувствія въ пріятностяхъ музыки:
Екатерина вамъ и слава и вѣнецъ!
    Ея хвалой дышатъ Зефиры
    И Ею сладки ваши лиры;
Умножьте ревностны для отечества труды;
    Ея крилами осѣняясь,
    Ея щедротами питаясь,
Потщитесь Ей воздать достойные плоды.

Благоговѣй земля! намъ Небо благотворно,
Екатерины духъ, какъ рай, въ его очахъ;
Ей жало зависти враждебныя покорно,
Эгидъ Ея гремя, наноситъ гордымъ страхъ.
    Ликуютъ свѣтлые чертоги,
    Гдѣ обитаютъ полубоги,
Надежда росская для будущихъ вѣковъ;
    Имъ нѣжна Флора и Помона
    Въ объятіяхъ обильна лона
Несутъ плоды древесъ и красоту луговъ.

ЭПИСТОЛА

НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II.

Іюня 28 дня 1786 года.

—

Средь гласовъ радости, среди несчетныхъ ликовъ,
Твоимъ владычествомъ гордящихся языковъ,
Смиренной Музы пѣснь, Монархиня, внуши
Текущую къ Тебѣ изъ глубины души!

Восторгами объятъ и преданъ сладкой нѣгѣ,
Сидя въ безмолвіи на гордомъ Бельта брегѣ,
О божествахъ земли священныхъ мыслей полнъ,
На сонмы скачущи взираю шумныхъ волнъ:
Тамъ грозный валъ, клубясь, одѣтъ сѣдою пѣной,
Другіе предъ собой стремитъ на брегъ зеленой;
Они, кипя, спѣшатъ другъ друга упредить,
Стремятся горы тамъ чрезъ горы прескочить:
Любимецъ тишины и сынъ желанна мира
Пріятный, сладостный, какъ златострунна лира,
Зефиръ простеръ крилѣ, простеръ — умолкло все,
Играетъ Фебовъ лучъ лазорныхъ водъ въ красѣ.
Тамъ смѣлы корабли, громады окриленны,
Владычицы морей дыханьемъ устремленны,
На полныхъ парусахъ въ пристанище летятъ
И въ слѣдъ себѣ очамъ сопутствовать велятъ:

Смиренны ладіи спокойствомъ ставъ отважны,
Дерзаютъ також де въ поля Нептуна влажны:
Тамъ лебедь, распростря сребристыя крилѣ,
На гладкомъ плаваетъ въ безмолвныхъ водъ стеклѣ,
И легкій пухъ его Фавоній развѣваетъ,
То поднимаетъ вверхъ, то книзу опускаетъ.

Богиня, такъ Твоя великая душа,
Свершить небесъ совѣтъ надъ Россами спѣша,
Исполнена всегда намѣреній, стремленій,
Высокихъ помысловъ и важныхъ попеченій:
Они, какъ волны, въ ней стремятъ поспѣшный бѣгъ,
И Россовъ счастіе — единственный ихъ брегъ;
Когда бъ сей бѣгъ Твоимъ желаніямъ сравнился,
Намъ вдругъ бы Океанъ златыхъ временъ излился;
Но смертнымъ есть предѣлъ, и Твой высокій духъ
Во время претечетъ трудовъ великихъ кругъ:
Когда отъ высоты священнаго престола
Зефиръ устенъ Твоихъ и кроткаго глагола
Зефиръ велѣнія спасительна летитъ,
Онъ сладость тишины въ душѣ Твоей родитъ:
Спокойна Ты, познавъ, что всѣ Тобой спокойны,
Единодушны всѣ, какъ струны арфы стройны;
Вельможи, зрящіе Твой велелѣпный тронъ,
И непосредственно пріемля Твой законъ,
Со ревностью летятъ на подвиги прехвальны
Чрезъ море, горы, степь, пути для нихъ не дальны;
Со именемъ Твоимъ и самый тяжкій трудъ
Забавами своей душѣ усердной чтутъ.

Рекла — уже герой, внезапу воскриленный,
Не громомъ съ молніей разящей ополченный,

Но прозорливъ, премудръ, въ трудахъ не оборимъ,
И славою Твоей блистающъ Серафимъ
Вознесъ Твоихъ орловъ Кавказскихъ Горъ превыше,
И буйный Херсонесъ сталъ дней весеннихъ тише;
Къ Тебѣ, Наперстницѣ Всевышнія судьбы,
Герой сей положилъ трофеи предъ стопы.
Зря парусы Твои, играютъ Дарданеллы,
Соплещутъ ихъ волнамъ валы прекрасной Геллы.

Рекла — и Аполлонъ и дѣвъ парнасскихъ ликъ
Къ вѣщанію чудесъ готовятъ свой языкъ,
Десятиструнныхъ лиръ устроеваютъ звуки
Воспѣть умноженны на Сѣверѣ науки:
О, Фебъ! въ возможную несися высоту,
Достойную Тебя яви намъ красоту,
Блесни лучемъ, явись, какъ ангелъ свѣтозаренъ,
Минервѣ нашихъ странъ любезенъ, благодаренъ;
Чтобъ грубыя сердца пронзать, ты стрѣлъ не трать,
Екатерины долгъ все въ благо превращать;
Воззри и торжествуй: се новы Геликоны
Достойны гдѣ Тебя, Тебѣ возникнутъ троны!

Рекла: не буди рабъ, отечества будь сынъ,
Герой, любитель Музъ, похвальный гражданинъ;
По долгу своему употребляй всѣ силы:
Мнѣ не названія, сердца мнѣ ваши милы;
Будь добрый человѣкъ, пороковъ убѣгай,
И Матерью меня отнынѣ называй....
Позволь, Богиня, здѣсь пролить мнѣ токи слезны!
Божественны Твои слова сердцамъ любезны.
Но слезы радости... скажи мнѣ, гдѣ Твой храмъ?

Гдѣ жертвенникъ Тебѣ? гдѣ милый ѳиміамъ? —
Въ груди Россіянъ... О, взыграй морская бездна,
Склонися высота пресвѣтла круга звѣздна!

Рекла: для Россовъ будь вездѣ удобенъ путь,
Природа, не дерзай ихъ шествіе препнуть!
Ты, суша! рѣки! вы оставьте всѣ препоны,
Щедротъ моихъ себѣ примите милліоны:
Чтобъ васъ для счастія Россіянъ премѣнить,
Екатерина что восхощетъ пощадить?

Рекла: престань, война, потоки лить кровавы,
Европу не смущай, въ оливахъ ищемъ славы:
Сверкающи мечи, перуны, тучи стрѣлъ,
Остатки слезные полусожженныхъ тѣлъ
Пріятны могутъ ли быть Матернему взгляду,
Привыкшему являть средь бурныхъ дней отраду?
Богиня! тако странъ смиряешь чуждыхъ брань,
Простерши съ кротостью владычественну длань.
Се тако тучамъ двумъ угрюмымъ и надменнымъ,
Перуновъ тысящью чреватымъ, отягченнымъ,
Готовымъ извергать и молнію и громъ
И съ небомъ колебать Плутоновъ страшный домъ;
Спустясь отъ высоты кристальнаго эѳира,
На радужныхъ лучахъ любезный ангелъ мира,
Связуя бурные и пламенны крилѣ,
Ліетъ отрады свѣтъ трепещущей землѣ.

Но кто дѣяній сихъ величіе постигнетъ?
Трофеи кто Тебѣ достойны ихъ воздвигнетъ?
Кто изочтетъ число несчастныхъ и сиротъ,
Благословляющихъ лучи Твоихъ щедротъ?

Глаголъ Твой радостенъ, любезенъ, сладокъ, нѣженъ,
Животворителенъ, отраденъ, безмятеженъ:
Ты нѣкогда въ сей день, въ сей свѣтлый день рекла,
Чтобъ Россамъ счастлива планета востекла;
Рекла — и свѣтъ Твоихъ очей блеснулъ предъ нами,
Мы облеченну зримъ Тебя небесъ лучами:
Взыграли холмы горъ, облекся цвѣтомъ долъ,
Сотрясся радостьми незыблемый престолъ.
Сей день пребудетъ святъ, благословенъ вовѣки;
Да повторятъ сей гласъ моря, земля и рѣки!
Неизреченный день!... О, Муза! умолчи,
Благоговѣніемъ стремленье заключи.

ПѢСНЬ

на возвращение Ея Императорскаго Величества Екатерины II изъ полуденныхъ странъ Россіи.

Солнце быстрое катилось
Съ Полдня въ сѣверны края,
И собою веселилось,
Всей природѣ жизнь дая;
Но тогда жъ, въ замѣнъ для Юга,
Вдругъ отъ сѣвернаго круга
Вновь *Планета* потекла:
Къ блеску бо́льшему державы
И величества и славы,
И другихъ съ *Собой* влекла.

Все исполнилось отрады,
Все играло естество;
Зрѣли села, зрѣли грады
Странъ полночныхъ Божество;
Ощутили въ сердцѣ радость,
Ощутили нѣжну младость
И долины и лѣса;
Сей *Планетѣ* соплескали,
Въ путь прехвальный провождали
Благотворны небеса:

Древный градъ, гдѣ Первозваннымъ
Крестъ спасенья водруженъ,
Вновь явился увѣнчаннымъ,
Вновь явился озаренъ.
Днѣпръ, средь прочихъ рѣкъ счастливый,
Днѣпръ, струями горделивый,
Въ берегахъ своихъ взыгралъ,
Восхищался въ изумленьѣ,
Что *Планеты* сей теченье
Онъ собою провождалъ.

Юный градъ, возвеселися
Въ основаніи своемъ,
Съ славнымъ Именемъ сравнися
И блистай младымъ лучемъ!
Возрастай и возвышайся,
Лавромъ съ пальмами вѣнчайся
И *Планетѣ* подражай:
Ею имя нареченно,
Имя, Небомъ освященно,
Ты неложно сохраняй.

Красота Лимана горда,
Ты, Херсонъ, возвысь главу;
Озаренъ лучами Норда,
Чти священную Неву!
Для противныхъ страха полны
Низпускай на черны волны
Воскриленны корабли:
Коль величественъ и славенъ,
Надъ морями коль державенъ
Будетъ впредь, тому внемли.

* *Екатеринославъ.*

День великій и преславный
Въ твердь зарею возведенъ,
День *Планеты* сей державный
Кроткимъ утромъ возвѣщенъ;
Слышны радостные звуки,
Къ небесамъ подъемютъ руки
Всѣ россійски племена;
День стократъ благословляли,
Чрезъ который имъ настали
Толь счастливы времена.

Разлились щедроты новы,
День пощады возсіялъ.—
Разрѣшаются оковы
И свободенъ узникъ сталъ....
Но Петрополь, воскрилися
И во срѣтенье стремися:
Се Она уже грядетъ,
Се грядетъ твоя *Планета*
Чрезъ пути прекрасна лѣта
И надъ Ней Божественъ свѣтъ!

Въ благо Россамъ все устроя,
Возвратилася Она.
Зрѣть тебя среди покоя
Возвратилася Она.
Мудрыхъ сонмовъ окруженна;
Всѣхъ усердьемъ восхищенна,
Возвратилася Она.
Большимъ блескомъ лучезарна,
Больше Россамъ благодарна,
Возвратилася Она.

ТРИ ГРАЦІИ.

ЭКЛОГА.

На день рожденія Ея Высочества Великія Княжны Александры Павловны.

Аглея, Талія, Евфросина.

АГЛЕЯ.

Всевождел҃нный Кипръ, роскошную Цитеру,
Гдѣ жертвами любви чтятъ милую Венеру,
Оставя, мы пришли на сей прелестный брегъ,
Гдѣ быстрая Нева стремитъ прозрачный бѣгъ:
Здѣсь радости для насъ являются стократны,
Оливы съ лаврами и мирты ароматны;
Я рада всѣ красы забвенію предать,
И только лишь хочу въ семъ мѣстѣ обитать.

ТАЛІЯ.

Дражайшая сестра! съ тобою я согласна:
Здѣсь утрення заря кротка, нѣжна, прекрасна;
Торжествъ веселыхъ плескъ восходитъ къ облакамъ
И разливается по брегу и волнамъ:
Отрады въ слѣдъ отрадъ вседневно здѣсь стремятся,
Какъ сребряны струи во слѣдъ струямъ катятся.
Не столько зрѣлъ чудесъ и Римлянинъ и Грекъ,
Сколь много произвелъ Екатерининъ вѣкъ.

ЕВФРОСИНА.

Преславенъ, знаменитъ Петрополь чудесами,
Достойный сынъ Москвы, Царицы надъ градами;
Но радость бо́льшую мнѣ то во грудь ліетъ,
Что въ немъ родилася сестра намъ въ свѣтъ,
Сестра.... почтимъ ее и сердцемъ и языкомъ,
Явимъ у́сердіе тричисленнымъ здѣсь ликомъ.
Аглея! ты начни.... ахъ, сколь прекрасенъ день!
Начни! се облако ведетъ намъ кротку тѣнь.

АГЛЕЯ.

Вы многозвѣздну твердь, о, небеса! склоните,
Очами радости въ полночный край воззрите,
Поздравьте Грацію младую въ пеленахъ:
Усмѣшка царствуетъ уже въ ея устахъ;
Пусть воздухъ не звучитъ въ сраженьи вихрей яромъ
И не колеблетъ громъ вселенную ударомъ,
Да бурныхъ споръ стихій въ природѣ умолчитъ,
Блаженства нашего отнюдь не возмутитъ!
Вы кротки.... и моей усердной пѣснѣ вняли
И свѣтоносные лучи намъ изліяли.
Предшественница дня, прелестная заря,
Востекши въ горизонтъ, румяностью горя,
И отъ восточныхъ странъ смотря съ весельемъ низу
Надъ юною Княжной простерла свѣтлу ризу;
Вѣнчанну розами главу свою склоня,
И Павла дщерь лучемъ цѣлебнымъ осѣня,
Пресвѣтла Ангела собою образуетъ
И въ очи и въ уста она ее цѣлуетъ;
Животворительный бальзамъ своей росы,
Что̀ обновляетъ тварь во утренни часы,
Ей источаетъ въ грудь, да здравіе безцѣнно

Пребудетъ навсегда для Россовъ невреждено.
Избранный царь планетъ, разгнавши мрачность тучъ
Отъ златовидныхъ стрѣлъ стремитъ каленый лучъ;
Но усыпленную живительнымъ покоемъ,
Дабы не оскорбить Княжну полдневнымъ зноемъ,
Прозрачно облако исполнено прохладъ,
Носящее въ себѣ источники отрадъ,
Уклоншись съ пламенной эѳирной колесницы,
Наводитъ маніемъ всесильныя десницы:
Посемъ, спустясь на одръ, составленный изъ волнъ,
Онъ предается сну, веселыхъ мыслей полнъ.
И се дѣвическимъ сіяющая взоромъ,
Исходитъ Цинѳія прелестныхъ Нимфъ съ соборомъ;
Съ веселіемъ Княжнѣ соплещетъ въ высотѣ
И чтитъ ее себѣ сестрой по красотѣ.
О! Ангелъ, мещущъ громъ, преславный такъ же миромъ,
Котораго душа равняется съ зефиромъ,
Держащій праведны со кротостью вѣсы
И числящій свои щедротами часы,
Котораго рука сердцамъ законы пишетъ,
И благостію грудь къ сынамъ россійскимъ дышетъ,
Богиня! радостямъ отверзи сердца дверь:
Отъ сына зриши Ты сыновъ и нѣжну дщерь!
О, Павелъ! Небо намъ во всемъ благопріятно,
Лобзай Марію Ты и чадъ лобзай стократно:
Изъ сильныхъ ихъ десницъ падетъ на гордыхъ громъ
И врагъ не потрясетъ Петровъ священный домъ.
Такъ Вышній утвердилъ судебъ Своихъ въ совѣтѣ,
Екатеринѣ такъ Онъ рекъ въ Своемъ обѣтѣ.
Взыграй, восторжествуй въ Россіи всяка плоть:
Ущедрилъ съ высоты Россію Самъ Господь.

ТАЛІЯ.

Державный царь морей во глубинѣ проснися,
И скипетромъ своимъ ты спящихъ водъ коснися,
Да чувствомъ радости онѣ соплещутъ намъ,
По хладнымъ разліютъ любви огонь струямъ;
Да грома пламенна, веселыхъ плесковъ полны,
Стремятъ шумящія и сребровидны волны.
Ты внялъ моимъ словамъ!... Нева, вспрянувъ отъ сна,
Высоки облекла весельемъ рамена:
Поверхность ризъ ея Фавоній лобызаетъ,
Одну струю съ другой струей соединяетъ.
Фавоній излетѣлъ изъ устъ младой Княжны,
Сіяющей лучемъ прелестныя весны.
Но златовласый Фебъ, утѣхой сей любуясь,
И росскимъ торжествамъ съ высотъ сообразуясь,
Животворительны съ превыспреннихъ зыбей
Ліетъ въ Неву огни отъ радостныхъ очей:
Огни сіи, въ водахъ различно преломляясь.
Отъ влаги бисерной со блескомъ отражаясь,
Играющій намъ видъ являютъ во струяхъ
И поздравляютъ тѣмъ дщерь Павла въ пеленахъ.
Уже Нева, стремясь отличной быстротою,
И токъ свой сочетавъ со финской глубиною,
Ліется въ Бельтъ, неся всевожделѣнну вѣсть,
Да воздадутъ моря рожденной должну честь.
На высотѣ валовъ, средь пѣнистыя влаги,
Отважныхъ кораблей миролюбивы флаги,
Россію чтущіе и съ ней хранящи миръ,
Колеблетъ съ нѣжностью услужливый зефиръ;
Онъ развѣваетъ ихъ, и полотно трепещетъ,
Играетъ и шумитъ, и шуму водъ соплещетъ.
Противныхъ парусы рветъ яростный Борей,

Стараясь ихъ лишить владычества морей,
И се къ почтенію Княжны порфирородной,
Со Амфитридою царь бездны многоводной,
Три краты помававъ трезубцемъ золотымъ
И запретя войну имѣть волнамъ сѣдымъ,
Какъ будто въ срѣтенье небесныхъ звѣздъ царицѣ,
Несется по водѣ въ жемчужной колесницѣ.
Предъ нимъ и вкругъ его, имѣя свѣтлый видъ,
Прекрасный ликъ спѣшитъ любезныхъ Нереидъ.
И кони гордые, тряся волнистой гривой,
Младой Княжнѣ даютъ повсюду знакъ счастливой.
Дельфина на хребтѣ сѣдящій полубогъ,
Любезный Палемонъ въ зеленый трубитъ рогъ.
Подъ тяжестію ихъ не стонутъ влажны своды
И тихо зыблются колеблемыя воды.
Такъ лебедь въ езерѣ со легкостью плыветъ,
Такъ ласковый Зефиръ, ему стремяся въ слѣдъ,
Подъемлетъ пухъ его, и нѣжитъ и лобзаетъ,
Сжимаетъ скромностью, обратно распускаетъ,
И наконецъ, во мзду полета своего,
Стремится опочить подъ крыльями его.

ЕВФРОСИНА.

Среди пріятныхъ дней, средь радостнаго ведра,
Богатыя свои, земля, отверзи нѣдра
И дщери Павловой священный даръ неси,
Все медомъ и млекомъ обильно ороси!
Ты разверзаешься, лучемъ согрѣта новымъ,
И жертвуешь Княжнѣ плодомъ уже готовымъ!
Смѣющися луга, усердья нѣжна въ знакъ,
Средь лѣта, какъ весной, одѣлись въ мягкій злакъ.
Дѣвицы, красотой и юностью цвѣтущи,

И къ новой Граціи въ груди любовь несущи,
Соплетши нѣжну цѣпь изъ бѣлыхъ рукъ своихъ,
Съ веселой пляскою поютъ усердный стихъ,
И Нимфы изъ лѣсовъ съ улыбкой къ нимъ взирая,
И симъ привѣтливымъ подружкамъ подражая,
Кудрявый топчутъ дернъ играющей ногой,
Разносятъ по лѣсамъ пріятный голосъ свой.
Жасминъ съ нарцисами и съ розами лилея,
Въ объятіяхъ своихъ Фавонія лелѣя,
По воздуху ліютъ цѣлебный свой бальзамъ,
Чтобъ обонянію и влюбчивымъ очамъ
Утѣху принести и вожделѣнну сладость,
Чтобъ старость оживить и обновить ей младость.
Стараясь каждый цвѣтъ пріять прекраснѣй видъ,
Завидуя другимъ, Зефиру говоритъ:
Зефиръ! неси меня ты въ нѣдра пышна града,
Гдѣ Павла юна Дщерь, полночныхъ странъ отрада;
Неси, направь свои крилѣ любезны въ путь
И положи меня младой Княжнѣ на грудь:
Я лучше отъ Ея разцвѣсть могу дыханій,
Умножу красоты отъ дѣвственныхъ лобзаній.
Но серна и елень въ стремнинахъ горъ крутыхъ,
Съ утеса на утесъ ногъ легкостью своихъ
Прескакиваютъ всѣ встрѣчаемы преграды,
Исполнясь общія природѣ всей отрады.
Источники, съ холмовъ кремнистыхъ въ долъ стремясь
И пѣной сребряной въ раскатѣ ихъ клубясь,
Сочетаваются въ пріятностяхъ долины,
Съ любовью радостной пріемлютъ путь единый;
Или, катясь они одинъ съ другимъ вблизи
И раздѣляяся въ различныя стези,
Прозрачною струей по камешкамъ играютъ,

Віются и цвѣты душисты орошаютъ;
Любовнымъ чувствіемъ питаемы, журчать
И слухъ чрезъ то Княжны младыя веселять.
Но гордыя древа, главой небесъ касаясь,
Потрясши вѣтвями, другъ къ другу преклоняясь,
Да здравствуетъ, гласятъ, Екатерины сынъ,
Лобзая дщерь свою, цвѣтущу будто кринъ.

АГЛЕЯ.

Кто сей превознесенъ на каменной твердынѣ,
Сѣдящій на конѣ, простершій длань къ пучинѣ,
Претящъ до облаковъ крутымъ волнамъ скакать
И вихрямъ бурнымъ понтъ дыханьемъ колебать?—
То Петръ. Его умомъ Россія обновленна,
И громкихъ дѣлъ Его исполнена вселенна.
Онъ, видя чреслъ своихъ предзнаменитый плодъ,
Соплещетъ радостно съ превыспреннихъ высотъ.
И мѣдь, что видъ его на брегѣ представляетъ,
Чувствительной себя къ веселію являетъ;
И гордый конь его, подъемля легкость ногъ,
Желаетъ, чтобъ на немъ сѣдящій полубогъ
Порфирородную летѣлъ лобзать дѣвицу,
Поздравить Россамъ вновь востекшую денницу.
Но се крылатыхъ царь, стремительный орелъ
Отъ облачныхъ круговъ надъ волны излетѣлъ,
Онъ съ лаврами несетъ въ когтяхъ громовы стрѣлы;
Онъ взоры къ намъ стремитъ и быстры и веселы.
Кому, пернатыхъ вождь! молніеносный громъ?
Чей хочешь лаврами еще вѣнчати домъ!
«Петровъ, Петровъ. Сего онъ паче всѣхъ достоинъ;
«Раждаются въ немъ въ свѣтъ Царь мудрый, храб-
рый воинъ.

«Онъ славенъ и вѣнчанъ; но Павла юна дщерь
«Ко славѣ новой днесь ему отверзла дверь.
«Но громы положу къ стопамъ Екатерины,
«Да оными падутъ, какъ прежде, исполины.
«Еще я для того направилъ къ вамъ полетъ,
«Чтобъ видѣть Грацію рожденну нынѣ въ свѣтъ,
«Чтобъ зрѣніемъ младыхъ супруговъ насладиться,
«Да юность тѣмъ моя возможетъ обновиться.
«Притомъ Князей младыхъ хощу я видѣть взоръ,
«По семъ съ хвалами ихъ взнесусь превыше горъ.»

ТАЛІЯ.

Пернатыхъ царь!... но кто прелестна толь собою,
Плѣняющая насъ пречудной бѣлизною?
На выѣ у нея и злато и лазурь,
И миръ несетъ она, не бранныхъ громы бурь:
Сколь кротко по зыбямъ воздушнымъ къ намъ не-сется,
Плыветъ, и оребрянъ лучъ отъ крилъ ея ліется!
Не эту ли зовутъ голубкою у насъ?
Ее.... являетъ, то полетъ и видъ, и гласъ:
Она съ собой несетъ и мирты и оливы
Предвозвѣщая дни спокойны и счастливы.
Прелестная, скажи: кому сей даръ несешь?
Кому изъ вѣтвей сихъ, кому вѣнецъ сплетешь?
Княжнѣ? «сомнѣнья нѣтъ: велѣньемъ Афродиты,
«Оставя острова любовью знамениты,
«Я въ градъ Петровъ стремлюсь на радостныхъ кри-лахъ,
«Любовь, спокойство, миръ несу Княжнѣ въ устахъ,
«Да вѣчно зрятъ сіи дары всещедра Бога
«Монархи россіе и внѣ и внутрь чертога,

«Да громы пламенны почіютъ отъ трудовъ,
«Да насладятся всѣ спокойствія плодовъ.»
О, превозвѣстница дней кроткихъ, безмятежныхъ!
Лети къ Княжнѣ, умножь стремленіе крилъ нѣжныхъ,
И послѣ въ Пафосъ ты уже не отлетай,
Но съ нами и Княжной въ семъ градѣ обитай.

ЕВФРОСИНА.

Къ блаженству общему Россійскаго народа,
Предзнаки явные открыла вся природа:
Со тверди прочь бѣжитъ неукротимый левъ,
И лѣта пламенна уноситъ знойный гнѣвъ;
Отъ странъ гремящія науками Европы
Уходитъ зной въ края, гдѣ черны Еѳіопы.
Дѣвицы кроткія въ знакъ солнце востекло,
Умѣря жаръ, себя въ прохладу облекло,
Та дѣва нѣжная съ холмовъ зыбей эѳирныхъ
Ліетъ отрады намъ, ліетъ изъ устъ Зефирныхъ:
Срѣдь лика свѣтлыхъ звѣздъ стоитъ на высотѣ
И дщери Павловой соплещетъ красотѣ.
Но кто сіи грядутъ столь милы и прелестны,
Иль населяющи обители небесны?
Одна, сіяюща веселія лучемъ,
Гордящася главой, украшенной вѣнцемъ,
Что Нимфами сплетенъ изъ класовъ тучныхъ, зрѣлыхъ,
Сопровождается хвалой жнецовъ веселыхъ;
Раждаютъ мягкій злакъ въ поляхъ ея стопы,
Въ рукахъ имѣетъ серпъ и желтые снопы;
Другая, кистію вѣнчавшись винограда,
Какъ мать спокойствія и всѣхъ трудовъ награда,
По жатвѣ радостной и лѣта при концѣ,
Румянцемъ розовымъ пріосѣня лице,

Обремененная различными плодами,
Къ намъ бодра шествуетъ обилія стезями.
Онѣ, къ младой Княжнѣ въ груди питая жаръ,
Ей все сіе несутъ, несутъ въ усердный даръ.
О, чада Павловы! о, дней весеннихъ крины!
Лобзайте вы сто кратъ уста Екатерины,
Обрадуйте собой Родителей своихъ
И будьте, какъ они, творцами дней златыхъ.

АГЛЕЯ.

Подружки милыя! съ румяна горизонта
Уже сокрылся Фебъ во глубь червленна понта!
Уже кристальный сводъ, превысцій лунныхъ мѣстъ,
Какъ чистымъ бисеромъ, усыпанъ блескомъ звѣздъ;
По млечному пути небесны силы ходятъ
И взоръ къ младой Княжнѣ со кротостью низводятъ
И движутъ легкостью своихъ надъ нею крилъ,
Дабы сладчайшій сонъ ей чувства усыпилъ.
И тако пѣніе усердное скончаемъ,
И нову Грацію цвѣтами увѣнчаемъ.

ТАЛІЯ.

Разсыпалъ алый макъ Морфей на всяку тварь:
Спокойно все, морей безмолвенъ сильный царь.
Подобны гладкому стеклу смиренны воды;
Наядъ и Нереидъ умолкли хороводы,
Лишь мелкіе ручьи въ кустарникѣ журчатъ,
Да шумомъ симъ Княжну младую веселятъ,
Лишь бѣглые огни на воздухѣ играютъ
И кротки молніи собой изображаютъ.
Скончаемъ пѣніе, стыдливыхъ розъ нарвемъ
И дщери Павловой изъ нихъ вѣнокъ сплетемъ.

ЕВФРОСИНА.

Высокія древа природы гласу внемлютъ,
Морфея властію колеблясь, томно дремлютъ.
Лишь влюбчивый Зефиръ одинъ среди луговъ
Играетъ, рѣзвится въ объятіяхъ цвѣтовъ,
Сладчайшій ароматъ изъ оныхъ извлекаетъ,
И быстротою крилъ въ Петрополь прелетаетъ,
Дабы младой Княжнѣ во грудь его излить,
Умножить ей красы и силы укрѣпить.
Но юной Граціи Меонидъ чистыхъ лики
Качаютъ колыбель съ пріятностью музыки.
Ихъ усыпительный и гласъ и лирный тонъ
На юную Княжну наводятъ сладкій сонъ.
Почила... да молчитъ и каждая стихія :
Сего желаемъ мы и съ нами вся Россія.

ПИСЬМО КЪ ТВОРЦУ ОДЫ,

СОЧИНЕННОЙ ВЪ ПОХВАЛУ ФЕЛИЦЫ, ЦАРЕВНѢ КИРГИЗКАЙСАЦКОЙ.

—

Пѣвецъ! которому съ улыбкой нѣжной Муза
Недавно принесла съ Парнасскихъ Горъ вѣнокъ,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мнѣ, ты невскій пьешь потокъ;
Но самые пути далеки,
И горы, холмы, лѣсъ и рѣки
Усердья моего къ тебѣ не воспятятъ,
Оно въ Петрополь пренесется
И въ грудь твою и въ слухъ вліется:
Не трудно Музамъ все, что Музы восхотятъ.

Скажи, пожалуй, какъ безъ лиры, безъ скрипицы,
И не сѣдлавъ притомъ парнасска бѣгунца,
Воспѣлъ ты сладостно дѣянія Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?
Ты, видно, Пинда на вершинѣ
И въ злачной чистыхъ Музъ долинѣ
Дорожки всѣ насквозь и улицы прошелъ,
И чтобъ Царевну столь прославить,
Утѣшить, веселить, забавить,
Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.

Обрѣлъ, и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ,
Тебѣ являлось все, какъ-будто поле злачно,
Нигдѣ кафтаномъ ты за тернъ не зацѣпилъ.
Царевнѣ похвалы вѣщая,
Нашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гудилъ и равно важно пѣлъ;
Презрѣвъ завистныхъ совѣсть злую,
Пустился ты на-удалую;
Парнассъ, отвагу зря, вѣнецъ тебѣ сплелъ.

Кораллами власы украшенны имѣя,
Власы по раменамъ пущенны со главы,
Бѣлорумяну грудь съ ланитами лелѣя
Прелестныхъ лики Нимфъ возникли изъ Невы;
Поверхъ зыбей колеблясь нѣжно,
Тебѣ внимали всѣ прилежно,
Хваля твоихъ стиховъ прекрасну новизну;
И, въ знакъ своей усердной дани,
Съ восторгомъ восплескавши въ длани,
Пускаются опять въ кристальну глубину.

Чрезъ почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала, къ восторгу всѣхъ сердецъ;
Всѣхъ чтущихъ честь тебѣ воздать она подвигла;
Всѣ знающіе вкусъ сплели тебѣ вѣнецъ.
Читали всѣ ее стократно,
Но слушаютъ охотно, внятно,
Коль кто еще при нихъ начнетъ ее читать,
Не могутъ усладить столь духа,
Насытить такъ же плѣнна слуха,
Чтобъ вновь забавнымъ въ ней игрушкамъ не внимать.

Такъ садъ, кусточками и тѣнью древъ прелестенъ,
Стоящій на горѣ надъ токомъ чистыхъ водъ,
Хотя и будетъ намъ совсѣмъ уже извѣстенъ,
Хотя извѣстенъ въ немъ по вкусу каждый плодъ,
Хотя дорожки всѣ знакомы,
Но, тайнымъ чувствіемъ влекомы,
Еще охотно мы гулять въ него спѣшимъ:
Повсюду взоры обращаемъ,
Увидѣть новости желаемъ,
Хоть взоромъ много разъ все видѣли своимъ.

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ
тоновъ,
И полно, кажется, за облаки летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ и ногъ не изломать:
Хоть сколь ни будемъ мы стараться,
Въ своемъ полетѣ возвышаться,
Фелицины дѣла явятся выше насъ.
Ей простота пріятна въ слогѣ,
Такъ лучше намъ, по сей дорогѣ
Идя со скромностью, къ ней возносить свой гласъ.

Въ союзѣ съ Нимфами Парнасса обитая,
По звучной арфѣ я перстами пребѣгалъ,
Киргизкайсацкую Царевну прославляя,
Хвалы холодныя лишь только получалъ;
Стихи мои тамъ каждый славилъ,
Мнѣ льстилъ, себя чрезъ то забавилъ;
Теперь въ забвеніи лежать имѣютъ честь.
Признаться, видно, что изъ моды
Ужъ вывелись парящи оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть!

Обрѣлъ, и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ,
Тебѣ являлось все, какъ-будто поле злачно,
Нигдѣ кафтаномъ ты за тернъ не зацѣпилъ.
Царевнѣ похвалы вѣщая,
Нашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гудилъ и равно важно пѣлъ;
Презрѣвъ завистныхъ совѣсть злую,
Пустился ты на-удалую;
Парнассъ, отвагу зря, вѣнецъ тебѣ сплелъ.

Кораллами власы украшенны имѣя,
Власы по раменамъ пущенны со главы,
Бѣлорумяну грудь съ ланитами лелѣя
Прелестныхъ лики Нимфъ возникли изъ Невы;
Поверхъ зыбей колеблясь нѣжно,
Тебѣ внимали всѣ прилежно,
Хваля твоихъ стиховъ прекрасну новизну;
И, въ знакъ своей усердной дани,
Съ восторгомъ восплескавши въ длани,
Пускаются опять въ кристальну глубину.

Чрезъ почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала, къ восторгу всѣхъ сердецъ;
Всѣхъ чтущихъ честь тебѣ воздать она подвигла;
Всѣ знающіе вкусъ сплели тебѣ вѣнецъ.
Читали всѣ ее стократно,
Но слушаютъ охотно, внятно,
Коль кто еще при нихъ начнетъ ее читать,
Не могутъ усладить столь духа,
Насытить такъ же плѣнна слуха,
Чтобъ вновь забавнымъ въ ней игрушкамъ не внимать:

Такъ садъ, кусточками и тѣнью древъ прелестенъ,
Стоящій на горѣ надъ токомъ чистыхъ водъ,
Хотя и будетъ намъ совсѣмъ уже извѣстенъ,
Хотя извѣстенъ въ немъ по вкусу каждый плодъ,
Хотя дорожки всѣ знакомы,
Но, тайнымъ чувствіемъ влекомы,
Еще охотно мы гулять въ него спѣшимъ:
Повсюду взоры обращаемъ,
Увидѣть новости желаемъ,
Хоть взоромъ много разъ все видѣли своимъ.

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ
тоновъ,
И полно, кажется, за облаки летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ и ногъ не изломать:
Хоть сколь ни будемъ мы стараться,
Въ своемъ полетѣ возвышаться,
Фелицины дѣла явятся выше насъ.
Ей простота пріятна въ слогѣ,
Такъ лучше намъ, по сей дорогѣ
Идя со скромностью, къ ней возносить свой гласъ.

Въ союзѣ съ Нимфами Парнасса обитая,
По звучной арфѣ я перстами пребѣгалъ,
Киргизкайсацкую Царевну прославляя,
Хвалы холодныя лишь только получалъ;
Стихи мои тамъ каждый славилъ,
Мнѣ льстилъ, себя чрезъ то забавилъ;
Теперь въ забвеніи лежать имѣютъ честь.
Признаться, видно, что изъ моды
Ужъ вывелись парящи оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть!

Какъ прежде, ты пиши еще письмо къ сосѣду;
Ты лакомство его умѣлъ представить намъ;
Какъ приглашаетъ онъ чернь жадную къ обѣду,
Къ забавамъ, къ роскоши, разлитой по столамъ;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальныя намъ воды,
Какъ нѣкогда воспѣлъ ты Гребеневскій Ключъ.
Сей ключъ, текущій по долинѣ,
Еще любезенъ мнѣ донынѣ:
Я жажду утолялъ... отрадъ блисталъ мнѣ лучъ.

А ты, чтó предсѣдишь премудрыхъ въ славномъ ликѣ,
Предстательница Музъ, трудовъ ихъ судія,
Гремящей внемлюща сладчайшей ихъ музыкѣ.
Тебѣ достоитъ честь и похвала сія,
Что, ревностію ты пылая
И всѣ пути изобрѣтая,
Стараешься вознесть природный нашъ языкъ.
Онъ важенъ, сладокъ и обиленъ,
Гремящъ, высокъ, текущъ и силенъ
И въ совершеніи его твой трудъ великъ.

Тобой приглашены, въ прехвальный путь вступили
Любители наукъ со ревностью въ сердцахъ;
И въ собесѣдникѣ успѣхи намъ явили:
Мы зримъ россійскій слогъ прекрасенъ въ ихъ трудахъ.
Скажу, скажу не обинуясь:
Минервѣ ты сообразуясь,
Свое спокойствіе на жертву Музъ несешь,
Отечества драгого слава —
Твоя утѣха и забава:
Въ завидномъ для мужей ты подвигѣ течешь.

Фелицы именемъ любезнымъ, драгоцѣннымъ,
Фелицы похвалой и славой мудрыхъ дѣлъ
Начатокъ сихъ трудовъ явился украшеннымъ
И въ радость и въ восторгъ читателей привелъ.
Благословенно то начало,
Ея гдѣ имя возсіяло
И увѣнчается успѣхами конецъ.
Тому, кто такъ Фелицу славилъ
И новый вкусъ стихамъ возставилъ,
И честь и похвала отъ искреннихъ сердецъ.

ОДА

НА ДЕНЬ ОТКРЫТІЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ УЧЕНОСТИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

—

Возстань, Полимнія, вѣнчай себя цвѣтами
И въ ликѣ сестръ явись въ отличной красотѣ;
Устрой на лирѣ намъ согласіе перстами;
Блаженство ново зри Парнасса въ высотѣ!
Онъ ревности сердечной внемлетъ
И новый подвигъ предпріемлетъ:
Ты, соучаствуя, возрадуйся, взыграй,
Во слѣдъ ему теки, стремися,
Лучемъ живѣйшимъ озарися
И пламенемъ его свой пламень умножай!

Что мыслятъ о тебѣ, вѣнчанная Россія,
И гдѣ твоихъ торжествъ и славы гдѣ предѣлъ?
Вездѣ, гдѣ только Фебъ ліетъ струи златыя,
Тамъ бурный громъ твоихъ величій прелетѣлъ.
Коль мужеству Россіянъ вѣрить
И мудрость трона ихъ измѣрить,
Такъ Россовъ счастіе незыблемо вовѣкъ.
Доколѣ солнце стрѣлы мещетъ,
Его сестра порфирой блещетъ,
Блаженны Россы, вы! судебъ вѣщатель рекъ.

Коль дивны зрѣлища! коль грозны и опасны!
Се Югъ и дальній Нордъ, облекшись въ крѣпость силъ,
Какъ тучи мрачныя, чудовища ужасны,
Гдѣ самъ вражды отецъ неистово почилъ,
    Наполнясь яростьми Перуна,
    Землей и на зыбяхъ Нептуна
Несутся, чтобъ собой Россію отягчить.
    Корыстей алчностью влекомы,
    И древней злобою жегомы,
Несутся, чтобъ и грудь и ребра ей стѣснить.

Россія, исполинъ величественный видомъ,
Многоочитъ и бодръ, безтрепетенъ, возсталъ:
Отвсюду огражденъ Минервинымъ Эгидомъ,
Перуны онъ Ея во длани воспріялъ;
    Онъ взоръ, блисталъ, гдѣ лучъ пріязни,
    Пріосѣняетъ мракомъ казни;
Да, зря сей гнѣвный мракъ, трепещетъ сопостатъ;
    Но нѣтъ покорства, нѣтъ надежды;
    Отъ блага врагъ скрываетъ вѣжди!
Возвысся, исполинъ, пусть громы ихъ разятъ.

Гремитъ во облакахъ, несомыхъ богомъ брани,
На крыльяхъ ужаса летаетъ смерть предъ нимъ;
Простеръ на Югъ и Нордъ молніеносны длани,
Сраженныхъ всюду жертвъ курится сѣрный дымъ.
    Онъ духомъ устъ Екатерины
    На сушѣ и въ волнахъ пучины
Сразилъ враговъ, и вновь стремится поражать.
    Эвксинъ и Бельтъ собой надменны,
    Ихъ кровью зрѣлись обагренны
И стыдъ свой въ бездну водъ спѣшили укрывать.

Се тако внѣ своихъ предѣловъ страшны Россы!
Но внутрь воздвигнуты Минервѣ алтари;
Тамъ пали молніей враждебные колоссы;
Но здѣсь, здѣсь ѳиміамъ наукамъ воскури!
      Подъ сѣнью Лавра и Оливы,
      Препровождая дни счастливы,
Спѣшитъ и сей Парнассъ Наукъ умножить честь.
      Героямъ побѣждать прилично,
      Трофеи ставить имъ обычно;
Нашъ долгъ сὀ Музами бесѣду мирну весть.

О вы, сограждане! чтὸ духомъ благороднымъ
Влечетесь въ храмѣ семъ содѣлать почесть намъ,
Вы сердцемъ радостнымъ, съ отрадой нашей сход-
                                                  нымъ,
Совосплещите здѣсь усердныхъ Музъ сердцамъ!
      Вамъ благо отечества священно,
      Вамъ Россовъ имя драгоцѣнно:
Сіе, сіе и насъ собой животворитъ.
      Да гласъ всеобщихъ одобреній
      И плескъ сердечныхъ восхищеній
Еще быстрѣе насъ къ полету воскрилитъ!

Умножить блескъ Наукъ, открыть права природы,
Познать стези сердецъ, изгибы ихъ узрѣть;
Чѣмъ сильны, слабы чѣмъ, въ чемъ разнствуютъ на-
                                                  роды,
Какъ вѣдать, и чрезъ то ко счастью путь имѣть;
      Принять Уранію въ подруги
      И съ ней летать во звѣздны круги;
Чтὸ воздухъ, что земля, что моря глубина,

Познать, познать и ту науку,
Чтобъ зрѣть вездѣ всемочну руку—
Се здѣсь торжественна собранія вина!

И что къ сему влечетъ? кто Геній-предводитель?
Любовь къ отечеству и мудрости любовь.
Геройскихъ подвиговъ и честности учитель,
Она, она Парнассъ воспламеняетъ вновь.
Хотѣть сообразаться волѣ
Сѣдящей Россовъ на престолѣ
И сей Владычицѣ по силамъ подражать,
Испытывать пути возможны,
Къ спокойству отчества неложны—
Не есть ли вѣрности сыновнія печать?

Но кто Сія лучемъ божественнымъ блистаетъ?
Неизреченный видъ, небесна красота,
Единымъ маніемъ все зиждетъ, устрояетъ;
Единый взо́ръ Ея исполнилъ всѣ мѣста;
Сотканна риза изъ денницы,
Свѣтлѣе солнцъ Ея зѣницы;
Судъ, милость и законъ, и правда во устахъ;
Колеблетъ духомъ страшны бездны
И перстомъ движетъ круги звѣздны;
Вздохъ несѣкомаго Ей слышенъ въ ушесахъ.

Премудрость имя Ей, Іеговѣ совѣчна,
Непостижимая превыспреннимъ умамъ;
У стопъ Ея временъ пучина быстротечна,
И скипетры земнымъ даруемы царямъ.
Число стихій началородныхъ,
Во безконечность многоплодныхъ,

Благоговѣя, ждетъ велѣній устъ Ея.
Великихъ царствій къ оборонѣ
На лавроносномъ Россовъ тронѣ
Воспитанницу зримъ Богини мы сея.

Неизреченная! лучей Твоихъ огнями
Въ насъ мысли озари, проникни бренну грудь;
Ущедри, буди вождь, да свѣта мы стезями
И въ правотѣ души течемъ въ начатый путь.
Избрать сей путь, сей путь желанный,
Тобою мысли намъ влiянны;
Ты блага всякаго начало и конецъ.
Творенiй въ бездну углубляться,
Къ тебѣ мольбою воскриляться —
Есть Твой же лучъ и даръ для искреннихъ сердецъ.

Да кротка Дщерь Твоя, красяща горни своды,
Съ кристальныхъ облаковъ летитъ нашъ видѣть трудъ!
Она таинственный союзъ всея природы,
Ея превыспренни *согласiемъ* зовутъ:
Желаньемъ сердце наше таетъ,
Да вѣчно съ нами обитаетъ
И розами своихъ прiосѣняетъ крилъ!
Ея чело, гдѣ вѣчна младость,
И взглядъ раждающъ нѣжну радость,
Любезны очесамъ безсмертныхъ горнихъ силъ.

О вы! что̀ честiю, достоинствомъ отличнымъ
Избранны быть сего сословiя главой,
Вы ревностью своей и тщанiемъ обычнымъ
Содѣйствуйте, да нашъ и подвигъ и покой

Явится отчеству любезенъ,
Пріятенъ сердцу и полезенъ.
Да благородная цвѣтущихъ юношь кровь,
Презрѣвъ приманчивы забавы
Для собственной и общей славы,
Отличну ощутитъ къ премудрости любовь.

ОДА

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА **МИХАИЛА МАТВѢЕВИЧА ХЕРАСКОВА.**

—

Позволь, Херасковъ, мнѣ въ сей день, тобою чтимый,
Оставя долъ, летѣть Парнасса въ высоту;
Позволь и дай свои крилѣ неутомимы,
Дай лиру мнѣ свою и мыслей быстроту;
Похвалъ твоихъ въ пространно поле
Стремлюсь отважно и по волѣ;
Но что, могу ль его съ успѣхомъ прелетѣть?
Твоихъ добротъ цвѣты прекрасны,
Различны, многи, но согласны,
Счисляя, долженъ я вождемъ тебя имѣть.

Что новымъ нашъ Парнассъ въ сей день лучемъ блистаетъ,
Что плески радостны стремитъ до облаковъ,
Что новый злакъ его долины покрываетъ
И слышны пѣсни Музъ на высотѣ холмовъ:
То знакъ, что ревности устами,
Неухищренными сердцами
День первый дней твоихъ, день первый жизни чтимъ;
Онъ составляетъ счастье наше
И мнѣ онъ дней весеннихъ краше;
Я онымъ путь начну, стремясь къ хваламъ твоимъ.

Какой мнѣ лестный видъ предсталъ предъ умны
взоры,
Се кроткаго я зрю младенца въ пеленахъ!
Онъ на ѳессальскія несется свѣтлы горы,
Несется радостныхъ Піеридъ на рукахъ.
Изъ миртовъ колыбель сплетая,
Лилеи, розы подстилая,
Качаютъ всѣ его, да спитъ въ сладчайшемъ снѣ.
Любуясь имъ и нѣжно грѣя,
Претятъ свирѣпости Борея,
Да не коснется онъ Питомцу ихъ отвнѣ.

По снѣ пріятномъ ждутъ его утѣхи новы
И спорятъ Музы въ томъ, которой съ нимъ играть;
Обнять его — у всѣхъ объятія готовы,
Простерты всѣхъ уста, дабы его лобзать;
Всѣхъ взоры взоръ его срѣтаютъ,
Объемлютъ всѣ и всѣ лобзаютъ
И каждая свой духъ ліетъ ему во грудь;
То сладкій тонъ, иль голосъ лирный,
То нѣжности любви Зефирны
Стремятся по чредѣ въ гортань ему вдохнуть.

Но вдругъ Калліопа, трубу пріявъ гремящу,
Рекла: се должный даръ и се достойна честь!
Сей отрокъ, возмужавъ, пріиметъ крѣпость вящшу;
Онъ съ тѣмъ рожденъ, чтобъ звукъ геройскъ дѣлъ
вознесть;
И перстъ возведъ въ страны россійски,
И къ Волгѣ, гдѣ края асійски,
Рекла: сія рѣка, сей пышный градъ Казань

Его трубою вознесется
И въ вѣчность славою прострется
Россіянъ храбрая побѣдоносна длань.

Се тако, Меценатъ! на лонѣ Музъ прекрасномъ
Воспитанъ ты для насъ кастальскихъ дѣвъ млекомъ;
Цвѣтъ юности твоей созрѣлъ при Фебѣ ясномъ
И полдень лѣтъ твоихъ обогащенъ плодомъ;
Поя героевъ нашихъ славу,
И росска божества державу,
Тѣмъ сей текущій вѣкъ и самъ себя вознесъ;
Вѣнецъ гремящей Поэзіи,
Тобой имѣемъ мы въ Россіи
И незавиденъ намъ Эней и Ахиллесъ.

Ты нынѣ опочилъ спокойствія на лонѣ,
Окончивъ съ славою прехвальные труды,
Ты Музамъ предсѣдишь на лавроносномъ тронѣ,
Вкушая сладостны предтекшихъ лѣтъ плоды;
Парнассъ тебѣ московскій внемлетъ,
Отъ устъ твоихъ законъ пріемлетъ;
Спасительны твои глаголы свято чтитъ;
Его твои щедроты грѣютъ,
Тобой цвѣты ума въ немъ зрѣютъ;
Но то? уже ли ты симъ только знаменитъ?

Какъ сонмы разныхъ водъ раждаяся помалу,
Потомъ, соединясь въ пространство быстрыхъ рѣкъ,
Стремятся въ Океанъ ко своему началу,
Отколѣ первый токъ ихъ существа истекъ;
Подобна ты, о, Музъ отрада!
Трудовъ и подвиговъ награда:

Намѣренья свои и мысли и дѣла
Ко славѣ общей устремляешь
И то полезнымъ почитаешь,
Въ чемъ польза общества и въ чемъ его хвала.

Тамъ гордый мнитъ, что онъ, родясь отъ знатной крови,
Возможетъ безъ заслугъ великимъ въ свѣтѣ быть,
Имѣя чужду грудь и дружбы и любови,
Мечтаетъ, что ему весь долженъ свѣтъ служить.
Влюбясь въ достоинство наслѣдно,
Нося и духъ и сердце мѣдно
И благодѣтельна лишенъ всегда огня,
Склонить сердца къ себѣ стремится
И быть любимъ насильно тщится;
Но онъ изъ твердаго влечетъ огонь кремня.

Въ твоей душѣ огонь щедротный обитаетъ,
Кротчайшей теплотой твою питая грудь;
Усугубляется, когда онъ излетаетъ
Въ сердца другихъ людей чрезъ благотворный путь;
Онъ, ихъ животворя и грѣя,
И чувствіями ихъ владѣя,
Склоняетъ ихъ къ тебѣ, родивъ усердій плодъ.
Такъ Фебъ, лія лучи всесвѣтно,
Влечетъ на воздухъ непримѣтно
Частицы равныя съ луговъ, полей и водъ.

Иной, не вѣдая похвалъ цѣны прямыя,
Лукавыхъ устъ сѣтьми отвсюду окруженъ,
За малыя дѣла, или еще и злыя
Бываетъ лестію до облакъ вознесенъ,

    И мнитъ, что онъ великъ и славенъ,
    Полубогамъ на свѣтѣ равенъ,
От подлыхъ устъ купивъ за злато похвалы;
    Но мудрый видитъ въ немъ кумира,
    Почтенна суетно отъ міра,
Достойна по себѣ презрѣнья и хулы.

Твои дѣла собой похвальны, знамениты,
И тѣмъ еще тебѣ приносятъ вящшу честь,
Что скромности они завѣсою покрыты
И хвалитъ ихъ одно усердіе, не лесть.
    Мы зримъ въ тебѣ доброты многи,
    Но не включаемъ въ полубоги:
Ты человѣкъ, и симъ ты именемъ гордись;
    Оно велико и почтенно,
    Коль съ добродѣтелью спряженно;
Доволенъ буди имъ, собой его возвысь.

Другіе, праздности повергнувшись на ложе,
Забавъ и роскоши въ цвѣтахъ спѣшатъ уснуть,
Забывъ, что время всѣхъ сокровищъ ихъ дороже;
Отъ сладкой глупости не мыслятъ воспрянуть,
    И послѣ, вкусъ утѣхъ теряя,
    Своею жизнію скучая,
Желаютъ сократить теченье краткихъ дней.
    Имъ кажется, что злобно время
    Желѣзной колесницы бремя
Велитъ имъ влечь однимъ безъ помощи своей.

Но ты часы во дни, дни въ лѣта превращаешь,
И быстрыя связавъ ты времени крилѣ,
За цѣну хвальныхъ дѣлъ минуты упускаешь.

И долѣе живешь, чѣмъ Несторъ, на землѣ;
И только лишь о томъ жалѣешь,
Что кратку въ свѣтѣ жизнь имѣешь,
Чтобъ отечеству явить возможныхъ плодъ услугъ.
Кто въ семъ съ тобой согласно мыслитъ,
Часы и дни дѣлами числитъ,
Тотъ сынъ отечества и смертныхъ рода другъ.

И кто твои друзья? Я ихъ не именую.
Довольно мнѣ сказать: подобные тебѣ,
Подъ именемъ твоимъ ихъ равно описую;
Ихъ счастлива судьба равна твоей судьбѣ.
Льстецы, клеветники и лживы,
Коварны, праздны и кичливы
Отъ прага твоего бѣжатъ, гонимы прочь.
Какая же тому причина?
Отвѣтствую: сія едина,—
Не могутъ вмѣстѣ быть и день и мрачна ночь.

Склони главу твою спокойства на колѣни,
Почій подъ лаврами по ревностныхъ трудахъ,
Да окружатъ тебя прохладно мирны тѣни!
Почилъ! однакъ Парнассъ всегда въ твоихъ очахъ.
Уже на мраморѣ нетлѣнномъ,
Самой Минервой освященномъ,
Во храмѣ вѣчности твой зракъ изображенъ,
И тамъ, среди мужей избранныхъ,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанныхъ,
Блистаетъ, славою безсмертной осѣненъ.

Твой тихихъ дней корабль мірскихъ волненій въ морѣ,
На полныхъ парусахъ въ пристанище летитъ;

Твой умъ страстей валы и вихри въ бурномъ спорѣ
Владычествомъ своимъ покоитъ и миритъ.
Могу ли въ слѣдъ тебѣ стремиться
И скорости твоей сравниться?
Ахъ, нѣтъ! моя мала и бренна ладія,
Зря предъ собой тебя летяща,
Хвалой и честію гремяща,
Дивиться долженъ я,—и въ томъ судьба моя.

ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ, ГЛАВНОКОМАНДОВАВШЕМУ ВЪ МОСКВѢ, ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ, ГРАФУ **ЗАХАРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ**, НА СЛУЧАЙ ВСТУПЛЕНІЯ ЕГО ВЪ ПРАВЛЕНІЕ МОСКВЫ.

Москва! не можешь ты быть долго безутѣшна
И томно воздыхать подъ мракомъ бурныхъ тучъ:
Монархини рука тебѣ въ покровъ поспѣшна,
Возвысь главу и зри — отрадъ блистаетъ лучъ!
    Богини росскія отъ трона,
    Въ награду твоего урона,
Спасительный глаголъ и радостный истекъ:
    Самъ Богъ, самъ правящій судьбами,
    Ея премудрыми устами
Уже тебѣ вождя достойнаго нарекъ.

Нарекъ! сей вождь къ тебѣ свой кроткій взоръ возводитъ,
Готовитъ радостны и безмятежны дни,
Сопутствуетъ ему щедрота, судъ предходитъ,
Почіещъ Истины и Милости въ тѣни:
    Какъ прежде, потекутъ отрады,
    И всѣ тебѣ сосѣдни грады
Ихъ сладостны струи, какъ прежде, испіютъ;
    Среди спокойствія весела
    Безбѣдно ликовствуя села,
Простыми трелями блаженство воспоютъ.

Не льщу, дражайшій Графъ! Москвѣ такой судьбою,
Но правдой движася, вѣщаетъ мой языкъ;
Такъ, будутъ счастливы сограждане тобою,
Споручникомъ тому твоихъ талантовъ ликъ.
И то, что Вышняго по волѣ
На россскомъ Сѣдшею престолѣ
Къ сему великому ты званію избранъ;
Она въ избраньи прозорлива
И Ею Россовъ жизнь счастлива;
Она божественныхъ вѣщаній намъ органъ.

Герой безтрепетный, подвижникъ знаменитый,
На Марсовыхъ поляхъ трофеи ты воздвигъ;
Твой мечъ, оливами и лаврами обвитый,
Явилъ намъ, до какихъ ты почестей достигъ!
Но я Беллону оставляю,
Любезну тишину срѣтаю,
И сладкій миръ лобзать съ тобою посвѣшу;
Среди спокойства безмятежна,
Въ объятіяхъ Зефира нѣжна
Коль славенъ ты, великъ, — я возвѣстить хощу.

Ты вѣдаешь, о, Графъ! и мыслишь повсечасно,
Что къ пользѣ общества вліянъ въ насъ жизни даръ;
Съ добротой истинной что сходно и согласно,
Къ тому души твоей стремится бодрый жаръ.
Кто пользой собственной и славой,
Сей малыя души забавой
Влекомъ, творитъ добро, тотъ не великъ еще;
Но кто жъ великимъ наречется?
Кто титломъ симъ отъ насъ почтется?
Кому оно, кому прилично не вотще?

Се той, что за добро не ждя мздовоздаяній,
Возлюбитъ отчество, любить какъ долженъ сынъ,
Тогда, тогда уже онъ будетъ мужъ желаній,
Для свѣта цѣлаго любезный гражданинъ.
Единыхъ отроковъ наградой,
Для нихъ пріятною отрадой
Къ полезному для нихъ мы должны привлекать.
Но, мужества ходяй стезею,
Великой украшенъ душею,
Стыдится за добро хвалой себя питать.

Коль солнце радостны стремитъ лучи съ эѳира
И гонитъ ночи мглу, раждая свѣтлый день;
Различны вещества подоблачнаго міра
Неволей на земли свою являютъ тѣнь:
Такъ мужъ, достоинствомъ блестящій
И чести въ высотѣ стоящій,
Коль мещетъ лучъ добротъ и благотворный свѣтъ,
Тогда отъ всѣхъ хвала и слава,
Гдѣ льсти не кроется отрава,
Какъ непремѣнна тѣнь спѣшитъ добротамъ въ слѣдъ.

О, честь высокихъ душъ, примѣръ вѣковъ грядущихъ,
Отрада сладостна для страждущихъ сердецъ!
Отъ всѣхъ тебѣ, отъ всѣхъ, подобный духъ имущихъ
И честность любящихъ, сплетается вѣнецъ.
Но взоръ людей неблагодарныхъ
И сильныхъ въ хитрости, коварныхъ,
Отъ взора твоего, спѣша, стремится прочь;
Гдѣ правда стрѣлы быстры мещетъ,
Тамъ злобна грудь, стеня, трепещетъ;
И что виной тому? бѣжитъ отъ свѣта ночь.

Сколь любишь истину, науки, добродѣтель,
Сколь къ пользѣ отчества въ тебѣ пылаетъ духъ,
Неложный сихъ добротъ блистающихъ свидѣтель
Всякъ знающій тебя, всякъ вѣрный правдѣ другъ;
Но паче всѣхъ о томъ вѣщаетъ,
Твои дѣянья прославляетъ,
Тобою правимый градъ счастливъ Могилевъ.
Чрезъ время краткое тобою,
Къ блаженству, радостямъ, покою
Уже возстать, востечь, возвыситься успѣвъ.

Питомцевъ чистыхъ Музъ подъ свой покровъ пріемля
И правя кротостью къ полету ихъ крылѣ,
Полезнымъ ихъ трудамъ благоволеньемъ внемля,
Потщился истреблять ты грубость въ сей землѣ:
Гдѣ были тернія колючи
И мрачныя носились тучи,
Тамъ розы днесь цвѣтутъ, тамъ чистый блещетъ свѣтъ,
Покрыты нѣжнымъ злакомъ горы,
Вездѣ Піеридъ стройны хоры;
Отрада новая отрадѣ въ слѣдъ течетъ.

Ты животворною щедроты теплотою
Премногимъ токи слезъ вдовицамъ осушилъ,
Стенящимъ въ сиротствѣ, стѣсняемымъ судьбою
Объятія отца со кротостью явилъ;
И не печаль тогда, но радость
И благодарна чувства сладость
Еще потоки слезъ изъ ихъ очей влекла;
Среди пріятныхъ восхищеній
Мольба, мольба благодареній
Къ Источнику щедротъ изъ ихъ сердецъ текла.

Но се пространнѣе тебѣ открылось поле,
Гдѣ можешь сѣмена благія разсѣвать.
Воззри! есть жаждущи еще въ семъ красномъ долѣ,
Ты можешь росу имъ прохладну источать.
Еще, еще себя прослави,
Трофеи на сердцахъ постави,
И не разрушатъ ихъ грядущи времена.
Москва на образъ твой взираетъ
И кротость въономъ созерцаетъ —
Дражайшій Графъ! ея надежду ты сверши.
Тебѣ то сродно и возможно,
Насъ увѣряетъ въ томъ неложно
Твоей геройскія величество души.

Но, Муза, умолчи!... Уже онъ съ сей степени
Свой защитительный покровъ на всѣхъ простеръ,
Простерлись равно намъ спокойства лестна тѣни.
Воззрите, граждане! намъ Вождь во всемъ примѣръ:
Въ очахъ сіяетъ прозорливость,
Изъ устъ исходитъ справедливость,
Намъ Истина его десницей пишетъ судъ.
Безчеловѣчные! страшитесь,
Безсильныхъ утѣснять брегитесь:
Гонимые отъ васъ къ нему возопіютъ.

Умножьте, Музы, вы, умножьте стройны звуки,
Возвысьте къ облакамъ веселіемъ Парнасъ,
Лавровые вѣнцы примите въ нѣжны руки—
Да увѣнчается желаній мужъ отъ васъ.
Герой! ты почестей достоинъ,
Ты въ полѣ вождь и равно воинъ,
Градоначальникъ мудръ.... Ты будешь мнѣ покровъ;

Твоимъ я взоромъ ободренный,
Тобой къ полету воскриленный,
Съ Гораціемъ коснусь заоблачныхъ холмовъ.

Да бурі въ ярости жестокой не дерзаютъ
Пріосѣняющій Москву сражати Кедръ,
И вихри шумные отъ насъ да поспѣшаютъ
Во узы каменны, во внутрь кавказскихъ нѣдръ.
Да въ вѣтвіяхъ высока древа
Птенцы, гонимые отъ зѣва,
Отъ зѣва хищныхъ птицъ летятъ себя укрыть;
Да путники при дневномъ знoѣ,
Въ прохладѣ сладкой и покоѣ
Подъ сѣнію его возмогутъ опочить.

═══

ИДИЛЛІЯ

КАЛЛИДОРЪ.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА.

Ноября 12 дня, 1781 года.

Муза Эвтерпе и Нимфа Дориса.

Оставя гордый холмъ пресвѣтла Геликона,
Гдѣ Фебу утвержденъ незыблемый престолъ,
Гдѣ громъ геройскихъ трубъ и сладость лирна тона,
Эвтерпе нѣжная спустилась въ злачный долъ,
Со Нимфой милою увидѣться желая,
Кристалловидныхъ водъ гуляя по брегамъ,
Невинныя любви утѣхи воспѣвая,
Дорису милую манила ко струямъ.
Разшесся гласъ ея въ потокахъ Иппокрены
И плескомъ повторенъ ликующихъ Наядъ,
Плясали древеса и рощицы зелены,
Долины и поля исполнились отрадъ.
Сей гласъ на крыліяхъ Зефира безмятежна
Играя, прелетѣлъ на оный мягкій лугъ,
Гдѣ разные цвѣты рвала Дориса нѣжна,
Пренесся и влетѣлъ красавицѣ во слухъ.

Нельзя, чтобъ не пошла Дориса къ милой Музѣ
И можетъ ли себя лишить драгихъ забавъ?.
Издавна Музы всѣ со Нимфами въ союзѣ:
Ихъ сходны голоса, сердца и видъ и нравъ.
Пришла, увидѣлась и дружески лобзанья
Ихъ розовы уста спрягаютъ межъ собой,
Восчувствовали вдругъ едины пожеланья,—
Какія? къ пѣнію устроить голосъ свой.
Эвтерпе говоритъ подружкѣ, улыбаясь:
Тебѣ со мною быть здѣсь нужно цѣлый день,
Мы будемъ вмѣстѣ пѣть,другъ другомъ восхищаясь.
Пойдемъ, насъ мягкій Пальмъ зоветъ къ себѣ подъ тѣнь.
Любезный Каллидоръ, предстатель знаменитый,
Виною пѣнія днесь будешь ты для насъ!
Днесь чтится Ангелъ твой, тебѣ соименитый,
Тобой начнемъ, тобой скончаемъ въ пѣсни гласъ.
Дориса ей въ отвѣтъ: хвалы его исчислить,
Дѣянья описать въ насъ силъ довольныхъ нѣтъ,
И можемъ лишь о нихъ благоговѣйно мыслить.
Но пусть начни, тебѣ иду охотно въ слѣдъ.

ЭВТЕРПЕ.

Возвысся гласъ на Пиндъ священныхъ Музъ къ собору,
Вѣщая похвалы нелестны Каллидору.
Престолу предстоя Богини россихъ странъ,
Простершей сильну власть на гордый Океанъ,
Онъ благости Ея и Матерни щедроты,
И кротость мирную, любезныя доброты
Ходатайствуетъ всѣмъ, кого судьба тѣснитъ,
Кто зависти стрѣлой низвергнувшись лежитъ,

От смертныхъ гонитъ прочь несчастія суровы,
И рушатся предъ нимъ свирѣпыхъ золъ оковы;
Гдѣ лучъ его очей, тамъ бѣдствій таетъ ледъ,
Печали мгла бѣжитъ, его гдѣ блещетъ свѣтъ:
Зря бѣдность плачущу, онъ слезы проливаетъ;
Но только ли ее слезами утѣшаетъ,
И состраданіемъ являетъ помощь ей?
Ахъ, нѣтъ! но, благостью влекомъ души своей,
Стремится изобрѣсть и способы и средства
Удобны прекратить отчаянье и бѣдства.
Исполнены щедротъ и сердце въ немъ и грудь,
Гдѣ къ радости всегда отверзтъ несчастнымъ путь.
Чтó былъ Персею щитъ, Минервой дарованный,
То намъ Предстатель сей, заслугами вѣнчанный.
О, вы! чтó мглой свирѣпствъ разсудокъ омрача,
И человѣчеству дверь къ сердцу заключа,
Веселостей своихъ уснувъ на мягкомъ ложѣ,
Сей сонъ считаете всего для васъ дороже —
Почто вы ропщете, когда прискорбій гласъ
И стонъ несчастливыхъ въ семъ снѣ смущаетъ васъ?
На язвы лютыя судьбою пораженныхъ,
Подъ игомъ бѣдствія и немощи стѣсненныхъ,
Благоутробія излейте вы бальзамъ,
То будетъ въ вашу честь куриться ѳиміамъ;
Вамъ на стези утѣхъ и сладкія забавы,
Не тернъ произрастетъ, но благовонны травы;
Не воздыханія, терзающія духъ,
Но гласы радостны прострутся вамъ во слухъ.
Тогда познаете, коль сладко и любезно
Отъ смертныхъ отвращать несчастій бремя слезно;
Восчувствуете вы, коль лестна и мила
Отъ благодарныхъ устъ текуща похвала.

Дражайшій Каллидоръ гонимыхъ воплю внемлетъ
И благодарну дань отъ нихъ себѣ пріемлетъ:
Потщитесь вы ему въ щедротахъ подражать,
Учитесь, какъ сердца къ почтенію плѣнять.

ДОРИСА.

Прекрасна, счастлива, любезна та Аврора,
Что въ свѣтъ рожденнаго узрѣла Каллидора.
Благоволеніемъ привѣтливыхъ судебъ,
Блистательнѣй лучи стремилъ пресвѣтлый Фебъ,
Златые съ плечъ власы пуская по эѳиру,
Въ восторгѣ радостномъ вѣщалъ къ подзвѣздну міру,
Что мужъ желанія и знаменитъ пришлецъ
Вступилъ уже въ него къ веселію сердецъ,
Угрюмой осени толь пасмурные взгляды,
Природѣ вопреки, исполнились отрады,
И въ первый разъ она въ своихъ дождливыхъ дняхъ
Усмѣшку нѣжную явила на устахъ.
И можно ль было ей въ тотъ день не веселиться,
Въ который суждено судьбой тому родиться,
Кто радость, тишину и блескъ весеннихъ дней
Изображаетъ намъ любезною душей?
Но тучахъ яростныхъ, и дождь и громъ носящихъ,
И гибелью судамъ волнуемымъ грозящихъ,
Морей безмолвіе и темность тихихъ водъ,
Лазуремъ блещущимъ небесъ покрытый сводъ,
Подъ коимъ съ тонкостью паровъ безъ облакъ мрачныхъ,
Цвѣты Иридины смѣсясь въ лучахъ прозрачныхъ,
Уклоншися, висятъ Эѳира на зыбяхъ,
Изображаяся въ колеблемыхъ струяхъ,
Не столько веселитъ пловцовъ изнеможденныхъ,

И моря безднoю и громомъ устрашенныхъ,
Сколь Каллидорова кротчайшая душа
Отрады намъ ліетъ, Зефирами дыша.
Почтила бъ алтаремъ и ѳиміамомъ древность
Ко благу общему горящую въ немъ ревность:
Великій духъ его и благородна кровь
Питаютъ къ отчеству сыновнюю любовь;
Не бренными отъ насъ онъ чтится алтарями,
Но сердцемъ радостнымъ, нелестными устами.

ЭВТЕРПЕ.

Возвысся гласъ на Пиндъ священныхъ Музъ къ собору,
Вѣщая похвалы нелестны Каллидору.
Предтекши времена вообразя въ умѣ,
Толь долго бывшія невѣжества въ тмѣ,
И сей текущій вѣкъ, сей вѣкъ Екатерины,
Раждающій вездѣ оливы, лавры, крины,
Сравнивши, онъ позналъ, что Музъ драгихъ труды
Приносятъ сладостны отечеству плоды
И, покровенные Монаршею державой,
Вѣнчаютъ общество и честію и славой;
Сіяніемъ своихъ спасительныхъ лучей
Отъемлютъ грубый моракъ разсудка отъ очей;
Къ прехвальнымъ дѣйствамъ огнь и сѣмена благія
И ревность къ почестямъ льютъ въ сердца младыя,
Познавши то, стремитъ и мысли и дѣла,
Чтобъ красота наукъ межъ Россами цвѣла;
И самъ съ высокія достоинства степени,
Къ нимъ радостныхъ наградъ распростирая тѣни,
Стремленье новое и бодрость въ нихъ ліетъ,
Примѣромъ собственнымъ примѣръ другимъ даетъ.

Касталиды, всегда щедроть его покровомъ
Пріосѣняяся, ликуютъ въ счастьи новомъ;
Тому свидѣтели Петрополь и Москва,
Которыхъ лаврами вѣнчанная глава,
Вознесшись славою превыше странъ эѳирныхъ,
Внимаетъ гласы трубъ и сладость тоновъ лирныхъ.
Среди ихъ гордыхъ стѣнъ, о, лестный видъ очамъ!
Жилища Меонидъ возвысясь къ облакамъ,
Стоятъ незыблемо, Минервой утвержденны,
Ея владычнею десницей покровенны,
Гдѣ Музамъ предсѣдя, дражайшій Каллидоръ
Щедротами живитъ священный ихъ соборъ.
О, современныхъ честь, хвала доброты чтущимъ,
Неподражаемый примѣръ вѣкамъ грядущимъ!
Коль тяжко было намъ, ты можешь вобразить,
Когда хотѣлъ тебя суровый рокъ сразить,
Или твой крѣпкій духъ Всевышній испытуя,
Болѣзнью посѣтилъ, насъ кротко наказуя,
Какой печалію тѣснились въ насъ сердца,
Лишаясь своего защитника—отца!
Достойно зрѣлище всегда благоговѣній,
И незагладимыхъ сердечныхъ впечатлѣній,
Какъ добродѣтельный недугомъ отягченъ
И смерти ужасомъ отвсюду окруженъ,
Съ ней борется, ея свирѣпость презираетъ
И упованія Эгидой отвращаетъ!
Мы зрѣли все сіе, о Коллидоръ! въ тебѣ,
Ты нуженъ отчеству, любезенъ и судьбѣ.
Источникъ здравія съ небесъ тебѣ излился,
Ты, онымъ оживленъ, къ намъ паки возвратился;
Прешла печаль, прешла прискорбій мрачна тѣнь
И паки возсіялъ отрадъ веселыхъ день.

ДОРИСА.

Прекрасна, счастлива, любезна та Аврора,
Что въ свѣтъ рожденнаго узрѣла Каллидора.
Здѣсь Фавны рѣзвые, сбѣгаясь изъ лѣсовъ
Въ луга, пестрѣющи различіемъ цвѣтовъ,
Манятъ къ себѣ Дріадъ и взоромъ и руками
И вновь сплетенными зелеными вѣнками:
Онѣ летятъ, и се, составя стройный кругъ,
Прельщаютъ пляской взоръ, а сладкой пѣснью—
слухъ,
Склоняются древа на гласы ихъ свирѣлей,
Повсюду носится отзывъ пріятныхъ трелей,
Вездѣ отъ нѣжныя прелестницъ красоты
На радостныхъ поляхъ раждаются цвѣты,
Что ароматъ въ струи журчащи изливая
И обоняніе Нереидъ услаждая,
Зовутъ ихъ на брега изъ сребровидныхъ водъ,
Чтобъ съ Нимфами лѣсовъ составить хороводъ:
Источникъ движется, струи въ струяхъ играютъ,
Богинь своихъ исходъ на берегъ возвѣщаютъ,
Которыхъ волосы, прелестно распустясь,
Уже и плаваютъ, поверхъ воды віясь;
Зефиръ услужливый среди кустовъ не дремлетъ,
Летитъ, и тѣ власы на крылія подъемлетъ
И капли бисерны онъ стряхиваетъ съ нихъ
Въ любовной рѣзвости лобзаньемъ устъ своихъ.
Вдругъ въ восхищеніи Нереиды веселомъ
На влагѣ зыблемой являются всѣмъ тѣломъ.
О, Грація! представь ты кистію своей
Ихъ пляшущихъ поверхъ колеблемыхъ зыбей,
Ихъ руки нѣжныя, взаимно сплетенны,

Всѣ прелести въ кристаль прозрачный облеченны!
Ихъ пѣсни сладостны Дріадамъ въ слухъ текутъ.
Дріады имъ во слухъ взаимно пѣснь ліютъ;
Единый Каллидоръ ихъ пѣнія виною,
Въ его хвалѣ онѣ согласны межъ собою.
Чрезъ горы, степи, лѣсъ, чрезъ шумный океанъ
Сихъ нѣжный гласъ пѣвицъ достигнетъ оныхъ странъ,
Гдѣ Каллидоръ себя чрезъ странствіе прославилъ,
Слѣды своихъ добротъ и хвальныхъ дѣлъ оставилъ,
Въ талантахъ чтобъ своихъ умножить чистый свѣтъ
И все, что къ истинной премудрости ведетъ,
И чтобъ другихъ познать права, законы, нравы,
Пути, ведущіе на горній степень славы,
Узрѣть изящности художественныхъ рукъ,
Многоразличные плоды драгихъ наукъ,
Леталъ онъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ прахъ почилъ Ма-
роновъ,
Гдѣ гробы славные Лукулловъ и Катоновъ.
Кропила зракъ его, Секвана, ты собой
И шествіемъ его гордился берегъ твой!
Среди твоихъ лилей роскошну нѣгу пьющихъ,
И росу слабости и томности ліющихъ,
Узрѣли ясно всѣ, что въ томъ его хвала,
Чтобъ быть подъ тѣнію россійскаго орла,
И что его главѣ не злачность ароматна,
Но россихъ лавровъ честь любезна и пріятна.
И зависть самая, о, рѣдка въ свѣтѣ честь!
Принуждена его любить, отвергши лесть.
Поистинѣ тотъ всѣхъ исполненъ дарованій
И нарицается достойно Мужъ желаній,
Зовется не вотще великій человѣкъ,
Кто зависти отъ устъ хвалы себѣ извлекъ.

ЭВТЕРПЕ.

Се ночь готовится воззрѣть съ эѳира низу
И чистымъ бисеромъ простерть блестящу ризу;
Уже вѣнчается луной ея чело
И солнце на зыбяхъ Нептуна возлегло.
Дориса милая, мы пѣніе скончаемъ,
Желаніемъ его усерднымъ увѣнчаемъ:
Для славы отчества, къ защитѣ чистыхъ Музъ,
Къ прерванью тягостныхъ судьбы гонящей узъ
И къ чести всѣхъ путемъ премудрости ходящихъ,
Судъ, милость, истину и правоту хранящихъ,
Пусть Каллидору въ грудь отрады лучъ течетъ
И здравіе собой желанно изліетъ.
Его дѣла, его доброты драгоцѣнны
Пребудутъ въ вѣкъ отъ дѣвъ парнасскихъ незабвенны.
На радостныхъ холмахъ священныхъ нашихъ горъ
Я лиру посвящу тебѣ, о Каллидоръ!

ДОРИСА.

Какъ ласковый Зефиръ въ поляхъ цвѣты лобзаетъ
И ароматомъ ихъ пріятнымъ оживляетъ,
Имъ нѣжность новую и новыя красы
Даетъ въ полуденны и утренни часы:
Пусть тако счастіе, пусть радостной отрады
И мирной тишины исполненные взгляды
Прострѣтъ къ тому, кого въ усердіи своемъ
Правдивой мы хвалой вѣнчаемъ и поемъ.
О, Счастье! къ чтимому языкомъ и сердцами
Лети, лобзай его нельстивыми устами
И, прилетѣвъ, уже не возвращайся вспять,
Дабы льстецомъ тебя престали нарицать,

Не будешь впредь слѣпымъ отъ мудрыхъ называться,
Коль будешь Меонидъ съ предстателемъ лобзаться.
Вечерняя взойдетъ, иль утренняя заря,
Я буду пѣть его, усердіемъ горя.

Такъ пѣніе свое подружки окончали.
Въ похвальномъ семъ трудѣ узрѣла ихъ Луна,
Лучи ея тогда пріятнѣй возсіяли,
Въ восторгѣ радостномъ явилась и она;
На холмы и лѣса, и на луга веселы
Изъ рукъ дѣвическихъ и блещущихъ очей
Пустила съ высоты вдругъ сребряныя стрѣлы,
Въ знакъ удовольствія и радости своей.

ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ
ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

Герой! твоихъ побѣдъ я громомъ изумленъ,
Чудясь, безмолвствовалъ въ забвеніи пріятномъ;
Но тѣмъ же громомъ я, внезапно возбужденъ,
Въ восторгѣ зрю себя усердію понятномъ;
Сорадуясь огню, чѣмъ грудь моя горитъ,
Мнѣ геній лиру далъ съ улыбкой нѣжныхъ взоровъ,
И лира пѣть велитъ:
Великъ, великъ Суворовъ.

Правдивъ сей гласъ, твердятъ враждебныя толпы,
То знаетъ наша грудь, тверда какъ горный камень;
Но взглядъ Суворова... скользятъ у насъ стопы
И превратится въ ледъ турецкихъ персей пламень;
Единымъ именемъ онъ молніи ударъ;
Гдѣ онъ, уже молчатъ орудій нашихъ звуки,
Насъ кроетъ хладный паръ
И сотрясутся руки.

Узря волнуемый его пернатый шлемъ,
Пагубоносную мы зримъ себѣ комету,
Предтечу бурныхъ тучъ со пламеннымъ дождемъ,
Носящихъ гибель намъ, стыдъ вѣчный Магомету,

Приближится она, приближатся онѣ —
Расторглися, летятъ перуны безпрестани.
Вотще Визирь въ огнѣ
Подъемлетъ къ небу длани.

Вотще возноситъ онъ со воплемъ Алкоранъ,
И видно, нашъ Пророкъ не въ небесахъ, во адѣ;
До Турокъ ли ему, онъ самъ себѣ тиранъ;
Мы престаемъ просить глухаго о пощадѣ;
Мы престаемъ, и знавъ, что къ намъ Суворовъ строгъ,
Отъ ядеръ пушечныхъ не ждемъ пріятныхъ слѣдствій,
И легкостію ногъ
Спасаемся отъ бѣдствій.

Такъ врагъ признателенъ! что жъ россіе полки?
Ихъ гласъ, какъ сонмы водъ, щумящъ и совокупенъ:
Суворовъ гдѣ, тамъ власть всемочныя руки,
Тамъ страха нѣтъ сердцамъ, и самый рокъ приступенъ;
Въ его десницѣ мечъ—намъ свѣтлый облакъ въ день,
Столпъ огненный въ ночи, стремящій въ сопостаты
Смертей различныхъ тѣнь
И молніи крылаты.

Гдѣ онъ, тамъ каждый строй и каждый полкъ—стѣна,
Всѣ твердый адамантъ, и всѣ единодушны;
Намъ гладокъ путь холмовъ кремнистыхъ крутизна;
Единый мигъ — и всѣ готовы и послушны.
Пусть Рымникъ съ Кинбурномъ соплещутъ славой намъ,

Сраженны гдѣ чалмы, забавная потѣха:
Различно по полямъ
Катались какъ для смѣха.

Что сихъ побѣдъ вина? Герой нашъ мало спитъ:
Исполненъ къ отчеству любви, и къ Богу вѣры,
Онъ скоръ, неутомимъ, предчувствуетъ, предзритъ,
Спокойно зиждетъ все, сообразуетъ мѣры,
Любимъ подвластными, ихъ попечитель нуждъ,
Труды являетъ имъ какъ нѣкія забавы;
Корысти подлой чуждъ,
Ревнитель Россамъ славы.

Коль славно для него и днесь и въ поздній вѣкъ!
Германскихъ вождь полковъ съ нимъ славу раздѣляя,
Руководителемъ своимъ его нарекъ,
Почтеньемъ воскриленъ, и зависть попирая.
Великихъ свойство душъ! достоинство любя,
Кобургскій какъ Герой и дѣйствуетъ и мыслитъ,
Возвышеннымъ себя
Чрезъ униженье числитъ.

Таковъ, Суворовъ, ты подъ шлемомъ и мечемъ,
Таковъ, какъ молніи твои въ противныхъ мещешь,
Но ты же съ ласковымъ и радостнымъ лицемъ,
Средь лика чистыхъ Музъ, и пѣснямъ ихъ сопле-
щешь;
Почтенъ сѣдинами, средь шума, средь войны,
Минуты для наукъ искусно уловляешь,
Съ цвѣтами тишины
Ты лавры сопрягаешь.

Герой съ героями, при важности бесѣдъ,
Какъ рвеньемъ пламеннымъ ко благу Россовъ дышешь
И, мыслями вперенъ грядущихъ въ связь побѣдъ,
Шутя, къ младенцамъ ты, какъ быть героемъ, пишешь.
Великъ, великъ тобой описанный Герой.
Но я, коль сердцемъ я своимъ не обольщаюсь,
Въ немъ вижу образъ Твой,
И онымъ восхищаюсь.

О! еслибъ мнѣ твой духъ — и легкое перо,
Изобразилъ бы я.... Судьба не такъ рѣшила:
Витія слабый я, усердье лишь быстро,
Усердіе быстро, изнемогаетъ сила.
Ты, снисходя мнѣ, Графъ, доволенъ онымъ будь,
Прими, прими мой стихъ, что сердце мнѣ вѣщало,
Въ себѣ питала грудь,
Усердье начертало.

Услужливый Зефиръ! обрадуй, воскрились,
Неси къ Суворову, неси мой голосъ лирный!
Любезенъ, ласковъ ты, тамъ съ громомъ подружись,
И звукамъ бранныхъ трубъ вѣщай привѣтства мирны;
Летя къ нему, не бойсь, пріятенъ имъ Герой;
Премѣнятъ для него угрюмость разговоровъ
И повторятъ съ тобой:
Великъ, великъ Суворовъ.

ЭПИСТОЛА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

—

Суворовъ! громомъ ты крылатымъ облеченъ
И молній тысящью разящихъ ополченъ,
Всегда являешься во блескѣ новой славы,
Всегда виновникъ намъ торжествъ, отрадъ, забавы!
Ты, рѣки огненны пуская на враговъ,
Свистящихъ тучи ядръ во твердость ихъ холмовъ,
Соратнымъ предтечешь, покрытъ геройскимъ потомъ,
И ставишь грудь свою отечеству оплотомъ;
Ты въ подвигахъ, трудахъ, средь бранныхъ тучъ безъ сна;
А мы, чуть знаемъ мы, что есть у насъ война, —
Такое чрезъ тебя спокойствіе вкушаемъ!
Ты въ лаврахъ, мы себѣ и миртъ и пальмъ срываемъ;
И если знаемъ мы, что Россы средь полей,
Что въ югѣ страшна брань, свирѣпствуетъ Арей;
Такъ вѣсть о томъ даютъ побѣдъ твоихъ намъ громы,
На крыльяхъ радостныхъ въ отечество несомы,
Для чалмоносныхъ бывъ ты ужасомъ головъ,
Ты утѣшаешь насъ, какъ малыхъ отроковъ.

Признаться, мучила насъ любопытства сила,
И неизвѣстностью сердца въ насъ щекотила:
Чѣмъ Россамъ кончится девятьдесятый годъ?
Падетъ ли въ долъ еще враждебный гдѣ оплотъ?
Но ты, предузнавать исполненъ бывъ искусства
И видѣть тайныя твоихъ сограждань чувства,
Тотъ славно кончилъ годъ, повергнулъ Измаилъ
И въ новый годъ его Россіи подарилъ.
Позволь, дражайшій Графъ, миролюбивой Музѣ,
Живущей съ нѣжностью и тишиной въ союзѣ,
Сраженій бурныхъ звукъ отъ мыслей удалить
И взоръ души отъ рѣкъ кровавыхъ отвратить.
Чтобъ въ точность описать, какъ пала злоба горда
Предъ громоносцами вѣнчанна славой Норда;
Какъ другъ Очакова, ужасный Исполинъ,
Могущій замѣнить сто крѣпостей единъ,
Грозящій облакамъ надменною главою,
Стремящъ изъ челюстей каленый вихрь со мглою,
Упрямый Измаилъ, всю твердость погубя,
Пресиленъ наконецъ, поверженъ отъ Тебя:
Какъ воины твои, или орлы пернаты,
Чрезъ рвы, на крутизну, на горды, тверды скаты,
Противъ мечей, штыковъ, противъ Циклопскихъ стрѣлъ,
Которы злобный адъ во гнѣвѣ изобрѣлъ,
По гласу твоему летѣли, устремлялись,
Быстрѣе стрѣлъ неслись и лавромъ увѣнчались.
Повсюду огненный смертей разсыпавъ дождь,
Являя, кто они и кто ихъ въ полѣ вождь:
Какъ ревностный Дунай, побѣды намъ радѣя,
Струями влажными, играя, пламенѣя,
Восторговъ радостныхъ и бранна звука полнъ,

Твой громъ спѣшилъ принесть въ пучину черныхъ
волнъ,
Да россихъ кораблей крылѣ ему соплещутъ,
И ребра твердыя Стамбула вострепещутъ;
Чтобъ всѣ толь дивныя, толь страшныя дѣла,
Которымъ въ поздній родъ безсмертіе, хвала,
Представить, описать, воспѣть согласно, стройно,
Одной Гомеровой трубѣ гремѣть достойно;
Изъ молній должно быть перо сотворено
И Стикса хладнаго въ струи погружено.
Невинный многихъ слезъ и гибелей содѣтель,
Ты самъ сихъ ужасовъ и трепета свидѣтель!
Россіи твердый щитъ, геройска сонма честь,
Перунами врагамъ являющъ должну месть!
Громады низложа въ пустынныя долины,
Предъ свѣтомъ оправдалъ ты духъ Екатерины,
Предзрящъ, предвѣдущъ духъ, кому вручати громъ,
И какъ торжествовать со славой надъ врагомъ.
Внемли, простри Твой слухъ, привыкшій къ звукамъ
брани,
Внемли усердію тебя достойной дани,
Усердью россихъ чадъ — о! если бы ты зналъ,
Какъ образъ свой въ сердцахъ ты Россовъ начер-
талъ:
Твой духъ, воспламенясь похвалъ нелестныхъ жаромъ
И нѣжно восхищенъ сердецъ правдивыхъ даромъ,
Авроры утренней на крыльяхъ бы летѣлъ,
Чтобъ зрѣть у насъ въ груди награду славныхъ дѣлъ,
Чтобъ, въ тысящи себя премноги раздѣляя,
Всѣхъ мыслямъ мысль свою съ пріязнью сообщая,
Познать, увѣриться, въ восторгѣ ощутить,
Коль сладостно любовь сограждан заслужить!

Здѣсь дружески тобой исполнены бесѣды,
Изъ устъ въ уста твои преносятся побѣды;
И еслибъ зависть гдѣ могла противостать,
Была бы со стыдомъ принуждена молчать.
Источникъ важныхъ думъ и милыхъ въ насъ мечтаній,
Влекущій всѣхъ къ себѣ сердечныхъ токъ желаній;
Дражайшій Графъ! познай подъ громомъ мы твоимъ
Въ пріятной тишинѣ всегда спокойно спимъ.
Здѣсь розы нѣжатся, здѣсь мирты зеленѣютъ,
Отъ лавровъ красоту твоихъ они имѣютъ.
Шумъ кроткій сочетавъ со звукомъ стройныхъ лиръ,
Цѣлуясь, рѣзвится со Нимфами Зефиръ,
Виной въ томъ пламенны тѣ вихри и крылаты,
Что усремляешь ты на горды сопостаты.
Богиню Паѳоса, усмѣшекъ нѣжныхъ мать,
Живущій Марсъ въ тебѣ стремится защищать
Прелестно зрѣлище. Я былъ тому свидѣтель,
Какъ, воплощенная природой добродѣтель,
Климена, скромная весеннихъ дней заря,
Прелестна бѣлизной, румянцемъ розъ горя,
Держа въ объятіяхъ въ часъ утра безмятежный
Супружней плодъ любви, плодъ радостный и нѣжный,
И матерней къ нему горячностью дыша,
«Разсмѣйся жизнь моя, разсмѣйсь моя душа,
«Суворовъ побѣдилъ, онъ насъ хранитъ» сказала,
И на его устахъ лобзаньемъ рѣчь скончала.
Не всѣ такъ матери, не всѣ такъ говорятъ,
Но чувствіемъ такимъ, повѣрь мнѣ, всѣ горятъ.
Что лестнѣе сего? скажи безстрашный воинъ.
Великъ, кто искреннихъ похвалъ отъ насъ достоинъ.
Когда желаннаго возникнетъ мира свѣтъ,

Чтобъ намъ узрѣть тебя почивша отъ побѣдъ?
Въ сердцахъ торжественны врата тебѣ отверзты,
На струны сладкихъ арфъ уже вэнесены персты:
Мы жаждемъ, но доколь всемочныя судьбы
Прейдутъ во слухъ отъ насъ горящія мольбы,
Прочти мои стихи, побѣдами рожденны,
Всеобщею къ тебѣ любовью воскриленны:
Въ нихъ чувствія мои, въ нихъ чувства гражданъ всѣхъ,
Къ тебѣ, защитнику спокойства и утѣхъ.
Умѣешь побѣждать, люби побѣдъ награду,
Прочти съ улыбкою миролюбива взгляду;
Я удостоюся такихъ тогда похвалъ,
Какъ-будто бы и я турецку крѣпость взялъ.

КЪ ПРЕДСТАТЕЛЮ МУЗЪ.

Предстатель мирныхъ Музъ, любитель тишины,
Вмѣнишь ли мнѣ во грѣхъ, что звуками войны
Я слухъ твой утрудить намѣренъ?
Ты любишь, я увѣренъ,
Ты любишь отчество, и милъ тебѣ герой,
Который жертвуетъ собой
Спокойству общества, и, не прося награды,
Бьетъ Турокъ безъ пощады.
Онъ Турокъ бьетъ, а мнѣ что дѣлать сидя дома?
Иль, ручки сжавъ, дремать?
Не лучше ль возвѣщать его удары грома
И тѣмъ достойну честь Герою воздавать?
Суворовъ почестей отъ Музъ давно достоинъ:
Онъ собесѣдникъ имъ, онъ въ полѣ вождь и воин
О, если бы мой стихъ,
Воспѣтый въ честь сему Герою,
Пріятенъ былъ тебѣ и одобренъ тобою,
Сказалъ бы я себѣ: желанія достигъ!

ОДА

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ ПЛАТОНУ,

МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ И КАЛУЖСКОМУ,

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА.

—

Что вѣнценосныхъ Нимфъ соборы,
Оставя злакъ темпейскихъ мѣстъ,
Стремятся на ѳессальски горы,
Возвышенны до самыхъ звѣздъ,
Гдѣ ихъ языкъ вѣщаетъ радость,
Уста ліютъ небесну сладость?
Ихъ съ радостію внемлетъ слухъ,
Что Церковь чтитъ въ сей день Платона,
День ихъ вождя и Аполлона, —
Какъ не взыграетъ нѣжный духъ?

Внимая звуки лиръ гремящихъ,
О Муза! къ небесамъ лети,
Превыше тучъ и стрѣлъ грозящихъ
Потщись полетъ свой вознести.
Между эѳирными зыбями
Носима легкими крылами,
Возвысь и ты усердный гласъ
И ревностью воспламеняйся,
Во слѣдъ пѣвцовъ тѣхъ устремляйся,
Которыхъ увѣнчалъ Парнассъ.

Дней радость обще вожделѣнныхъ
Вселенной возвѣстить спѣши;
Средь плесковъ шумныхъ, восхищенныхъ
Веселыя черты пиши.
Открыта предъ тобой дорога:
Ты шествуй не въ витійствѣ слога,
Прикрасъ излишство отжени;
Съ природной только красотою,
Съ любезной всѣми простотою
Пѣть архипастыря начни.

И се отъ горняго Сіона,
Что вѣчнымъ блескомъ озаренъ,
Съ высотъ негиблющаго трона,
Что сонмомъ Ангелъ окруженъ,
Къ нему Всевышній такъ вѣщаетъ
И такъ завѣтъ Свой утверждаетъ:
«Живу отъ вѣка въ вѣки Азъ,
«Клянусь десницею Моею,
«Что Я спасенною стезею
«Тебѣ предъиду всякой часъ.

«Но та, чрезъ кою Я устроилъ
«Сея вселенныя составъ,
«И твари бренны удостоилъ
«Зрѣть хартіи предвѣчныхъ правъ,
«Чрезъ кою тмы свѣтилъ возставилъ,
«Мое величество прославилъ,
«Источникъ всѣхъ Моихъ чудесъ,
«Премудрость толь, коль Я, предвѣчна,
«Она изъ ока быстротечна
«Простерла взоръ на тя съ небесъ.

«Ліетъ фіалъ даровъ обильный;
«Да усугубитъ твой талантъ,
Да будешь Пастырь духомъ сильный;
«Въ трудахъ неутомимъ Атлантъ;
«Воздвигнутъ Мной въ то красно время,
«Какъ возвеличилъ Россовъ племя
«Превыше областей земныхъ,
«Какъ Я вознесъ Екатерину,
«Ихъ царство уподобилъ крину:
«Ты мудрый вождь Князей младыхъ.

«Теки повсюду свѣтозаренъ,
«Начни дѣла и соверши;
«Теки — и узритъ благодаренъ
«Усердный Россъ въ твоей души
«Дары Моихъ благоволеній,
«Текущи отъ Моихъ селеній.
«Еще, еще умножь твой свѣтъ,
«Науки блескомъ озаряя,
«И, грѣя равно и питая,
«Будь подражанія предметъ.

Какъ въ славѣ гордой колесницы
Отъ Юга къ Норду Фебъ грядетъ,
Отъ свѣтоносной багряницы
Въ земныя нѣдра лучъ ліетъ;
Надъ вихремъ хладнымъ торжествуетъ,
Сердца живитъ, осуществуетъ;
Чѣмъ въ высшій входитъ горизонтъ,
Тѣмъ зракъ его, предъ всѣми краше,
Веселіе сугубитъ наше.
Великолѣпно сходитъ въ понтъ.

Такъ равно мужъ, восторгъ Европы,
Начавъ отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ,
Чѣмъ далѣ бодрыя несъ стопы,
Тѣмъ большій въ немъ являлся свѣтъ;
Достоинствъ блескъ усуглублялся,
Отъ славы въ славу возвышался:
Но всѣхъ добротъ открылся ликъ;
Когда Богиней возвеличенъ,
Заслугъ лучами сталъ отличенъ,
Между великими великъ.

Источникъ въ немъ высокихъ мнѣній
Неисчерпаемъ никогда,
Прервалъ всѣ узы преткновеній,
Стремится къ цѣли безъ труда;
Исполненъ предпріятій разныхъ,
Однакъ въ предметѣ сообразныхъ.
Что-жъ слѣдствіемъ достойнымъ есть
Отъ нихъ для росскія державы?—
Наукъ плоды, громъ звучной славы,
Хвала, спокойство, Церкви честь.

Его немолчно имя нынѣ
И чуждыхъ странъ языкъ гласитъ:
Кто сей, что въ слѣдъ Екатеринѣ
Безъ преткновенія спѣшитъ,
Совѣтовъ въ мудрости обиленъ,
Во исполненьи оныхъ силенъ;
Кто сей толь дивный человѣкъ?
Иль Ангелъ зрѣніемъ стоoченъ,
И устъ витійствомъ медоточенъ
Сошедъ, нашъ удивляетъ вѣкъ?

Но кій предметъ мой духъ смущаетъ?
Что жалость множитъ во очахъ?
Что хладнымъ мракомъ покрываетъ?
Какой объемлетъ мысли страхъ?
Я зрю въ лѣсахъ густыхъ вертепы,
Гдѣ сонмъ скрывается нелѣпый,
Расколомъ грубымъ зараженъ;
Тамъ въ злѣ упорные невѣжды,
Боясь возвесть на небо вѣжды,
Питаютъ въ мракѣ духъ растлѣнъ.

Повапленнаго въ видѣ гроба
Являютъ святость всѣмъ отвнѣ,
Но внутрь кипитъ на ближнихъ злоба;
Ихъ жизнь течетъ притворствъ во снѣ.
Гласъ Церкве истинной не внемлютъ,
Ожесточенны сердцемъ, дремлютъ,
На Вѣру хульный ядъ ліютъ;
Исполненны смѣшныхъ мечтаній,
Не слышатъ разума вѣщаній
И слѣдомъ суевѣрствъ текутъ.

Поставивъ сѣть словесъ лукавыхъ,
Неосторожныхъ ловятъ втай;
Презрѣвъ лучи совѣтовъ здравыхъ,
Чрезъ вещь ничтожну ищутъ рай.
Раздоровъ горьки плевы сѣютъ,
Тѣмъ злость къ закону печатлѣютъ;
Піютъ нечестія вино.
И сладкая для оныхъ пища,
Чтобъ гнать оставленна и нища.
Ихъ жизнь—мечтаніе одно.

Но се, явившись мужъ священный,
Посланникъ радостный Небесъ,
Судьбы устами предреченный,
Исполненъ мудрости словесъ,
Поборникъ истинныя Вѣры,
Грядетъ, гдѣ скрыты лицемѣры,
Чтобъ мракъ неистовъ разрушить,
Разсыпать буйство духомъ чуднымъ,
Серпомъ витійства обоюднымъ
Колючи плевы истребить.

Предъ нимъ строптивыхъ полкъ трясется,
Предъ свѣтомъ исчезаетъ мракъ,
И духъ и сердце ихъ мятется,
Толь лучезарный видя зракъ.
Ярится, звѣрствуетъ, скрежещетъ,
Отчаявается, трепещетъ;
Но мужъ, изливъ чистѣйшій гласъ
Ученій свѣтлыхъ, многоплодныхъ,
Въ сердцахъ ихъ каменныхъ, безводныхъ,
Сторичный возраждаетъ класъ.

Восторга нашего причина,
Толь дивенъ смертныхъ посредѣ,
Хоть въ немъ живетъ душа едина,
Но зрится дѣйствіемъ вездѣ.
Предстатель Музъ, трудовъ награда,
Гонимыхъ злостію отрада,
И вождь священнаго полка,
Судебъ и таинствъ вѣчныхъ зритель,
Овецъ словесныхъ попечитель,
Щедротъ обильная рѣка.

Всемощный, Истинный, Предвѣчный,
Природы Царь, Отецъ вѣковъ!
Вонми нашъ гласъ чистосердечный
Съ Твоихъ превыспреннихъ круговъ:
Вѣкъ, дни избраннаго Тобою
Для Музъ, для общаго покою,
Для Церкве равно сохрани!
Да празднуемъ сей день стократно,
Да процвѣтетъ благопріятно
Любовь и миръ въ его тѣни.

МАДРИГАЛЪ.

О, Пастырь! для тебя единственная честь,
Чтобъ свѣтъ наукъ умножить,
Мракъ грубый уничтожить,
Парнассъ россійскій превознесть
И Музамъ во уста дать сладостную вѣсть.
Ихъ гласъ стремится
И возвѣстить твои доброты въ свѣтѣ тщится,
Доколѣ бѣгъ планетъ и свѣтъ не прекратится.

СТАНСЪ.

Тамъ мракъ, гдѣ мудрыхъ нѣтъ. Вездѣ сіи уставы,
Что мудрыхъ блескъ единъ достоинъ вѣчной славы.
О, вы, премудрые! васъ чтитъ и любитъ свѣтъ.
И каждый чувствуетъ тамъ мракъ, гдѣ мудрыхъ нѣтъ.

* *
*

Тамъ мракъ, гдѣ мудрыхъ нѣтъ, имѣя жизнь толь кратку,
Причесть должны порокъ мы мудрыхъ недостатку.
Блистаетъ власъ сѣдой,—то знакъ довольныхъ лѣтъ;
Однако это мракъ, коль мудрости въ нихъ нѣтъ.

Соч. Костр.

* *
*

Тамъ мракъ, гдѣ мудрыхъ нѣтъ, и можно тамъ преткнуться,
Упасть нечаянно и мысльми обмануться.
Надеженъ вождь, коль онъ съ премудростью ведетъ;
Но скоро тамъ падешь, вождей гдѣ мудрыхъ нѣтъ.

* *
*

Тамъ мракъ, гдѣ мудрыхъ нѣтъ, намъ вопіетъ Природа.
Но ты, желанный Мужъ, утѣха смертныхъ рода!
Ты немерцающій несешь науки свѣтъ;
И потому у насъ несчастій мрачныхъ нѣтъ.

СТИХИ

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ПОДНЕСЕННЫЕ ЕМУ ЖЕ, ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ ПЛАТОНУ, МИТРОПОЛИТУ.

—

Чтò чистыхъ Музъ сердца къ веселію влечетъ?
Какой священный огнь во груди ихъ течетъ,
Течетъ и къ пѣсненной хвалѣ готовитъ лиры?
Или младой весны повѣяли зефиры
И солнце, обратя свой къ Норду свѣтлый зракъ,
Парнасскихъ верхъ холмовъ одѣло въ новый злакъ?
То истинно, весна Піеридъ утѣшаетъ;
Но въ день сей не она восторги въ нихъ раждаетъ.
Я зрю.... Наполнися благоговѣньемъ духъ!
Я внемлю.... Ощути небесны гимны слухъ!
Подъ кровомъ отъ высотъ простертой свѣтлой тѣни,
Парнассъ, ты преклонилъ смиренныя колѣни;
Среди твоихъ холмовъ святый воздвигнутъ храмъ,
Воздвигнутъ, и уже возжегся ѳиміамъ;
Къ чему сердца и духъ и мысли Музъ стремились,
Уже тѣ пламенны желанія свершились.
Земное удались, исчезните мечты,
Многомятежныя сокройтесь суеты!
Богъ мира и щедротъ, Царь вѣчныя державы,
Исполнилъ храмъ святый сіянія и славы.

И се премудрости совѣтомъ Мужъ избранъ,
Украсивый собой священныхъ воинствъ санъ,
Въ немъ жертвы первыя Отцу вѣковъ приноситъ,
И мира и щедротъ отъ вышня міра проситъ;
И да Утѣшитель, простря Свои крилѣ,
Не дастъ во груди Музъ безпечной внити мглѣ;
И озаряя ихъ лучемъ животворящимъ,
Страстей всѣхъ терніе снѣдающимъ, палящимъ,
Согрѣетъ сѣмя въ нихъ любезной правоты,
Безмолвной кротости, смиренной чистоты,
И равно души ихъ Своей исполнитъ силой,
Исполнитъ бодростью, отъиметъ духъ унылой,
Да тако обое онѣ соединя,
И души и сердца къ единому клоня,
Святаго имени явятъ плоды ко славѣ,
Екатеринѣ въ честь и россков въ честь державѣ.
О, Музы! въ горяя и мысль и духъ вперя,
Въ святыню таинства и Агнча алтаря,
Преобратите вы себя во огнь священный,
Въ живый, чистѣйшій огнь, блистательный, нетлѣнный;
Во пламенныхъ сердцахъ вмѣстите небеса,
Да каплетъ изъ очей горячихъ слезъ роса;
Пусть капля каждая душей животворится
И чувствіемъ Небесъ достойнымъ окрилится.
Сей день да будетъ святъ, единый изъ Субботъ,
Святъ Господу: онъ намъ залогъ Его щедротъ.
Когда? Въ златые дни, во области Бореевъ,
Въ Екатерининъ вѣкъ, средь лавровъ и трофеевъ,
Среди паденія враждебныхъ гордыхъ силъ,
Сіе величіе намъ Сильный сотворилъ.
Ему, Ему сердецъ хвала и жертва буди,
Ему алтарь и храмъ — смиренны наши груди!

Взыграйте радостью со мною, Музы, вы,
Украсьте вѣтвями оливными главы!
Въ семъ красномъ торжествѣ кто будутъ намъ предтечи?
Кто свѣтла сонма вождь? Чей гласъ, чей взоръ, чьи рѣчи?
Кто? Тѣ, что лику Музъ избранны быть главой,
Ихъ зрители трудовъ, награда и покой.
Почто желанныхъ намъ толь свѣтлыхъ дней зиждитель,
Шуваловъ! ты почто сей радости не зритель?
Какъ не участвовать тебѣ въ весельи Музъ,
Тебѣ, кѣмъ счастія крѣпится ихъ союзъ?
Но трону предстоя Наперсницы небесной,
Пріемля лучъ ея, лучъ кроткой и прелестной,
Ліющій въ бодрыя сердца россійскихъ чадъ
Спокойство, счастіе и сладости отрадъ,
Ты въ чистый блескъ его Піеридъ облекаешь,
Живишь и грѣешь ихъ, и славою вѣнчаешь;
Такъ можетъ ли судьбу винить усердный жаръ?
Что нѣтъ тебя, и то ея пріязни даръ;
Здѣсь нѣтъ тебя, но ты, присутствуя намъ духомъ
И пѣсни радостны сердечнымъ внемля слухомъ,
Торжественныхъ отрадъ и нынѣ гласъ внуши,
Взыграй питомцамъ Музъ сочувствіемъ души!
Но кто, кто нашъ къ себѣ и взоръ и слухъ склоняетъ,
Влечетъ сердца, и въ нихъ восторги умножаетъ?
То Пастырь бодрственный, священна сонма вождь,
Стремящій намъ струи, какъ благотворный дождь,
Струи благихъ словесъ, божественныхъ совѣтовъ,
Судебъ таинственныхъ, желаемыхъ обѣтовъ.
Простри твой кроткій взоръ, познай, великій Мужъ,

Пылающу тебѣ усердныхъ жертву душъ!
Ты въ ликѣ нашихъ Музъ явился лучезаренъ,
Такъ быти можетъ ли Парнассъ неблагодаренъ
И пѣснію хвалы по долгу не соплесть?
Но что тебѣ хвала, и что достойна честь?
Твои дѣла! они, они Тебя достойны,
Они Тебя и пѣснь, они и лиры стройны.
Благоговѣніе объемлетъ чувства въ насъ,
Какъ въ ужасающій и горни силы часъ;
Ты, міра помыслы содѣлавъ спящи, мертвы,
Безкровныя Отцу щедротъ возносишь жертвы;
Коль умиленныя изъ устъ твоихъ мольбы
И сердца кроткаго текутъ къ Царю судьбы!
Тамъ Вѣра, твердости щитомъ пріосѣненна,
Въ цвѣтущій вѣчно злакъ Надежда облеченна,
И Бога именемъ красящись паче всѣхъ,
Любовь на пламенныхъ носимая крилѣхъ,
Желаній ревностныхъ возведши полны взоры
Нерукотворнаго Сіона въ вѣчны горы,
Сочетаваютъ свой со гласомъ гласъ твоимъ;
Тѣ пѣсни на крилѣ подъемлетъ Серафимъ,
И помысла быстрѣй парятъ съ подзвѣздна долу
Неизреченнаго возноситъ ихъ къ Престолу;
И возжигая ихъ въ пріятный ѳиміамъ,
Благоуханія небесный полнитъ храмъ.
Гдѣ сердце каменно, гдѣ груди тако хладны,
Чтобъ, ощутя огонь отъ устъ твоихъ отрадный,
Отъ устъ, вѣщающихъ пощаду намъ съ Небесъ,
Не разлились, какъ воскъ, въ струи умильныхъ слезъ?
Коль страшенъ воинъ ты, какъ, мечъ пріемши слова,
Разишь имъ хитраго противника Христова!
Отъ пламенной его духовной быстроты

Разносятся, какъ прахъ, мірскихъ умовъ мечты.
Враги сердецъ, враги спокойствія душевна,
Изверженные въ міръ изъ бездны ада гнѣвна.
Пороки отъ твоихъ бесѣдъ спѣшатъ во мракъ:
Несносенъ имъ лучемъ добротъ сіяющъ зракъ.
Витійственъ твой языкъ, и онъ сердецъ владыка;
Но жизнь твоя еще витійственнѣй языка,
Дивимся мужеству героевъ, льющихъ кровь,
Къ героямъ Истины мы чувствуемъ любовь.
Одни, печальный долгъ! подобнымъ жизнь отъемлютъ,
Другіе жизнь душѣ излить вседневно внемлютъ.
Коль добродѣтели пріятенъ блескъ вѣнца!
Побѣдъ хвала—языкъ, но мирныхъ дней — сердца.
О, Пастырь! кто, какъ ты, средь мирной брани воинъ?
Кто болѣе тебя вѣнца сего достоинъ?
Но се, тебя я зрю Парнасса на холмахъ, —
И тамъ блистателенъ въ безсмертныхъ ты лучахъ,
Межъ лавроносцами кастальскими отличенъ,
Между великими достойно возвеличенъ.
Давно златымъ перомъ дѣянія твои
Начертаны отъ Музъ въ нетлѣнны хартіи.
Защитникъ Истины, сѣдинами почтенный,
Другъ человѣчества любезный, вожделѣнный,
Отрада бѣдности, утѣха сиротства,
Участвуй нашего въ весельи торжества!
Пусть нашей пѣсни гласъ не строенъ, не пріятенъ,
Но гласъ усердія тебѣ да будетъ внятенъ.

СТИХИ

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
Ея Императорскаго Величества
Екатерины II.

—

Облекся въ громы Богъ, ста въ сонмѣ Онъ боговъ,
И рекъ: коль правдою не судите вселенной,
И нѣтъ въ васъ истины для сирыхъ и для вдовъ,
И всюду царствуетъ духъ лести ухищренной —
На Сѣверъ днесь свои прострите очеса,
Да свѣтлостьми его они пріозарятся:
На Сѣверѣ Мои возникнутъ чудеса,
Сіона горняго скрижали тамъ явятся.
Екатерина Мной возведена на тронъ;
Днесь, днесь спасеніе, и... слава будетъ Россовъ,
Какъ царствами владѣть — она подастъ законъ.
Кто съ силами дерзнетъ равняться сихъ Колоссовъ...
Богъ рекъ — глаголъ Его судьбой запечатлѣнъ.
Послушно все, Творца сообразуясь волѣ,
И милость, правда, судъ, душа земныхъ племенъ,
Съ Екатериною возсѣли на престолѣ.
О, вѣнценосныхъ честь, блистаніе порфиръ,
Примѣръ могущества, примѣръ кротчайшей власти,
Монархиня! предъ кѣмъ благоговѣетъ міръ,
И должно злобное коварство съ буйствомъ пасти,

Гдѣ имя лишь Твое, премѣна тамъ всему.
Смущаются враги, мятутся и трепещутъ,
Другъ мира, другъ щедротъ, другъ скиптру Твоему,
Играніемъ сердецъ душѣ Твоей соплещутъ.
Паритъ пернатыхъ вождь къ подоблачнымъ странамъ,
Шумятъ его крилѣ, гнетутъ противныхъ страхомъ,
Наводитъ мрачный сонъ завистливымъ очамъ
Единымъ грознымъ онъ побѣдоносным махомъ;
Онъ видитъ съ высоты, какъ гордый Мусульманъ,
Взирая на свои покрыты пепломъ грады,
Неисцѣлимость зря своихъ глубокихъ ранъ,
Стенящъ, смиренъ гласитъ: нѣтъ Россамъ, нѣтъ преграды!
Онъ видитъ, какъ главы, главы земныхъ князей
Подъ сѣнь Минервина щита себя склоняютъ;
Сердецъ ихъ слышитъ гласъ, какъ, въ радости своей
И съ умиленіемъ, Ее благословляютъ.
Любуясь, видитъ онъ, что горделивъ Сарматъ,
Колѣна преклоня, цѣлуетъ ту десницу,
Которой мужествомъ онъ въ плѣнъ веселый взятъ,
Взятъ въ плѣнъ, и тѣмъ узрѣлъ отрадъ своихъ денницу.
Жалѣетъ, что ему всемощныхъ токъ судебъ
Толь поздно путь явилъ къ разсудку и блаженству.
Но лучъ надежды въ немъ, что свѣтлый Россовъ Фебъ
И Западъ приведетъ спокойства къ совершенству.
Но грома другъ летитъ поверхъ морскихъ зыбей,
И помаваньемъ крылъ надъ синевою влаги
Одушевляетъ бѣгъ россійскихъ кораблей
И воскриляетъ ихъ побѣдоносны флаги.
Еще возвысился... уже превыше тучъ,
Кавказски холмы онъ громами ополчаетъ,

Стремитъ повсюду взоръ, какъ быстрыхъ молній
лучъ,
Побѣдой новою побѣды умножаетъ:
Дербентъ поверженъ... палъ, палъ Норда ко стопамъ.
Кавказскихъ ребра горъ не тако крѣпки, тверды,
Сколь Россовъ грудь крѣпка... смерть, смерть и плѣнъ
врагамъ;
Но побѣдители... какъ Россы... милосерды.
Прелестно зрѣлище! покрытый сѣдиной,
Сынъ древности грядетъ предъ юнаго героя,
Онъ думаетъ, что Петръ... такъ суждено судьбой,
Вручилъ ключи... Дербентъ во власти росска строя.
Коль тщетно Западъ, Югъ, и Сѣверъ и Востокъ,
Вы изощряете противу Россовъ стрѣлы!
Пребудетъ Россомъ Россъ.. непобѣдимъ, высокъ;
Трофеи — часть его, вселенная — предѣлы.
Надъ Бельтомъ новое созвѣздіе горитъ;
Лучи его вѣнца — вселенной изумленье,
И нимфъ и Грацій ликъ вокругъ его стоитъ,
Сіяніе красотъ, Россіянъ восхищенье.
Тамъ струны сладостны и арфъ и стройныхъ лиръ
Гремятъ... подъ звукомъ ихъ почій, чета младая!
Ты ласковъ, рѣзвъ и быстръ, цѣлуй ихъ сонъ, Зефиръ,
Цѣлуй, небесны имъ восторги изливая.
Порода Божества, Екатерины внукъ,
Пусть Константинъ, и съ нимъ Кобурга честь из-
бранна,
На розахъ нѣжатся и слышатъ лирный звукъ;
Пусть кроткій, вѣчный Май имъ будетъ часть же-
ланна!...
Рекла Монархиня — глаголъ Ея священъ.
Рекла, какъ Богъ, и все преобразилось въ лѣто;

Сынъ страсти, сынъ стыда, несчастный сынъ спасенъ;
Благодареніе отъ всѣхъ сердецъ воспѣто.
Какъ слезъ мнѣ токъ не лить, но благодарныхъ слезъ?
Я вижу, каждый Россъ Ея щедроты числитъ
И вздохи груди ихъ несутся до небесъ;
О здравіи одномъ Екатерины мыслитъ.
Спустись, пернатыхъ Царь! ко мнѣ, ко мнѣ спустись,
И молнія твоя пусть сердце мнѣ согрѣетъ;
Парнасса нашего ты Ангеломъ явись,
Въ немъ, въ немъ усердіе къ престолу пламенѣетъ.
Орелъ! благодари судебъ твоихъ Творца;
Ты громоносца другъ и росскаго вѣнца.

СТИХИ

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ,

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Изъ мрака вѣчности, небытія изъ бездны,
Какъ напряженная исторгшися стрѣла,
Летитъ къ намъ новый годъ, сплещутъ круги звѣздны,
Но коль стезя его кратка и коль мала!
Единый мигъ, но мигъ для смертнаго безцѣнный,
Даритъ безсмертье онъ отечества сынамъ;
Геройство, кроткій духъ, духъ мудростью отмѣнный,
Онъ хощетъ, чтобъ текли по всѣмъ его стезямъ.
Летитъ... уже явилъ блистательные взоры,
О, сыне вѣчности! привѣтливъ Россамъ будь,
И препояшутся пусть радостію горы,
Превознесенный холмъ исполнитъ чувствій грудь,
Привѣтствуютъ тебя гремящія свѣтила,
Составя нову пѣснь въ торжественныхъ кругахъ,
Да изліется ихъ плодотворяща сила
Во срѣтенье твое на розовыхъ зыбяхъ;
На сушѣ, на волнахъ, средь Юга и средь Норда,
Россійскихъ ратниковъ ты лаврами покрой,
Да громъ десницы ихъ врага разсыплетъ горда
И вскорѣ изліетъ отрады и покой.
Шуваловъ! что твой духъ, толико благородный,
Срѣтая новый годъ, восчувствуетъ въ судьбѣ?

Къ чему простреть свой путь прехвальный и свободный? —
Любить отечество, подобнымъ быть себѣ.
Парнассъ тебѣ еще плететъ вѣнцы лавровы
И арфы чистыхъ Музъ хвалы твои гласятъ,
Вѣнцы тебѣ сіи не первы и не новы,
И струны именемъ давно твоимъ гремятъ.

СТИХИ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ АЛЕКСѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ.

Судьба судила мнѣ предстать передъ Орломъ:
Онъ истинный Орелъ; я зрѣлъ себя птенцомъ;
И если мой Гомеръ Ахилла не видалъ, —
Въ Орловѣ я его узналъ.
Ахиллъ руководимъ десницей былъ Паллады;
Орелъ предтечей былъ россійскихъ странъ *отрады*

СТИХИ
на новый 1779 годъ.

—

Окончивъ подвигъ свой, теченіе свершивъ,
Уже возсѣло вновь на колесницу *время;*
Его крылатый конь, свой бѣгъ воспламенивъ,
Безчисленныхъ существъ влечетъ съ собою бремя.
Съ премѣною его, съ премѣною вещей,
О, Россы! новаго блаженства ожидайте;
Воззрѣть на новый блескъ богининыхъ лучей,
Съ восторгомъ, радостью себя уготовляйте.
Ты, *ратай*, уготовь для лѣта серпъ и плугъ,
Стократную пріять трудовъ своихъ награду.
Пріятной зеленью красясь долины, лугъ,
Представятъ очесамъ златыхъ временъ отраду.
Почіешь, *воинъ*, ты, оставя свой шеломъ,
Вкушая тишину, врагомъ невозмущенну;
Но препоясанъ, бодръ, готовъ разсыпать громъ,
Коль гордость узриши и злобу ополченну.
Свирѣпству бурныхъ волнъ смѣющійся *купецъ*,
Готовъ обременить ты море кораблями;
Избытки хладныхъ странъ, о, счастливый пловецъ!
Стремися раздѣлить и съ чуждыми землями.
Всякъ возрастъ, полъ и всякъ россійскихъ странъ языкъ,
Къ пріятію щедротъ спѣши, отверзи нѣдра

Возвысился нашъ родъ и славою возникъ,
Превыше, нежель верхъ между древами кедра.
Но что? Уранія, зря стройный бѣгъ планетъ,
Еще намъ новое веселье предвѣщаетъ,
Еще... спѣши! Судьба, яви прекрасный свѣтъ,
Надежда! совершись: нашъ духъ того желаетъ.

СТИХИ

на новый 1780 годъ.

Срѣтайте въ радости, о, Россы! новый годъ,
Пожнете вы и въ немъ отрадъ сторичный плодъ:
Сѣдяще божество спокойства на престолѣ,
Прольетъ струи щедротъ своей державы въ полѣ,
Гдѣ новые цвѣты блаженства возрастутъ,
Для бодрственныхъ сердецъ утѣхи принесутъ.
Пусть славы громкій рогъ на высотѣ вострубитъ
И звучный гласъ въ поляхъ эѳирныхъ усугубитъ
И пренесетъ въ мѣста, гдѣ солнце кончитъ бѣгъ,
Атланта на главѣ, гдѣ сводъ небесъ возлегъ;
Чрезъ бурныя моря и чрезъ пространны рѣки
Съ успѣхомъ корабли, стремясь въ страны далеки,
Избытки россіе для прочихъ раздѣлятъ
И въ нѣдра отчества обратно поспѣшатъ.
Тамъ мира подъ шатромъ безсмертныхъ хвалъ достоинъ,
Свой подвигъ воспоетъ, покоясь, храбрый воинъ.
Безбѣдны ратники! готовьте вы серпы,
Чтобъ радостны пожать своихъ трудовъ снопы.
Взыграютъ холмы всѣ, луга, поля, долины.
Нельзя иного ждать во дни Екатерины.

СТИХИ

на новый 1781 годъ.

Природа! воспряни, почувствуй силы новы,
Коль можно, хладныя потщись прервать оковы
И холмы снѣжные низринь съ высокихъ плечъ;
Спѣши себя въ цвѣты и въ мягкій злакъ облечь.
Се быстрый исполинъ черезъ эѳирны волны
Стремитъ съ высотъ лучи, сіянья нова полны,
И златомъ и сребромъ, о, вышнихъ даръ щедротъ!
На чертахъ зрится намъ въ нихъ живо новый годъ.
И если намъ не льстятъ сіи черты эѳира,
Мы въ нихъ блаженство зримъ и сладость кротка мира.
Россія! для тебя мы лучшій зримъ предзнакъ,
Не Фебъ, но радостный твоей богини зракъ
Являетъ намъ твое блаженство безмятежно,
Лобзающе твоихъ питомцевъ храбрыхъ нѣжно;
Ея щедротъ лучи простерлись на тебя,
И въ Россахъ ревностныхъ свой огнь усугубя,
Еще, еще явятъ спокойство дней цвѣтущихъ,
Отраду, счастіе съ веселіемъ ліющихъ.
Но если исчислять дары Ея добротъ,
То всякій день у насъ быть долженъ новый годъ.

ГИМНЪ

на новый 1786 годъ.

Летитъ быстротекуще время,
И кто его полетъ возможетъ воспрятить?
Имѣя на крылѣхъ несчетныхъ тварей бремя,
Стремится вѣчности ихъ въ море погрузить.
 О, сынъ непостижимой бездны!
 Тебѣ подвластны круги звѣздны,
Твой лукъ, твой твердый лукъ Всевышнимъ напряженъ:
Во всѣ вселенныя предѣлы
Ты мещешь вдругъ несчетны стрѣлы,
Источникъ, океанъ всемірныхъ ты премѣнъ.

Съ восходомъ радостной денницы,
Въ благословенный часъ твой новый сынъ грядетъ:
Могуществомъ своей стихійной колесницы
Дванадесять съ собой созвѣздій онъ ведетъ...
 Восторжествуйте земнородны,
 Моря взыграйте многородны,
Отверзи глубь, земля, пріяти новый плодъ:
Благовѣствуйте, холмы, радость,
Излейте, рѣки, меда сладость,
Вся тварь возвеселись, срѣтая новый годъ.

Открой геройску грудь, Россія,
Пріяти новый даръ отъ щедра божества;
Величествомъ твоя преукращенна выя,
Оливой съ лаврами вѣнчается глава.
Твой слухъ внимаетъ звукамъ лиры,
Твой гласъ весны младой зефиры,
Златый Астреинъ вѣкъ поютъ твои уста;
Твой взоръ быстрѣй, чѣмъ орли взоры,
Милѣе радостной Авроры;
Миръ царствуетъ въ тебѣ, ты Норда красота.

Возвысится ли буря брани,
Твой гласъ, какъ страшный громъ, горами потрясетъ,
Перунами твои вооружатся длани
И пламень изъ очей въ противныхъ потечетъ...
Превознесенна и державна,
Многопобѣдна и преславна,
Воздаждь хвалу, воздаждь Зиждителю вѣковъ:
Онъ жребій твой Петромъ возставилъ,
Екатериною прославилъ;
Стоитъ на твердости седьми твоихъ столповъ.

МОЛИТВА.

Изъ сочинений *г. Попе.*

—

Отецъ всего, къ Тебѣ, вездѣ, во всяко время
И мудрый, и святый, и грубо дикихъ племя,
Колѣна преклоня, возносятъ гласъ мольбы!
Языковъ разныхъ именами
Ты нарицаешься межъ нами:
Іегова и Зевесъ, Господь и Царь судьбы.

Всесодержащая, вседѣтельная сила,
Душа, котора все собой одушевила,
Непостижимый духъ для горняго ума!
Ты мысли, кои мнѣ вливаешь,
Въ одной сей точкѣ заключаешь:
Да знаю, что Ты благъ, Ты свѣтъ; я слѣпъ, я тма.

Но озари меня средь мрака толь густаго,
Даждь разумъ, Господи, познать, что̀ зло, что̀ благо,
Связуя узами судебъ, во всемъ святыхъ,
Мою строптивую природу;
Ты благородную свободу
Даждь сердцу моему въ желаніяхъ своихъ.

Излій Твой свѣтъ, да я то паче разумѣю,
Какъ предводиму быть мнѣ совѣстью моею
И слышать гласъ ея спасительныхъ словесъ;
И нежели страшится ада.
Или парить во свѣтлость града
Блистающихъ Твоимъ сіяніемъ небесъ.

Содѣлай, чтобъ среди суетъ, среди дремоты,
Я не отвергъ Твои Божественны щедроты.
Ты мздою чтишь Себѣ, коль благости Твоей
Не хочетъ смертный отрицаться;
Тебѣ, о Творче! покоряться
Есть то, чтобъ чувствовать дары Твоихъ лучей.

Но да не мыслю я, что благость Ты святую
Всю истощаеши на точку лишь земную,
И что Владыка Ты единыхъ человѣкъ:
Средь необъемлемыя бездны
Несчетны зрятся круги звѣздны,
Блистая славою, въ котору Ты облекъ.

Да не простру моей руки усилья бренны,
Чтобъ могъ въ другихъ стремить я стрѣлы изощренны,
И казнь предписывать тому, кого въ мечтахъ
Я чту Твоей противныхъ волѣ:
Ты, Отче, правды на престолѣ,
Всѣхъ помысловъ и дѣлъ судъ на Твоихъ вѣсахъ.

Коль право мыслю я, Ты силой благодатной
Вооружи, да путь скончаю непревратной;
Но заблуждающа Ты, Отче, научи,

Да не объемлемый сѣтями
Гряду я истины стезями,
Да очеса души зрятъ мудрости лучи.

Подаждь, да гордый духъ мнѣ въ сердце не вселится,
Языкъ противъ Тебя роптать не изощрится,
Что безпредѣльный Твой въ премудрости совѣтъ
Не столь, сколь благости возможно
Ущедрить существо ничтожно,
Не столько мнѣ даровъ отъ высоты ліетъ.

Исполни жалостью Ты грудь мою къ несчастнымъ,
Порокамъ смертныхъ зря подверженныхъ опаснымъ,
Ты научи меня, да въ блескѣ буду твердъ.
Сколь ближнихъ кротостью объемлю,
Сколь гласу страждущаго внемлю,
Толико, Господи, мнѣ буди милосердъ.

Съ минуты, въ кою я, Тобою оживленный,
Исшелъ на свѣтъ свершить въ немъ путь безпре-
тккновенный,
Доколь не столько святъ въ теченіи моемъ,
Сколь духомъ ревностнымъ желаю,
Тебя, о Творче! призываю,
Вездѣ, во всѣхъ путяхъ Ты буди мнѣ вождемъ.

Въ сей день, о Господи! я участью моею
Спокойствіе и хлѣбъ насущный да имѣю.
Тебѣ извѣстна вся: зритъ взоръ Твоихъ очей,
Что́ на землѣ для насъ безбѣдно,
Или что́ пагубно и вредно,
И да исполнится по волѣ все Твоей.

О Творче! храмъ Твой вся непостижимость бездны,
Алтарь Тебѣ — земля, моря и круги звѣздны.
Торжественную пѣснь Тебѣ да воззоветъ
Вся тварь въ соединенномъ ликѣ;
Природа вся Тебѣ, Владыкѣ,
Единый ѳиміамъ всеобщій да возжетъ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ

ПСАЛМА 18го.

О славѣ Творческой намъ небеса вѣщаютъ
И дѣло рукъ Его эѳирна твердь явитъ;
День дни и ночи ночь свой голосъ пресылаютъ
Премѣна стройна ихъ Отца вѣковъ гласитъ;
И нѣтъ словесъ и нѣтъ языка,
Гдѣ бъ гласы ихъ, что есть Владыка,
Не возвышалися во слышаніе всѣмъ;
Въ предѣлы свѣта отдаленны
Звучатъ ихъ струны напряженны,
Несется ихъ глаголъ по всѣмъ земли концемъ.

Онъ солнцу сѣнь воздвигъ во областяхъ эѳира;
Оно, какъ младъ женихъ, весельемъ полня грудь,
Оставя свой чертогъ, грядетъ предъ взоры міра,
Ликуетъ, какъ готовъ подвижникъ славы въ путь.
Востока край его изводитъ,
И Западъ съ кротостью исходитъ
Ему во срѣтенье грядущу съ высоты.
Ему, торжественно текущу,
Вездѣ веселый блескъ ліющу,
Что можетъ отъ его сокрыться теплоты?

Въ законѣ Господа пороку быть не можно;
Онъ новую душѣ собою жизнь даритъ.

Вѣщаніе Творца и вѣрно и неложно;
Оно и отроковъ премудрыми творитъ.
Велѣнія Господни — сладость;
Они — желанна мыслямъ радость,
И заповѣдь Его — очамъ душевнымъ свѣтъ.
Господень страхъ пребудетъ вѣчно;
Онъ чистъ, зерцало онъ сердечно;
Неправоты и лжи въ судьбахъ Господнихъ нѣтъ.

И злата, и всего, что въ свѣтѣ драгоцѣнно,
Онѣ любезнѣе изяществомъ добротъ
И вождеЛѣннѣе ихъ сладость несравненно,
Чѣмъ сладость, кою намъ лiетъ и медъ и сотъ.
И я, Твой рабъ, въ нихъ поучаюсь,
Благой надеждою питаюсь,
Что въ исполненьи ихъ мнѣ мзда Твоихъ даровъ.
Но кто избѣгнетъ преткновеній?
Кто чистъ отъ всѣхъ грѣхопаденій?
Мнѣ, Боже! не вмѣни невѣдѣнья грѣховъ;

И равно волею содѣянны моею
Мнѣ беззаконія прости, и пощади;
Да рабъ не буду имъ, но да собой владѣю,
Ты помощью меня, о Боже! утверди:
Тогда, невиненъ и свободенъ,
Во всемъ Тебѣ благоугоденъ,
Обрящу истинно достоинство души.
Спаситель мой, Творецъ, Владыка!
Вѣщанья устъ моихъ, языка
И сердца помыслы Ты благостью внуши!

ПРАВДА ВСЕГО ДОРОЖЕ.

—

Въ Палатѣ ли какой, или въ какомъ Приказѣ,
Не знаю точно я,
Сидѣлъ судья,
И правды не искалъ онъ никогда въ указѣ:
Она была,
Жила
Въ обширности его кармановъ.
Онъ прежде самъ живалъ въ Коллегіи обмановъ,
Пречудный нравъ имѣлъ,
И все кривить умѣлъ.
Такой своей ухваткой
Весьма онъ сходенъ былъ съ упрямою лошадкой;
Прямой дорогою онъ вѣчно не ходилъ,
И лѣву сторону ужасно какъ любилъ;
Но онъ ее никакъ не похвалялъ словами,
А только лишь дѣлами;
Такъ, видно, былъ не глупъ.
Съ симъ умникомъ увидясь Правдолюбъ
И усмѣхаяся: «Здорово! говоритъ,
Что къ намъ ты никогда, дружокъ, не побываешь»?
— Да гдѣ ты поживаешь?
Куда къ тебѣ дороженька лежитъ? —
«Вотъ здѣсь *направо*» — О! мнѣ тутъ не по дорогѣ,
Да мнѣ же тамъ знакомыхъ нѣтъ.... —

Примѣтя Правдолюбъ его въ такой тревогѣ,
Учтивый дѣлаетъ привѣтъ:
«Давно ужъ *правда* трубитъ,
Что ваша милость — да, не любитъ
Ее ни въ чемъ, ни гдѣ,
А болѣе всего въ судѣ.
И ежели когда ей сдѣлаешь услугу,
Такъ это не для ней, —
Для тысячи рублей,
И то лишь только отъ досугу;
Иначе ты ее дороже продаешь —
Напрасно пѣсенку такую, другъ, поешь.»
Судья отвѣтствуетъ: — я, правду почитая,
И въ домѣ точно берегу;
Она не ходитъ на торгу,
А только я съ нее проценты собираю.
За тысячъ нѣсколько я самъ ее купилъ.
Ужели и въ моемъ добрѣ мнѣ воли нѣтъ?
О, какъ развратенъ нынѣ свѣтъ!
И я почти одинъ всю правду сохранилъ;
Я знаю ей достойну цѣну,
И проклятъ, ежели ей сдѣлаю измѣну.
Всегда я, спать ложась,
Или съ постелькою простясь,
Въ замѣнъ молитвы: будь Ты милостивъ мнѣ, Боже!
Читаю: правда-мать всего у насъ дороже.
Теперь обѣда часъ, прости, дружечекъ мой.....—
Тутъ Правдолюбъ, пожавъ плечами
И правыми пошедъ путями,
Сказалъ: прости, судья предорогой.

БЕЗДѢЛКА.

—

Бездѣлка намъ во всемъ нужна,
Бездѣлка намъ во всемъ важна.
Бездѣлка въ подвигахъ военныхъ,
Въ любви и въ тяжбахъ ухищренныхъ
Бездѣлка будетъ перевѣсъ.
Бездѣлка насъ влечетъ къ боярамъ,
Бездѣлка часто умнымъ тварямъ
Источникомъ бываетъ слезъ.
Бездѣлка рушитъ тверды грады,
И за бездѣлку безъ пощады
Бояринъ слугъ своихъ бранитъ.
Судья и самый предсѣдатель,
Худой законовъ толкователь,
Даетъ бездѣлкѣ важный видъ.
Философъ, богословъ, піита,
И вся ученыхъ пышна свита
Въ бездѣлкѣ часто споръ ведутъ.
И Гиппократовы приставы
Въ бездѣлкѣ же у насъ не правы,
Когда отъ нихъ больные мрутъ.
Къ открытію стезей природы
И къ выдумкѣ нарядной моды
Бездѣлка случай подаетъ.
Таланты разума отличны,
Высоки, остры, не обычны

Бездѣлка открываетъ въ свѣтъ.
Бездѣлкѣ только уступаемъ,
Когда красавицъ обожаемъ.
Любовь бездѣлка вкоренитъ,
Бездѣлка равно истребитъ.
Бездѣлка льститъ, когда чѣмъ льстимся;
Она страшитъ, когда страшимся.

ТАНЦОВЩИКЪ И СТИХОТВОРЕЦЪ.

—

Въ Мадридѣ, иль въ Парижѣ,
А можетъ статься, и поближе,
На нѣсколько, положимъ, миль,
Танцовщику съ Піитомъ въ спорѣ
Нечаянно случилось горе.
Повѣрьте, право, это быль.
У знатнаго сосѣда
(А было то послѣ обѣда)
Французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ,
И италіянскихъ, польскихъ, шведскихъ,
Сыгравъ Танцовщикъ нашъ ногами ролей сто —
И это для него бездѣлица, ничто:
Разумны персты ногъ и пяты не отбиты,
Такъ не были забыты
Въ семъ важномъ подвигѣ манерный казачокъ
И легонькій бычокъ.
Хоть право, иль не право,
Повсюду слышно: браво! браво!
Танцовщикъ, восхищенъ, еще три сдѣлавъ па,
Къ Піитѣ подскочилъ
И гордо говорилъ:
«Вертится ль у тебя такъ Риѳма и Стопа!
Что Дактили твои, что Ямбы и Хореи? —
Головоломны лишь затѣи,

Доходу съ нихъ тебѣ шесть тысячъ лишь полушекъ.
Вотъ сколько ты убогъ!
Мнѣ мало этова для мелочныхъ игрушекъ,
Не только для прикрасъ моихъ ученыхъ ногъ.
Я со всего народу
Сбираю въ годъ доходу
Шесть тысячъ съ небольшимъ рублей.
Еще бы надобно хоть триста, для кудрей,—
Вотъ сколько я во всемъ твоихъ талантовъ выше!
Піитъ дѣтина былъ не плохъ;
Хоть пойманъ онъ врасплохъ,
Сказалъ товарищу: — Потише;
Доходами отнюдь талантовъ ты не мѣрь
И вѣрь,
Манежны лошади съ тобой въ искусствѣ сходны,
И куклы, сколько ты, умны и благородны:
Онѣ одѣты такъ, какъ ты,
Онѣ подобіе во всемъ твоей тщеты.
Благодари, что могъ отецъ твой догадаться,
Гдѣ даннаго тебѣ разсудка доискаться.
Въ головушкѣ твоей сперва его искалъ,
Но тамъ на мель попалъ;
Искалъ его въ рукахъ,
И наконецъ
Догадливый отецъ
Нашелъ его въ твоихъ ногахъ.
Хорошіе стихи по смерти будутъ славны,
А ноги умныя по смерти не забавны.....—
Насмѣшки колкія Танцовщикъ не постигъ,
Считая все себѣ хвалою,
А не насмѣшкой и хулою;
И въ мигъ

От радости хотѣлъ ногами сдѣлать стихъ,
По ихъ названью антраша;
Удача въ томъ ему была не хороша:
Переломилъ онъ праву ногу,
Повергнулся, бѣднякъ, въ ужасную тревогу;
И говорятъ, что онъ купилъ себѣ костыль
И сдѣлался хромой бобыль.
Пословица сбылась: хоть то же да не то же—
Одно другова подороже.

ИМЯНИНЫ.

Когда красавицамъ приходятъ имянины,
Хоть Марьи будутъ то, хоть Дарьи, Катерины,
Вездѣ такой обрядъ,
Что ихъ съ почтеніемъ дарятъ.
Но я чѣмъ подарю прелестную Варвару?
Къ парнасскому прибѣгну дару
И ей сплету вѣнокъ.
Но гдѣ возьму лилеи, розы, —
Теперь ужасные морозы.
Любимыхъ всѣхъ цвѣтковъ она сама пучокъ,
Такъ будетъ пусть она сама себѣ вѣнокъ.

ПѢСНЯ.

Духъ и сердце полоня,
Изсушила,
Сокрушила
Ты, прекрасная, меня.
Я сказать тебѣ не смѣю,
Что давно тобою тлѣю.
Отъ твоихъ прелестныхъ глазъ,
И отъ пламенныхъ заразъ
Умъ мой страждетъ,
Сердце жаждетъ
Утолить огонь въ крови.
Вздохомъ вздохъ я твой встрѣчаю
И очами изъясню
Пламень страстныя любви.
Хитростью своей руки
Вяжешь хитры кошельки;
Но когда бъ вязала сѣтки,
То бы стрѣлы бросилъ мѣтки
Самъ прелестный Купидонъ;
И тогда жъ ужъ не стрѣлами,
Но твоей руки сѣтями
Уловлялъ бы смертныхъ онъ.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Сей жизни нашея довольно долгій путь;
На немъ четырежды намъ должно отдохнуть:
Хоть всюду чорные тамъ кипарисы зрятся,
Но странники на немъ и въ день и ночь тѣснятся.

Покорствуя во всемъ велѣніямъ судьбы,
Не внемля голосу слезящія мольбы,
Избранный смертію возница грубый — время
Влечетъ по оному несчастно смертныхъ племя.

Родился человѣкъ, увидѣлъ только свѣтъ,
Уже собратіямъ течетъ немедля въ слѣдъ.
Храня обычаи средь малыхъ попеченій,
Онъ долженъ завтракать въ дому предразсужденій.

Въ полдневный часъ любовь съ улыбкой при пути
Не медлитъ звать его обѣдать къ ней зайти:
Хозяйка ласкова! коль милы разговоры!
Но средства нѣтъ ему разстаться съ ней безъ ссоры.

День къ вечеру... и онъ, чтобъ скуки избѣжать
И мысли мрачныя бесѣдой разогнать,
Чтобъ лестныхъ для себя исполниться мечтаній,
Онъ скачетъ наскоро въ гостинницу познаній.

Тамъ видитъ тысящи противниковъ себѣ;
Они, всѣ вдругъ крича въ словесной съ нимъ борьбѣ,
Угрюмы, насмурны, хотятъ съ нимъ вѣчно драться,
Чтобъ лавровой листокъ не могъ ему достаться.

Жалѣя праведно о глупыхъ сихъ столпахъ
И о потерянныхъ для распри той часахъ,
Онъ покидаетъ ихъ и въ даль въ свой путь стремится,
И въ домѣ дружества онъ ужинать садится.

Бесѣду мирную въ семъ мѣстѣ полюбя,
Онъ только-что начнетъ развеселять себя,
Жестокій вдругъ къ нему возница приступаетъ,
Велитъ оставить все, въ дорогу понуждаетъ.

Свершилось все; и онъ, досадуя, смущенъ,
Подъ тягостію бѣдствъ умученъ и согбенъ,
Приходитъ — видитъ одръ себѣ успокоенья.
Друзья! то смертный гробъ—конецъ его мученья.

СТИХИ
къ китайскому домику.

—

Прекрасный домъ! позволь себя мнѣ похвалить
И въ честь твою стихи изъ устъ моихъ излить!
Элизиными ты воздвигнутъ здѣсь трудами,
Отвсюду окруженъ тѣнистыми древами,
Ты внемлешь въ рощахъ сихъ согласныхъ птичекъ
гласъ,
Твой видъ, твой стройный видъ увеселяетъ насъ.
Бѣлѣйши мармора Элизы нѣжной руки
Украсили тебя, не ощущая скуки.
Картины, столики, ковры и весь уборъ
Входящихъ внутрь тебя влекутъ плѣненный взоръ.
Не удивляться намъ нельзя твоей судьбинѣ,
Се ново счастіе тебѣ предстало нынѣ:
Алцестъ съ Миланою во внутрь тебя идетъ,
Прекрасныхъ Нимфъ съ тобой и Грацій всѣхъ ведетъ.
Срѣтай наперсниковъ ты юныхъ Гименея,
Срѣтай, почтенье къ нимъ достойное имѣя;
Что есть въ тебѣ, всему въ безчувственную грудь
Они своимъ огнемъ возмогутъ жизнь вдохнуть.
Ихъ нѣжность и любовь и животворный пламень
Довольны умягчить и самый твердый камень.

СТИХИ
на иллюминацію.

Въ селѣ Г. Р. Б. Н. В.

—

Съ эѳира чорную завѣсу ночь спустила
И мрачными всю тварь крылами осѣнила.
Но островъ, сей ея законы мало чтя,
Теченіе самой Природы превратя,
Повсюду свѣтъ ліетъ различными огнями;
Въ немъ все исполнено чудесными лучами.
Чистѣйшимъ бисеромъ усыпанъ сводъ небесъ,
Въ немъ также множество забавъ, утѣхъ, чудесъ.
Долины, холмики, дорожки взоръ прельщаютъ,
Алмазны искры ихъ собою украшаютъ
И, къ удивленію, въ волшебныхъ сихъ мѣстахъ
Сапфиры, яхонты висятъ на деревахъ;
И нимфы сельскія толь много симъ плѣнились,
Что думаютъ: съ земли въ рай свѣтлый преселились
Но для кого такихъ собраніе отрадъ,
И въ честь кому сіи огни теперь горятъ?
Алцестъ съ Миланою вступилъ во брачны узы,
Такъ пѣснь ему поютъ въ пресвѣтломъ хорѣ Музы,
Алцеста богъ любви къ Миланѣ воспалялъ,
Богъ брачный жаръ его къ Миланѣ увѣнчалъ.
Во знакъ сего и здѣсь, друзей его руками,
Пылающихъ къ нему усердными сердцами,
Возжены видимъ мы прелестные огни,
Предвозвѣщающи ему счастливы дни.

═══

СТИХИ
на фейерверкъ, представляющій «храмъ любви».

Въ селѣ Г. Р. Б. Н. В.

Когда Алцестъ входилъ съ Миланою во храмъ,
Эротомъ гдѣ возженъ цитерскій ѳуміамъ,
Имъ нѣжны Граціи предшественницы были
И нектаромъ стези небесныиъ окропили;
Миланиной дивясь пріятствамъ красоты,
Благоуханные метали ей цвѣты.
Приходъ ихъ въ храмъ любви самъ Гименей встрѣчаетъ
И, въ знакъ согласія, вѣтвь миртову вручаетъ.
На алтаряхъ любви сердецъ ихъ огнь пылалъ,
Сей пламень Гименей собою увѣнчалъ.
Такого счастія событіе желанно,
Породой, младостью и красотой избранно,
Съ веселымъ торжествомъ, приличнымъ сей судьбѣ,
Мы празднуемъ, Алцестъ, сорадуясь тебѣ.
Желанья своего съ Миланой вы достигли:
Воззрите! храмъ любви друзья для васъ воздвигли;
Воззрите! се для васъ пріятный образъ въ немъ:
Два сердца нѣжныя горятъ любви огнемъ.
Но что̀ они, но что собой изображаютъ?
Не то ли, что и въ васъ сердца любви пылаютъ?
Ахъ! безъ сомнѣнія, такой пріятный знакъ
Намъ представляетъ вашъ всевожделѣнный бракъ.
Свершилъ любезный богъ, скончалъ желанье ваше,
Пусть ваша будетъ жизнь зари всходящей краше.

СТИХИ

на выздоровленіе Анеты.

Что дружба, что любовь, что искренность нелестна
Тебѣ, о красота небесна!
Соплесть
Возможетъ въ честь,
То всѣ черты сіи явятъ тебѣ неложно.
Кто любитъ — все тому возможно.
Анета! Музы всѣ рыдали о тебѣ;
Болѣзнь твоя прешла, благодаримъ судьбѣ.
Повѣрь, дражайшая, мы ревностно сердцами
И духомъ и устами
Желанія, мольбы стремили къ Небесамъ,
Чтобъ прелести твои толь рано не увяли.
Чему бы мы дивиться стали?
Гдѣ бъ равныя нашли твоимъ мы красотамъ?
Намъ вняли Небеса:
Возвращены тебѣ здоровье и краса.
Кротчайшая заря по мрачной, бурной ночи
Не столь пріятна и мила,
Сколь милы и пріятны очи,
Которыми ты лучъ небесный излила.
Весенни дни спѣшатъ... скорѣй, скорѣй спѣшите,
Анетѣ радость вы несите;
Во всемъ уподобляйтесь ей.

Но что сравнятся съ ея когда душей?
Зефиръ! ты любишь Музъ, ты Грацій равно любишь
И ласки ты свои стократно имъ сугубишь;
Но больше прочихъ всѣхъ Анету полюбя,
Во услуженье ей ты посвятилъ себя:
На персяхъ ты ея летаешь,
Ихъ тѣшишь, нѣжишь, воздымаешь,
Играешь ты въ ея власахъ,
Ты развѣваешь ихъ по плечамъ нѣжнымъ, бѣлымъ,
А послѣ, устремясь полетомъ ты веселымъ,
Ихъ разстиляешь на грудяхъ;
Весны младыя цвѣтъ, прелестну, нѣжну розу,
Не любящу морозу,
Сорвавъ, ты на щекахъ Анеты посадилъ
И съ нею бѣлизну лилей совокупилъ.
Но кто бъ возмогъ ея мнѣ душу описать,
Тотъ долженъ ангела небесна созерцать.
О, честь красавицамъ! воспитанница Музъ!
Счастлива мать тобою,
Счастливъ тобой отецъ;
Но счастія тому вѣнецъ,
Кто удостоится судьбою
Съ тобою брачныхъ узъ.
Мой долгъ и чтить тебя и равно удивляться:
Прекрасна ты, какъ мѣсяцъ Май;
Душа твоя — мнѣ рай.
Чѣмъ можно больше восхищаться?

ПѢСНЯ.

—

Прости, любезный мой пастухъ,
Кѣмъ грудь моя всегда пылала,
Прости! оставлю здѣшній лугъ,
Гдѣ каждый день съ тобой бывала,
Гдѣ восхищался страстью духъ
И нѣжность съ нѣжностью играла.

Уединясь на брегъ другой,
Я стану повторять всечасно,
Что я однимъ горю тобой;
Но стану повторять несчастно:
Къ тебѣ плачевный голосъ мой
Не дойдетъ... полетитъ напрасно.

Но ты не плачь, не плачь мой свѣтъ,
Не долго буду въ томной скукѣ:
Ты знаешь, смерть конецъ всѣхъ бѣдъ,
Конецъ страданія и мукѣ —
И мнѣ, мнѣ жить надежды нѣтъ,
Коль буду я съ тобой въ разлукѣ.

═

СОБЫТІЕ СНА.

Не правъ, кто вѣрить снамъ за грѣхъ себѣ считаетъ.
Я вѣрю, опытъ самъ меня въ томъ оправдаетъ:
Сегодня мнѣ
Привидѣлась во снѣ
Особа милая, — любезна и нѣжна,
Пріятна, ласкова, привѣтлива, умна,
И что жъ?... Судьба меня отрады не лишила,
И не мечтой мой духъ обманчивой польстила:
Всякъ счастіе мое представь —
Особу милую увидѣлъ я и въявь.
Когда? какъ Граціи вокругъ ея играли,
Зефира съ нѣжностью и легкостью летали;
Какъ солнце утренне являло яркій свѣтъ;
Короче, былъ тогда Миленинъ туалетъ.

СТИХИ

Анетѣ.

—

Утѣхи города, пріятности собраній
Предметомъ гдѣ была похвалъ и восклицаній
Анета милая, оставить хочешь ты
И удалить свои любезны красоты.
Ты хочешь въ сельскія долины,
Чтобъ нѣжны розы, нѣжны крины
Цѣлуючись съ тобой,
Нектарныхъ устъ своихъ пріятны ароматы,
Пріятный запахъ свой умножили стократы
И сдѣлались еще прекраснѣе тобой
Они въ желаньяхъ повсечасныхъ,
Дабы съ луговъ, полей прекрасныхъ
Могли на грудь твою прелестну возлетѣть
И нѣжность большую отъ ней себѣ имѣть.
Уже печаль и грусть терзаетъ
Того, тебя кто обожаетъ....
О, злополучные часы!
Почто скрываются божественны красы!
Къ которой мысль и духъ стремится
Та скоро, скоро удалится.
Чей взоръ былъ радостныхъ виновникомъ отрадъ,
Кѣмъ сердце восхищалось,
Горѣло, распалялось,
Та хочетъ сей оставить градъ.
Завистлива судьба и строгія минуты
Умножатъ мнѣ мученья люты!
Какъ сѣтуетъ Парнассъ! и коль печальны Музы!
Ихъ дружества союзы

Съ Анетой милою тверды всегда;
О, лучше бы ее не видѣть никогда,
Чѣмъ, видѣвъ, съ нею разлучаться
И взглядовъ ангельскихъ до времени лишаться!
Но тако рѣшено велѣніемъ судебъ,
Такъ самъ отецъ временъ повелѣваетъ, Фебъ.
Желанія мои, желанія Анетѣ,
Дабы прекрасныхъ дней во цвѣтѣ
Она всегда была
Кротка, нѣжна, мила.
Аврора утрення, вечерняя Аврора!
Анету весели ты прелестями взора;
Она тебѣ во всемъ подобна:
Душа ея беззлобна;
Ея ты здравіе безцѣнно укрѣпи,
Жемчугомъ слезъ твоихъ ей перси окропи.
Возрадуйтесь зефиры,
Дыханіемъ своимъ составьте нѣжны лиры.
Вы слухъ Анеты услаждайте,
И мановеньемъ крылъ Анету прохлаждайте;
Счастливъ стократно ручеёкъ,
Достоинъ зависти потокъ,
Захочетъ гдѣ узрѣть лице свое Анета.
Явится въ новый злакъ и роща та одѣта,
Гдѣ ей полдневный зной
Велитъ искать себѣ покой.
Веселіе сердецъ! скорѣе возвратися;
Ахъ, возвратися мѣсяцъ Май!
Я сердцу моему скажу..... возвеселися,
Скажу: Анета здѣсь — душа моя, взыграй!

СТИХИ

Лизетѣ.

—

Лизетины черты, въ умѣ напечатлѣнны,
Коснулися равно и сердца моего,
Ей чувствія мои и мысли покоренны,
Не можно полюбить мнѣ пламеннѣй сего.
Сколь ни живи кто осторожно,
Но сердца соблюсти не можно
Отъ прелестей ея очей:
Ихъ блескъ есть чистый блескъ пронзающихъ лучей;
Вливаетъ онъ во груди пламень
И можетъ умягчить и самый твердый камень.
Лилеи цвѣтъ и цвѣтъ весеннихъ свѣжихъ розъ
На мягкихъ, нѣжненькихъ щекахъ ея возросъ;
Изъ устъ ея, изъ устъ прекрасныхъ
Чистосердечіе и ласковость летитъ.
Коль много стрѣлъ опасныхъ
Единый взглядъ ея стремитъ!
Но если запоетъ Лизета,
Ея сладчайшій гласъ
Пріятности всѣ свѣта
Представитъ вдругъ для насъ.
Невинны игры, смѣхи, ласки
Родились вмѣстѣ съ ней:

Но какъ представлю я Лизету среди пляски?
Нельзя изобразить то кистію ни чьей.
Дщерь непорочныя Природы!
Въ твои цвѣтущи годы
Столь ты прелестна и нѣжна,
Такъ можешь ли, скажи, сердиться,
Что я тобою могъ плѣниться? —
Я знаю, будешь ты въ отвѣтѣ семъ скромна.

КЪ БАБОЧКѢ.

—

Любезна бабочка! не медли, прилетай:
Зоветъ тебя весна, зоветъ прекрасный Май.
Смотри, уже цвѣты росою окропились,
    Зефиры съ ними подружились;
Зефиры нѣжатся, не будь и ты скромна,
    Не будь застѣнчива, стыдлива;
Непостоянна будь, не будь тверда, вѣрна,
    Такъ будешь ты всегда счастлива.
Лети и съ нѣжностью гвоздичку поцѣлуй,
    Оставь ее и торжествуй
Надъ цѣломудріемъ и розы и лилеи,
Отъ нихъ пустись къ фіалкѣ въ путь,
И незабудочку обнять не позабудь;
    И такъ любезныя затѣи
    Всегда перемѣняй,
Въ пріятныхъ жизнь свою измѣнахъ провождай
        И знай,
      Такіе точно бы совѣты
      Я самъ себѣ давалъ,
      Когда бы не видалъ
      Прелестной я Лизеты.

═══

Соч. Костр.

КЪ ПАСТУХУ.

Пастушка нѣжная, младая
Отзыву томну горъ крутыхъ,
Потоки слезны проливая,
Ввѣряла голосъ бѣдъ своихъ.

Увы! невѣрный оставляетъ;
Гдѣ мнѣ прибѣжища искать?
Въ природѣ все мнѣ измѣняетъ;
Осталось только умирать.

Не тотъ ли вижу я лѣсочекъ,
Гдѣ онъ мнѣ голосъ подавалъ?
Не тотъ ли зыблется дубочекъ,
Что̀ насъ подъ тѣнью прохлаждалъ?

Поля напрасно украшаться,
Напрасно будутъ расцвѣтать;
Весна! ты хочешь вновь раждаться,
А я — хочу я умирать.

Какимъ заботамъ не вдавался
Невѣрный, чтобъ меня прельстить;
Какъ робокъ, боязливъ казался,
Какъ началъ онъ меня любить!

Но все то было ухищренно,
Чтобъ только въ сѣть меня поймать,
Иль нужно сердце столь влюбленно,
Меня заставить умирать?

Свирѣлью прежде межъ кустами
Любовь взаимну онъ пѣвалъ;
Мой посохъ лучшими цвѣтами,
Въ мою угодность, украшалъ.

Теперь красавица другая
Ихъ хочетъ отъ него принять;
Другую прелесть воспѣвая,
Меня онъ нудитъ умирать.

Приди сюда, смотри, невѣрной!
Какъ плачу тамъ и рвусь тоской,
Гдѣ прелестьми любви безмѣрной
Обвороженъ разсудокъ мой.

Не тронешься тоской моею,
О мнѣ не хочешь пожалѣть,
Прости! отраду я имѣю,
Отраду — скоро умереть.

Настанутъ, можетъ быть, минуты,
Когда не станешь ты любить,
Тогда терзанья тщетны, люты
Могу въ тебѣ и я родить.

Печальна тѣнь моя всечасно
Лишь будетъ предъ тобой скорбѣть;
Заплачешь ты, что ты напрасно
Меня принудилъ умереть.

КЛЯТВА.

—

На листочкѣ алой розы
Я старалась начертить
Милу другу, въ знакъ угрозы,
Что не буду вѣкъ любить,
Чѣмъ бы онъ меня ни льстилъ,
Чтò бы мнѣ ни говорилъ.
Чуть окончить я успѣла,
Вдругъ повѣялъ вѣтерокъ:
Онъ унесъ съ собой листокъ —
Съ нимъ и клятва улетѣла.

СТИХИ

ВЪ ЧЕСТЬ ПОКОЙНАГО ЕРМИЛА ИВАНОВИЧА КОСТРОВА.

1.

Седьмь знатныхъ городовъ Европы и Асіи
Стязались: кто изъ нихъ Гомера въ свѣтъ родилъ?
Костровъ ихъ споръ рѣшилъ:
Въ стихахъ своихъ Россіи
Отца стиховъ усыновилъ.

2.

Костровъ, переводя божественна Гомера
Для вѣчной славы Музъ, потомству для примѣра,
Въ Россіи захотѣлъ Гомера возродить;
Но Аполлонъ, боясь Гомеру досадить
Черезъ подобный даръ ему пѣвца другова,
Мгновенно жизнь пресѣкъ безсмертнаго Кострова.

ТАКТИКА.

—

На дняхъ прошедшихъ я Каиля навѣстилъ,
И для чего? онъ мой книгопродавецъ былъ;
Нерѣдко у него пространные анбары
Хранятъ бездѣлицы и вздорные товары.
Я книгу новую, сказалъ онъ мнѣ, досталъ,
Для смертныхъ нужную, достойную похвалъ;
Въ ней съ мудростью цвѣты красотъ соединились,
И стоитъ, чтобъ по ней всѣ смертные учились:
Мы счастье чрезъ нее возможемъ основать.
Зовется Тактикой; изволь ее принять.

Какъ, Тактикой? а я досель сего названья
Не зналъ, не зналъ равно его знаменованья.

Но мнѣ въ отвѣтъ Каиль: «названіе сіе
Имѣетъ въ Галліи отъ Грековъ бытіе,
И значитъ самую науку превосходну,
По преимуществу науку безподобну,
Высокихъ разумовъ и знатныхъ всѣхъ мужей
Желанья совершить не трудно можно ей.

Купилъ я Тактику, и чтилъ себя блаженнымъ,
Мня способъ въ ней сыскать, какъ быть мнѣ совер-
шеннымъ,
Чтобъ вѣкъ мой продолжить и горесть усладить,

Умѣрить прихоти и мысли просвѣтить;
Чтобъ необузданны желанія и страсти,
Разсудка здраваго подвергнуть мудрой власти;
Чтобъ должну честь являть и справедливость всѣмъ,
Однако чтобъ не быть обмануту ни кѣмъ.
Такъ мня о Тактикѣ, отъ всѣхъ я удаляюсь,
Прилежно чту ее, и въ томъ лишь упражняюсь,
Дабы на память мнѣ сей книги смыслъ познать.
Друзья! наука то — какъ ближнихъ умерщвлять.

Узналъ я, что монахъ, особа толь святая,
Селитру съ сѣрою смѣшавъ и растопляя,
Нечаянно для насъ злой порохъ изобрѣлъ
И, опалившись имъ, онъ больше почернѣлъ.
Узналъ я, что ядро, чтобъ ниже опуститься,
Такъ должно вверхъ сперва немного устремиться,
И что изъ мѣдныхъ жерлъ въ минуту смерть, летя,
Параболу своимъ полетомъ начертя,
Двумя ударами, которы звѣрски руки
Направятъ съ хитростью другимъ на злостны муки,
Сто синихъ автоматъ расположенныхъ въ строй
Опровергаетъ вдругъ и рушитъ въ прахъ земной;
Ружье, кинжалы, мечъ, штыки остроконечны,
И всѣ орудія, хотя безчеловѣчны,
Все хорошо для насъ и все къ добру ведетъ,
Полезно все, когда что колетъ и сѣчетъ,
Подобныхъ намъ самимъ искусно убиваетъ.

Посемъ ночныхъ воровъ писатель представляетъ,
Чтò чрезъ подземный путь не бивши въ барабанъ,
Всегда молчаніемъ скрывая свой обманъ,
Мечи и лѣстницы неся чрезъ тму густую,

Нечаянно мертвятъ тамъ стражу всю ночную;
На стѣны города въ безмолвіи восшедъ,
Гдѣ спятъ всѣ жители не опасаясь бѣдъ,
Ихъ домы рушатъ въ прахъ огнемъ или мечами,
Мужей и чадъ мертвятъ, ложатся спать съ женами,
И, утомясь потомъ отъ ревностныхъ трудовъ,
Чужое пьютъ вино при грудахъ мертвецовъ;
Назавтрее во храмъ съ усердіемъ стремятся,
Хвалу воздать Творцу за подвигъ славный тщатся,
И по-латини пѣснь молебную поютъ,
Защитникомъ Его себѣ достойнымъ чтутъ,
Что безъ руки Его, вѣщаютъ всѣ не ложно,
Взять городъ и сожечь имъ было не возможно;
Что грабить, убивать никто бъ изъ насъ не могъ,
Когда бъ не помогалъ намъ въ томъ всещедрый Богъ.

Я, странно пораженъ наукой толь хвалимой,
Къ Каилю побѣжалъ и, ужасомъ тѣснимой,
Немедленно сію я книгу возвратилъ
И, съ гнѣвомъ понося его, проговорилъ:

Поди, о, сатанинъ книгопродавецъ лютый!
Съ твоею Тактикой, не медля ни минуты,
Въ жилище, гдѣ Де, Тотъ продерзости примѣръ,
Гдѣ въ Саваоѳово сей имя изувѣръ,
Ведетъ Магометанъ въ Исусовы предѣлы,
И пушекъ множествомъ покрывши Дарданеллы,
Ихъ учитъ убивать Христовъ носящихъ крестъ;
Поди къ трофеямъ ты кровавыхъ оныхъ мѣстъ,
Гдѣ гнѣвный видѣнъ слѣдъ Румянцова, Орлова,
Поди къ рушителямъ Бендеръ, или Азова,
Иль паче къ Фридриху стремись ты съ книгой сей,

И будь увѣренъ въ томъ ты мыслію своей,
Что лучше знаетъ онъ сей правила науки.
Не сочинитель твой ни злѣйши смертныхъ муки,
Но самый сатана его тому училъ.
Въ наукѣ сей его примѣромъ свѣтъ почтилъ,
Какъ смертныхъ убивать и кровію ихъ мыться:
Евгеній и Густавъ не могутъ съ нимъ сравниться.
Поди, я признаюсь и истинно не лгу,
Что я тому никакъ повѣрить не могу,
Чтобъ человѣкъ (когда, минута неизвѣстна),
Исшелъ изъ рукъ благихъ Зиждителя небесна,
Дабы Всевышняго толь дерзко озлоблять
И столько ярости и странныхъ дѣлъ являть.
Мы безъ оружія, лишь съ десятью перстами,
Не созданы, чтобъ вѣкъ свой прекращали сами:
Необходимостью и рокомъ злыхъ временъ
Уже онъ безъ того довольно сокращенъ.
Песчаной пѣны сокъ, дитя подагры злое,
И множество мокротъ въ кремень потомъ слитое,
Что страшной каменной болѣзнію зовемъ,
Чахотки разныя и жгуща скорбь огнемъ,
И прочихъ тысящи недуговъ злыхъ и бѣдствій,
Обманы, клеветы, творцы печальныхъ слѣдствій,
Иль мало горестей влекутъ на шаръ земли,
Хотя бъ военной мы науки не нашли?

От Кира до царя, что въ лавроносной славѣ,
Содѣлалъ Лентуловъ * собой въ своей державѣ,
Я ненавижу всѣхъ героевъ имена,
Пусть хвалятъ ихъ дѣла, пусть славятъ времена;

* Король прусскій собственнымъ своимъ примѣромъ сдѣлалъ искусными своихъ полководцевъ.

Что до меня, отъ нихъ со страхомъ убѣгаю
И къ чорту самому въ жилище посылаю.

Толь смѣло говоря, увидѣлъ я въ углу,
Что острый молодецъ внималъ мою хулу.
Мундиръ его имѣлъ два точно эполета,
Сколь чиномъ онъ великъ, то знакъ, или примѣта;
Смѣлъ взоръ его, однакъ не лютъ, спокоенъ, милъ,
И качества его души въ себѣ носилъ,
И словомъ, Тактики былъ это сочинитель.

Я знаю, мнѣ сказалъ премудрый сей учитель,
Что для философа толь престарѣлыхъ лѣтъ,
Какъ ты, что̀ весь себѣ друзьями числишь свѣтъ,
И жизнь спокойную всему предпочитаешь,
Войны кровавыя, трофеи презираешь,
Жестокимъ кажется законъ науки сей
И отвращеніе родитъ въ душѣ твоей.
По правдѣ, ремесло мое безчеловѣчно;
Но крайню нужду въ немъ мы чувствуемъ конечно.
Чрезъ мѣру золъ рожденъ на свѣтѣ человѣкъ:
Злой Каинъ братнюю свирѣпо жизнь пресѣкъ.
И наши братія, Сарматы, Визиготы,
Отъ странъ донскихъ съ собой приведши сильны флоты,
Секванскихъ береговъ не смѣли бъ разорять,
Коль римску тактику мы лучше бъ стали знать.
Я храбрымъ воиномъ рожденъ, самъ воинъ равно,
Стараюсь правила предписывать исправно;
Не ближнихъ разграблять, но сохранять себя.
Мой другъ, уже ли то противно для тебя,
Что тщатся изобрѣсть тебѣ въ защиту средства?

Спокоенъ будешь ли не ощущая бѣдства,
Когда твои поля и домъ, и все, что̀ въ немъ
Нечаянно сожжетъ свирѣпый Готтъ огнемъ?
Надежными твой скотъ храниться долженъ псами,
Чтобъ не былъ расхищенъ на паствѣ онъ волками.
Есть, безъ сомнѣнія, законныя войны,
И зломъ не всѣ дѣла геройски почтены;
Ты самъ, какъ говорятъ, средь тишины, покоя,
Пѣлъ громки дѣйствія * Беарнскихъ странъ героя.
Онъ право защищалъ рожденья своего;
Онъ правъ, виновны всѣ противники его.
Пусть говорить о семъ героѣ перестанемъ,
Но для Фонтеноа уже ль не воспомянемъ?
Какъ легіонъ солдатъ британскихъ ободренъ,
Толь смѣло чрезъ полки французскихъ шелъ знаменъ?
Счастливый весельчакъ! Ты колкими рѣчами
Внутрь града велъ войну съ учеными умами;
Привыкши съ прочими Госсену ** обожать,
Ты шелъ въ театръ, дабы съ ней взора не спускать;
Иль дарованія ты игроковъ и свойства
По волѣ тамъ судилъ, не зная безпокойства.
Но ты и весь Парижъ, и словомъ, весь Парнассъ,
Что̀ бъ сдѣлать вы могли чудеснаго для насъ,
Когда бы Людовикъ особой самъ своею
Не поспѣшилъ на мостъ Калонны въ страхъ злодѣю?
И тѣ, что гроша два награды въ день берутъ,
И Кесарьми себя неробкими зовутъ,
Когда бъ съ Британцами охотно не сразились,
Которы къ намъ пришли, но въ домъ не возвратились?
Ты знаешь, кто, любя звукъ славы и похвалъ,
Съ тремя лишь пушками побѣду одержалъ,

*) Генриха IV. **) Славная актриса.

Намъ кровію она доставлена Граммона,
Разумнаго Лютто и юнаго Краона.
Но вашихъ шумное соборище головъ
Гремѣло между тѣмъ сложеніемъ стиховъ,
Или, подвеселясь, съ насмѣшкою презлою
Ругаться шло въ театръ Меропой, Сиротою;
Коль Марсъ и Аполлонъ оружіе берутъ,
Коль церковь, дворъ, мѣста судебны брань ведутъ,
Саббатьеръ *) и Клеманъ въ углу, но при отвагѣ,
Противу лучшихъ Музъ воюютъ на бумагѣ;
Позволь, чтобъ и солдатъ науку ту хвалилъ,
Что́ славу Франціи и крѣпость нашихъ силъ
Чрезъ многи времена собою ограждаетъ,
И гражданъ мирное спокойство утверждаетъ. —

По увѣщаньи семъ Гюбертъ мой умолчалъ,
Умолкъ и я, и что отвѣтствовать не зналъ.
Я силѣ здраваго разсудка покорился,
Что выше всѣхъ наукъ война, съ нимъ согласился.
И что Бурбона онъ съ баярдомъ **) описавъ,
И счастливымъ перомъ ихъ мысли начертавъ,
Достоинъ есть, чтобъ былъ онъ дѣломъ предводитель
Въ наукѣ, коей онъ лишь умственный учитель.

Но я откроюсь вамъ, что я молюсь всегда,
Чтобъ не было такой науки никогда,
Чтобъ правда въ міръ ввела спокойствіе желанно,
Отъ римскаго попа гонимо и попранно.

---

*) Худые французскіе писатели. **) Г. Гюбертъ сочинилъ трагедію Бурбонъ, въ которой онъ влагаетъ въ уста *Баярду чрезвычайныя мысли.*

ПОЭМА

ЭЛЬВИРЬ.

—

Исполненъ божествомъ, что̀ грудь огнемъ снѣдаетъ,
Что̀ счастье для меня и зло уготовляетъ,
И чтилъ которо я отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ,
Которо въ хладный гробъ ко мнѣ еще придетъ,
Чтобъ грудь мнѣ оживить и пламень влить въ со-
ставы,—
Исполненъ я любви, утѣхъ ея, забавы.
Дерзаю вознестись я на крилахъ ея,
И устремить полетъ во мрачные края,
Изъ тмы забвенія, изъ мрака вѣчно спящихъ,
Чтобъ тѣни двухъ извлечь любовниковъ стенящихъ
И внесть ихъ имена во свой плачевный стихъ;
На слабость не смотря и робость силъ моихъ,
Судьбу ихъ жалостну провозгласить всемѣстно.
О, чтимо божество мной тайно и нелестно!
Котораго вотще изображалъ черты
Цефизы въ имени и лестной красоты *;
О ты, чей зракъ всегда мой духъ собой плѣняетъ,

* Г. Арнодъ началъ писать сію поэму будучи во Франціи. Видно, что подъ именемъ Цефизы разумѣетъ онъ славную того времени красавицу и, можетъ быть, свою любовницу.

И чрезъ кого любовь къ себѣ меня склоняетъ
И новую стрѣлу стремитъ во грудь мою!
О ты, за коего я далъ бы жизнь свою,
Безцѣнный даръ небесъ, для всѣхъ благополучный
Сынъ свѣтлый божества и съ небомъ неразлучный!
Когда-бъ изъ-подъ моихъ стопъ нектаръ истекалъ
И въ ликѣ я себя безсмертныхъ созерцалъ,
Я цѣлью всѣхъ утѣхъ, единственнымъ богатствомъ,
Царями, божествомъ и всѣмъ, что льститъ пріят-
ствомъ,
Я чтилъ бы красоты возлюбленной моей!
Прими сіи стихи: то плодъ твоихъ очей,
То голосъ нѣжности; въ нихъ нѣжности духъ зрится,
Чрезъ нихъ твой страстный огнь и вѣрность укрѣ-
пится.
Сей гласъ въ стенаніяхъ сладчайши чувства льетъ,
Чрезъ мрачную печаль пріятнѣй тонъ даетъ,
И скорбь, которая всегда его смягчаетъ,
Любезнѣе чрезъ то насъ нѣжитъ, услаждаетъ.

И ты, которую повсюду жертвой чту,
Но выше только чтя Цефизы красоту,
И Феба, къ коему по ней въ стихахъ взываю,
Онъ стихъ въ уста ліетъ; исполненъ имъ, пылаю.
Тотъ стихъ, что въ Пафосѣ похвалъ вѣнецъ мнѣ
сплелъ,
Любовь! спустись ко мнѣ съ небесныхъ свѣтлыхъ
тѣлъ!
Здѣсь требую твоихъ я прелестей, искусства,
Пріятной нѣжности и жалостнаго чувства!
Спустись и омочи перо въ твоихъ слезахъ:
Хочу имъ начертать въ потомственныхъ сердцахъ

Несчастны случаи и жизнь четы любезной,
Да вѣчно чтутъ въ умѣ потомки рокъ ихъ слезной,
Чтобъ изъ Цефизиныхъ плѣняющихъ очей
Лилися токи слезъ на зракъ картины сей.
Ты можешь изъяснить одна сихъ слезъ отрады —
Любовь! се мзда, иной не требую награды.

Побѣдоносный Лузъ, что̀ крѣпостію силъ,*
О, Португальцы! васъ воздвигъ и утвердилъ,
Уже отъ высоты зритъ Аргонавтовъ новыхъ,
Зритъ храбрыхъ чадъ своихъ на подвиги готовыхъ;
Имъ вождь былъ всѣмъ его священная душа,
На ихъ блистательныхъ знаменахъ возлежа,
Стремятся къ кораблямъ всѣ, бодростью пылая,
Сердца и быстрый взоръ на влагу устремляя,
Желаютъ прелетѣть лазоревы моря;
Герой тутъ восплескалъ, весь радостью горя,
Внимая смѣлыхъ чадъ съ досадой вопіющихъ,
И вопль свой облаковъ въ превыспренность несу-
щихъ;
Что ихъ желанія и бодрости ихъ силъ,
Презрительный покой стремленье потушилъ;
И чтобъ Нептунъ отверзъ пространство нѣдръ над-
менныхъ
Для мышцей ихъ, давно въ бездѣйствѣ заключенныхъ;
И чтобъ ихъ кораблей стремленіе и бѣгъ
Пренесъ своей рукой на дальный, чуждый брегъ,
Гдѣ слава, что̀ стези терновыя смягчаетъ,

* Лузитанія названіе свое получила отъ Луза. Думаютъ, что былъ онъ спустникъ Бахусовъ, и по многихъ завоеваніяхъ остановился въ окружностяхъ Дуэры и Гвадіаны, гдѣ и умеръ.

Держа въ десницѣ пальмъ, къ себѣ ихъ ожидаетъ;
Чтобъ лавромъ ихъ вѣнчать, трудамъ являя честь,
И выше смертнаго ихъ подвиги вознесть.
Они хотятъ протечь стихíй пространство влажныхъ,
Сокрытый путь открыть полетомъ крилъ отважныхъ
До странъ, раждаясь гдѣ прекрасный вождь планетъ,
Отъ колесницы блескъ въ подсолнечну лíетъ.

Уже корма была ко брегу обращенна;
Различіемъ цвѣтовъ и вѣтвьми украшенна,
Отъѣзда скораго скрывала грозный страхъ;
Летая въ воздухѣ по власти вѣтровъ флагъ,
Изображалъ цвѣты на высотѣ прозрачной.
Со ложа нѣжнаго, гдѣ предсѣдитъ духъ брачной,
И отъ объятія слезяща естества,
Презрѣвши вопль крови, не зря на плачъ родства,
Противъ любви, противъ ея заразъ стенящихъ,
Изъ нѣдръ отечества печальныхъ и скорбящихъ,
Ты, Слава, извлекла наперсниковъ твоихъ,
Но не безъ жалости и не безъ слезъ о нихъ!

О, храбрый Гама! ты вождемъ былъ сихъ героевъ,
Безстрашіемъ твой видъ, блистая въ сонмѣ строевъ;
Безъ тщетной пышности пріятенъ былъ сердцамъ
И высоту твоей души являлъ очамъ.
Таковъ былъ сильный сынъ Алкмены и Зевеса.
Такъ древній дубъ, стоя среди высока лѣса,
Надменной облаковъ касается главой,
Тутъ прочи тщетно верхъ древа подъемлютъ свой:
Онъ горду зависть ихъ собой уничтожаетъ
И тѣнію своей онъ всѣхъ пріосѣняетъ.
Но чтобъ воззрѣть на сей геройскихъ душъ соборъ,

Заря румяный свой скорѣй открыла взоръ;
Уже отверзлися врата златаго Феба
И колесницы бѣгъ являлся съ края неба;
Въ водахъ, краснящихся багряностью огней,
Тамъ преломлялся блескъ безчисленныхъ лучей.
Желаньемъ хвалъ дыша и славою пылая,
Что льститъ, влечетъ его, препятствія не зная,
Воздвигшись вкупѣ весь сей страшный полкъ врагу,
Слѣдъ тяжкихъ стопъ своихъ оставилъ на брегу;
Но не было еще младаго въ немъ героя,
Чтó первый сладостью наскучивши покоя,
Былъ долженъ полетѣть чрезъ верхъ пучинныхъ горъ.
Всѣ вопятъ: гдѣ Рамиръ? повсюду мещутъ взоръ,
Его медленіемъ въ досадѣ укоряютъ.
Мнитъ самъ онъ, что его въ томъ волны обвиняютъ;
Приходитъ наконецъ, но коль въ немъ страненъ видъ,
О, боги! сынъ ли здѣсь вамъ Лузовъ предстоитъ?
Съ печали мрачныя лице его увяло,
Но было и тогда любви оно зерцало.
Стеналъ и воздыхалъ, судьбой своей гонимъ,
Стопами тихими былъ въ пристани держимъ;
Къ ней всякая влекла минута невозвратно.
Всѣ видѣли, что Богъ, сильнѣйшій Богъ стократно,
Увы! Котораго непобѣдима власть,
Препобѣждая въ немъ возженну къ славѣ страсть,
Его усилія безсильны разрушаетъ,
Противъ хотѣнія ко брегу прилѣпляетъ.

Васкесъ! вѣщалъ Рамиръ въ объятіяхъ его,
Васкесъ, что силою разсудка своего
Ко должности мой духъ и стопы ободряешь,

Погасшій къ славѣ огнь и бодрость воспаляешь,
Васкесъ! не въ силахъ я разстаться съ сей страной:
Здѣсь нѣжная Эльвирь боготворима мной.
Едина грозна смерть меня расторгнетъ съ нею,
Я, въ прахъ преобращенъ, къ ней жаромъ пламенѣю.
Ты сжалься надо мной, оплачь мою любовь,
Мои мученія и жгому ею кровь;
Я скрыть не въ силахъ слезъ, ты самъ тому свидѣтель,
И пусть винитъ твоя меня въ томъ добродѣтель,
Вини; я самъ себѣ извѣстенъ, признаюсь,
Стыдъ собственный я зрю, но я къ нему стремлюсь;
Скажи, что чрезъ сіе я подлъ, я слабъ, ужасенъ;
Мой разумъ въ томъ съ тобой, мой разумъ въ томъ согласенъ,
Я чувствую его всѣ силы, гласъ, совѣтъ;
Моя рука меня разитъ, терзаетъ, рвётъ,
Я самъ противъ себя киплю, ожесточаюсь,
Но словомъ я тебѣ единымъ изъясняюсь;
Люблю! симъ словомъ все сказалъ тебѣ Рамиръ...
Но что я зрю! мое блаженство, радость, миръ
Преграду вѣчную въ очахъ твоихъ находитъ...
Ахъ! потечемъ, куда насъ славы громъ предводитъ,
Течемъ и полетимъ, гдѣ край свой кончитъ свѣтъ,
Куда ея труба и жаръ меня зоветъ;
Дерзнемъ на жертву ей принесть чистѣйшу вѣрность,
Любовь супружнюю, ея красу и ревность;
Явимся рыцарьми, прервемъ любви союзъ,
Несемъ съ собой въ моря печаль и тяжесть узъ,
Спѣшимъ пріять вѣнецъ побѣды быстротечной,
Да нашимъ ратникамъ примѣръ я буду вѣчной...
Но, ахъ! Васкесъ, хотя ту жалость мнѣ простри:

Моей супруги токъ слезъ горькихъ ты отри,
Вѣщай стократно ей, что, славой въ путь ведома,
Душа моя была къ стопамъ ея влекома;
Коль Парка злость моихъ дней слабу нить прервеъ,
Тогда къ ней тѣнь моя, стеня, возопіетъ,
Въ ея объятіяхъ драгихъ почить желая.
Вѣщай стократно ей, мой плачъ изображая,
Что я, всѣхъ паче дней ея красой горя,
Чудясь ея душѣ, стремлюся на моря,...
Увы! Эльвирь! въ сіи плачевныя минуты,
Эльвирь! ты спишь, а твой, твой обожатель лютый,
Онъ смертно остріе въ твою готовитъ грудь!
Онъ отъ тебя сокрылъ пагубоносный путь;
Отверзешь очи ты!... Увы! коль видъ несносный!...
Васкесъ! мою любовь, мои мученья злостны,
Изобразишь ли ты? Ахъ! можетъ ли душа
Жить день, жить мѣсяцъ, годъ, Эльвирой не дыша?
Зефиромъ, что ее питаетъ, не питаться?
И, можетъ быть, о рокъ!... съ ней вѣчно не видаться,
Мнѣ смертѣ то нанесетъ. Но... долгъ исполню свой.

Онъ рекъ, и мужества объятый быстротой,
На корабли течетъ легчайшими стопами;
Но къ брегу устремленъ и сердцемъ и очами,
Не въ силахъ отъ его предмета ихъ отвлечь.
Постой, жестокій мужъ, къ чему толь быстро течь!
Гласъ вопитъ изъ дали, рыданьемъ прерываемъ,
Симъ воплемъ строй мужей былъ тронутъ, удив-
ляемъ,
Сердца всѣхъ къ жалости любовь сама влечетъ;
Всѣ зрятъ, что красота плѣняюща течетъ,
Стенящa, плачуща, блѣдна, въ тоскѣ смущенна,

И новой прелестью чрезъ горесть украшенна.
Чрезъ слезы множились ея очей красы,
Какъ роза въ утренни весенніе часы,
Что влажнымъ бисеромъ Аврора окропляетъ,
Эльвиринъ во слезахъ румянецъ такъ играетъ.
Бѣлѣйшіе власы, разсѣясь на плечахъ,
Покровъ едва, едва висящій на грудяхъ,
Ея пріятности прикрасъ всѣхъ обнаженны,
Искусство всѣхъ плѣнять, сей даръ неоцѣненный,
Ея отчаянье, смущенье, плачъ и крикъ
Все представляло въ ней святой Природы ликъ,
Когда она изшла изъ рукъ Творца небесна,
Безъ украшенія сама собой прелестна.
Таковъ, искусною водима кисть рукой,
Изображаетъ намъ Юнона образъ твой,
Когда, расторгнувъ ты Морфеевы оковы,
Во снѣ своемъ себѣ въ красы являешь новы!
Такъ обаяюща Армида взоры всѣхъ,
Дабы Ренальдъ тебя во власть своихъ утѣхъ
Плѣнить и уязвить чувствительнѣй стрѣлами,
Имѣя при себѣ любви и грусть вождями,
Съ тобой прощаяся въ часы разлуки злой,
Всѣ ласки, прелести открыла предъ тобой.

Сія краса чѣмъ насъ миляй всегда плѣняетъ,
Къ своимъ объятіямъ младенца прижимаетъ,
Кой съ воплемъ длань простря въ невинности своей,
Казалось, требовалъ родителя съ морей.
Венера то была держаща Купидона:
Тогда уже стѣсненъ всей тягостію стона,
О Небо! возопилъ, что зрю я, зрю Эльвирь!
Едва сіи слова, едва изрекъ Рамиръ,

Котораго стопы скрѣпляла бодрость друга;
То я, отвѣтствуетъ, то я, твоя супруга,
Твоя любезная! что, умирая, зрѣть
Пришла тебя, пришла лобзать и умереть.
Ахъ! какъ, во мзду любви и за толикій пламень,
Возмогъ ты быть ко мнѣ невѣренъ, твердъ какъ
камень!
Оставить здѣсь меня, бѣжать моихъ заразъ...
Ты сердце мнѣ пронзилъ, увы! въ тотъ самый часъ,
Какъ я, въ объятіяхъ обманчивыхъ Морфея,
Люблю тебя, тебѣ вѣщала, пламенѣя;
Всегда нося въ груди любезный образъ твой.
Какой же славы блескъ, блескъ тщетной и пустой,
Надъ нѣжностьми любви пріемлетъ лавръ надменный?
Кто побѣдитъ любовь, любовь залогъ священный?
Все въ ней пріятно, милъ и слезный токъ ея,
И, безъ сомнѣнія, увѣрена въ томъ я;
А ты призракомъ, ты мечтою восхищаясь —
Но что я говорю! за смертью ты гоняясь,
Стремишься отъ меня, имѣя тигровъ духъ:
Къ рыданью рождшихъ тя не простирая слухъ;
Вонзая имъ во грудь кинжалы смертоносны,
Увы! убійцею имъ будетъ сынъ ихъ злостный!
По сихъ уже, по сихъ священныхъ именахъ,
Напомню-ль о себѣ я при твоихъ очахъ,
Коль прелести мои, всѣ клятвы, огнь безмѣрной,
Исчезли во твоей душѣ, душѣ невѣрной?
Еще прекрасный нашъ цвѣтъ брачный не увялъ,
И льстивый тотъ союзъ себя не разорвалъ,
Которымъ жребій нашъ и нѣжность восхищенна,
И самая душа должна быть сопряженна.
Но ты мой презри вопль, печали горькій плодъ,

Не зри увядшій цвѣтъ, чрезъ грусть, моихъ красотъ:
Оставь, да жизнь моя исчезнетъ средь смущеній,
Да снидетъ духъ во мракъ отъ слезъ и огорченій
И отъ твоихъ твоя супруга стрѣлъ умретъ!
Коль жалости ко мнѣ въ тебѣ ни мало нѣтъ,
Гряди, я отъ любви, любви я вѣчной, твердой,
Даю тебѣ еще, супругъ немилосердой,
Усердій, пламени даю послѣдній знакъ...
Ахъ! не взирай на сей, на сей толь страшный зракъ;
Смущаюсь твоего я паче злостью рока,
Будь жалостливъ къ себѣ! зри, коль судьба жестока!
Къ себѣ, что мнѣ стократъ миляй себя самой,
Куда тебя влечетъ сей славы звукъ пустой,
Что льстивою твой взоръ завѣсою покрыла?
Сей огнь, котораго тебя объемлетъ сила,
Въ какія варварски мѣста съ собой влечешь?
О, коль великихъ золъ оковы понесешь!
Внемли шумящія въ противоборствѣ волны!
Зри тучи бурныя, свирѣпства, мрака полны,
Которы адскій духъ выноситъ на крилахъ.
Зри молніи, Перунъ! несомый въ небесахъ,
Зри камни, вѣтры, мель, чудовищъ страшныхъ роды,
И бѣдствій тысящи непостоянны воды,
Се бездна предъ тобой! се гибель въ ней твоя!
Умрешь!... Но ежели картины видъ сея
И жизнь твоя тебя ни мало не смущаетъ,
Уже-ль тебя и сей младенецъ не смягчаетъ?
Иль можешь въ пеленахъ его ты умертвить?
Онъ началъ для тебя слезъ первыхъ токи лить,
И первымъ, да надъ нимъ смягчиться, воплемъ
просить,...
Ахъ, должно-ль! да твоя нечувственность приноситъ

Его невинну жизнь кровавой славѣ въ даръ!
Лишится онъ меня! и сей готовъ ударъ!
При чьихъ лучахъ его дней юныхъ цвѣтъ созрѣетъ?
Какой утѣшитель въ объятіяхъ согрѣетъ
Его младенчество, и слезный токъ отретъ?
Увы! онъ жертвою несчастною умретъ,
Безумной гордости и ярости возженной!...
Яви хоть жалость ту, супругъ окаменѣнной,
Не медли смертію, взнеси ударъ ея!
Чрезъ плачъ мой проситъ самъ онъ милости сея.
Ты ужасъ весь его судьбы пагубоносной!
Простри, расторгни ты его съ сей жизнью злостной,
Съ симъ даромъ, что ему, къ несчастью, данъ тобой,
И, съ жалости разя во мнѣ ты образъ свой,
Чрезъ смерть соедини ты съ сыномъ мать стенящихъ
И торжествуй потомъ ты на волнахъ шумящихъ.
Герои! се вашъ духъ и свойственный вашъ знакъ!
Рекла Эльвирь, рекла и пала въ смертный мракъ.

Трепещутъ всѣ, ея погибели страшася;
Но, чтобы къ ней летѣть, любовью воспаляся,
Стократъ лобзаючи ей душу возвратить,
И паче прочихъ дней ее боготворить,
Привесть въ движеніе погасшихъ чувствій жилы,
Разсудка возвратить ей власть, совѣтъ и силы,
Весь огнь и сладкій ядъ любви въ себя пріять,
Ее терзающей стрѣлой себя пронзать,
И, словомъ, обновить въ своей красѣ Эльвиру —
Минуты стоило единыя Рамиру.

Тутъ слава съ честію скрежеща и ярясь,
И съ гордой сей четой Васкесъ соединясь,

Противъ заразъ любви Эгиду поставляетъ,
Среди ихъ мужество сѣдя не усыпаетъ.
Вотще ихъ отъ себя Рамиръ женетъ, бѣжитъ,
Бѣжитъ, назадъ течетъ, смущенье въ слѣдъ спѣшитъ.
Такъ левъ, нумидскими стрѣлами уязвленный,
Свирѣпствуетъ, реветъ, скрежещетъ разъяренный,
И смерть свою, за нимъ гонящуюся въ слѣдъ,
Ногъ быстротой своихъ во мракъ лѣсовъ несетъ.
Рамиръ слезитъ, Рамиръ смущается и стонетъ,
Душа его въ волнахъ страстей противныхъ тонетъ.
Коль страшно зрѣлище и коль ужасенъ бой!
То зритъ Рамиръ любовь со всей ея красой,
То славы передъ нимъ всѣ пышности блистаютъ.
Такъ вѣтры, съединясь, надменный кедръ сражаютъ,
Такъ бури понтъ мятутъ, всей наглостью стремясь.
Душа Рамирова стрѣлъ тучею язвясь,
Слабѣетъ, движется, ударами стѣсненна;
Но слабостью любовь своею обольщенна,
Со воплемъ, чувства всѣ преобращая въ ледъ,
Колеблется, бѣжитъ, при славѣ лавръ, побѣдъ.
Да будетъ такъ судьбѣ и небесамъ пріятно!
Коль духъ твой въ лютости и сердце непревратно,
Теки ты славы въ путь, ведомъ ея рукой!
Но я не разлучусь, рекла Эльвирь, съ тобой —
Усилія любви, что духъ мой устремляетъ,
Твоя нечувственность и честь не превышаетъ.
Безъ ужаса любовь чрезъ море прелетитъ
И свѣта до краевъ во слѣдъ твой поспѣшитъ,
На ярость водъ, на мель, на бури, камни, волны,
На все простретъ, на все спокойства очи полны,
Все крѣпостью своей течетъ попрать, сотерть,
Безъ робости она и саму встрѣтитъ смерть;

Но только бъ я тебя въ объятіяхъ имѣла
И въ грудь твою душа любезной прелетѣла!
Познаешь, сколь моя сильна къ тебѣ любовь.
Все, что тебя стремитъ, возжгло мой духъ и кровь;
Какъ ты, я мужествомъ безстрашнымъ пламенѣю,
И сердце лишь одно я женское имѣю,
Что не престанетъ въ вѣкъ тебя любить, горя;
Спѣшимъ и полетимъ на бурныя моря! —
Вдругъ дѣломъ рѣчь свою исполнила, свершила,
Дитя въ рукахъ держа, на корабли вскочила;
Тутъ бодрости ея чудясь, недвижный брегъ,
Вотще хотѣлъ сдержать ея поспѣшный бѣгъ;
Веперинъ сынъ влекомъ пріятностьми, красами,
Стеня, за ней летитъ вооруженъ стрѣлами.
Любовники! куда влечетъ слѣпой васъ духъ?
Ахъ! если бъ знали вы.... Тогда носился слухъ,
О Нимфы! прелестьми красящи Тагъ прозрачный,
Что будущей судьбы проникнувъ облакъ мрачный,
Предчувство черное въ печальный сей отъѣздъ,
Вступя въ прохладну тѣнь пріятныхъ вашихъ мѣстъ,
И скрывшись во цвѣты и въ мягки дола травы,
Смутило вашъ покой, невинныя забавы,
Явивъ мечтанія плачевны очесамъ.

Уже Ѳетида знакъ со властью давъ волнамъ,
Открыла глубину кормамъ кипящимъ пѣной;
Былъ воздухъ оживленъ съ пріятной сей премѣной,
Устами нѣжными зефиръ его лобзалъ;
Тѣ стѣны, что Улиссъ премудрый основалъ,*
Скрываясь отъ очей, являлись удаленны.

* Утверждаютъ, что городъ Лиссабонъ основанъ Улиссомъ.

Уже твой верхъ, о Цинтъ, до облакъ вознесенный, *
На кой толь кротко зритъ Діана съ высоты,
Которой нѣжна мать любви и красоты
Пріятностьми древесъ и тѣнію вѣнчаетъ,
Уже сей верхъ пловцевъ предъ взоромъ исчезаетъ.
Такъ облако, паровъ носящихся дитя,
Своею легкостью по воздуху летя,
Въ немъ разсыпается и гибнетъ непримѣтно,
И наглы вѣтры прахъ его несутъ всесвѣтно.
О Лузитанія! красы полей твоихъ,
Исчезли наконецъ отъ виду чадъ своихъ,
Уже ихъ взоръ вотще къ отечеству стремился,
И красные брега Мондеги видѣть тщился.
Предавшися любви Эльвирь, Эльвирь одна
Пылала ей сильнѣй, всегда упоена,
И мысль ея однимъ симъ чувствіемъ плѣнялась.
Не лестны ей брега, отъ коихъ отлучалась,
Она въ своей душѣ носила цѣлый свѣтъ,
Всего дражайшій ей любви ея предметъ.
Любовникъ предъ ея всегда былъ зримъ стопами,
Ее боготворя и сердцемъ и устами.
Союзъ, что́ тайною ихъ душу сопрягалъ,
Взаимны взоры ихъ и сердце насыщалъ;
Ихъ міръ, отъ нашего совсѣмъ отмѣнный міра,
Былъ въ нихъ, въ сердцахъ онъ былъ Эльвиры и Ра-
мира.
Когда Эльвиринъ взоръ, всей страстью воспаленъ,
Хоть на минуту былъ отъ мужа отвлеченъ,
То было для того, чтобъ зрѣть его обратно,

* Гора Цинтъ, окруженная рощами и на которой въ древнія времена былъ храмъ, посвященный Діанѣ, получила *свое названіе* отъ города Цинта, близъ ея стоящаго.

Внимать ему, лобзать въ объятіяхъ стократно;
И сладкій огнь излить пылающей крови,
Безцѣнный оный даръ невинныя любви.
Никакъ, Эльвирь ему всечасно повторяетъ
Съ слезами, кои огнь любовный источаетъ
И коими всегда питается, горитъ:
Никакъ не можетъ духъ всей нѣжности излить,
Представить, сколь тебя люблю и обожаю;
Сама любовь меня живитъ, я ей пылаю!
Стократъ могу, стократъ я жизнь свою прервать,
Чѣмъ страсть тебѣ свою и вѣрность описать.
Я чувствую себя, и сердце въ томъ надежно,
Что я тебя любить до смерти буду нѣжно.
Огня сего, что мнѣ и бытіе даетъ,
Теченье быстрое смерть грозна не прерветъ;
Се грудь, которою единъ твой взоръ владѣетъ
И что тобой горитъ, въ любви не ослабѣетъ.
Тебя боготворю, тобой однимъ дыша,
Съ твоей сопряжена всегда моя душа;
Во свѣтѣ одного тебя я зрю, срѣтаю,
Мнѣ вождь одинъ Рамиръ, я имъ однимъ пылаю;
Твое дыханіе меня животворитъ,
Все зрю въ тебѣ, тебя и богомъ духъ мой чтитъ.

Въ отвѣтъ такой любви, что рекъ Рамиръ безсильный?
Ничто; и могъ ли онъ сыскать словъ токъ обильный?
Молчалъ... но сердцемъ онъ горѣлъ и воздыхалъ,
Слѣды Эльвирины съ восторгомъ лобызалъ;
Во грудь ея свою онъ душу преселяя
И прелести ея очами пожирая,
Онъ обожалъ ее, источникъ слезъ лія,

Онъ умиралъ стократъ въ объятіяхъ ея.
Когда спускался Фебъ отъ насъ въ пучинны воды,
Да лучъ свой изліетъ на прочіе народы;
Иль свѣтоносцу въ слѣдъ, оставя хладный понтъ,
На гордый свой престолъ всходилъ на горизонтъ;
Всегда онъ видѣлъ сихъ любовниковъ согласныхъ,
Любовью дышущихъ и нѣжности подвластныхъ,
Восторга ихъ вина, прелестно божество,
Вліяло весь свой огнь въ ихъ нѣжно существо.
Когда ихъ разговоръ къ той вещи уклонялся,
Въ которой сладкій огнь любви не заключался,
Немедленно Эльвирь старалась то пресѣчь,
Сказавъ: мы обратимъ ко страсти нашей рѣчь;
Да будетъ намъ любовь цѣль нашихъ разсужденій.

Такъ счастлива сія чета безъ всѣхъ сомнѣній,
Чтобъ зависть раздражить и лютый злобы нравъ,
Такъ сыпала цвѣты, утѣхъ, отрадъ, забавъ,
На тѣхъ стезяхъ, гдѣ страхъ съ печалью съединились,

Уже близъ оныхъ странъ пловцы сіи стремились.
Гдѣ солнца пламенемъ живущихъ видъ чернѣлъ,
Чрезъ поясъ огненный уже корабль летѣлъ
И знойной Африки бреговъ уже казались,
Гдѣ звѣзды новыя имъ въ небесахъ являлись,
И предводили бѣгъ сихъ слѣпыхъ кораблей;
Уже обманчивъ блескъ Каллистиныхъ лучей
Исчезъ, и видъ ея подъ горизонтъ сокрылся;
Другой Парразисы тамъ свѣтлый крестъ * явился,

* Мореплаватели отъ созвѣздія южнаго полюса имѣютъ такую же пользу, какую сѣверные жители имѣютъ отъ своего созвѣздія, называемаго Медвѣдицею. Южное созвѣздіе состоитъ изъ седьми звѣздъ, изъ которыхъ первыя пять представляютъ видъ креста.

Катясь вкругъ полюса свирѣпыхъ южныхъ мѣстъ,
(Гдѣ меньшее число златыхъ сіяетъ звѣздъ),
Дабы заблуждшему пловцу дать свѣтъ полезный.
Уже ихъ видѣлъ взоръ сей островъ,* толь любезный
Сестрѣ, намѣстницѣ, о, красный Фебъ! твоей.
Тамъ новый полукругъ, и вѣтръ и власть морей,
Все чадъ твоихъ, о Лузъ! въ стремленьи дерзкомъ
льстило;
Самой луны лице ихъ блескомъ озарило:
Ея тронъ сребряный изобразясь въ волнахъ,
Утѣхи, тишину показывалъ въ водахъ,
Гдѣ сонмы разныхъ рыбъ забавы представляли,
Ихъ движимы лучи въ обманъ влекли, прельщали.

Супруга вѣрнаго въ объятіяхъ лежа
И въ узахъ сна Эльвирь Зефирами дыша,
Любовнымъ божествомъ и брачнымъ окруженна,
Покоя въ сладостяхъ казалась погруженна.

Покойся! ей Рамиръ съ горячностью вѣщалъ,
И съ милыхъ глазъ ея межъ тѣмъ цвѣтки онъ рвалъ,
Едва любовными устами ихъ лобзая.
Такъ легкая пчела, поверхъ цвѣтовъ летая,
Пріятный оный сокъ съ искусствомъ нѣжнымъ
пьетъ. —
Покойся, о драгой любви моей предметъ!
Пусть нѣжный Купидонъ съ Морфеемъ съединится,
Крилами ихъ твой взоръ пріятно осѣнится;
Пусть въ точномъ образѣ и во своихъ чертахъ
Въ твоихъ любовникъ твой мечтается глазахъ.

* Островъ Мадагаскаръ. Прежде назывался онъ островомъ Луны.

Въ часъ утра взоръ открой лишь только въ той надеждѣ,
Чтобъ зрѣть меня въ огнѣ сильнѣйшемъ, нежель прежде,
И чтобъ прелестнѣе красы свои явить,
Чтобъ больше нравиться, любить, любимой быть.

Но страшнымъ сномъ Эльвирь и видомъ возмущенна,
Блѣдна, трепещуща и ужасомъ стѣсненна,
Встаетъ и вопитъ вдругъ: тебя-ль, Рамиръ драгой,
Держу въ объятіяхъ, и ты ли предо мной!...
Любезный мужъ! во мнѣ твой образъ почиваетъ.
Но что! какой мной страхъ и трепетъ обладаетъ?...
Какъ мой мятется умъ! гдѣ я? куда гряду?
Какую предъ собой плачевну зрю бѣду?
Оставь! да восприму токъ жизненныхъ дыханій...
Еще я слышу вопль печальныхъ сихъ стенаній;
Я зрю еще теперь свирѣпство сихъ валовъ,
Густую тму и кровь и жалкихъ мертвецовъ;
Зрю мрачныхъ демоновъ; о, какъ представлю нынѣ!
Которы держатъ насъ съ тобой въ морской пучинѣ...
Я зрю сіи брега, природа гдѣ мертва,
Гдѣ скуки домъ, гдѣ гробъ гонима существа,
О Небо! я сама, твоя супруга страстна...
Твоя Эльвирь... и что! я плоть твою... несчастна!...
И сердце я твое снѣдала... грозный рокъ!
И что! при мнѣ твоей пресѣкся жизни токъ...—
Едва произнося слова сіи слезяща,
Вторично падаетъ въ смущенный мракъ, стеняща.
Вотще Рамиръ ея болѣзнь препобѣждалъ,
*Вотще лобз*аніемъ токъ слезный прекращалъ.

На всѣ въ ней чувствія, призраки толь суровы,
Казались, налагать въ свирѣпствѣ узы новы.
Никакъ, отвѣтствуетъ твой видъ, твой милый взоръ,
Твой просвѣщенный умъ и мудрый разговоръ,
И крѣпость съ мужествомъ толь прежде мнѣ надежна,
Не истребятъ во мнѣ призрака толь мятежна.
Мракъ сихъ предчувствій ты разсыпь, о горній свѣтъ!
Онъ, ужасомъ меня покрывъ, еще растетъ.
Рамиръ! теперь уже зрю бури, волны, бѣдства,
И съ гибелью судовъ соединенны слѣдства,
Зрю смерть твою... но нѣтъ, ея не буду зрѣть!
О Небо! ты позволь мнѣ прежде умереть!
Съ душею пусть его моя соединится,
Пусть жизнь его чрезъ то драгая сохранится!

Но благотворнаго Рамиръ свѣтила ждетъ,
Котораго возвратъ, утѣшительный свѣтъ
Природу каждой разъ живитъ и воскрешаетъ,
Да лучъ его, что тму ночную прогоняетъ,
Въ душѣ Эльвириной видъ грозный истребитъ
И свѣтлостію дня ей сердце усладитъ:
Вступаетъ наконецъ оно въ стези небесны,
И мракъ предъ нимъ въ мѣста стремится неизвѣстны;
День возраждается и сладка тишина,
Остатокъ ужаса, Эльвирь хранитъ одна;
Въ ней привидѣнія, питаемы любовью
И слабостью ея и женской нѣжной кровью,
Ей впечатлѣли въ мысль сильнѣй свои черты.

Душа! имѣешь ли свѣтильникъ гробный ты,
Который бы предтекъ въ несчастьяхъ предъ тобою,

И зло тебѣ являлъ, назначенно судьбою?
Но коль нельзя сего намъ рока избѣжать,
О Небо! удостой его не предъявлять.

Морями между тѣмъ Зефиры обладали
И воды краснаго дня сладость ощущали.
Тамъ съ шумомъ корабли, пріятнымъ межъ пучинъ,
Неслися по сребру, Нерей, твоихъ долинъ!
Ты побѣдителемъ зрѣлъ Гаму надъ собою.

Духъ движущій, Душа, все правяща Собою,
Душа; что славою наполнила Своей
И долъ, и небеса и бездны всѣхъ морей,
Которая, въ мірахъ несчетныхъ обращаясь,
Творитъ и движетъ все, ни чѣмъ не утруждаясь,
Повсюду жизни даръ, и даръ щедротъ ліетъ,
У Коей въ бытіи конца и въ царствѣ нѣтъ;
Сей высочайшій Умъ, сей Богъ боговъ предвѣчной,
И сущность Коего въ любови безконечной,
Кому вся тварь дитя, чьей воли все есть плодъ;
Сей, говорю, Отецъ, Источникъ всѣхъ щедротъ,
Чтобъ наказать нашъ Шаръ преступный и плачевный,
Гдѣ ярости Его слѣдъ зрится нынѣ гнѣвный,
Благоволилъ, чтобъ духъ свирѣпъ, неумолимъ,
И яростенъ леталъ по областямъ земнымъ.
Сей духъ есть мрачный духъ, гонитель смертныхъ злостный,
И сѣющъ на земли мученій плодъ несносный;
Онъ смертныхъ на главу всѣ бѣдствія собралъ,
Кровавый мечъ своей рукою исковалъ;
Онъ пламенникъ войны возжёгъ и внесъ раздоры
И громъ, чѣмъ насъ рззятъ небесны въ гнѣвѣ горы,

Сей громъ, сей страхъ, сію божественную месть,
Умѣлъ отъ высоты похитить и унесть,
И силой онаго сталъ смертныхъ онъ губитель;
Сей беззаконій всѣхъ источникъ и родитель
Изъ ада самаго исторгъ металлы намъ;
Мы, имъ устремлены, несемся по волнамъ;
Сей духъ теченіе дней нашихъ сокращая,
И тысящи гробовъ подъ нами изрывая,
Весь свѣтъ преобратилъ въ одинъ пространный гробъ;
Свергаетъ онъ вѣнцы съ помазанныхъ особъ;
Своимъ могуществомъ земныя рушитъ царства;
Нероновъ, Кромвелевъ, исполненныхъ коварства,
Возводитъ на престолъ своею онъ рукой;
Онъ Карла перваго подвергнулъ смерти злой;
Онъ бременемъ народъ отягощаетъ слезнымъ;
Мы стоненъ отъ него подъ скипетромъ желѣзнымъ:
Въ сердцахъ владыкъ, что въ страхъ приводятъ смертныхъ родъ,
Щедротамъ, благости онъ заключаетъ входъ.
Сей духъ, котораго мы жертвою мученій,
Отъ вѣка былъ отецъ злодѣйствъ и преступленій.
Всякъ добродѣтельный, разимъ его стрѣлой,
Не долженъ ожидать, какъ только смерти злой.
Успѣхъ и счастіе людей его смущаетъ,
На всякій лавръ свой ядъ онъ смертный изливаетъ:
Онъ дхнетъ, — и Фурія, воспламенившись вдругъ,
Назвавшись Завистью, земной тревожитъ кругъ.
Скрежещетъ, мучится онъ, зря людей блаженныхъ,
Онъ кровь и слезы пьетъ несчастьемъ утѣсненныхъ:
За радостную пѣснь ихъ стонъ плачевный чтитъ
И мстительнымъ всегда онъ пламенемъ горитъ.
Со вздохами изъ устъ его течетъ свирѣпство;
Вся радость въ томъ его, чтобъ дѣлать зло и бѣдство.

Онъ зритъ, что мужество безстрашныхъ сихъ
плововцевъ
Готовится сорвать геройскихъ пальмъ вѣнцевъ;
Зерцало счастія два сердца сопряженны
Онъ зритъ — и сѣти вдругъ его коварствъ сплетенны.
Уже на оный брегъ мучитель полетѣлъ,
Гдѣ ярость злобную исполнить онъ хотѣлъ.

Среди морей, что путь предѣловъ сокровенныхъ
Отъ глазъ Европы всей наукой озаренныхъ,
До сихъ временъ хранятъ, невѣдомъ и сокрытъ,
Твердыня каменна, возвысившись, стоитъ;
Къ ней приразясь, волна со срахомъ убѣгаетъ
И небо на нее во ужасѣ взираетъ:
Оно тамъ слабый лучъ и блѣдный свѣтъ ліетъ;
Что въ вящшемъ мракѣ вспять на высоту течетъ;
Подошва сей горы въ дно бездны углубилась,
Отъ высоты своей незримою сокрылась;
Плачевный рокъ судовъ и смерть лежитъ при ней:
Остатки бѣдственны премногихъ кораблей,
Отломки мачтъ, тѣла и члены раздробленны,
Къ брегамъ симъ бурею несчастно усремленны,
Съ отверзтыми усты, отчаянъ и смущенъ
Ослабшихъ рукъ вотще усильемъ подкрѣпленъ,
Тамъ зрится Ужасъ плыть къ свирѣпой сей твердынѣ,
Но, ею отраженъ, является въ пучинѣ;
Тамъ страшный смертный вопль, пронзивъ собою
слухъ,
Стрѣлами вдругъ язвитъ сердца и томный духъ;
Чрезъ клятву съединясь всѣхъ вѣтровъ сонмъ свирѣ-
пыхъ,
Шумитъ на сихъ мѣстахъ плачевныхъ и нелѣпыхъ,

И бурной яростью онъ дышетъ вѣчно въ нихъ,
Опустошая все тиранствомъ устъ своихъ;
Тамъ погруженный Фебъ во мракъ густой, трепещетъ
И стрѣлъ златыхъ съ высотъ эѳирныхъ онъ не ме-
щетъ;
Отъ вѣка въ собранныхъ тамъ облачныхъ горахъ
И въ черныхъ день отъ дня сгущаемыхъ парахъ,
Ужасныхъ демонъ бурь въ неистовствѣ стенящій,
Гремитъ, свирѣпствуетъ всѣмъ съ гордостью пре-
тящій;
Онъ вѣтровъ на крилахъ бунтующихъ сидитъ,
Онъ на главѣ своей всѣ непогоды зритъ;
Отъ волосовъ его рѣка стремится черна,
На яростномъ челѣ со прахомъ буря сѣрна.
Изъ впалыхъ глазъ стремитъ онъ молнію и блескъ,
Изъ адскихъ устъ его несется громъ и трескъ;
Съ стихіями одинъ во брани онъ всечасной,
Онъ свѣтлость дней мрачитъ, смущая воздухъ ясной;
Десницей мѣдною удары онъ даетъ.
Отъ основанія всю землю тѣмъ трясетъ;
Онъ бѣшенствомъ своимъ моря смущать летаетъ;
Во средоточіи онъ ада обитаетъ.

«Стремись отмстить меня, мой братъ, мой вѣрный
другъ,
На берега сіи пренесшись злобный духъ,
Рекъ демону сему нечестіемъ кленяся.
Отмсти, излей твой гнѣвъ всей бездной укрѣпяся,
Во Португальцахъ ты всю крѣпость сокрушай,
Ихъ предпріятіе продерзкое карай,
И мужественно стань ты славѣ ихъ противу,
Геройскихъ дѣйствій токъ прерви и мысль кичливу,

Лети, да мудрость ихъ разрушится тобой;
Да ненавидимы сердца двухъ смертныхъ мной...
Увы! о, коль они и въ бѣдствіяхъ блаженны!
Да ощутятъ въ себѣ вѣсь гнѣвъ твой истощенный;
Лети! да отъ твоихъ ударовъ смертныхъ зрятъ,
Что ты всегда мнѣ былъ и будешь вѣчно братъ.»

Онъ рекъ—уже отъ узъ всѣ вѣтры разрѣшились,
Вдругъ буря съ нощію къ свирѣпству устремились,
Чрезъ громы страшные, чрезъ молній быстроту
Подъемлются валы, какъ горы, въ высоту;
Скрежещутъ и кипятъ въ дали морскія бездны
И небо въ ужасѣ покрыло взоры слезны.
Тебѣ, любовница, достойна горькихъ слезъ!
Грозяща Истина, нисшедшая съ небесъ,
Чрезъ мрачный сонъ, чрезъ сонъ печальный и ужасный,
Явила съ точностью твой рокъ, твой рокъ несчастный;
Скажи, что дѣлала ты въ страхѣ сихъ премѣнъ?
Твой взоръ померклый былъ отъ свѣта удаленъ:
Ты въ нѣдрахъ нѣжныя любви себя скрывала,
Она, тебя объявъ, слезами орошала.
Твой жалостный супругъ, не мысля о себѣ,
Смущался, трепеталъ лишь только о тебѣ.
Не зрѣлъ онъ ни кого, кромѣ тебя и сына,
Васъ покрывала двухъ его душа едина.
Мгновенно грозна смерть изъ адскихъ безднъ изшла,
И понта на валахъ немедля возлегла.
Вдругъ молнія летитъ, мракъ бездны отверзаетъ,
И тѣхъ, которыхъ смерть на жертву избираетъ,
Свергаетъ въ черну хлябь, въ ужасныя мѣста,

Повергла — и сомкнулъ несытый адъ уста.
Тутъ буря, мракъ, Эолъ свой гнѣвъ усугубляютъ,
И надъ несчастными удары умножаютъ;
Ихъ предводя, гремитъ свирѣпый адскій духъ,
Стремятся вси они съ нимъ флотъ разсыпать вдругъ.
Едину ужаса пловцы картину зрѣли,
Очей ихъ свѣтъ исчезъ и лица ихъ блѣднѣли,
Одно рыданіе и страшный только стонъ
Неслися по валамъ, смущали горизонъ;
Тамъ воплей тысящи на небо устремлялись,
Но, имъ отринуты, водъ въ бездну погружались;
Отломки мачтъ, тѣла несутся по водамъ,
Игралищемъ служа и смерти и волнамъ.
Виновникъ зла сего самъ, радуяся, плещетъ,
Ожесточается и яростнѣй скрежещетъ:
Корабль, что несъ свое несчастіе съ собой,
На камень устремилъ онъ самъ своей рукой,
Разрушилъ — и Рамиръ въ пучину упадаетъ,
Держа все то, что онъ себѣ предпочитаетъ.
Въ семъ новомъ бѣдствіи, тягчайшемъ прочихъ бѣдъ,
Власть полную надъ нимъ любовный огнь беретъ:
Одною онъ рукой объялъ жену и сына,
Чтобъ не похитила ихъ яростна пучина;
Онъ сердце и его восторгъ и крѣпость силъ
И бодрость всю тогда въ сей мышцѣ заключилъ
Толь дивны подвиги одной любви сразмѣрны,
Ея усилій плодъ, дѣла неимовѣрны, —
Другою онъ плыветъ, сражаяся съ судьбой,
Съ волнами, съ вѣтрами, со смертною косой.
Тутъ часто бурный валъ, являя всю свирѣпость,
Дерзаетъ утомлять его десницы крѣпость
И имъ несомое сокровище отъять.

Но нѣжная любовь, что зрѣлась возрастать,
Рамиру, коего все тщетно угнетаетъ,
Силъ смертныхъ мужество превыше изливаетъ.
То вдругъ несется онъ къ небеснымъ облакамъ,
То низвергается онъ ада ко вратамъ,
Ему блескъ молніи, блескъ грозный и плачевный
Являетъ смерть... Сія, простерши руки гнѣвны,
Его въ пучинѣ золъ стремится погрузить;
Но что въ немъ бодрый духъ, что можетъ сокру-
шить?
О Небо! можно ли, чтобъ смертный слабый, бренный,
Отчаянъ и въ волнахъ, судьбою притѣсненный,
Толь много мужества и бодрости имѣлъ!
Сія ли смертныхъ часть, и сей ли ихъ предѣлъ?
Рамиръ влюбленъ. Его рука побѣдоносна
Не то, чтобъ уступить свирѣпству рока злостна,
Но вящшую еще раждала крѣпость въ немъ.
Его душа, всегда горя любви огнемъ,
Въ объятіи своемъ держала заключенно
То прелюбезное, то бремя драгоцѣнно,
Для жизни коего равно сама она
Въ Рамировой рукѣ была заключена.
Такъ кокошъ бодрствуетъ надъ робкими птенцами,
Соединяетъ ихъ, содержитъ подъ крилами,
Коль ястребъ, врагъ его, подъ облакомъ летитъ
И быстрый свой полетъ къ его птенцамъ стремитъ.
Ко слабой помощи несчастный прибѣгаетъ,
И жизнь свою спасти еще Рамиръ желаетъ,
Ту жизнь, на коей нить утверждена тѣхъ дней,
Что жизни для него любезнѣе своей.
Такъ прежде Лахезисъ, пылая мстящимъ гнѣвомъ,
Жизнь Мелеагрову съ полусожженнымъ древомъ

И смертную судьбу свирѣпо сопрягла,
Которо пламенемъ въ безумствѣ мать сожгла.
Рамиръ ту жизнь спасти отъ волнъ жестокихъ
тщится,
За кою самъ стократъ умреть не устрашится;
Онъ древо, что неслось поверхъ воды морской,
Старался ухватить простертою рукой;
Но въ древо будто бы тотъ злобный духъ вселился,
Кой мщеніемъ противъ Рамира ополчился:
Оно изъ-подъ его десницы утекло
И жизнь Рамирову съ собою увлекло.
Дабы умножить страхъ и ужасъ, толь безмѣрный,
Ночь темная вездѣ сгустила облакъ черный.
Вѣщаютъ, будто бы во крайности такой
Небесной отроча блестяще красотой,
Какъ молнія съ высотъ пустилося эѳирныхъ,
Чтобъ волны разсѣкать полетомъ крилій мирныхъ,
И чудодѣйственнымъ жезломъ ударивъ ихъ,
Спасительной рукой изъ самыхъ нѣдръ морскихъ,
Возвысить предъ лицемъ Рамировымъ лампаду,
Чтобъ излила она ему лучей отраду
И освѣтила бы предъ нимъ пространный гробъ,
Предуготованный на днѣ морскихъ утробъ.
Такъ путешественникъ, заблуждшій межъ лѣсами,
Чрезъ неизвѣстный путь, но скорыми стопами
Стремится и летитъ тому лучу во слѣдъ,
Что чрезъ сгущенный лѣсъ являетъ слабый свѣтъ.
Прекрасный отрокъ сей отъ высоты эѳира
Слетѣвшій, чтобъ изъять отъ наглыхъ волнъ Ра-
мира,
Былъ нѣжный Купидонъ любви сладчайшей богъ....
О! если бъ онъ спасти любовника возмогъ!

Вблизи * береговъ, въ честь той планетѣ посвя-
щенныхъ,
Что сребряны лучи съ предѣловъ отдаленныхъ
На полукружіе, гдѣ мы живемъ, ліетъ,
Когда подземнымъ Фебъ златой являетъ свѣтъ
Близъ острова сего, обильнаго плодами,
Гдѣ царствующая Ѳетида надъ волнами
Пловцу, ослабшему отъ тягостныхъ трудовъ,
Пристанище даетъ, спасая отъ валовъ.
Есть островъ и другой, но ахъ! совсѣмъ отмѣнный—
Домъ злополучія и край, всего лишенный;
Тамъ издыхаетъ вся природа стѣснена,
И въ скорбныхъ горести цѣпяхъ заключена,
Стеняща вопіетъ, вседневно воздыхаетъ;
Тамъ принужденно Фебъ лучъ свѣтлый изливаетъ.
Такъ былъ нелѣпъ сей міръ въ начатіи своемъ,
Когда еще страны и всѣ предѣлы въ немъ
Въ жестокихъ тяжка сна заклепахъ содержались,
Пустыней темною и бездною казались,
Поверхъ которыя на тягостныхъ крилахъ
Носился мракъ, вездѣ распростирая страхъ.
Въ противныхъ сихъ поляхъ со Флорою Помона
Не ставятъ никогда великолѣпна трона,
Печальну землю ихъ, презрѣнну отъ небесъ,
Не орошаетъ въ вѣкъ Аврора токомъ слезъ.
Зеленой ризы тамъ не видно надъ холмами;
Не распещряются долины ихъ цвѣтами,
Не извиваются струи въ пустыняхъ сихъ,
Не услаждаютъ слухъ журчаньемъ водъ своихъ,
И нѣжныхъ птичекъ тамъ не слышно трелей строй-
ныхъ,

* *Близъ острова* Мадагаскара, посвященнаго Лунѣ.

Летятъ онѣ отъ мѣстъ сухихъ, безплодныхъ, зной-
ныхъ.
А если хоть одну несчастливый полетъ
На сей свирѣпый брегъ чрезъ море пренесетъ,
Бываетъ такова возвѣстницей страданій,
Пророчицей скорбей, печалей и стенаній.
И наконецъ земля, въ свирѣпости своей,
Отъ мѣдныхъ нѣдръ, одной приличныхъ только ей,
Въ сей варварской странѣ единый тернъ раждаетъ,
Безчувственный песокъ и камни изращаетъ.
Оставя мрачныя Эребовы мѣста,
Чудовищъ въ мѣстѣ семъ живетъ одна чета,
Котора съ сихъ бреговъ, съ своихъ предѣловъ вѣч-
ныхъ,
Стремясь усиліемъ полетовъ быстротечныхъ,
Летитъ опустошать собой пространный свѣтъ,
Когда ее къ тому злость Атропы зоветъ.
Одно изъ нихъ есть *гладъ*, всегда собой снѣдаемъ,
Какъ вѣчнымъ врагомъ, самъ собой всегда терзаемъ;
Духъ злобы, что ему и бытіе самъ далъ,
Мертвитъ его, но такъ, чтобъ онъ не умиралъ.
Другое именемъ *неплодія* зовется,
Изъ устъ его всегда и смерть и зной несется,
Отъ взора гнѣвнаго злакъ вянетъ по лугамъ,
Повержена, стенетъ земля къ его ногамъ.

Сихъ мѣстъ отъ благости небесной отчужденныхъ,
Препобѣдивъ валовъ свирѣпство разъяренныхъ,
Всѣ духа злобнаго усилія и гнѣвъ,
Всѣхъ адскихъ демоновъ жестокость одолѣвъ,
Лишенный силъ, едва дыханіе имѣя
И духа жизненна послѣдней искрой тлѣя,

Котору богъ любви въ немъ тщится удержать,
Сихъ мѣстъ, уже едва имѣя мочь стоять,
Готовъ на брегѣ пасть подъ смертною косою,
Рамиръ достигъ, неся, что мило, все съ собою.

Въ началѣ не къ себѣ онъ мысли обратилъ,
Но къ жизни, кою онъ всего священнѣй чтилъ, —
Къ предмету, что его собой одушевляетъ,
Къ которому въ немъ духъ, какъ къ божеству пылаетъ, —
Весь взоръ его очей къ Эльвирѣ устремленъ,
И духъ его къ ея пріятствамъ пригвожденъ.
О Небо! что сей видъ? Рамиръ, гонимъ судьбою,
Зритъ сына своего съ супругой предъ собою...
Надъ ихъ главами смерть простерла свой покровъ,
Стопами адовыхъ касаются бреговъ.
Вопль горестный Рамиръ съ любовнымъ испущая,
Супругу нѣжную и сына обнимая,
Любезнѣйшій въ тысящи онъ сердце раздѣлилъ,
Онъ душу имъ свою и жизнь во грудь излилъ;
Стократно онъ Эльвирь въ объятія пріемлетъ,
Она любовницы стократъ названье внемлетъ.
И божества... но что и имя таково
Не сильно изъяснить всей нѣжности его.
Съ горячностью ее онъ къ персямъ прижимаетъ,
Прелестны очи ей слезами орошаетъ,
И сердце прилѣпивъ къ устамъ сей красоты,
На коей смертныя являлися черты,
Послѣдней живности быть хочетъ обновитель:
То Прометей, то онъ, счастливый похититель
Огня божественна, горяща въ небесахъ;
То онъ, что лучъ живой нося въ своихъ устахъ,

Въ грудь твари своея и своего искусства
Стремится огнь излить и животворны чувства.
Такой любви чудесъ нѣтъ выше ни какихъ.
Толь чистой искрою Рамиръ лобзаній сихъ
Возмогъ бы въ мраморѣ открыти чувствій пламень
И жизни духъ излить въ жестокій самой камень...
Ахъ! что ты дѣлаешь? о нѣжный мужъ! постой...
Эльвирь и сынъ ея пусть вѣкъ скончаютъ свой;
Постой..., На нихъ уже сна смертнаго оковы,
И души ихъ уже оставить плоть готовы;
Умри ты съ ними здѣсь, скончай свою напасть.
О, если бы ты зналъ, что горестная часть
Постигнетъ впредь тебя и что судебъ рукою
Мечъ острый надъ твоей взнесенъ уже главою!

Отверзла наконецъ свой взоръ на свѣтъ Эльвирь.
Не солнце зритъ сперва, но зрится ей Рамиръ,
Ты живъ, ты живъ моей, о цѣль любви безмѣрной!
И жизнь тобой дана твоей супругѣ вѣрной!
О Небо! я ударъ винить могу ли твой!
Лубезный мнѣ супругъ и сынъ спасенъ тобой!
Рамиръ! пусть нынѣ духъ нашъ въ крѣпость облечется,
Тебя я зрю, — чего желать мнѣ остается?
Съ тобою буду жить въ пустынныхъ сихъ мѣстахъ,
Когда ты въ нихъ, они какъ рай въ моихъ очахъ.
И знай, коль ты отрешь мои потоки слезны,
Мнѣ слезы таковы пребудутъ въ вѣкъ любезны.
Кто можетъ возмутить спокойство нашихъ дней?
Въ чемъ зло мое? въ любви пребуду въ вѣкъ твоей.
Любовь моя, Рамиръ отвѣтствуетъ рыдая,
Любовь тебя губитъ, супруга дорогая!

Она тебя волнамъ свирѣпымъ предала,
Она тебя въ сію пустыню привела—
И се, о Боже! мзду горячность получаетъ!
Моя рука, моя Эльвирѣ грудь пронзаетъ!
Ахъ! безъ сомнѣнія, супруга вопіетъ:
Печаль твоя ударъ мнѣ пагубный даетъ;
Не лей предъ мною слезъ, я оныхъ устрашаюсь,
И больше видомъ ихъ, чѣмъ страшныхъ мукъ терзаюсь —
Ахъ! мнѣ ли можно твой духъ томный ободрить,
И погасающу въ немъ бодрость воспалить?
Отринь твой страхъ о мнѣ, твоей супругѣ страстной;
Духъ, мужество во мнѣ растетъ съ судьбой несчастной,
Скрѣпимся. Пусть умру, коль нужно то судьбѣ,
Но близъ тебя умру и оживу въ тебѣ.
Но мыслей удалимъ видъ грозныхъ и мятежныхъ,
Богъ праведенъ и Онъ сердецъ зиждитель нѣжныхъ,
Онъ покровитель ихъ; не можетъ попустить,
Дабы любовь могла мнѣ къ смерти путь открыть.
Коль въ сихъ мѣстахъ живутъ свирѣпые народы,
Моя любовь смягчитъ жестокость ихъ природы;
Чудовища ль на сихъ брегахъ живутъ одни?
Сей нѣжности огнемъ растаютъ и они.
Я въ силахъ умягчить жестокій самый камень;
Я сердце нѣжное, любовный сладкій пламень,
Пріятства чувствъ моихъ и живости моей,
И душу наконецъ здѣсь дамъ природы всей.
Вся тварь, какъ я, тобой здѣсь будетъ восхищенна.
Пойдемъ узнать: намъ смерть иль жизнь опредѣленна.

Рекла, и нѣжностью препобѣждая страхъ,
Веселый кажетъ видъ въ лицѣ и на очахъ;
Потоки слезъ и скорбь внутрь сердца прогоняя
И къ персямъ нѣжнаго младенца прижимая,
Къ симъ роковымъ мѣстамъ предшествуя течетъ,
Гдѣ поле бѣдствій всѣхъ ее несчастну ждетъ.
Рамиръ, печалію несносною пожертый,
Имѣя къ небесамъ со дланьми взоръ простертый,
Рыданьемъ, вздохами стѣсняя скорбну грудь,
Послѣдуетъ своей супругѣ нѣжной въ путь;
Онъ цѣлію очей Эльвирь одну имѣетъ,
Онъ зритъ ее, но рѣчь сказать языкъ нѣмѣетъ.
Въ слезахъ его, въ слезахъ готовыхъ течь рѣкой,
На пасмурномъ челѣ, дышалъ гдѣ рокъ презлой,
Теченье гдѣ судьбы себя изобразило,
На всѣхъ его чертахъ читать удобно было
Тѣ страшны случаи превратности временъ,
Которыхъ бременемъ онъ будетъ угнетенъ.

Коль въ свѣтѣ самыя простѣйшія искусства
Умѣютъ привлекать своимъ пріятствомъ чувства,
О, человѣчество, природа и любовь!
Пусть вашъ плачевный вопль услышанъ будетъ вновь;
Пусть ваши жалобы и нѣжны вздохи нынѣ
Цвѣтъ съ жизнію дадутъ печальной сей картинѣ?
Утѣхой слезы лить къ ней привлеченъ и я,
Надъ нею тщательно трудится кисть моя.
Вы нѣжные свои цвѣты соедините,
Своихъ прискорбныхъ слезъ потокомъ ихъ мочите,
Вспомоществуйте мнѣ вы кистію своей,
Своими прелестьми украсьте образъ сей;

Представьте сей четы и взоръ и видъ смущенны,
Да вашими сердца чертами всѣ смягченны,
Супруговъ сихъ печаль почувствуютъ въ себѣ,
Какъ будто и они страдали въ сей судьбѣ.

О Ты! на Коего премудрый уповаетъ,
Котораго онъ чтя, любовію пылаетъ!
Всещедро Божество и смертныхъ всѣхъ Творецъ,
Со кротостью на всѣхъ взирающій Отецъ!
Знакъ тлѣнна вещества, сіи толь страшны бѣдства,
Печать ничтожества, судебъ премѣнныхъ слѣдства
Стрѣлами рукъ Твоихъ возможно ли почесть,
Летящими съ высотъ для земнородныхъ въ месть?
Имѣетъ ли нашъ Шаръ печальный и плачевный
Живущихъ на себѣ, на коихъ громъ Твой гнѣвный
Возмогъ бы тяжкіе удары истощать
И ярость мстительну на нихъ ожесточать? —
Подъ пагубной сія чета звѣздой рожденна,
Несчастья и любви союзамъ сопряженна,
Влекома яростью разгнѣванныхъ небесъ,
Идетъ въ сіи мѣста, въ жилище горькихъ слезъ,
Котора, видя ихъ, ужаснѣй видъ являетъ
И взора смертнаго врагомъ себя считаетъ.
Усугубленъ былъ страхъ съ неплодіемъ вездѣ,
Утѣшительныхъ мѣстъ не видѣли нигдѣ;
Неумолимая земля подъ ихъ стопами,
Вооружаетъ путь кремнистыми стезями
И нѣдра заключа твердѣйши, нежель мѣдь,
Не изращаетъ имъ и грубыхъ травъ во снѣдь.
Ихъ ноги робкія, любовью только тверды,
Находятъ, что сіи поля немилосерды
Со вящшей лютостью вездѣ поглощены

И смертную судьбу свирѣпо сопрягла,
Которо пламенемъ въ безумствѣ мать сожгла.
Рамиръ ту жизнь спасти отъ волнъ жестокихъ
тщится,
За кою самъ стократъ умреть не устрашится;
Онъ древо, что неслось поверхъ воды морской,
Старался ухватить простертою рукой;
Но въ древо будто бы тотъ злобный духъ вселился,
Кой мщеніемъ противъ Рамира ополчился:
Оно изъ-подъ его десницы утекло
И жизнь Рамирову съ собою увлекло.
Дабы умножить страхъ и ужасъ, толь безмѣрный,
Ночь темная вездѣ сгустила облакъ черный.
Вѣщаютъ, будто бы во крайности такой
Небесной отроча блестяще красотой,
Какъ молнія съ высотъ пустилося эѳирныхъ,
Чтобъ волны разсѣкать полетомъ крилій мирныхъ,
И чудодѣйственнымъ жезломъ ударивъ ихъ,
Спасительной рукой изъ самыхъ нѣдръ морскихъ,
Возвысить предъ лицемъ Рамировымъ лампаду,
Чтобъ излила она ему лучей отраду
И освѣтила бы предъ нимъ пространный гробъ,
Предуготованный на днѣ морскихъ утробъ.
Такъ путешественникъ, заблуждшій межъ лѣсами,
Чрезъ неизвѣстный путь, но скорыми стопами
Стремится и летитъ тому лучу во слѣдъ,
Что чрезъ сгущенный лѣсъ являетъ слабый свѣтъ.
Прекрасный отрокъ сей отъ высоты эѳира
Слетѣвшій, чтобъ изъять отъ наглыхъ волнъ Ра-
мира,
Былъ нѣжный Купидонъ любви сладчайшей богъ....
О! если бъ онъ спасти любовника возмогъ!

Эльвирь, которыя безсильна женска крѣпость
Стремится одолѣть вотще судьбы свирѣпость,
При всей своей любви покорствуя бѣдамъ,
Упала наконецъ къ любовничьимъ стопамъ.
Рамиръ возможную здѣсь бодрость воспріемлетъ,
Онъ сына и ее на рамена подъемлетъ.
Изображаешься таковъ и ты, Эней,
Когда ты, уцѣлѣвъ отъ острія мечей,
Летѣлъ сквозь огнь и смерть и чрезъ кровавы члены,
Боговъ и рождшаго неся за градски стѣны.
Но сей несчастливый, какъ свыше укрѣпленъ,
Въ сіе мгновеніе претягостныхъ временъ,
Любезнѣй бремя несъ, чѣмъ всѣ Языковъ боги,—
Онъ саму несъ любовь въ сіи минуты строги;
Но самъ всю крѣпость силъ трудами истощивъ,
Стѣсненъ печалію, уже едва и живъ,
На мѣдно сей земли лице онъ упадаетъ.
Такъ все прегрозный рокъ во свѣтѣ низлагаетъ!

Уже сію чету несчастну гладъ терзалъ.
Рамиръ, что о своей супругѣ лишь стеналъ,
И меньше чувствовалъ свои напасти злыя,
Вотще протекъ чрезъ всѣ мѣста сіи пустыя,
Не могъ себѣ, увы! онъ пищи въ нихъ снискать;
На вопль его ни что не хочетъ отвѣчать;
Нѣтъ пищи той для нихъ, что всѣ чудовищъ роды
Имѣютъ въ даръ себѣ отъ щедрыя Природы.

О пагубна земля! какъ не смягчишься ты
Надъ горестьми сея несчастныя четы?
Но ахъ! къ тебѣ мольбы самой любови тщетны,
Тебѣ и слезъ ея потоки непримѣтны,

Которое твое сухое нѣдро пьетъ!
Твой брегъ чрезъ то еще свирѣпѣй видъ беретъ.

Эльвирь тогда себѣ свой долгъ напоминаетъ,
Что мать она, что мать, то въ мысли обращаетъ,
Зритъ сына, вкупѣ съ нимъ свое несчастье зритъ.
Прими, открывши грудь изсохшу, говоритъ:
Прими послѣдню жизнь, прими, о сынъ любезный!
Похититъ и ее мгновенно случай слезный!
Смотри, увядшая хладѣетъ грудь моя,
Въ ней жизнь уже едва осталася твоя. —
А мнѣ, мнѣ смерть ничто, какъ даръ щедротъ предвѣчныхъ —
Прими изъ сихъ сосцевъ остатокъ каплей млечныхъ,
Что естествомъ еще въ груди оставленъ сей,
Ахъ! скоро я тебѣ, цѣль нѣжности моей,
Чтобъ испытать судебъ гоненья всѣ жестоки,
Не въ силахъ буду дать, какъ только слезны токи....
Но что я зрю? Рамиръ, ты слезы льешь стеня!
Мнѣ скорбь мою прости, не обвиняй меня.
Умѣю побѣждать судьбу мою и бѣдства;
Стенаніемъ тѣснятъ мнѣ грудь сыновни слѣдства.
Я плачу о тебѣ! ты дышешь въ сынѣ семъ.
А мнѣ, какой мнѣ страхъ въ несчастіи моемъ:
Что близъ тебя умру, уста мои вѣщали.
Скрѣпимся мы еще надеждой въ сей печали,
Престанетъ, можетъ быть, судьба несчастныхъ гнать
И утомится насъ стрѣлами поражать.
Уже спѣшилъ утечь отъ сихъ бреговъ свѣтъ дневный,
И, возраждаясь въ нихъ, повсюду мракъ плачевный,
Несносну грусть съ собой и ужасъ въ слѣдъ ведетъ.
Въ уединеніи чета сія живетъ;

Уже изъ нутрь его пещеръ печальныхъ, темныхъ,
Страшилищъ полкъ летитъ, призраковъ сонмъ подземныхъ;
Всѣ демоны подъ тѣнь густую притекли
И на брегахъ сея разсыпались земли.
Такъ враны, изъ своихъ убѣжищъ вылетая,
Полетомъ, голосомъ несчастье предвѣщая,
Крилъ множествомъ своихъ лице небесъ мрачатъ,
Носясь поверхъ гробовъ, гдѣ мертвые лежатъ.
Подъ чернымъ на земли покровомъ темной ночи
Сокрытъ есть Сонъ; не тотъ, что легко наши очи
Смыкаетъ и во всѣ въ насъ чувства сладость лъетъ,
И ложь приятную во слѣдъ себѣ ведетъ,
Всѣ мысли радостнымъ мечтаніемъ питаетъ,
И духъ нашъ полнъ утѣхъ въ часъ утра оставляетъ;
Но сонъ, что смерти мы обыкли братомъ звать,
Который только скорбь приходитъ умножать
И тяжки налагать на смертный родъ оковы:
Сей сонъ пріялъ Ѳльвирь въ объятія свинцовы,
На очи, коихъ взоръ спокойства убѣгалъ,
На очи онъ ея свой черный макъ металъ.
Отчаянье одно съ Рамиромъ бдитъ въ печали,
Онъ слезы истощилъ и течь онѣ престали;
Коль бурн страшная въ душѣ его и мракъ!
Онъ зритъ, онъ зритъ, и что? плачевный тѣней зракъ!
Въ оковы ужаса онъ самъ себя ввергаетъ,
И если томный взоръ къ Эльвирѣ обращаетъ,
Стрѣлъ тысящію смерть его пронзаетъ духъ,
Коль въ разны, вопитъ онъ, я скорби ввержень вдругъ! —
Эльвирь, къ которой я всегда благоговѣю,

Которыя къ душѣ я жизнь свою имѣю,
Отъ радостныхъ бреговъ, гдѣ воспиталась, ты,
Гдѣ красный Фебовъ лучъ лiется съ высоты,
Изъ рукъ родителей толь нѣжныхъ и почтенныхъ,
Отъ странъ отечества, плодомъ обогащенныхъ,
Лишь только для того похищена ты мной,
Дабы притти, гдѣ свѣтъ предѣлъ кончаетъ свой
И чтобъ подвергнуться напастямъ самымъ злост-
ным,
Потомъ и смерть подъять съ мученiемъ несносным;
О Небо! Съ словомъ симъ его печаль и страхъ
Усугубляется, растетъ въ его очахъ.
Мечтается ему, что какъ бы черны враны,
Призраки всѣ ума отчаянна тираны,
Чрезъ Атропу, ему что метила, собраны,
Со алчностью къ нему летятъ раздражены;
Страшилищь видитъ онъ со яростью текущихъ,
Кинжалы, стрѣлы, огнь и страшный громъ несущихъ;
Онъ грозну видитъ смерть и мрачный съ нею адъ,
Всѣхъ чувствiй члены въ немъ объемлетъ ужасъ,
хладъ.
Се привидѣнiе, покрыто кровью, прахомъ,
Живущимъ во гробахъ, сопутствуемо страхомъ,
Растерзанъ на себѣ нося и черенъ покровъ,
Съ свѣтильникомъ въ рукахъ, ведущимъ въ тму гро-
бовъ,
Имѣя на челѣ всѣ бѣдства начертанны,
Приходитъ на сiи поля, собой избранны.
О, смертный! томный гласъ Рамиру вопiетъ:
О, ты! кого судьба со яростью гнететъ,
Тебѣ не отвратить ея ударовъ нынѣ,
Ты знай, она твой рокъ скончаетъ въ сей пустынѣ.

Воззри: познай вину ты страха своего,
Вострепещи! во мнѣ ты духа зря того,
Что̀ бѣшенствомъ въ поляхъ ѳессальскихъ воспалился;*
Убійцѣ Кесаря несчастному явился!
Вострепещи! я тотъ! повсюду я ношусь,
Я грознымъ именемъ Злосчастія зовусь.

Мгновенно сей призракъ, страшилище природно,
Какъ тонко облако разрушенно, безводно,
Стонъ гнѣвный испустя, съ бреговъ уходитъ прочь
И погружается въ мѣста, гдѣ адска ночь.
Тутъ вдругъ надъ нимъ крилѣ мглы темной распустились,
Всѣ тѣни съ нощію исчезли и сокрылись;
За свѣтлостію дня грядешь, Надежда, ты,
И мещешь ложный лучъ и льстивыя мечты;
Но рокъ уже притекъ. Ты лестною тщетою
Не можешь обольстить гонимаго судьбою;
Завѣсу будущихъ проникнулъ взоръ его;
Онъ саму носитъ смерть внутрь сердца своего,
Онъ для Эльвиры всѣ удары ощущаетъ,
Онъ съ нею для нее, несчастный, умираетъ.
Межъ тѣмъ Эльвирь отъ сна смущеннаго встаетъ,
Рамира зритъ, его въ объятіе беретъ.
Казалось, что она забыла, что несчастна,
Узрѣвъ любовника въ своемъ супругѣ страстна.

Уже ночь темную и страшну оной тѣнь,
Двукратно прогонялъ съ бреговъ сихъ ясный день,
Какъ гладомъ и тоской отчаянной терзаясь,

* *Бруту.*

И къ смерти, на челѣ ихъ зримой, приближаясь,
Рамиръ съ супругою рыдалъ въ пустынѣ сей,
Да жизнь ихъ прекратитъ, вотще прося отъ ней.

От сихъ противныхъ мѣстъ день въ третій разъ склонялся, —
Какъ слабой лучъ въ дали очамъ ихъ показался;
Летая близко ихъ Надежда, льстивый другъ,
Одушевила въ нихъ ослабшу бодрость вдругъ;
Она, исторгнувъ ихъ отъ рукъ суровой смерти,
Совѣтуетъ къ сему лучу стопы простерти.

Духъ мрачный, оный врагъ Рамировъ, гнѣва полнъ,
Низринувшій его на дно пучинныхъ волнъ,
Свирѣпой яростью вредить ему кипящій,
Въ плачевныхъ сихъ мѣстахъ его еще гонящій,
На брегѣ семъ, что адъ собой изображалъ,
Самъ собственной рукой пещеру ископалъ.
Страхъ адскій вкругъ ея въ собраніи нелѣпомъ,
Нарекъ сей духъ ее мученія вертепомъ;
Онъ грусти въ ней сокрылъ то сѣмя наконецъ,
Что черный ядъ ліетъ во внутренность сердецъ,
Всѣ чувствія собой и мучитъ и терзаетъ,
Печалей горькихъ въ желчь и въ скуку погружаетъ.
Едва въ толь страшныя и мертвецамъ мѣста,
Едва въ сей мрачный гробъ вошла сія чета,
Почувствовала вдругъ печали въ немъ суровы
И сердце въ смертныя поверглося оковы.
Я самъ, картины сей изображая зракъ,
Вотще хочу прогнать прискорбій черныхъ мракъ,
Я оныхъ облакомъ повсюду окружаюсь —
Кисть падаетъ изъ рукъ, мятусь, стеню, смущаюсь.

Въ такія наконецъ мѣста, въ таковъ предѣлъ
Несчастныхъ въ ярости всезлобный духъ привелъ.
Нисходятъ, кажется, они къ брегамъ Коцита,
Вся сила ужаса на ихъ стезяхъ разлита.
Ввѣряются тому, кто въ злобѣ ихъ ведетъ;
Ихъ сердце смертный хладъ стѣсняетъ, мучитъ, рветъ.
Но утоляющій духъ жажду слезъ ихъ токомъ
На люту ихъ печаль веселымъ смотритъ окомъ,
Свои нечистые крилѣ на нихъ простеръ,
Онъ самъ предходитъ имъ во мрачный гробъ пещеръ;
Свѣтильникъ онъ возжегъ своей рукою злобной,
Въ которомъ тусклый блескъ, надгробному подобной,
Еще печальнѣе, чѣмъ въ нашихъ ночь глазахъ,
Сіялъ, но только съ тѣмъ, чтобъ имъ представить страхъ;
Съ высотъ кремнистыя горы и пасть грозящей,
Отколѣ мщеніе, скрежеща въ злобѣ вящшей,
Готовится метать и громъ и тучи стрѣлъ;
Источникъ черный текъ и быстротой кипѣлъ:
Печаль, смущеніе, отчаянье съ тоскою,
И самый съ воплемъ адъ влекли валы съ собою.
Тамъ на стѣнахъ лились кровавыхъ слезъ струи,
Ихъ токомъ письмена начертаны сіи:
«Здѣсь сердце скорбію мнѣ было упоенно,
«И мужество, лишась надежды, сокрушенно;
«Здѣсь я отъ ярости и гладу исчезалъ,
«И здѣсь подъ бременемъ несносныхъ бѣдствій палъ.—
Чудовищъ страшныхъ зрятъ во маркѣ сихъ селеній,
Нечистыхъ сонмы птицъ и грозныхъ привидѣній.
Встаютъ отъ всѣхъ сторонъ тамъ кости мертвецовъ, —

Остатки древностью разрушенныхъ гробовъ.
Какой ужасный вопль! какой отзывъ плачевной
Подъ сводомъ носится въ стѣнахъ пещеры гнѣвной!
«Рамиръ! не въ силахъ ты всѣхъ бѣдствій претер-
пѣть...
«Предъ смертью долженъ ты стократно здѣсь умреть...
«Пусть сердце здѣсь твое удары всѣ пронзаютъ,
«Пусть всѣ удары грудь Эльвиры поражаютъ!

Въ печали, въ ужасѣ и смерти при вратахъ,
На гладной сей земли рыдали во слезахъ,
Хотя ее смягчить горячимъ оныхъ токомъ,
Но, ахъ! она была въ неистовствѣ жестокомъ!
Рамиръ, стѣсняемый послѣднихъ золъ волной,
Зритъ умирающу супругу предъ собой;
Онъ видитъ, какъ она рукою изнемогшей
Увялы жметъ сосцы груди своей изсохшей,
Чтобъ сынъ, что у нея въ объятіяхъ лежалъ,
Послѣдню кровь ея и жизнь ея пріялъ. —

Чтобъ въ гробѣ семъ ихъ дни плачевны прекра-
тились,
Во мрачну внутренность сихъ мѣстъ они сокрылись:
Я ощущаю смерть, супруга вопіетъ!
Какой жестокій гладъ, меня, о, Небо! рветъ.
Помедли, ей Рамиръ, весь внѣ себя, вѣщаетъ;
Не зря на гнѣвный рокъ, который насъ стѣсняетъ,
Исторгну изъ земли, противной толь судьбѣ,
Для насъ хоть малу снѣдь и возвращусь къ тебѣ...

Сказалъ Рамиръ, утекъ, и къ ней идетъ поспѣшно:
Пусть злобно естество насъ гонитъ безутѣшно,

Онъ говоритъ, едва имѣя томный гласъ;
Но я его и рокъ умѣлъ смягчить для насъ.
Прими ты плоть сію, послѣднюю отраду,
Для утоленія мучительнаго гладу.

Но въ сердцѣ зракъ его нося Эльвирь своемъ,
Всегда болѣзнуя со нѣжностью о немъ,
Усиліе въ себѣ природы побѣждаетъ
И снѣдью сей ему насытиться желаетъ.
Я гладъ мой утолилъ, отвѣтствуетъ супругъ,
Ко изъясненію едва имѣя духъ;
О, если бъ я тебя отъ глада могъ избавить,
И жизнію моей твою судьбу возставить!

Противъ предчувствія дрожащія руки,
Что отвлекалася ужасшись вопреки,
Не внемля голосу своихъ скорбей, стенаній
И сердца своего печальныхъ воздыханій,
Со алчностью Эльвирь снѣдаетъ плоть сію,
Чтобъ тѣмъ еще продлить несчастну жизнь свою.
Мгновенно въ тотъ же часъ, всѣмъ ужасомъ стѣс-
ненна,
Встаетъ она, бѣжитъ трепещуща, смущенна,
Бѣжитъ она отъ змій зіяющихъ предъ ней,
Отъ ада, кой она несла въ душѣ своей.
Приди, драгой супругъ! приди, подай мнѣ руку...
Смущенну подкрѣпи, разрушь Эльвиры муку!
Приди, потщись мой умъ и мысли ободрить,
Коль можно, чувства мнѣ и память возвратить....
Какое страшное внутри моемъ сраженье!
Коль непонятно мнѣ грызетъ меня смущенье!
То гладъ.... Но ахъ! не онъ, не столь жестокъ и
гладъ...

Какая-жъ мстительна та снѣдь, и что за ядъ?
Ахъ, плоть сія во мнѣ жива! меня снѣдаетъ!
Какъ вранъ, какъ фурія, мнѣ грудь она терзаетъ!

Гонитель сей четы жестокъ, неутолимъ,
Да стрѣлы истощитъ и гнѣвъ неумолимъ,
Желаетъ освѣтить всю ярость дня лучами, —
И чтобъ во ужасѣ смущенными очами
Несносной, тягостной Эльвирь узрѣла видъ,
И то позорище, что сердце въ ней крушитъ —
Въ сіе убѣжище проклято и презрѣнно,
Признаковъ злостныхъ лучъ онъ вводитъ принужденно:
Сей тусклый лучъ едва померклый блескъ ліетъ,
Но чтобы видѣть все, доволенъ въ немъ былъ свѣтъ.

Я зрю, уже въ сей гробъ лучи проникли дневны,
Мѣста оставимъ мы, рекла Эльвирь, плачевны,
День, можетъ, возвратитъ мнѣ чувствія мои,
Тамъ очи возведу на очи я твои.
Драгой супругъ! твой взоръ единъ меня возставитъ,
Единъ отъ ужасовъ мучительныхъ избавитъ...
Но что я зрю... Рамиръ! ты весь въ крови стеня...
Растерзанъ... Ахъ! та плоть, что мучитъ толь меня...
Котора чрезъ гортань не шла во внутрь мнѣ чрева...
Стремя противъ меня природу полну гнѣва...,
Была... «То плоть моя была»... О, день! твоя!
«Моя! онъ рекъ, стремясь, чтобъ грудь обнять ея:
Ты частью моего насытилася тѣла,
Я могъ въ любви достичь до высшаго предѣла,
На нѣсколько минутъ я могъ твой вѣкъ продлить,
Готовъ теперь, готовъ спокойно смерть вкусить,»

Вдругъ токи слезъ ліетъ: душа его смущенна:
Въ его объятіяхъ супруга изумленна,
Со стономъ горестнымъ взирая на него
Подъ тяжкимъ бременемъ несчастья своего
Упала.... Гласъ ея, отъ вздоховъ прекратился,
И въ нѣдрахъ нѣжнаго онъ сердца заключился.
Скрежещетъ блѣдна смерть, стремится къ нимъ съ косой,
Своей искусною толь въ варварствѣ рукой
Подъ ихъ стопами ровъ глубокой изрываетъ,
Который сихъ уже несчастныхъ поглощаетъ.
Но наконецъ Эльвирь пришла сама въ себя,
Всѣ силы разума и власть употребя,
Въ ней сердце вознеслось превыше всѣхъ стенаній
И начало дышать устами сихъ вѣщаній:

Драгой Рамиръ! ко мнѣ верхъ нѣжностей твоихъ
Есть равно бѣдствій верхъ и горестей моихъ.
Меня жжетъ плоть твоя: и гласъ ея мнѣ мстящей
Винитъ нечестіе утробы сей горящей.
Уступимъ року мы; уступимъ злости бѣдствъ,
Умремъ, расторгнемъ мы оковы всѣхъ свирѣпствъ.
Воззри! желанна смерть подъ нашими стопами,
Чего мы ждемъ? воззри: се гробы передъ нами;
Довольно я жила. Уже души моей
Не тщися удержать въ несчастной плоти сей,
И пусть съ любовію, отъ коей жизнь имѣетъ,
Въ которой движется поднесь и пламенѣетъ,
Пусть въ сей жестокій часъ, являющъ къ смерти путь,
Прейдетъ она совсѣмъ въ твою дражайшу грудь.
Къ тебѣ я первыхъ токъ желаній устремила,

Послѣднихъ нѣжностей къ тебѣ прострется сила....
Ахъ! пусть Эльвирь въ твоихъ объятіяхъ умреть,
За вѣрность мнѣ мою цѣны другія нѣтъ.
Ты знай, сія любовь не прейдетъ быстротечно,
Возстану я, дабы любить тебя мнѣ вѣчно.
Она есть первый даръ, сладчайша благодать,
Какую можетъ намъ жизнь вѣчна обѣщать...
Но что я зрю! о, сынъ несчастный, сынъ любезный,
Се люта смерть твои смыкаетъ очи слезны!
Се новый мнѣ ударъ! угодно ль такъ судьбѣ,
Чтобъ мать твоя въ живыхъ рыдала о тебѣ....
Рамиръ! уже въ твоемъ я жизнь кончаю снѣ....
Твой слезный токъ, твой вопль, увы! сдержи ты
нынѣ,...
Мнѣ помощь дай сойти на дно земныхъ утробъ....
И сыну близъ меня пусть будетъ равно гробъ...
Въ пещерѣ сей хощу почить, доколѣ время
Придетъ, чтобъ воскресить мнѣ прахъ и смертно
сѣмя...
Я умираю! ахъ! съ лобзаньемъ симъ, мой другъ,
Эльвиры сердце ты прими и нѣжный духъ.

Сіе прелестное, боготворимо тѣло
Уже ни живности, ни чувствій не имѣло;
Подобно хладный ледъ, Рамиръ его лобзалъ,
Лобзаній мраморъ сей уже не ощущалъ;
Рамиръ ее пренесъ на свѣтъ изъ мрака бездны,
Эльвирь еще на свѣтъ открыла взоры слезны,
Сіе послѣднее усиліе очей,
Сей взглядъ, исполненный ея душею всей,
Рамиру съ нѣжностью ея любовь являетъ —
Послѣдню отъ нея онъ жертву принимаетъ,

Языкъ ея уже во смертныхъ узахъ былъ,
Но тихо имя онъ любовника твердилъ;
И къ нѣжнымъ чувствіямъ ея рука рожденна,
Со твердостью къ груди и къ сердцу прилѣпленна,
Съ восторгомъ знать даетъ, и какъ бы говоритъ,
Что для Рамира въ ней еще оно горитъ...
Скончалась... и Рамиръ въ тѣ жъ горестны минуты
Скончалъ несчастну жизнь и съ ней мученья люты.
Уже его душа, оставя плоть и свѣтъ,
Стремится и летитъ душѣ Эльвиры въ слѣдъ.

Се облаки Любовь полетомъ разсѣкая,
Румянецъ и лазурь и злато разсыпая
На блещущихъ стезяхъ, какъ Ирисъ въ красотѣ,
Летитъ, спускается къ несчастной сей четѣ,
Простерла вдругъ надъ ней она крилѣ блестящи,
Чтобъ въ хладну грудь вложить ей пламень, вновь горящій,
Чтобъ чувствіемъ еще въ ней сердце оживить
И духа своего всесильный лучъ излить.
Такъ голубица плодъ невинный согрѣваетъ,
Такъ бодрственнымъ криломъ живитъ, одушевляетъ.
Но гдѣ судьбы рука, что можетъ тамъ любовь?
Безсиленъ тамъ ея и огнь и нѣжна кровь!
Любовники сіи въ оковахъ вѣчной смерти,
Уже на гласъ ея не могутъ слухъ простерти.

Отъ времени сего на лютыхъ сихъ брегахъ
Плачевный слышенъ крикъ, носящій всюду страхъ;
Тамъ внемлется отзывъ печальный и скорбящій,
Двухъ тѣней плачущихъ тамъ вопль и гласъ стенящій.

Еще твоя ихъ цѣпь связуетъ, Гименей!
Ходящихъ купно ихъ ты зришь въ пустынѣ сей.
Согласно все уже страны сея страшиться,
Пловецъ ужасшійся оттолѣ прочь стремится;
Природа вопіетъ вседневно тамъ стеня,
Безчеловѣчіе и лютость въ ней виня;
Обиду мстя свою тамъ небо раздраженно,
Лице сея земли отринуло презрѣнно;
Чтобъ запустѣніе въ ней можно было зрѣть.
То мрачный Фебомъ лучъ оставленъ въ ней горѣть:
Покрыты въ ней поля нечистой мглой и прахомъ;
Нептунъ вокругъ шумитъ, грозя ей бурнымъ страхомъ:
Волна, въ неистовствѣ пѣнясь, разсвирѣпѣвъ,
Противъ ея бреговъ стремитъ свой ярый гнѣвъ.

ГОМЕРОВА

ИЛИАДА.

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Средь гласовъ радостныхъ склоняя къ лирамъ
слухъ,
Щедротой веселя усердныхъ Россовъ духъ,
Монархиня! позволь, да слава всей Эллады,
Гдѣ зрѣли мудрецы душѣ своей отрады,
Да честь ея, Гомеръ, въ стихахъ Твоихъ сыновъ
Явясь, найдетъ въ Тебѣ прибѣжище, покровъ.
Въ теченьи дней своихъ воспитанникъ сей Феба
Едва ли не лишенъ насущнаго былъ хлѣба;
Нисшедъ во гробъ, онъ сталъ достоинъ алтарей,
Былъ удивленіемъ народовъ и царей.
Исполненъ духомъ Музъ, таинственнымъ пред-
чувствомъ,
Онъ въ пѣсняхъ сладостныхъ, витійственнымъ
искусствомъ,
Еще въ свой мрачною покрытый мглою вѣкъ,
О славѣ дней Твоихъ, Владычица! предрекъ.
Живая кисть его Минерву описуя,
И щитъ ея и шлемъ очамъ изобразуя,
Явила въ истинѣ Россіянъ божество,
И храбра Сѣвера надъ Югомъ торжество:

Подъ сѣнію Твоихъ безчисленныхъ Эгидовъ,
Ахилловъ зрѣли мы, Аяксовъ, Діомидовъ,
Со именемъ небесъ, со именемъ Твоимъ
Стремившихъ молнію въ Стамбулъ и буйный
Кримъ:
Твои подвижники, преславны, знамениты,
На сушѣ лаврами и на волнахъ покрыты;
Престолъ Твой общею любовью утвержденъ
И правосудіемъ отвсюду огражденъ;
Лучи премудрости съ высотъ его простерты,
Въ подножіи враги попраны и сотерты;
Взвѣвающійся Твой надъ Геллеспонтомъ флагъ
Есть ужасъ варварамъ, источникъ Грекамъ
благъ.
Почій, Гомеръ, почій средь лавра и оливы,
Коль вымыслы твои пріятны, справедливы!
О Россахъ истинно предчувствіе твое:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіе.

ГОМЕРОВА ИЛІАДА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Воспой Ахилловъ гнѣвъ, божественная Муза!
Источникъ Грекамъ бѣдъ, разрывъ межъ нихъ союза,
Сей гнѣвъ, что много душъ геройскихъ въ адъ
предслалъ,
Въ корысть тѣла ихъ псамъ и хищнымъ птицамъ
далъ;
Когда Атридъ и съ нимъ Ахиллъ богоподобной,
Расторгли межъ собой пріязнь враждой всезлобной.
Такъ бурна грома царь свершалъ судьбу свою.

Но кто изъ горнихъ сихъ возжегъ вражду сію?
Зевесовъ свѣтлый сынъ Латоною рожденный:
Онъ, гнѣвомъ ярости къ Атриду воспаленный,
Тлетворной язвой рать Ахейску поразилъ;
Зане Атридъ жреца Хризиса не почтилъ,
Что жалостью влекомъ и чувствіемъ сердечнымъ,
Достигнулъ къ кораблямъ аргивскимъ быстротеч-
нымъ;
Да знаменитыми дарами и цѣной
Искупитъ дщерь свою низпадшу въ плѣнъ судьбой.

Златый онъ Фебовъ скипетръ неся въ рукахъ съ
вѣнцами,
Усердныя мольбы смиренными устами
Ко Грекамъ простиралъ, а паче къ двумъ царямъ,
Къ Атридамъ, рати всей начальнѣйшимъ вождямъ:

«Атриды! Греки всѣ красно вооруженны,
«Да населяющи мѣста небесъ священны
«Благоволятъ, чтобъ вы, разрушивъ гордый градъ
»И въ домы возвратясь, своихъ узрѣли чадъ!
«Но мнѣ любезну дщерь вы нынѣ возвратите,
«И дары за ея свободу восприимите,
«Благоговѣйно чтя Зевесовъ славный плодъ,
«Стрѣлами быстрыми разящій отъ высотъ.

Тогда всѣ прочіе мольбѣ смиренной вняли,
Почтить жреца и даръ принять совѣтъ давали;
Единъ Агамемнонъ досадой воспылалъ,
Презрѣлъ его, отвергъ и грозно завѣщалъ:
«Брегись при корабляхъ, о, старче! сихъ казаться,
«Не медли здѣсь и впредь къ намъ не дерзай
являться.
«Въ вѣнцѣ и скипетрѣ ты бога своего
«Защиты не ищи отъ гнѣва моего:
«Не будетъ дщерь твоя до старости съ тобою,
«Но вѣчно поживетъ въ дому моемъ рабою,
«Полотны разныя изъ мягка ткущи льна,
«И одръ готовя мнѣ въ нощи для сладка сна.
«Бѣги, не раздражай меня своимъ упорствомъ;
«Да смерть не навлечешь себѣ ты непокорствомъ.

Онъ рекъ, трепещетъ жрецъ, отъ гнѣва прочь
течетъ,
Безмолвенъ по брегамъ шумящихъ волнъ градетъ;

Отшедъ, мольбы ліетъ къ державну Аполлону,
Прославльшему своимъ рожденіемъ Латону:
«О, Фебъ! что сребренъ лукъ нося поверхъ раменъ,
«И Хрисъ, и Циллу ввѣкъ блюдешь отъ злыхъ премѣнъ,
«И въ Тенедосѣ власть божественну являешь,
«Склони твой слухъ ко мнѣ, какъ ты всегда склоняешь!
«И если я когда благопріятный храмъ
«Украсивъ, въ честь тебѣ, жегъ тучный ѳиміамъ,
«Тельцовъ и козлищей на жертву закалая;
«Желаніе мое исполни! пусть вся злая,
«Пусть Греки понесутъ отъ грозныхъ стрѣлъ твоихъ
«За токи многіе горячихъ слезъ моихъ.

Скончалъ, и кроткій слухъ къ мольбѣ сей Фебъ склоняетъ;
Онъ, гнѣваясь, Олимпъ холмистый оставляетъ,
Прикрытый, на плещахъ нося колчанъ и лукъ,
Онъ движется, отъ стрѣлъ исходитъ громкій звукъ:
Онъ грозно шествуетъ, густой нощи подобясь;
И се отъ кораблей вдали возсѣвъ и злобясь,
Напрягши тетиву, пустилъ одну изъ стрѣлъ,
Лукъ сребренъ, отъ того сотрясшись, зазвенѣлъ.
Тамъ mескъ, тамъ быстрый песъ вначалѣ упадаетъ,
Но послѣ ядъ стрѣлы народы въ гробъ свергаетъ.
Повсюду срубы огнь съ тѣлами пожиралъ:
Чрезъ девять тако дней Фебъ стрѣлы устремлялъ;
Въ десятый день Ахиллъ призвалъ все ополченье,
Во сердцѣ ощутя Юнонино велѣнье:
Стѣснялась горестью сея богини грудь,
Зря Грекамъ всякой часъ отверзтъ ко аду путь.

ГОМЕРОВА

ИЛІАДА.

И такъ собравшейся всей бранноносной рати,
Быстротекущъ Ахиллъ, возставъ, нача вѣщати:

«Агамемнонъ! я мню, что день тотъ настоитъ,
«Который въ домы насъ постыдно возвратитъ;
«Коль только можемъ мы избѣгнуть алчной смерти:
«Днесь брань и язва насъ стремятся вдругъ пожерти;
«Вопросимъ убо мы пророковъ, иль жрецовъ,
«Иль толкователей ночныхъ различныхъ сновъ.
«Я мню, что смертнымъ сны вливаются богами,
«Вопросимъ, да они провозгласятъ межъ нами,
«Какимъ нечестіемъ Фебъ тако раздраженъ?
«Иль неисполненнымъ обѣтомъ разъяренъ?
«Иль жертва ста тельцовъ въ немъ духъ ожесточила?
«Вопросимъ, да явитъ намъ устъ пророчихъ сила,
«Уже ли, козъ воню и агнцовъ ощутя,
«Насъ пощадитъ сей богъ, злу язву прекратя?

Скончавъ сіе, онъ сѣлъ, но свыше вдохновенный,
Вдругъ Калхасъ возстаетъ пророковъ вождь священ-
ный:
Что есть, что будетъ, что прешло, онъ все то зналъ;
Онъ моремъ въ Троѣ флотъ ахейскій провождалъ;
Въ устахъ имѣя даръ пророчествъ, Фебомъ данныхъ,
Сей Калхасъ съ мудростью вѣщалъ въ полкахъ из-
бранныхъ:
«Ахиллъ! Зевесу ты любезная глава,
«Велишь, да Фебовъ гнѣвъ явятъ мои слова;
«Я изъясню; но ты клянися предъ богами,
«Что защитишь меня и силой и устами:
«Я вѣдаю, что мужъ, владыка сихъ полковъ,
«И вождь вождей моихъ не стерпитъ нынѣ словъ.

«Опасенъ сильный царь, разгнѣванный подвластнымъ:
«Хоть не вспылаетъ онъ вдругъ мщеніемъ ужаснымъ,
«Но въ сердцѣ ненависть всезлобну заключитъ,
«Доколѣ местію ея не истощитъ.
«Зри убо, можешь ли отринуть рокъ мой строгій?

Въ отвѣтъ жрецу Ахиллъ вѣщаетъ быстроногій:
«Дерзай, прорцы намъ все, что вѣдаешь въ судьбѣ:
«Наперсникъ Зевсовъ, Фебъ свидѣтель въ томъ тебѣ,
«Сей Фебъ, къ которому обѣты простираешь
«И Грекамъ таинства сокрыты прорицаешь,
«Свидѣтель, что никто, ниже и самъ Атридъ,
«Который высшимъ всѣхъ себя межъ нами чтитъ,
«Тебя здѣсь не дерзнетъ рукой озлобить гнѣвной,
«Доколѣ я въ живыхъ и буду зрѣть лучъ дневной.

Вдругъ непорочный жрецъ вѣщаетъ, ободревъ:
«Ни жертвой, ни мольбой Фебъ свѣтлый раздраженъ,
«Но мститъ, и будетъ мстить за честь жреца священна,
«Тобою, о Атридъ! поруганна, презрѣнна,
«И коего ты дщерь въ неволѣ удержалъ
«И дары за ея свободу не пріялъ.
«Онъ мститъ, и язва въ насъ не прежде прекратится,
«Какъ черноокая дѣвица возвратится
«Въ объятія отца, въ любезныя страны,
«Безъ искупленія, безъ всякія цѣны;
«И жертва ста тельцовъ во Хрисъ да отвезется,
«Тогда, я мню, тогда гнѣвъ божескій минется.

Онъ, рекши тако, сѣлъ; но изъ среды вождей
Пространновластвуяй возникнулъ царь мужей:

Смущенъ и яростью кипитъ въ немъ сердце злобно,
Кровавой пламени сверкаетъ взоръ подобно.
Онъ, грозно око взведъ на старца, возгласилъ:
«Пророче бѣдъ! что мнѣ ты благо возвѣстилъ?
«Несчастья предвѣщать тебѣ едины сродно,
«Поднесь ты не творилъ, ниже что рекъ угодно.
«И нынѣ твой языкъ среди полковъ гласитъ,
«Что для Хризейды насъ бѣдами Фебъ тягчитъ,
«Котору я отъ узъ не восхотѣлъ избавить.
«Пріятнѣй мнѣ ее въ дому своемъ оставить:
«Хризейду вящше я, чѣмъ Клетемнестру чту,
«Принесшу мнѣ на одръ всю дѣвства чистоту;
«Породой, красотой, искусствами, душею
«Она равняется съ супругою моею.
«Но пусть, коль польза въ томъ, Хризейду возвращу;
«Я гибели полкамъ ахейскимъ не хощу.
«Но вы мнѣ равну мзду готовьте для отрады,
«Да не являюсь единъ межъ вами чуждъ награды:
«Вы нынѣ видите, что я лишаюсь мзды,
«Сего-ль достоинъ я за ревностны труды?

Въ отвѣтъ ему Ахиллъ вѣщаетъ знаменитый:
«О, гордый паче всѣхъ и прибыльми несытый!
«Что можетъ быть еще тебѣ отъ насъ дано?
«Или сокровище не все раздѣлено,
«Всеобщей храбростью во градѣхъ похищенно?
«Иль должно паки быть оно соединенно?
«Хризейда пусть идетъ къ родителямъ своимъ,
«За то мы мздой тебѣ трикратной воздадимъ,
«Когда поможетъ намъ Зевесъ премилосердый
«Разрушить Трою, градъ толико сильный, твердый.

Но царь вождей въ отвѣтъ: «Божественный Ахиллъ,
«Сколь ты ни знаменитъ въ насъ крѣпостію силъ,
«Не тщись меня вводить въ свои коварны сѣти.
«Все тщетно, ты меня не можешь днесь препрѣти:
«Ты награжденъ, а я пребуду мзды лишенъ?
«И хочешь разрѣшить прелестной дѣвы плѣнъ?
«Пусть Греки мнѣ дадутъ награду столь же славну,
«Моимъ желаніямъ, трудамъ, побѣдамъ равну;
«А если... то свою употребляя власть,
«Гряду и похищу я мзду твою и часть.
«Или Улиссъ ея, или Аяксъ лишится,
«И тотъ, къ кому гряду, тотъ скорбью оскорбится.
«Но послѣ мы о семъ возможемъ разсуждать;
«Днесь время чернъ корабль на волны ниспускать;
«Да будетъ отъ снабдѣнъ избранными гребцами,
«Для жертвы тучныя обремененъ тельцами.
«Прелестную въ него Хризейду мы введемъ,
«И нѣкій будетъ князь въ семъ караблѣ вождемъ,
«Аяксъ, Идоменей, или Улиссъ священный,
«Иль ты, здѣсь ужасомъ всѣхъ вящше ополченный,
«Дабы намъ жертвами ты благость пріобрѣлъ
«Предъ богомъ, мещущимъ въ насъ язву злобныхъ стрѣлъ.

Ахиллъ же вопреки, возведши взоръ свирѣпый:
«О, царь! поправшій стыдъ, коварный царь, нелѣпый!
«Кто впредь восхощетъ власть рѣчей твоихъ внимать,
«Чтобъ сѣть простерть врагамъ, иль храбро въ полѣ стать?
«Или я Тевкрами разгнѣванъ ополчился?
«Ни малымъ зломъ отъ нихъ мой духъ не раздражился;

«Не знаетъ ихъ рука моихъ коней, тельцовъ,
«Ни жатвы фтійскія, ниже другихъ плодовъ:
«Я раздѣленъ отъ нихъ тѣнистыми горами
«И многошумными эгейскими волнами.
«Но чтобъ и ты и братъ твой кровный былъ отмщенъ,
«Сей страшный нами флотъ на Трою ополченъ.
«А ты, безстыдный царь, ты яко песъ взираешь,
«Сподвижниковъ твоихъ не чтишь, пренебрегаешь;
«Грозишь ты собственной похитить мзду рукой
«Мнѣ данну Греками за трудный подвигъ мой.
«Я равныя съ тобой пріемлю ли награды,
«Когда ахейска рать Троянски рушитъ грады?
«Хоть въ брани сей моихъ всѣхъ больше хвальныхъ дѣлъ,
«Но если долженъ быть сокровищамъ раздѣлъ,
«Ты большу часть берешь, я меньшей удостоенъ.
«Отъ брани утомясь, иду въ шатры спокоенъ;
«Но нынѣ лучше я во Фтію возвращусь
«И несомнѣнною уже надеждой льщусь,
«Что ты, презрѣвъ меня съ ругательствомъ тиранскимъ,
«Не будешь отягченъ сокровищемъ троянскимъ.

Но царь мужей изрекъ Ахиллу сей отвѣтъ:
«Бѣги отъ насъ, бѣги, коль гнѣвъ твой духъ влечетъ;
«Я не прошу, да здѣсь пребудешь ты со мною:
«Героевъ много есть, готовыхъ рушить Трою
«И чтить меня во всемъ; а паче самъ Зевесъ
«Державной данію поможетъ мнѣ съ небесъ;
«Въ его питомцахъ ты мнѣ всѣхъ несноснѣй зришься,
«Всегда къ сраженіямъ и къ распрямъ ты стремишься:

«Ты храбръ, ты мужественъ, но Божій даръ сіе:
«Спѣши со флотомъ въ домъ, въ отечество свое,
«И въ Мирмедонянѣхъ державствуй, позволяю,
«Тебя и тщетный твой я гнѣвъ пренебрегаю.
«Когда жъ благоволилъ Хризейду Фебъ отнять,
«Не спорю, и готовъ ее къ отцу послать
«На кораблѣ моемъ съ подвижники моими.
«Но я къ тебѣ гряду, и самъ руками сими
«Драгую мзду твою Хризейду похищу,
«И симъ, сколь я тебя сильнѣй, явить хощу;
«Да прочіе вожди злорѣчны быть страшатся
«И мнѣ покорствовать тобою научатся.

Онъ рекъ: Ахилла гнѣвъ объемлетъ зѣльный вдругъ,
Волненьми бурными колеблется въ немъ духъ,
Извлечь ли острый мечъ, и не страшась героевъ,
Атрида поразить, расторгши сонмы строевъ;
Или стремленіе свирѣпства укротить
И пламень ярости внезапной угасить:
Въ сомнѣніяхъ его толикихъ духу сущу,
И шумный изъ ноженъ ему свой мечъ влекущу,
Минерва съ небеси превыспренняя грядетъ,
Бѣлораменныя Юноны внявъ совѣтъ,
Котора сихъ вождей любя равно, хранила,
Грядетъ, и съ тылу ставъ, Ахилла ухватила
За блещущи власы, бывъ зрима одному
И не являяся изъ прочихъ ни кому.
Ахиллъ оцѣпенѣлъ, обращшись зритъ Палладу,
Взоръ пламенный его еще являлъ досаду.
Онъ рѣчь стремительно къ богинѣ обратилъ:
«О ты, котору Зевсъ державный породилъ!
«Почто сюда твой духъ стопы твои направилъ?

«Иль зрѣть, какъ царь мужей меня здѣсь обезславилъ?
«Но я тебѣ реку, и мню, что то свершу,
«Что гордость я его главой его отмщу.

Голубоокая Минерва отвѣщаетъ:
«Чтобъ гнѣвъ твой укротить, что грудь твою терзаетъ,
«Коль повинешься мнѣ, снишла я отъ небесъ,
«Совѣтомъ послана Юнониныхъ словесъ:
«Вы оба ей равно любезны, драгоцѣнны;
«О вашихъ днехъ ея труды всегда отмѣнны:
«Скончай вражду и прю, меча не извлекай,
«Однимъ злорѣчіемъ, сколь хощешь ты, отмщай.
«Реку тебѣ, и знай, слова мои свершатся,
«Пріидетъ часъ, когда трикратной мздой потщатся
«Тебя за днешнюю обиду наградить.
«Покорствуй мнѣ, потщись ты ярость укротить.

Ахиллъ отвѣтствуетъ взаимно сей богинѣ:
«Хотя я раздраженъ, поруганъ зрюся нынѣ,
«Но свято твой совѣтъ я долженъ соблюдать.
«Кто слушаетъ боговъ и тщится имъ внимать,
«Того мольбѣ ихъ слухъ благопріятно внемлетъ.
Онъ рекъ я тягостной десницы не отъемлетъ
Отъ страшнаго меча; но внявъ богини рѣчь,
Онъ во влагалище стремитъ сей грозный мечъ.
Минерва шествуетъ въ Зевесовы чертоги,
Гдѣ сей державный царь и прочи были боги.
Но яростью еще Пелеевъ сынъ дышалъ,
И съ симъ злорѣчіемъ Атрида укорялъ:
«Виномъ стягченный царь, безстыдный царь, кичливый.

«Ты взоромъ песъ, еленъ ты сердцемъ боязливый,
«Дерзалъ ли въ полѣ ты быть самъ вождемъ полкамъ,
«Иль съ прочими князьми устроить сѣть врагамъ?
«Никакъ; ты все сіе путемъ быть къ смерти чаешь,
«И въ томъ еденственно утѣхи обрѣтаешь,
»Чтобъ, въ греческихъ шатрахъ достойной мзды лишать
«Дерзающа тебѣ, стязуясь, прерѣкать;
«Женоподобнымъ ты рабамъ здѣсь предводитель,
«И для сего ихъ кровь піеши, какъ мучитель;
«А если бъ царствовалъ въ героехъ и мужехъ,
«То-бъ днешня злость была послѣднею для всѣхъ.
«Реку тебѣ, и рѣчь симъ скиптромъ утвердится,
«На коемъ листвіе и вѣтвь не отродится
«Съ тѣхъ дней, какъ на горахъ отъ древа отдаленъ,
«Коры и отраслей зеленыхъ обнаженъ,
«И днесь въ рукахъ носимъ Ахейскими сынами,
«Которымъ порученъ законъ и судъ богами,
«Сей скипетръ клятвою священной чтится мной,
«Свидѣтельствуюсь имъ, клянуся предъ тобой;
«Что нѣкогда о мнѣ всѣ Греки возрыдаютъ
«И ополченна зрѣть съ собою возжелаютъ.
«Скорбя и сѣтуя, ты не поможешь имъ,
«Когда представятся они очамъ твоимъ
«Десницей Гектора свергаясь въ бездну ада:
«Твой духъ и грудь твою стѣснитъ печаль, досада,
«Что несравненнаго въ героехъ не почтилъ,
«Защиту греческихъ полковъ уничижилъ.

Онъ рекъ, и скиптръ, гвозьдми украшенный златыми,
Повергъ на землю вдругъ и сѣлъ съ вождми другими.

Атрида къ ярости гнѣвъ пагубной влечетъ;
Но се отъ ихъ среды витія возстаетъ,
То самъ пилоскій царь, то Несторъ прозорливый,
И былъ языкъ его, языкъ сладкорѣчивый,
Глаголъ пріятнѣе для всѣхъ, чѣмъ медъ и сотъ.
Уже онъ зрѣлъ другой прешедшій смертныхъ родъ,
Рожденныхъ прежде съ нимъ въ Пилосѣ чудномъ
славой;
Но третій оныхъ родъ цвѣлъ подъ его державой.
Сей царь, витійствуя, простеръ къ нимъ мудрый гласъ:
«О, коль велико зло и плачъ постигнетъ насъ!
«Возвеселится же Пріамъ и всѣ съ нимъ чада,
«И прочи жители его надменна града,
«Узнавъ враждебный гнѣвъ и распрю двухъ вождей,
«Отличныхъ разумомъ и храбростью своей!
«Но стару сущу мнѣ вы юный слухъ прострите
«И мой спасительный совѣтъ для васъ внушите:
«Еще бо древле я съ вождми бесѣду велъ,
«Которымъ равныхъ здѣсь въ геройствѣ не обрѣлъ;
«Однако и они меня не презирали
«И пользы словъ моихъ отнюдь не отвергали.
«Поистинѣ не зрѣлъ и не узрю по гробъ
«Толико бодрственныхъ, безтрепетныхъ особъ,
«Какъ Пиритой, Дріатъ народовъ пастырь славный,
«Эксадій и Кеней, богамъ Полифимъ равный,
«И небожителямъ подобный въ нихъ Тезей—
«Се цвѣтъ избраннѣйшій изъ всѣхъ земныхъ мужей!
«Но сколько мужествомъ они ни прославлялись,
«Не меньше съ храбрыми противники сражались:
«Со горними звѣрьми вели кроваву брань *.

* Гомеръ означаетъ здѣсь войну Лапитовъ съ Центаврами.

«И сопостатовъ сихъ низвергла въ прахъ ихъ длань.
«Толико съ чудными и славными мужами
«Я прежде вкупѣ жилъ, цвѣтя еще лѣтами.
«Оставя свой Пилосъ, внимая просьбѣ ихъ,
«И дальный путь сверша для нихъ отъ странъ моихъ,
«Я слабость юныхъ силъ равнять ихъ силамъ тщался,
«Когда въ сраженіяхъ ужасныхъ обрѣтался.
«И кто бъ изъ человѣкъ, какіе нынѣ суть,
«Противу ихъ посмѣлъ въ кровавый бой дерзнуть?
«И что-жъ? Сіи вожди въ мои младыя лѣты
«Внимали съ кротостью отъ устъ моихъ совѣты.
«Пріемля ихъ въ примѣръ, внушите вы мой гласъ:
«Сіе спасительно для Грековъ и для васъ.
«Атридъ! хоть силенъ ты здѣсь властью багряницы,
«Ахилла не лишай прелестныя дѣвицы,
«Отъ Грековъ данную ему остави мзду.
«А ты, Пелеевъ сынъ, возложь на гнѣвъ бразду,
«И, прясь, царю вождей не тщися быти равенъ:
«Отъ вѣка я не зрѣлъ, чтобъ царь скиптродержавенъ
«Столь много, сколь Атридъ, былъ славенъ и почтенъ;
«Ты сребропогою богинею рожденъ,
«И паче всѣхъ межъ насъ ты мужествомъ прославленъ,
«Но онъ множайшимъ вождь и царь странамъ поставленъ.
«Атридъ! остави месть; я кроткою мольбой
«Ахилла убѣжду, да гнѣвъ скончаетъ свой:
«Въ пагубоносной сей войнѣ, войнѣ кровавой
«Онъ служитъ Грекамъ всѣмъ щитомъ, оплотомъ, славой.

Но вождь Агамемнонъ изрекъ ему въ отвѣтъ:
«Глаголъ твой, старче, благъ, и равно благъ совѣтъ;
«Но князь сей высшимъ всѣхъ межъ нами быти
тщится,
«Повсюду властвовать, повелѣвать стремится.
«Не мню, чтобъ кто изъ насъ хотѣлъ ему внимать;
«Дабы себя его законамъ подвергать:
«Иль вѣчны божества, ему давъ сильну крѣпость,
«Хотятъ, чтобъ онъ являлъ въ злословіи свирѣпость?

Отвѣтомъ рѣчь сію Пелеевъ сынъ пресѣкъ:
«Я подлымъ бы себя, ничтожнымъ бы нарекъ,
«Когда бъ отнынь твоей я былъ послушенъ волѣ.
«И такъ не мнѣ, другимъ будь царь и здѣсь и въ
полѣ:
«Тебѣ я не хощу покорствовать ни въ чемъ.
«Реку, и мой глаголъ блюди въ умѣ своемъ:
«Съ тобой, иль съ прочими за дѣву не сражуся,
«Въ награду мнѣ дана, и пусть ее лишуся;
«Но въ корабляхъ моихъ изъ всѣхъ другихъ вещей,
«Не возмешь ничего сверхъ воли ты моей.
«Коль хощешь, испытай, всѣхъ Грековъ предъ
очами
«Польется кровь твоя на семъ копьѣ струями.

Такъ прясь, возстали вдругъ, скончавъ враждебный
споръ,
Посемъ разрушился и сонма ихъ соборъ.
Ахиллъ въ шатры свои оттолѣ поспѣшаетъ,
Патроклъ его съ друзьми другими провождаетъ;
Атридъ же быстръ корабль на море ниспустилъ,
Стотельчной жертвою его обременилъ,

Хризейду сам въ него лѣполаниту вводитъ.
И двадесять гребцовъ въ него избранныхъ входитъ;
Вождемъ для нихъ избранъ Улиссъ, совѣта полнъ.
Уже они плывутъ по влагѣ шумныхъ волнъ.
Атридъ полкамъ гласитъ: «очиститеся вскорѣ;»
И очищалися, свергая скверны въ море,
Неукрощаемыхъ на берегу валовъ,
На жертву Фебу жгли сто козлицъ, сто тельцовъ.
Воня средь дымныхъ тучъ на небо востекала.
Такъ жертву рать въ шатрахъ закланну совершала.
Но мщеніе Атридъ еще въ груди питалъ,
Которымъ въ сомнѣ онъ Ахиллу угрожалъ.
Талтивій ревностный и Эврибатъ нелестный
Его посланники, его слуги всемѣстны,
Внимали льющимся отъ устъ его рѣчамъ:
«Вы нынѣ шествуйте къ Ахилловымъ шатрамъ,
«Бризейду взявъ, ко мнѣ немедля приведите.
«Коль не дозволитъ онъ, вы праздны отъидите:
«Я воевъ съ множествомъ похитить самъ гряду,
«Тѣмъ вящшій стыдъ ему и скорби наведу.
Онъ рекъ со властью имъ и далъ завѣты строги.
Они, погружены въ печаль и грусти многи,
По брегу шествуютъ гордящихся зыбей;
Ѳессальскихъ наконецъ достигши кораблей,
Ахилла предъ шатромъ, при кораблѣ зрятъ черномъ,
Сѣдяща въ горести, въ уныніи безмѣрномъ.
Веселія, узрѣвъ онъ, ахъ! не ощутилъ,
И санъ и видъ его стопы ихъ воспятилъ.
Благоговѣйный страхъ и ужасъ въ нихъ вселяетъ,
Стоятъ, и провѣщать языкъ ихъ не дерзаетъ:
Недоумѣніе пословъ умомъ своимъ
Ахиллъ проразумѣвъ, глаголетъ тако къ нимъ:

«Намъ возвѣщающи Зевесовы уставы,
«И смертныхъ вѣстники, да будете вы здравы!
«Приближтесь, вы ни въ чемъ невинны предо мной;
«Единъ Агамемнонъ творецъ мнѣ скорби злой.
«Пославшій васъ, дабы похитить юну дѣву:
«Благорожденный другъ, Патроклъ, уступимъ гнѣву,
«Бризейду изведи, предай ее посламъ.
«Но вы да будете свидѣтелями намъ
«Предъ родомъ смертныхъ всѣхъ, предъ вѣчными богами,
«Предъ яростнымъ царемъ и буимъ межъ вождями,
«Восхощутъ ли когда моихъ зрѣть крѣпость силъ,
«Дабы я тучу бѣдъ отъ Грековъ отвратилъ?
«Атридъ свирѣпствуетъ, умъ здравый погубляя,
«Предтекшее забывъ, и впредь не созерцая,
«Не зритъ полезныхъ средствъ, дабы ахейска рать
«Могла безбѣдственно противныхъ отражать.

Онъ рекъ, и внутрь шатра Патроклъ немедля входитъ,
Лѣпообразную Бризейду онъ изводитъ:
Пріявъ ее послы, спѣшатъ въ обратный путь,
Она грядетъ, но скорбь ея терзаетъ грудь.
Отъ ратниковъ Ахиллъ своихъ на брегъ отшедши,
Уединенный взоръ на червленъ понтъ возведши,
И длани вознося, токъ слезный проливалъ,
Сыновнія мольбы къ Ѳетидѣ простиралъ:
«Богиня, коль тобой рожденъ я кратковѣченъ!
«Но, ежели мой вѣкъ, толико быстротеченъ,
«Не долженъ ли меня гремящій отъ небесъ
«Прославить и почтить державный самъ Зевесъ?
«*Но что? я* имъ забвенъ, я нынѣ имъ оставленъ:

«Я днесь царемъ вождей поруганъ, обезславленъ:
«Возмездіе моихъ трудовъ въ его рукахъ;
«Онъ самъ его отъялъ Ахейцовъ при очахъ.

Такъ рекъ Ахиллъ слезя; но мать его священна,
Сѣдяща близъ отца, сѣдинами почтенна,
Въ пещерахъ безднъ морскихъ мольбѣ его внимала,
И се изъ волнъ морскихъ, какъ облако, изшла,
И сѣдши близъ его, со нѣжностью объяла
И ласковой его рукою поглаждала;
Глаголетъ наконецъ: «Возлюбленный мой сынъ!
«Что плачешь? для какихъ твой духъ скорбитъ причинъ?
«Прорцы, да будетъ мнѣ извѣстенъ рокъ твой строгій.
Со стономъ ей Ахиллъ вѣщаетъ быстроногій:
«Сама ты вѣдаешь о всей моей судьбѣ,
«Такъ нужно-ль повторять извѣстное тебѣ?
«Осадой окружа мы Ѳивы, градъ священный,
«Гдѣ Гетеонъ тогда державствовалъ надменный,
«Разрушили его, низвергли въ прахъ земли,
«Богатствъ обиліе сюда мы все снесли
«И греческимъ сынамъ достойно раздѣлили;
«Во мзду царю вождей Хризейду присудили.
«Но что-жъ? и се потомъ Хризисъ, ея отецъ,
«Стрѣлами отъ высотъ разяща Феба жрецъ,
«Природы слыша гласъ и чувствій гласъ сердечныхъ,
«Достигнулъ кораблей ахейскихъ быстротечныхъ,
«Да знаменитыми дарами и цѣной
«Искупитъ дщерь свою, ниспадшу въ плѣнъ судьбой.
«Златый онъ Фебовъ скиптръ неся въ рукахъ съ вѣнцами,

«Усердныя мольбы смиренными устами
«Ко Грекамъ простиралъ, а паче къ двумъ царямъ,
«Къ Атридамъ, рати всей начальнѣйшимъ вождямъ.
«Тогда всѣ прочіе мольбѣ смиренной вняли,
«Почтить жреца и даръ принять совѣтъ давали;
«Единъ Агамемнонъ досадой воспылалъ,
«Отвергъ его, презрѣлъ и съ гнѣвомъ угрожалъ.
«Отшелъ отъ насъ Хризисъ, и гнѣвъ его объемлетъ;
«Но Фебъ, его любя, ему съ Олимпа внемлетъ
«И ядоносныя онъ стрѣлы въ рать стремитъ;
«Летятъ, и съ ними смерть во всѣ шатры летитъ.
«Но Калхасъ намъ открылъ, что̀ бѣдствій сихъ виною.
«Я первый далъ совѣтъ, чтобъ, къ общему покою,
«Немедля отвратить сей страшный Фебовъ гнѣвъ;
«Какъ вдругъ, отъ словъ моихъ Атридъ, разсвирѣпѣвъ,
«Возсталъ, отрыгнулъ мнѣ угрозы неисчетны,
«И се онѣ, свершась, явилися не тщетны.
«Хризеида бо во Хрисъ къ родительской землѣ
«Съ Ахейцами плыветъ на быстромъ кораблѣ,
«И съ нею посланы для Феба славны дары.
«Но яростный Атридъ, угрозы помня яры,
«Предъ симъ часомъ ко мнѣ пославъ своихъ пословъ,
«Отъялъ, что мнѣ дано во мзду моихъ трудовъ.
«И такъ, коль можешь ты, яви мнѣ помощь славну,
«Ты взыди на Олимпъ и тамъ громодержавну
«Зевесу ревностны мольбы о мнѣ пролей:
«Ты, можетъ, нѣкогда сему царю царей
«Своею силою, совѣтомъ помогала:
«Я часто бо слыхалъ, какъ ты, хвалясь, вѣщала,
«*Въ чертогахъ* находясь у моего отца,

«Что Зевса чорныхъ тучъ и облаковъ творца
«Изъ вѣчныхъ жителей пречудныхъ, горнихъ свѣ-
товъ,
«Едина ты спасла отъ гибельныхъ навѣтовъ,
«Когда съ Юноною, съ Минервой царь валовъ
«Умыслили его, устроивъ хитрый ковъ,
«Низвергнуть, заключить суровыхъ узъ во крѣпость,
«Но ты къ нему пришедъ, расторгла ихъ свирѣпость;
«Для столь ужаснаго и злобнаго часа
«Сторукаго призвавъ гиганта въ небеса,
«Что Бріареемъ ликъ безсмертныхъ называетъ,
«Но Эгеономъ родъ здѣ сущій нарицаетъ.
«Онъ вящшей, чѣмъ Нептунъ*, былъ силой облеченъ,
«Близъ Зевса онъ возсѣлъ ужасенъ и надменъ;
«Его безсмертные узря, вострепетали,
«Отъ начинаній злыхъ и пагубныхъ престали.
«И такъ спѣши сей рокъ Зевесу въ мысль вперить,
«Колѣна обыми и тщись мольбой склонить,
«Да укрѣпитъ Троянъ съ небесъ всемочной дланью,
«И Грековъ проженетъ къ шатрамъ кровавой бранью,
«Дабы вкушали плодъ ума вождя вождей,
«И пусть сей гордый вождь въ надменности своей
«Безуміе свое съ прискорбіемъ познаетъ,
«Коль перваго въ полкахъ героя презираетъ.

«Любезный сынъ! рекла Ѳетида, слезы лья:
«Въ золъ часъ ты мной рожденъ, несчастна жизнь
твоя;
«И такъ не тщетно-ль ты воспитанъ мною, сыне?
«О если бъ ты безъ слезъ, безъ всякой скорби нынѣ
«При чорныхъ корабляхъ имѣлъ спокойный вѣкъ;

* Нептунъ былъ отецъ Бріарея.

«Зане твой близокъ рокъ, день смерти недалекъ.
«Но что! се жребій твой и купно краткодневенъ,
«И купно паче всѣхъ злосчастенъ и плачевенъ!
«Увы! почто ты мной въ чертогахъ порожденъ,
«Коль яростью судебъ на бѣдства осужденъ?
«На холмы я восшедъ Олимпа многоснѣжны,
«Къ Громодержателю пролью мольбы прилежны:
«Онъ, можетъ, къ намъ простретъ благопріятный слухъ.
«Но ты при корабляхъ, питая гнѣвомъ духъ,
«Пребуди въ тишинѣ и отъ кровавой брани
«Побѣдоносныя сдержи отнынѣ длани.
«Вчера бо Зевсъ и съ нимъ всѣхъ прочихъ ликъ боговъ
«Къ предѣламъ понтовыхъ * гордящихся валовъ
«Отшелъ на пиршество ко Эѳіопамъ чернымъ,
«Хранящимъ правый судъ, нелестнымъ, кроткимъ, вѣрнымъ,
«Въ дванадесятый день отъ нихъ пріидетъ вспять;
«Тогда я поспѣшу предъ взоръ его предстать
«Въ чертогахъ на мѣди блестящей утвержденныхъ,
«И тамъ къ нему пролью мольбы отъ устъ смиренныхъ,
«Его священныя колѣна объиму
«И мню не тщетну быть моленію сему.

Такъ рекши, скрылася Ѳетида въ шумны бездны,
Оставя сыну гнѣвъ и равно скорби слезны,
Которы чувствовалъ внутрь сердца своего,
Прелестной мзды лишась, отъятой отъ него.

* Здѣсь должно разумѣть Полуденный Океанъ. См. Страбона. *Кн. I.*

Но се во Хрисъ корабль Улиссовъ достигаетъ
И въ многоглубное пристанище вбѣгаетъ;
Отъемлютъ вѣтрила, на чернъ корабль кладутъ
И мачту во свое влагалище влекутъ,
Канатами ее поспѣшно ниспуская;
Потомъ же крѣпость рукъ на весды напрягая,
Спѣшатъ, касаются желаемыхъ бреговъ
И мещутъ якори во глубину валовъ
И, прикрѣпивъ корабль къ столпамъ, на брегъ исходятъ,
На жертву Фебу сто тельцовъ драгихъ изводятъ.
Съ волносѣкущаго низшедшу корабля
Хризейду радостно зритъ отчая земля:
Улиссъ ее ведетъ ко алтарю священну
И въ руки предаетъ родителю почтенну,
Вѣщая такъ ему: «Хризисъ! днесь царь мужей
«Послалъ меня къ тебѣ со дщерію твоей,
«И чтобъ я жертвами духъ Фебовъ, тако гнѣвный,
«Наведшій Грекамъ зло и рокъ многоплачевный,
«Ко щедрой благости смиренно преклонилъ.»
Онъ рекъ и дщерь ему любезную вручилъ
Хризисъ ее пріялъ со радостью утѣшной;
Но Греки съ ревностью прехвальной и поспѣшной
Порядку ставятъ вкругъ изящна алтаря
Стотельчный Фебу даръ, усердіемъ горя.
Уже они отъ скверни и длани омываютъ
И съ солію ячмень для жертвъ уготовляютъ.
Хризисъ возноситъ гласъ со воздѣяньемъ рукъ:
«О, Фебъ! ты на плечахъ имѣя сребрянъ лукъ,
«И Хрисъ, и Циллу самъ преславно защищаешь,
«И въ Тенедосѣ власть божественну являешь,
«Ты прежде кроткій слухъ къ мольбѣ моей склонилъ,

«Почтилъ меня и рать ахейску поразилъ,
«Такъ равно мнѣ вонми съ Олимпа въ днешне
время:
«Избавь ахейское отъ язвы лютой племя!

Скончалъ, и Аполлонъ въ благопріятный часъ
Съ пресвѣтлой высоты внушилъ мольбы сей глáсъ.
Ячменемъ съ солію тельцы уже святятся,
Главы ихъ съ выями подъяты къ небу зрятся,
Уже ихъ кровь течетъ по острію ножа;
Потомъ, со тщаніемъ тѣла ихъ обнажа,
Дебелы стегна ихъ немедля отсѣкаютъ
И тукъ въ сугубый рядъ на оны возлагаютъ,
Поверхъ его кладутъ мяса частей другихъ.
Хризисъ на пламени древъ тонкихъ и сухихъ
Всесожигаетъ ихъ со трепетомъ обычнымъ,
Кропленье теплое творя виномъ приличнымъ.
Ликъ юношей младыхъ вблизи его стоялъ
И пятизубные рожны въ рукахъ держалъ;
Когда же пламенемъ всѣ лядвія истлились
И Греки, отъ утробъ вкусивши, усладились,
Останки прочихъ мясъ на части раздробивъ,
На острые рожны ихъ тщательно вонзивъ,
Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внем-
лютъ
И, зря въ готовности, съ рожновъ искусно снемлютъ.
Скончавъ сіи труды, устроить пиръ спѣшатъ,
Гдѣ сердце питіемъ и брашномъ веселятъ:
Всѣ равенствомъ частей они довольны были;
Посемъ, какъ гладъ уже и жажду утолили,
Цвѣтущи юностью вино въ сосуды льютъ
И всѣмъ на пиршествѣ чредою подаютъ,

Но послѣжде чрезъ все оставшееся время
Всѣ тщатся отвратить небесна гнѣва бремя,
Въ честь Фебу хвальну пѣснь и радостну поя.
Сей Богъ веселый слухъ склонилъ на гласъ ея.
Нисшедшу солнцу въ понтъ, явилась область ночи,
И сонъ при кораблѣ сомкнулъ Аргивцевъ очи.
Наутріе, когда возникла въ міръ заря
И персты розовы простерла на моря,
Къ шатрамъ сподвижниковъ готовятъ путь обратный
Самъ Фебъ даетъ имъ вѣтръ поспѣшный и пріят-
ный;
Подъемлютъ мечту вверхъ и вѣтрилъ бѣлизна
Распростирается, на ней расширена.
Уже Эоловъ рабъ во средній парусъ вѣетъ,
Вкругъ дна у корабля, шумя, волна сѣдѣетъ,
Но онъ съ отважною поспѣшностью течетъ
И носа остротой хребты валовъ сѣчетъ.
Уже они полковъ ахейскихъ достигаютъ
И чернъ корабль на брегъ песчаный возвышаютъ,
И бревна крѣпкія подъ низъ его стремятъ,
Посемъ же, разлучась, въ шатры свои спѣшатъ.

Межъ тѣмъ Пелеевъ сынъ, герой сей именитый,
Сидѣлъ при корабляхъ, печальной мглой покрытый.
Онъ, къ ужасу враговъ, не исходилъ на брань,
Ниже въ совѣтъ, гдѣ мужъ пріемлетъ славы дань;
Бездѣйственъ, грустію и скорбію терзался,
Желаніемъ къ войнѣ кровавой устремлялся.
Но се денницы блескъ, прогнавши мрачну тѣнь,
Ведетъ на горизонтъ дванадесятый день:
Безсмертныхъ ликъ боговъ на свѣтлый холмъ восхо-
дитъ,

Зевесъ, предшествуя, стопы ихъ самъ предводитъ.
Өетида, духъ нося мольбы сыновней полнъ,
Возникла вдругъ съ зарей сѣдыхъ изъ бездны волнъ;
Течетъ на высоту Олимпа всѣмъ священна
И тамъ боговъ отца узрѣвъ уединенна,
На высшемъ изъ холмовъ сѣдяща одного,
Возсѣла тщательно лицемъ къ лицу его,
И святость шуйцею колѣнъ его объемля,
Десной подбрадіе держа и взоромъ внемля,
Смиренно изрекла изъ глубины души:
«Державный царь царей! мольбу мою внуши,
«И если я тебѣ иль вещію, иль словомъ
«Полезна быть могла въ несчастіи суровомъ,
«Плодъ чрева моего, имущъ кратчайши дни,
«Щедротою твоей почтить не укосни.
«Атридъ, сей гордый вождь, исполненъ злостна яду,
«Безчестіемъ его пронзилъ, отъявъ награду;
«Но ты, отецъ щедротъ, правитель небеси,
«Прославь его, Троянъ побѣдой вознеси;
«Да Греки, тщась избыть отъ пагубы грозящей,
«Прибѣгнутъ всѣ къ нему, вѣнчаютъ честью вящшей.»

Рекла; но грома царь, сгуститель облаковъ,
Безмолвенъ пребывалъ на высотѣ холмовъ.
Өетида отъ колѣнъ руки не отвлекала,
Еще его, еще смиренно умоляла:
«Исполни, царь судебъ, желаніе мое,
«И даждь божественъ знакъ на дѣйствіе сіе.
«Или отринь мольбу; чего тебѣ страшиться?
«Вѣщай, да возмогу познать и утвердиться,
«*Сколь много* паче всѣхъ богинь несчастна я.»

Со тяжкимъ вздохомъ Зевсъ изрекъ на гласъ ея:
«Съ Юноной враждовать ты Зевса убѣждая,
«Коль въ бѣдственъ рокъ влечешь, колика строишь злая!
«Она злословіемъ меня преогорчитъ,
«Зане и безъ вины досадою тягчитъ
«Въ присутствіи боговъ она меня по волѣ,
«Глася, что я Троянъ щажду на ратномъ полѣ.
«Но ты съ небесъ гряди, быть зрима ей брегись,
«Мольбу твою свершу, надеждой укрѣпись;
«Я вѣрности въ залогъ дамъ знакъ тебѣ главою,
«Сей знакъ печать свята обѣтовъ, данныхъ мною;
«Нетщетно, истинно, не превращу во лжу,
«Невозвратимо все, что онымъ покажу.

Онъ рекъ, и чорными бровями помаваетъ,
Безсмертныя главы власами потрясаетъ;
Отъ колебанія священныхъ сихъ власовъ
Потрясся весь Олимпъ и вѣчныхъ нутрь холмовъ,
Скончали свой совѣтъ: богиню съ круга звѣздна
Глубородительна въ себя пріяла бездна.
Зевесъ грядетъ въ чертогъ, и се безсмертныхъ ликъ
Во срѣтенье отцу съ сѣдалищей возникъ:
Сидя, срѣтать его грядуща всякъ страшится,
Но всѣ возстали вдругъ, навстрѣчу всякъ стремится.
Вошелъ, и на престолъ незыблемый возсѣлъ.
Юнона усмотрѣвъ, что онъ совѣтъ имѣлъ
Со сребреногою супругою Пелея,
Злорѣчивы уста отверзла, гнѣвомъ тлѣя:
«Хитрѣйшій всѣхъ боговъ, о чемъ, и кто еще
«Съ тобою днесь совѣтъ устроилъ не вотще?
«Всегда свои, всегда намѣренья скрываешь,

«И втайнѣ отъ меня судьбы располагаешь;
«По волѣ ничего ты мнѣ не открывалъ,
«Что ты премудростью своей опредѣлялъ.

Боговъ и смертныхъ царь вѣщаетъ ей противу:
«Хоть ты супруга мнѣ, отрини мысль кичливу,
«Не льстися ты мои совѣты всѣ познать,
«Ты бремени сего не можеши подъять.
«Но что узнать тебѣ и что внимать совмѣстно,
«То прежде всѣхъ боговъ и смертныхъ будетъ вѣстно;
«А если что начну, отъ васъ сокрывшись втай,
«Того не испытуй, о томъ не вопрошай.

Но лѣпоокая отвѣтствуетъ Юнона:
«Что реклъ еси о мнѣ? о, страшный сыне Крона!
«Не тщалась проницать я тайностей твоихъ
«И не смущала тя вопросами о нихъ.
«Спокойно мыслишь ты, по волѣ предпріемлешь,
«Моихъ препятствій нѣтъ, своимъ законамъ внемлешь;
«И нынѣ точію страшусь, смущая духъ,
«Дабы Ѳетида твой не обольстила слухъ,
«Къ судьбѣ противной мнѣ не привлекла мольбою,
«Зане въ часъ утренній возсѣла предъ тобою,
«Объемлюще твоихъ величество колѣнъ,
«И мню, что, давши ей главою знакъ священъ,
«Ахилла хощешь ты вознесть, прославить честью,
«Ахейску рать въ шатрахъ губить троянской местью.

Но грома царь въ отвѣтъ: «О, коль несчастна ты:
«*Всегда* спѣшатъ въ твой духъ сомнѣнія мечты.

«Тебѣ намѣренья мои всегда примѣтны,
«Что-жъ можешь ты успѣть? твои усилья тщетны;
«Супружній только гнѣвъ чрезъ то къ себѣ влечешь
«И симъ въ несчастіе горчайшее течешь.
«Коль истинно, чѣмъ днесь могла ты оскорбиться,
«Такъ знай, угодно мнѣ, хощу тому свершиться,
«Возсяди, умолчи, блюдись преслушна быть:
«Весь ликъ боговъ тебя не силенъ свободить,
«Коль тяжкихъ рукъ моихъ необорима крѣпость
«Прострется, чтобъ смирить словесъ твоихъ свирѣ-
пость.»

Онъ рекъ: трепещетъ вдругъ богиня, умолча,
Возсѣла, гнѣвну страсть внутрь сердца заключа;
Но прочихъ сѣтуетъ боговъ соборъ священный:
И се Вулканъ, въ своемъ искусствѣ несравненный,
Простеръ къ нимъ гласъ, дабы въ грудь матери
своей
Спокойствіе излить и угодить предъ ней:
«Се грозны дѣйствія и бѣдства нестерпимы!
«За смертныхъ вы въ сей день вражды неукротимы
«Сплетая межъ собой, смущаете боговъ;
«И кая будетъ намъ пріятность отъ пировъ,
«Когда и здѣсь добро отъ зла преодолѣнно?
«Тебѣ, о мать боговъ! совѣтую смиренно:
«(Хотя твой свѣтлый умъ не требуетъ того)
«Склоняй покорностью супруга своего,
«Да паки зѣльный гнѣвъ его не возгорится
«И наше пиршество въ печаль не обратится.
«Молніеносный сей отецъ съ сѣдалищъ сихъ
«Низринуть можетъ насъ силъ крѣпостью своихъ,
«Утѣшь его, склоняй ты лестными рѣчами:
«Мгновенно озаритъ насъ кроткими очами.

Свершивъ глаголъ, возсталъ и матери своей
Онъ чашу подаетъ, вѣщая тако ей:
«Ты въ бодрость облекись, печаль преоборая;
«Страшусь, да не при мнѣ тебя постигнутъ злая:
«Скорбя, не возмогу тебѣ я помощь дать,
«Зане, коль пагубно съ Зевесомъ въ брань вступать!
«И древле бо мене, спасать тебя готова,
«За ногу взявъ, повергъ стремглавъ съ небесна крова:
«Эѳира по зыбямъ я цѣлый несся день;
«Когда же мрачная простерлась ночи тѣнь,
«Я палъ на островъ Лемнъ и духъ едва имѣя,
«Но Синтяне * меня подъяли, сожалѣя.»

Умолкъ. Она отвѣтъ усмѣшкою даетъ
И чашу отъ руки сыновнія беретъ.
Посемъ Вулканъ, начавъ отъ стороны десныя,
Подноситъ нектаръ всѣмъ, изъ чаши лья драгія.
Взирая на него спѣшаща для утѣхъ,
Небесны жители подъяли громкой смѣхъ.
Свершился цѣлый день въ семъ пиршествѣ изящномъ,
Доволенъ каждый былъ музыкою и брашномъ:
Сладчайшей лиры Фебъ во струны ударялъ
И хоръ чистѣйшихъ Музъ премѣнно воспѣвалъ.
Когда-жъ Титановъ блескъ въ сѣдыхъ волнахъ сокрылся,
То всякъ для сладка сна въ то мѣсто удалился,
Гдѣ каждому Вулканъ, сей хромоногій богъ,
Пречудной хитростью соорудилъ чертогъ.

* *Имя* первыхъ жителей острова Лемна.

Зевесъ течетъ къ одру, гдѣ сонъ его пріятный
И прежде принималъ во узы ароматны;
Восшелъ на одръ, возлегъ, простерлась кротка мгла,
Златопрестольна съ нимъ Юнона возлегла.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Всенощно ликъ боговъ и смертныхъ сонмы ратны
Вкушали сладости спокойствія пріятны;
Единъ Зевесъ, единъ ни мало не почивъ,
О средствахъ разсуждалъ, всѣ мысли устремивъ,
Да како бы вѣнчать Ахилла и прославить,
Ахейску рать въ шатрахъ мечу враговъ оставить.
Впослѣдокъ онъ сіе благоволилъ избрать,
Чтобъ вредный, ложный Сонъ къ Атриду въ сѣнь послать.
И такъ, призвавъ, гласитъ: «Творецъ мечтаній вредныхъ,
«Аргивцевъ къ кораблямъ лети съ высотъ безбѣдныхъ,
«И вшедъ къ Атриду въ сѣнь, рцы все вождю сему,
«Что я тебѣ реку, чтобъ возвѣстить ему:
«Вѣщай, чтобъ всѣ полки онъ въ брань извелъ кроваву,
«Увѣрь, что днесь Троянъ разрушитъ градъ и славу;

«Что небожители согласны межъ собой,
«Преклонены къ тому Юнониной мольбой,
«И что послѣднихъ золъ Троянамъ ровъ отверзся.

Онъ рекъ, внимаетъ Сонъ, и въ путь уже про-
стерся.
Достигши, какъ стрѣла, ахейскихъ кораблей,
Вступилъ немедленно въ шатеръ вождя вождей;
И зря сего царя глубокимъ сномъ стягченна,
Пріемлетъ станъ и видъ онъ Нестора почтенна,
Котораго Атридъ всѣхъ паче уважалъ;
Въ семъ видѣ надъ главой царевой ставъ, вѣщалъ:
«Ты спишь, ты спишь всю нощь вѣнчанный сынъ
Героевъ,
«Но должно-ль тако спать царю толь многихъ
строевъ.
«Носящему яремъ совѣтовъ и трудовъ?
«Внемли, я посланъ днесь къ тебѣ отцемъ боговъ,
«Который, отстоя далече, призираетъ
«И жалостью къ тебѣ благоутробной таетъ.
«Велитъ тебѣ на брань устроить всѣ полки,
«Падетъ бо сильный градъ въ сей день отъ ихъ руки;
«Зане безсмертны въ томъ согласны межъ собою,
«Убѣждены къ тому Юнониной мольбою:
«Послѣднихъ бѣдствъ ударъ на Трою вознесенъ.
«Но тщись, да мой глаголъ пребудетъ незабвенъ,
«Когда съ твоихъ очей мракъ сонный отрясется.

Онъ рекъ и прочь летитъ; Атридъ же остается
Въ пріятныхъ помыслахъ, но ложныхъ, яко тѣнь.
Мечталъ бо твердый градъ низвергнуть въ днешній
день.

Безумный! Зевсовыхъ не вѣдалъ начинаній,
Хотящихъ облакомъ печалей и стенаній
Покрыть еще Троянъ и Грековъ на поляхъ.
Мечтая такъ, отъ сна возсталъ, и се, о, страхъ!
Мнитъ зрѣть еще Атридъ видѣніе небесно,
Еще мнитъ слышать гласъ, вѣщающій чудесно.
Возсталъ, возсѣлъ, и вновь сошвенъ хитонъ надѣлъ,
Гдѣ тонкость съ бѣлизной пречудною онъ зрѣлъ;
Потомъ себя во блескъ порфиры облекаетъ,
Изяществомъ плесницъ онъ ноги украшаетъ;
Сребромъ блистающъ мечъ съ раменъ его виситъ,
Десницу скипетромъ онъ праотцевъ тягчитъ.
Сей скиптръ во племени его блистаетъ вѣчно;
Онъ съ нимъ грядетъ къ шатрамъ ахейскимъ бы-
строречно.

Уже течетъ заря Олимпа въ высоту,
Богамъ и Зевсу дня несуща красоту.
Глашатаямъ велитъ Атреевъ сынъ мгновенно,
Да Грековъ призовутъ въ собраніе священно.
Они гласятъ — и рать съ поспѣшностью течетъ;
Межъ тѣмъ Агамемнонъ составилъ благъ совѣтъ
У Нестора въ шатрѣ съ избранными вождями,
И тако имъ вѣщалъ премудрыми устами:

«О, друзи! въ нощь сію небесный Сонъ я зрѣлъ,
«Онъ Несторовъ и гласъ и видъ и станъ имѣлъ,
«И ставши надъ главой, вѣщалъ мнѣ: «Сынъ героевъ!
«Ты спишь, но должно-ль спать царю толь многихъ
строевъ,
«Носящему яремъ совѣтовъ и трудовъ?
«Внемли, я посланъ днесь къ тебѣ отцемъ боговъ,
«Который, отстоя далече, призираетъ,

«И жалостью къ тебѣ благоутробной таетъ;
«Велитъ тебѣ на брань устроить всѣ полки,
«Падетъ бо сильный градъ въ сей день отъ ихъ руки:
«Зане безсмертны въ томъ согласны межъ собою,
«Преклонены къ тому Юнониной мольбою;
«Послѣднихъ бѣдствъ ударъ на Трою вознесенъ.
«Но тщись, да мой глаголъ пребудетъ незабвенъ.
«Онъ рекъ, и отъ меня крилѣ въ полетъ направилъ;
«Я ложе мягкое и сладкій сонъ оставилъ.
«Зримъ убо, како бы всѣхъ Грековъ ополчить;
«Я прежде ихъ потщусь словами искусить,
«Обратно въ отчество бѣжать повелѣвая;
«Вы тщитесь воспящать, противу мнѣ вѣщая.»

То рекши онъ, возсѣлъ, но царь Пилосскихъ странъ
Возсталъ, отверзъ уста и, мудростью вѣнчанъ,
Глаголетъ имъ: «Вожди и мужіе совѣтовъ!
«Когда бы сна сего, небесныхъ сихъ обѣтовъ
«Былъ удостоенъ кто другой изъ всѣхъ вождей,
«Отвергли бъ мы его и все почли бы лжей;
«Но се тотъ чудный сонъ зрѣлъ царь вождей избранный;
«Зримъ убо, какъ возжечь огонь въ Аргивцахъ бранный.»

Кончая Несторъ рѣчь, изъ сонма вонъ грядетъ,
Соборъ другихъ князей подобно возстаетъ
И повинуется вождю Агамемнову;
Стекается и рать уже въ минуту ону.
Какъ пчелы межъ собой въ рои соединясь
И сонмомъ сонму въ слѣдъ изъ горъ крутыхъ стремясь,

Летятъ къ цвѣтамъ, летятъ на поле злакомъ лестно
И раздѣляются бевчисленны всемѣстно.
Такъ рать изъ кораблей во слѣдъ за строемъ строй
Течетъ въ собраніе геройскою ногой.
Божественна Молва среди полковъ летаетъ,
Сей ангелъ Зевсовъ въ путь стопы ихъ понуждаетъ;
Спѣшатъ, и вопль и шумъ нося въ устахъ своихъ,
Садятся, и земля подъ тяжестію ихъ
Вздыхаетъ, стонетъ брегъ, несется крикъ ужасно
И девять вѣстниковъ взываютъ громогласно,
Да укротятся всѣ и слушаютъ вождей.
Возсѣлъ народъ, умолкъ, и се ихъ царь мужей
Возсталъ, имѣя скиптръ, Вулканъ гдѣ хитрость славну
Явилъ и далъ его царю громодержавну;
Но скиптромъ симъ Зевесъ Эрмія наградилъ,
Сей храбру всаднику Пелопсу подарилъ,
Пелопсъ Атрею далъ, Атрей же кровну брату
Тіесту, множествомъ рогатыхъ стадъ богату,
Впослѣдокъ же Тіестъ Агамемнону далъ,
Чтобъ всей Аргосской онъ землею обладалъ,
На многи острова простерши власть велику.

На немъ опрясь, Атридъ вѣщалъ героевъ лику:
«Питомцы Марсовы, элладскихъ честь племенъ!
«Колико въ бѣдственъ ровъ я Зевсомъ низведенъ!
«Неложный прежде знакъ мнѣ далъ сей Богъ жестокій,
«Что въ домъ я возвращусь, разрушивъ градъ высокій.
«Но се устроивъ лесть, велитъ сей богъ боговъ
«Бѣжать мнѣ вспять, лишась толь многихъ здѣсь полковъ.

«Но что! угодно такъ его всевышней волѣ:
«Онъ многи крѣпости повергъ въ плачевномъ долѣ;
«Повергнетъ и еще: не имать бы конца
«Могущество и власть сего боговъ отца.
«Коликой стыдъ для насъ въ потомственные вѣки!
«Безчисленны мы здѣсь и мужественны Греки
«Съ безсильнѣйшимъ врагомъ воюемъ безъ плода,
«И толь еще далекъ конецъ сего труда!
«Зане, когда бы мы со гордыми врагами
«На время примирясь чрезъ клятвы предъ богами,
«Исчислили себя и рать Троянъ однихъ,
«И если бъ наконецъ себя противу ихъ
«Въ десяточисленны мы сонмы раздѣлили
«И сонму каждому изъ нихъ опредѣлили
«Мы виночерпія для пиршествъ и утѣхъ,—
«Кленусь, не стало бы Троянъ для сонмовъ всѣхъ.
«Толь Греки въ множествѣ Дарданцевъ превышаютъ!
«Но сихъ враговъ полки союзны защищаютъ,
«Они преграда мнѣ во всемъ, они претятъ
«Разрушить Иліонъ, благополучный градъ,
«Реченны Зевсомъ намъ лѣтъ девять пролетѣли,
«Согнили корабли, канаты всѣ истлѣли,
«Насъ младость женъ и чадъ уже къ себѣ зоветъ,
«Возврату нашего ихъ нѣжный пламень ждетъ;
«А мы коснимъ въ войнѣ, свершиться неимущей.
«И такъ, да внемлемъ всѣ судьбѣ, насъ въ домъ влекущей,
«Бѣжимъ въ отечество на быстрыхъ корабляхъ;
«Надежды нѣтъ для насъ низвергнуть Трою въ прахъ.»

Онъ рекъ, и къ бѣгству чернь сердца свои подвигла,
Вѣщаній бо его и мыслей не постигла.

Какъ Нотъ и Эвръ летя изъ тяжкихъ облаковъ,
Сгущенныхъ въ воздухѣ самимъ царемъ боговъ,
Высокихъ волнъ хребты на Икарійскомъ Морѣ
Подъемлютъ съ яростью, шумя въ противномъ спорѣ;
Иль какъ Зефиръ въ поля Цererины стремясь,
И класовъ на главахъ съ продерзостью носясь,
Колеблетъ, зыблетъ ихъ и низу преклоняетъ:
Такъ рѣчію Атридъ собраніе смущаетъ.
Волнуяся, полки несутся къ кораблямъ,
Отъ ногъ же бурный прахъ восходитъ къ облакамъ,
Другъ друга нудятъ всѣ, желаньемъ къ бѣгству полны,
Чтобъ тягостны суда низвесть на горды волны,
Подпоры кораблей уже спѣшатъ отъять
И рвы для свати ихъ стремятся очищать.
Восходитъ къ небу крикъ, и въ день сей, въ день смятеній
Побѣгла бъ рать противъ небесныхъ изреченій;
Но Ира вдругъ стремитъ къ Аѳинѣ сей глаголъ:
«О, дщерь имущаго незыблемый престолъ!
«Что се! иль тако Грекъ въ жилища вожделѣнны
«Побѣгнетъ со студомъ, боря валы надменны?
«Оставитъ ли врагамъ въ корысть и торжество
«Елену, свѣтлое земное божество,
«Подвергшу Грековъ тмы смертямъ при Троѣ злостнымъ?
«Спѣши, стремись, лети къ Аргивцамъ броненоснымъ
«И кротостью словесъ въ нихъ каждаго прельщай;
«Суда на волны влечь премудро воспящай.»

Рекла: богиня ей голубоока внемлетъ,
И быстрый путь съ небесъ къ Аргивцамъ предпріемлетъ.

И се достигла къ нимъ и зритъ, что Одиссей,
Толь славный мудростью, сколь горній царь царей,
Стоитъ, и съ брега свой корабль не движетъ черный;
Объяла бо его печаль и гнѣвъ безмѣрный.
Приблизившись къ нему, богиня такъ речетъ:
«Улиссъ, носящъ въ устахъ и могъ и благъ совѣтъ,
«Что се! иль тако вы въ жилища вожделѣнны
«Стремитесь въ корабляхъ, боря валы надменны?
«Останется-ль врагу въ корысть и торжество
«Елена, свѣтлое земное божество,
«Подвергша Грековъ тмы пить чашу пагубъ злост-
ныхъ?
«Внемли, спѣши въ полки Ахейцовъ шлемоносныхъ,
«И кротостью словесъ ихъ бѣгство прекрати,
«Суда на волны влечь премудро воспяти.»

Рекла: онъ гласъ ея позналъ и поспѣшаетъ,
И ризу верхнюю на землю съ плечъ свергаетъ.
Глашатай же его, ему текущій въ слѣдъ,
Иоакскій Эврибатъ, подъявъ ее, несетъ.
Улиссъ спѣшитъ, и ставъ въ пути Атриду встрѣченъ,
Пріемлетъ скиптръ его, сей скиптръ безсмертенъ,
вѣченъ;
И съ симъ течетъ къ полкамъ на брегъ, и тамъ узря
Благоразумнаго вождя, или царя,
Увѣщавалъ его и кротко и спокойно:
«Герой! тебѣ ли быть во ужасѣ достойно?
«Сдержи свой бѣгъ и чернь потщися укрощать,
«Не бо еще ты могъ цареву мысль понять:
«Вѣщалъ онъ рѣчь къ полкамъ, ихъ бодрость испытуя,
«Онъ скоро дерзость ихъ накажетъ наказуя.
«*Не всѣ* мы вѣдаемъ, что онъ въ совѣтѣ рекъ,

И такъ не долженъ ли страшиться каждый Грекъ,
«Чтобъ зле не пострадать отъ праведнаго гнѣва?
«Тяжка и пагубна подвластнымъ месть царева!
«Атрида честію вѣнчаетъ самъ Зевесъ,
«Онъ щитъ ему, покровъ всемѣстный отъ небесъ.»

Когда же вопилъ кто изъ черни въ буйствѣ яромъ,
Онъ грозной рѣчію и скипетра ударомъ
Кротя, гласилъ: «возсядь, несчастный, и внимай,
«И лучшимъ тя во всемъ покорный слухъ склоняй:
«Ты слабъ, ты подлъ, твои не мужественны длани,
«Ничтоженъ ты всегда въ совѣтахъ и на брани.
«И како можемъ здѣсь царями всѣ служить?
«Многоначальствіе не можетъ благо быть;
«Единъ да будетъ царь и вождь всего языка,
«Ему же Кроновъ сынъ, судебъ и царствъ владыка,
«Вручилъ законъ и скиптръ во знакъ своихъ щедротъ.»
Такъ властвуя, Улиссъ смирялъ мятежныхъ родъ.
Вторично изъ шатровъ летѣть въ собранье тщатся.
Ихъ шумъ, есть шумъ валовъ, что сонмами стремятся
Сражать недвижный брегъ, но, въ камняхъ разразясь,
Отзывны громы въ понтъ несутъ, еще ярясь.

Уже возсѣли всѣ, безмолвіе ліется;
Но велерѣчивый единъ Ѳерситъ мятется.
Сей гнусный грубостью, хулой всегда дышалъ
И съ гордостью царямъ безстыдно пререкалъ:
И все, чѣмъ рать на смѣхъ онъ мнилъ когда подвигнуть,
То все отъ скверныхъ устъ старался вдругъ отрыгнуть.
Онъ въ безобразіи подобныхъ не имѣлъ,

Былъ хромъ, остроголовъ, единымъ окомъ зрѣлъ;
Согбенны рамена и въ грудь глубоко впалы,
Сѣдыхъ власовъ едва остатки зрѣлись малы:
Его злословіемъ и грубостью рѣчей
Всѣхъ паче былъ разимъ Ахиллъ и Одиссей;
Но въ днешнемъ сонмѣ онъ, пронзая слухи крикомъ,
Атрида поносилъ язвительнымъ языкомъ;
Негодованіе и гнѣвъ въ полкахъ горитъ,
Но сей юродливой, не зря на то, кричитъ:
«Атридъ! о чемъ еще скорбишь, чего желаешь?
«Премного женъ тебѣ избранныхъ мы даемъ,
«Коль нѣкій вражій градъ разрушимъ въ прахъ мечемъ;
«Иль злата жаждешь ты, дабы его изъ града
«Трояне принесли, да ихъ любезны чада,
«Моей или другихъ плѣненныя рукой,
«Избавятся отъ узъ и отъ напасти злой?
«Иль нова плѣнница нужна изъ дѣвъ прекрасныхъ
«Во удовольствіе забавъ твоихъ всечасныхъ?
«Ты царь, но долженъ ли здѣсь всуе мучить рать?
«О, стыдъ! коль слабы мы! и что могу сказать?
«Уже не Греки мы; Гречанки боязливы,
«Побѣгнемъ въ отчество, и пусть сей царь кичливый
«Познаетъ, здѣсь своихъ наградъ снѣдая плодъ,
«Мы нужны ли ему въ защиту и оплотъ:
«Ахиллъ, всѣхъ высшій мужъ и лаврами вѣнчанной,
«Лишенъ недавно имъ награды, нами данной:
«И жаль, что кротокъ онъ, о гнѣвѣ не радитъ,
«Иначе бы престалъ злотворцемъ быть Атридъ.

Сіи хулы царю изрекъ Ѳерситъ нелѣпый;
Но съ яростью Улиссъ возведши взоръ свирѣпый

И устремясь къ нему, грозящу рѣчь простеръ:
«Витія буйственный, крикливый изувѣръ,
«Не пререкай вождямъ единъ, и будь въ покоѣ,
«Зане изъ всѣхъ мужей, пришедшихъ къ гордой Троѣ,
«Не мню кого еще тебя ничтожнѣй быть,
«И тако о царѣхъ брегися ты гласить.
«Поносныхъ укоризнъ противу ихъ блюдися,
«И къ бѣгству назирать ты случаевъ не тщися:
«Никто же вѣсть изъ насъ, отъидемъ како въ домъ
«Со славою, или съ безчестьемъ и стыдомъ.
«Ты вопишь на царя, что мы герои сильны
«Во мзду ему даемъ сокровища обильны;
«Но что онъ отъ тебя пріялъ, кромѣ хулы?
«Ты ядъ ліешь на все, достойное хвалы.
«И такъ кленусь, и въ томъ явлюся непремѣненъ,
«Коль будешь впредь, какъ днесь, безуменъ, дерзновененъ,
«Пусть врагъ съ моихъ раменъ ссѣчетъ главу мечемъ,
«И Телемаковымъ да не зовусь отцемъ,
«Коль я, схвативъ тебя, не обнажу до нага,
«Чтобъ розгами тебѣ отмстилася отвага.
«Ты изъ собранія, постыдно мной изгнанъ,
«Побѣгнешь къ кораблямъ слезя отъ рабскихъ ранъ.»

То рекши, буйнаго онъ скипетромъ священнымъ
Ударилъ по хребту и раменамъ согбеннымъ:
Подъ тяжестью руки приникъ Ѳерситъ къ земли,
И слезы изъ очей неволей истекли;
Явилась на хребтѣ вдругъ опухоль багрова,
Ѳерситъ возсѣлъ, страшась прещенія сурова;
Онъ слезы отиралъ, угрюмо зря на всѣхъ,

И рать унылую склонилъ собой на смѣхъ.
Тамъ каждый говорилъ сѣдящему съ собою:
«Поистинѣ Улиссъ совѣтовъ глубиною
«И въ бранехъ мужествомъ великъ и славенъ былъ;
«Но вящшии днесь хвалы достойно заслужилъ,
«Смиря безстыднаго и злостнаго витію.
«Не мню, чтобъ впредь Ѳерситъ подъялъ безумную
«И хульныя уста отверзъ противъ царей.»

Таковъ былъ слышанъ гласъ отъ ревностныхъ мужей.
Но скиптръ держа, возсталъ Улиссъ градорушитель,
Минерва близъ его, какъ смертный возгласитель,
Повелѣваетъ всѣмъ безмолвствовать, молчать,
Да могутъ предніе и дальніе внимать
Вѣщаніемъ его, совѣтамъ неоскуднымъ.
Молчатъ. Улиссъ гласитъ съ благоразумьемъ чуднымъ:
«Предъ всей подсолнечной, тебя, о царь Атридъ!
«Въ безчестіе облечь ахейска рать спѣшитъ;
«Изъ Аргоса идя, клялись тебѣ всѣ вои
«Не возвращаться вспять, не свергнувъ пышной Трои;
«Но днесь обѣтовъ сихъ исполнить не хотятъ;
«Подобясь слабостямъ и вдовъ и нѣжныхъ чадъ,
«Рыдаютъ межъ собой, желая возвратиться.
«И правда: тяжко имъ надеждою томиться
«И долговременно своей не зрѣть страны.
«Иной бо, отлучась отъ нѣжныя жены,
«И тридцать дней ее не зря, уже рыдаетъ,
«Коль море бурное и вихрь не дозволяетъ

«Нестися въ кораблѣ ему въ желанный домъ;
«А мы девятый годъ воюемъ со врагомъ.
«Прощаю убо я полкамъ печаль, досады.
«Но какъ! толь велій трудъ явится безъ награды.
«И время истощивъ, побѣгнемъ мы вотще?
«О, друзи! бодрствуйте, помедлите еще,
«Да вѣмы, истинно-ль все Калхасомъ реченно.
«Въ скрыжалѣхъ бо сердецъ у насъ напечатлѣнно,
«И вы, что жизнь свою отъ пагубъ соблюли,
«Свидѣтели тому, какъ наши корабли
«Предъ симъ стекалися въ пристанище Авлиды,
«Неся Троянамъ месть за тяжкія обиды.
«И какъ на алтаряхъ источника мы вкругъ
«Стотельчвы жертвы жгли, боговъ склоняя слухъ,
«Гдѣ сѣнью прохлаждалъ насъ кленъ весьма тѣни-
етый;
«Изъ-подъ корня лія струи прозрачны, чисты;
«То чудо странное открылося предъ взоръ:
«Съ червленнымъ бо хребтомъ изъ подалтарныхъ
норъ
«Престрашный змій, самимъ Зевесомъ извлеченный,
«Използъ, и вскорости востекъ на кленъ священный,
«И врабьихъ осмь птенцовъ на самой высотѣ,
«Во многолиственной лежащихъ густотѣ,
«Пожралъ безъ жалости, жерломъ зіяя гладнымъ;
«Ихъ мать, носясь вокругъ полетомъ безотраднымъ,
«Кричала съ томностью, но змій ея крыло
«Схватя, пустилъ ее въ несытое жерло,
«Пожралъ; но вдругъ сего ужаснаго дракона
«Предивнымъ знаменьемъ намъ сынъ являетъ Крона,
«Во камень бо его внезапно превратилъ.
«Мы зримъ сіе, мы зримъ, — и ужасъ насъ покрылъ.

«Но Калхасъ, приступя, пророчески вѣщаетъ:
«Что такъ безгласны вы, и что вашъ духъ смущаетъ?
«Многосовѣтный Зевсъ чрезъ знаменье сіе
«Являетъ намъ судебъ грядущихъ бытіе:
«Пріиметъ позднъ конецъ нашъ подвигъ сей кровавой,
«Но увѣнчаетъ насъ безсмертной въ смертныхъ славой.
«Сколь змій пожралъ птенцовъ и съ матерію ихъ,
«Толико будемъ лѣтъ въ трудѣ противу злыхъ,
«Но въ годъ десятой мы ихъ градъ повергнемъ долу.
«Намъ тако жрецъ вѣщалъ, и по сему глаголу
«Свершается судьба, и счастье намъ течетъ;
«Пребудемъ убо здѣсь, доколѣ врагъ падетъ».

Умолкъ. Народы всѣ на рѣчь его сплещутъ,
Твердыни кораблей отъ грома хвалъ трепещутъ.
Но царь Пилосскихъ странъ, возставши, рекъ полкамъ:
«Непомышляющимъ о бранѣхъ отрокамъ
«Подобясь, тщетные сплетаете совѣты;
«Что будутъ наши всѣ и клятвы и обѣты?
«Что подвиги, труды и тщанія мужей?
«Что вѣрность твердая, алтарныхъ блескъ огней?
«Или исчезло все съ вонею жертвъ несчетныхъ?
«Враждуемъ всуе мы устенъ избыткомъ тщетныхъ:
«Сколь ни пребудемъ здѣсь, но къ прекращенью бѣдствъ,
«Мы въ словопреніяхъ снискать не можемъ средствъ.
«Атридъ! ты, въ прежній духъ облекшися геройски,
«Безтрепетно веди на сопостатовъ войски;
«*И если* нѣкіе, отселѣ удалясь,

«Противно мыслятъ намъ, бѣжати въ домы тщась,
«Не буди скорбенъ: ихъ совѣтъ не совершится;
«Доколѣ явственно для Грековъ не явится
«Правдивъ, иль ложенъ намъ обѣтъ отца боговъ:
«Я помню оный день, какъ съ отческихъ бреговъ
«Вошли мы въ корабли, неся врагамъ отмщенье,
«То намъ Зевесъ послалъ благое извѣщенье;
«Стремя въ десной странѣ молніеносный громъ.
«И такъ никто изъ насъ да не спѣшитъ въ свой домъ,
«Не получа въ свою Троянки лѣпой долю:
«Дабы отмстить чрезъ то Еленину неволю.
«Кто жъ хочетъ вспять бѣжать, десницу пусть простретъ
«На черный свой корабль. — и смерть его пожретъ.
«Агамемнонъ! ты будь для насъ добросовѣтенъ;
«Но буди и другихъ словамъ благоуважителенъ.
«Не тщетно я реку, устамъ моимъ внемли:
«Ты рать на племена и роды раздѣли.
«Да племя племени поможетъ, родъ же роду.
«Коль тако сотворишь и угодишь народу:
«Кто храбръ изъ ратниковъ, неустрашимъ въ вождѣхъ,
«Кто подлъ изъ нихъ и слабъ, ты узришь явно всѣхъ,
«Познаешь, Небо ли претитъ низвергнуть Трою,
«Или неискусствомъ мы своимъ тому виною.

Атридъ ему въ отвѣтъ: «Вліянною съ небесъ
«Ты всѣхъ превыше здѣсь премудростью словесъ.
«О, Зевсъ, и свѣтлый Фебъ, и грозная Паллада!
«О, если бы дана была отъ васъ награда
«Мнѣ десять таковыхъ въ премудрости мужей! —

«Давно бъ Пріамовъ градъ во власти былъ моей.
«Но Кроновъ сынъ мнѣ грудь печальми упояетъ,
«Онъ зѣльныя вражды межъ нами устрояетъ:
«За юну плѣнницу я прю съ Ахилломъ велъ;
«И правда, отъ меня сей пламень возгорѣлъ.
«Но впредь, коль будемъ мы союзны и согласны,
«Немедля врагъ падетъ во пагубы ужасны.
«Теперь спѣшите снѣдь пріять, готовясь въ брань;
«Пусть рать мечи остритъ, щиты готовитъ въ длань,
«Пусть кони пищею довольной укрѣпятся
«И снасти колесницъ въ готовности явятся,
«Дабы весь день сдержать намъ Марсовъ жаръ и страхъ;
«Отдохновенія не будетъ на поляхъ,
«Доколѣ ночи мракъ нашъ трудъ прерветъ военный,
«Днесь потомъ щитъ и шлемъ пребудутъ упоенны,
«Отъ грозныхъ копій днесь изсякнетъ мочь десницъ,
«Покроетъ потъ коней подъ игомъ колесницъ.
«Но кто восхощетъ днесь, трудовъ чуждаясь бранныхъ,
«Остаться въ корабляхъ, возлечь въ шатрахъ желанныхъ,
«Тотъ смертію умретъ, корыстью будетъ псамъ».

Онъ рекъ, Ахейцы гласъ возносятъ къ небесамъ.
Такъ сонмы волнъ шумятъ, носимы вихрей спором
И раздробляяся о камень въ бѣгствѣ скоромъ.

Посемъ возстали всѣ, къ шатрамъ своимъ спѣшатъ,
И возгнѣщаютъ огнь и утоляютъ гладъ.
Тамъ каждой божеству, собой отмѣнно чтиму,

Приноситъ жертвенъ даръ, мольбу неутомиму,
Чтобъ Марсова меча избѣгнуть въ днешній день,
Не погрузитися навѣки въ смертну сѣнь:
Но самъ Атридъ, царя боговъ многосовѣтна,
Закланіемъ тельца чествуетъ пятилѣтна,
Призвавши для сего избраннѣйшихъ князей.
Въ нихъ первый Несторъ былъ, по немъ Идоменей,
Аяксы послѣ нихъ, и сынъ Тидеевъ сильный,
И наконецъ Улиссъ, совѣтами обильный.
Но храбрый Менелай для сихъ трудовъ и дѣлъ
Ко брату своему и не зовомъ пришелъ.
Стоя вокругъ тельца, держа ячмень священный,
Атридъ ко Зевсу гласъ вознесъ неухищренный:
«О, царь! превыше звѣздъ имущій свой престолъ,
«И полняй славою и небеса и долъ,
«Благоволи, чтобъ я, доколѣ свѣтлы очи
«Не скроетъ въ понтѣ Фебъ, и мракъ прострется ночи,
«Пріамовъ пышный градъ низринулъ въ долъ мечемъ,
«Чертоговъ же его врата сожегъ огнемъ;
«И Гекторову грудь со твердою бронею
«Расторгнулъ мечъ, вонзенъ десницею моею,
«И пусть вокругъ его троянскіе полки
«Падутъ на прахъ земной отъ греческой руки».

Онъ рекъ; но Кроновъ сынъ желанію не внемлетъ;
Едину жертву онъ Атридову пріемлетъ,
Готовя новый трудъ и злы ему судьбы.
Когда же теплы ихъ свершилися мольбы,
Ячменемъ съ солію телецъ уже святится
И съ выею глава подъята къ небу зрится,
И кровь его течетъ по острію ножа;

Посемъ они его со тщаньемъ обнажа,
Дебелы лядвія немедля отсѣкаютъ
И тукъ въ сугубый рядъ на оный возлагаютъ;
Поверхъ его кладутъ мяса частей другихъ
И жгутъ на пламени древъ тонкихъ и сухихъ;
Когда же пламенемъ всѣ лядвія истлились
И внутренность вожди вкусивши, усладились,
Останки прочихъ мясъ на части раздробивъ,
На острые рожны ихъ тщательно вонзивъ,
Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внемлютъ,
И зря въ готовности, съ рожновъ искусно снемлютъ.
Скончавъ сіи труды устроить пиръ спѣшатъ;
Гдѣ сердце питіемъ и брашномъ веселятъ;
Всѣ равенствомъ частей они довольны были;
Посемъ, какъ гладъ уже и жажду утолили,
То Несторъ, мудростью цвѣтущій въ нихъ, гласитъ:
«Великій царь мужей, божественный Атридъ,
«Не будемъ истощать на тщетны рѣчи время
«И поспѣшимъ подъять судьбою данно бремя.
«Вели глашатаямъ созвать всю рать на брегъ.
«И сами чрезъ полки стремя поспѣшный бѣгъ,
«Пойдемъ, дабы своимъ присутствіемъ, рѣчами
«Скорѣе ополчить Ахейцовъ въ брань съ врагами.
Атридъ, покорствуя глаголамъ таковымъ,
Велитъ немедленно глашатаямъ своимъ,
Да громомъ гласа рать ко брани призываютъ,
Они гласятъ, — полки отвсюду поспѣшаютъ.
Съ Атридомъ же вожди, носясь изъ строя въ строй,
Уготовляютъ ихъ со ревностію въ бой,
Особо каждый родъ и племя ополчая.
Минерва, славою небесною блистая,
Снисходитъ отъ небесъ, стремится въ сихъ полкахъ,

Непобѣдимый свой Эгидъ нося въ рукахъ;
Сей драгоцѣнный щитъ, безсмертный и нетлѣнный,
Гдѣ кисти хитростью златыя соплетенны
Блистаяся висятъ, числомъ же въ сто рядовъ,
И каждый оный рядъ цѣною сто тѣльцовъ.
Сей щитъ нося, ліетъ въ сердца любима войска
Духъ крѣпости и силъ, духъ мужества геройска:
Уже имъ грозна брань пріятнѣе стократъ,
Чѣмъ къ собственной землѣ на корабляхъ возвратъ.
Какъ пламенемъ лѣса на высотахъ горящи,
Въ окрестныя мѣста разносятъ свѣтъ блестящій,
Такъ блескъ оружія и мѣдяныхъ броней
До облакъ восходилъ сіяющей стезей.
Какъ сонмы лебедей или гусей крикливыхъ,
Асіи на лугахъ прекрасныхъ и счастливыхъ
Летаютъ веселясь, Каистра при струяхъ,
И ниспустясь съ высотъ на радостныхъ крылахъ,
Садятся на земли во множествѣ великомъ:
И наполняютъ лугъ пространный зельнымъ крикомъ:
Ахейска тако рать изъ кораблей, шатровъ
Течетъ на прелести Скамандриныхъ луговъ;
Подъ конскимъ топотомъ, и сильныхъ подъ стопами
Земля дрожитъ, стеня со ближними горами.
Уже они въ поляхъ стоятъ ополчены,
Равняяся числомъ цвѣтамъ драгой весны.
Какъ мухи съ жадностью, и множествомъ безъ счета
Вкругъ хижинъ пастырскихъ во время знойна лѣта
Летаютъ, если тамъ приманчива млека
Въ сосуды излилась обильная рѣка:
Такъ сонмы гречески ужасны опольченьемъ,
Стоятъ въ поляхъ, дыша противъ Троянъ отмщеньемъ.
Тамъ каждый вождь своихъ толь скоро отличалъ

И въ надлежащій строй искусно учреждалъ,
Сколь легко пастырь козъ со дружними смѣшенныхъ,
Распознаетъ всегда на паствахъ утучненныхъ;
Среди же ихъ герой, божественный Атридъ,
Въ лучахъ величества неизреченный видъ,
Очами и главой подобенъ сыну Крона,
Когда онъ мещетъ громъ съ незыблемаго трона;
Но Марсу чреслами и возрастомъ своимъ,
Нептуну персями и силой обоимъ.
Каковъ телецъ въ стадахъ обильно упитанныхъ,
Таковъ является Атридъ въ мужехъ избранныхъ:
Зевесъ его въ сей день возвысилъ, озарилъ
И блескомъ прочихъ блескъ Героевъ помрачилъ.

О, Музы, въ искреннихъ селеніяхъ живущи!
Извѣстны вы о всемъ; повсюду вы присущи,
Но смертныхъ слабый умъ не вѣдаетъ всего
И слѣдуетъ стопамъ онъ слуха одного,
Повѣждьте убо мнѣ вождей Ахейской рати:
Простыхъ бо воиновъ подробно исчисляти
Нѣтъ силъ, и признаюсь, не возмогу отнюдь,
Хотя бы мѣдяну имѣлъ я тверду грудь
И десять языковъ и столько же гортаней,
Неутомимый гласъ къ вѣщанью грозныхъ браней:
Коль не исчислите вы сами всѣхъ племенъ,
Пришедшихъ разрушать пергамскихъ твердость стѣнъ:
Едины убо я суда элладскихъ строевъ
Исчислю, нареку начальныхъ въ нихъ героевъ.

Пенлей, Арцезилай, Проѳоенорь, Леитъ,
И Клоній ревностныхъ Беотянъ въ брань стремитъ,

Что жили въ Гиріѣ, въ Анлидѣ каменистой,
Во Схилѣ, Сколосѣ, въ Этеонѣ гористой,
Во Греѣ, Өестіи, Микалесса въ поляхъ,
Въ Илезѣ, Элиөрахъ, и Арма на лугахъ,
Во Гилѣ, Птеонѣ, изящномъ Элеонѣ,
И во Окалеѣ, и въ крѣпкомъ Медеонѣ,
Во Копахъ, посреди эвтризинскихъ полей,
И въ Өизвѣ, множествомъ обильной голубей,
Во многопаственномъ Альяртѣ, Коронеѣ,
Въ твердыняхъ новыхъ Өивъ, въ Гликантѣ и Платеѣ,
Въ Онхестѣ, пышной гдѣ Нептуновъ храмъ стоитъ,
Во Арнѣ, Діонисъ гдѣ виноградъ раститъ,
Въ Мидеѣ, наконецъ во Ниссѣ освященной,
Въ Анөидонѣ, изъ всѣхъ послѣдней, отдаленной.
Сіи всѣ пятьдесятъ имѣли кораблей
И въ каждомъ кораблѣ сто двадесять мужей.

Но Ялменъ, Аскалафъ, которыхъ Марсъ свирѣпой
Имѣлъ отъ нѣжностей съ Астіохеей лѣпой,
Рожденной Акторомъ Азидовымъ плодомъ:
Зане сей богъ, ея пріятностьми влекомъ,
Въ дому ея отца съ ней тайно сообщился,
И Ялменъ, Аскалафъ отъ сей любви родился;
Они вели на брань тѣхъ беотійскихъ чадъ,
Которы Орхоменъ Миніевъ славный градъ,
И пышный Аспледонъ во области имѣли
И въ тридцати судахъ ко Троѣ прилетѣли.

Эпистрофъ и Схедій, Навволъ которымъ дѣдъ,
И коихъ произвелъ Ифитъ прехрабрый въ свѣтъ,
Фокеянъ бодрственно ко брани ополчали,
Что во Кипариссѣ и Криссѣ обитали.

Въ Давлидѣ, Ямполѣ, и Пиѳона въ горахъ,
Во Анеморіи, Панопѣ и въ лугахъ,
Дающихъ злакъ близъ струй Цефиссы освященной,
Въ Лилеи, гдѣ истокъ рѣки сея почтенной.
Ихъ сорокъ кораблей несли на страхъ войны,
Ихъ станъ Беотянъ близъ былъ съ шуей стороны.

Аяксъ въ теченьи скоръ, сынъ храбра Оилея,
Не столь великъ, не столь и мужества имѣя,
Сколь Теламоновъ сынъ Аяксъ Аргивцовъ щитъ;
Онъ малъ и льняною бронею былъ покрытъ,
Но ни единъ во всѣхъ полкахъ не обрѣтался,
Кто бъ лучше копіемъ, какъ воинъ сей, сражался;
Вождемъ Локрійцамъ былъ, что Калліаръ, Скарфисъ,
И Опосъ, и Киносъ, и Виссу, и Тарфисъ,
И любоплодную Авгію населяли,
И Ѳроній, гдѣ струи Воагра протекали.
Онъ сорокъ кораблей съ Локрійцами привелъ,
Что простиралися Эввеянъ за предѣлъ.

Авантамъ бодрственнымъ, живущимъ во Эввеѣ,
Въ Халцидѣ, и виномъ обильной Истіеѣ,
Въ приморскомъ Киринеѣ, въ твердыняхъ гордыхъ стѣнъ,
Что окружаютъ градъ, Діосомъ нареченъ;
Во Стирѣ, Каристѣ, въ Илетріи пречудной,
Безстрашный Эльфеноръ предшелъ ко брани трудной,
Вѣтвь Марса грознаго и Халкодоновъ сынъ;
Онъ былъ народовъ сихъ и князь и вождь единъ;
Они, спреди власовъ ни мало не имѣя,
И жаромъ бодрости отличной пламенѣя,
Не мещутъ дротиковъ, но близъ, и копіемъ

Разятъ противну грудь въ безстрашіи своемъ;
И сорокъ кораблей тягча они собою,
Чрезъ волны пронеслись, чтобъ рушить горду Трою.

Но жителямъ Аѳинъ, гдѣ царствовалъ Эрхѳей
Туземецъ, мужъ благій, великъ своей душей,
Эгидоносною Минервой воскормленный
И ею въ храмъ ея божественъ провожденный,
Гдѣ, чрезъ претекшее число извѣстныхъ лѣтъ,
Сей пышный градъ ей въ честь тельцовъ и агнцовъ жретъ;
Мнесѳей, Петеевъ сынъ, предтечей былъ ко брани,
Премудро ополчивъ ихъ мужественны длани:
Кромѣ бо Нестора искусный сей герой,
Всѣхъ лучше учреждалъ полки во бранный строй,
И съ аѳинейскими отважными мужами
Пятьюдесятью онъ принесся кораблями.
Изъ Саламина же Аяксъ, мужъ славныхъ дѣлъ,
Двѣнадцать кораблей съ подвижники привелъ
И въ рядъ поставилъ ихъ близъ кораблей аѳинскихъ.

Народамъ, что Аргосъ и крѣпость стѣнъ тиринѳскихъ,
Асинъ и Эрміонъ, глубокій гдѣ заливъ,
Трезенъ и Эпидавръ вина плодомъ счастливъ,
Эгину, Эіонъ, Масету населяли,
Безретрепетны вожди ко брани предтекали:
Троянской рати страхъ, прегрозный Діомидъ
И Капанеевъ сынъ Сѳенелъ презнаменитъ,
И третій, Эвріалъ, герой безсмертнымъ равный,
Талая внукъ и сынъ Микистея преславный;
Но главнымъ Діомидъ вождемъ былъ сихъ мужей,
И осмьдесятъ привелъ онъ чорныхъ кораблей.

Но жители Мицены изящныхъ, укрѣпленныхъ,
Коринеа, Орніевъ, и Клеонъ утвержденныхъ,
Эреѳирея, что въ весельи многомъ цвѣлъ,
Сиціоны, Адрастъ гдѣ первый тронъ имѣлъ,
И Гипперезіи, Эгіоса, Пеллены,
Гоноессы, что въ выспрь подъемлетъ горды стѣны,
И всей приморскія пространныя страны,
И чѣмъ эликскіе луга окружены;
Сіи всѣ жители сто кораблей имѣли
И бодрымъ мужествомъ безстрашны пламенѣли.
Ихъ вождь Агамемнонъ величественъ, почтенъ,
И лучезарною бронею облеченъ,
Являлся славою превыше всѣхъ героевъ,
Какъ мужъ безтрепетный и вождь множайшихъ строевъ.

Имущи гордый Фаръ во участи своей,
И Мессу, что плодитъ обильно голубей,
Лакедемонъ, и съ нимъ любезную Авгію,
Пространство Спарты всей и радостну Врисію,
Амиклы и Элосъ на взморіи стоящъ,
И Лау, Итилонъ плодами веселящъ;
Шестьюдесятьми въ брань неслися кораблями.
Ихъ вождь былъ Менелай, блистающъ межъ полками,
Особо рать свою отъ братней отдѣля,
Онъ поощрялъ ее на Марсовы Поля,
Дабы отмстилася прелестная Елена,
И томны горести ея несчастна плѣна.

Съ премудрымъ Несторомъ подъ Трою притекли
Девятьдесять судовъ отъ странъ тоя земли,
Гдѣ Пилоссъ, и Ѳріонъ, со мелію Алѳія,
Арена градъ утѣхъ, Эпи, Амфигенія,

Кипарисентъ, Элосъ и пышный Птелеонъ,
И Музъ побѣдою извѣстный Доріонъ:
Они бо въ мѣстѣ семъ Ѳамира знаменита,
Отъ Эхалійскаго царя тогда Эврита
Идущаго узрѣвъ, подвергли злой судьбѣ,
Зане онъ съ гордостью мечтая о себѣ
Хвалился, что своихъ пріятныхъ пѣсней тономъ
Превыситъ самыхъ Музъ, учимыхъ Аполлономъ;
Богини раздражась, и местію своей
Лишили буяго и гласа и очей,
Содѣлали притомъ, дабы любезна лира
Забвенною вовѣкъ осталась отъ Ѳамира.

Но подъ Целленскою въ Аркадіи горой,
Гдѣ гробнымъ каменемъ покрытъ Эпитъ герой,
Въ Финеи, въ Страціи, и въ Рипѣ всѣмъ живущимъ,
И Орхоменъ въ своемъ участіи имущимъ
Питающъ на поляхъ несчетныя стада,
Энипу, вихрями смущаему всегда,
Селеніе любви веселу Мантинею,
Стимфелъ, Парасію и радостну Тегею;
Анцеевъ сынъ на брань Агапенорь предшелъ,
И шестьдесятъ судовъ подъ Трою онъ привелъ,
И въ каждомъ кораблѣ земель сихъ многи чада,
Давно привыкшіе къ войнѣ, къ осадамъ града;
Но кораблями ихъ Агамемнонъ свабдилъ,
Не тщались бо они морскихъ о нуждѣ силъ.

Народъ Вупрасія, Элиды вознесенной,
Страны межъ Ирминой, Мирсиномъ заключенной,
Межъ Оленійскою, Алійскою горой,
Четыредесять въ брань судовъ привелъ съ собой,

Тягчимыхъ бодрыми Энейскими мужами
И управляемыхъ искусными вождями:
Въ нихъ первый Амфимахъ, Креатовъ славный плодъ,
По немъ Эвритовъ сынъ, Өалпій въ войнѣ оплотъ,
Но оба храбраго Актора бодры внуки;
По нихъ же Діоресъ, честь Марсовой науки,
Амаринцидовъ сынъ, и съ ними Поликсенъ
Царя Авгида внукъ Агасөеномъ рожденъ.

Но изъ Дулихія, изъ острововъ священныхъ,
И Эсхинадами издревле нареченныхъ,
Лежащихъ моря скрай Элиды напротивъ,
И въ море падаетъ гдѣ Ахилой счастливъ,
Пришедшимъ племенамъ былъ Мегесъ, сынъ Филея,
Предтечей въ бой, какъ Марсъ убійствомъ пламенѣя:
Отецъ его Филей царемъ боговъ любимъ,
Родителемъ своимъ неправедно гонимъ,
Въ Дулихій нѣкогда изъ отчества прешелъ;
Сей Мегесъ сорокъ въ брань судовъ съ собой привелъ.

Улиссъ, премудрости, благихъ совѣтовъ полный,
Двѣнадцать кораблей привелъ чрезъ шумны волны,
Въ нихъ Кефалоняне, Иөакскій въ нихъ народъ,
Многолѣсистаго Нирита бдящій родъ,
И родъ Кроцилии, Эгилипы неравной,
И гдѣ Зацинөъ, Самосъ, рожденьемъ Иры славной;
И родъ всей твердыя, что прямо ихъ, страны:
Племенъ же сихъ суда красно распещрены.

Этоляне, народъ, живущій во Плевронѣ,
Въ приморской Хальцидѣ, въ гористомъ Калидонѣ,
Въ Пиленѣ, Оленѣ веселія въ градахъ;

Въ четыредесяти неслися корабляхъ;
И Андремоновъ сынъ, Ѳоасъ, ихъ былъ главою:
Уже бо Ѳеней былъ скрытъ подъ смертной мглою,
И равно Мелеаргъ, дитя его отрадъ,
И всѣхъ другихъ соборъ его несчастныхъ чадъ.

Но Крита жители, и Кносса, и Гортины,
Имущей вкругъ себя высокихъ стѣнъ твердыни,
И населяющи Ликастъ, и Ликтъ, Милетъ,
Ритій, и Фестъ, гдѣ многъ народъ всегда живетъ:
Всѣ племена, чѣмъ цвѣлъ сей Критъ превознесенный,
Имущій сто градовъ, обиленъ, утучненный;
Собою осмьдесятъ тягчили кораблей,
Ихъ бодрый, сильный вождь былъ царь Идоменей,
И Меріонъ, какъ Марсъ во гнѣвѣ грозной брани,
Взносящъ противъ враговъ пагубоносны длани.

Надменны Родяне, что счастіемъ гордясь,
И на три племена другъ съ другомъ раздѣлясь,
Въ Камирѣ, Ялиссѣ и Линдѣ обитаютъ,
Всѣ девять кораблей подъ Трою ополчаютъ;
Имъ былъ ко брани сей безтрепетнымъ вождемъ
Алкидовъ сильный сынъ, великій Тлиполемъ.
Любезный чрева плодъ Астіохеи лѣпой,
Котору сей герой, тиранновъ бичъ свирѣпой,
Изъ Эѳира, что близъ селлентовыхъ бреговъ,
Плѣнилъ, повергнувъ тмы цвѣтущихъ городовъ.
Но Тлиполемъ, въ дому воспитанный высокомъ,
Убивъ Лицимнія, несчастный! ненарокомъ,
Лицимнія, что былъ Алкменѣ кровный братъ,
Алкиду дядею, любезно имъ пріятъ:
Устроилъ корабли, собралъ себѣ народы,

Пустился съ ними въ бѣгъ чрезъ шумны моря воды;
Боясь прещенія и наказаній злыхъ
Отъ чадъ Алкидовыхъ, отъ братіевъ своихъ;
По многихъ бѣдствіяхъ къ Родоссу онъ достигши
И въ немъ желанное селеніе воздвигши,
Сопутниковъ своихъ въ три сонма раздѣлилъ
И въ трехъ градахъ для нихъ жилища утвердилъ.
Ихъ подвиги, труды явилися нетщетны:
Зевесъ имъ одолжилъ сокровища несчетны.

Царя Харопа сынъ, Аглеинъ плодъ, Нирей,
Кромѣ Ахилла, всѣхъ прекраснѣе мужей,
Нирей три корабля привелъ подъ горду Трою,
Но онъ былъ слабъ, и рать немногу велъ съ собою.

Но населяющи Крапаѳъ, и Касъ, Нисилъ,
Гдѣ прежде царствовалъ несчастный Эврипилъ,
Живущи въ островахъ, Калиднами зовомыхъ,
Всѣ въ тридцати судахъ съ отважностью несомыхъ
Летѣли чрезъ моря; вожди же ихъ полкамъ
Фидиппъ, и съ нимъ Антифъ, носящій страхъ врагамъ,
Рожденны Ѳессаломъ, Алкида сильна внуки,
Питомцы Марсовой кровавыя науки.

Исчисли Муза днесь Ахилловы полки!
Сотрудники его громовыя руки,
Народы, жившіе Ѳессаліи въ Аргосѣ,
Въ Алопѣ, Трихинѣ, во Фтіи и Алосѣ,
Въ Элладѣ, славимой красою нѣжныхъ женъ,
И заключавшися подъ именемъ племенъ
Ахейскихъ, эллинскихъ, и мирмидонскихъ равно,
Привыкшихъ разрушать оплотъ враждебный славно,
Въ пятидесяти въ брань неслися корабляхъ,

Герой, Θетидинъ сынъ имъ былъ вождемъ въ поляхъ;
Но нынѣ мужествомъ ихъ духъ не ополчался:
Имъ къ шумной брани вождь уже не обрѣтался.
Ахиллъ въ своихъ шатрахъ высокихъ почивалъ,
За дѣву юну гнѣвъ онъ сердца внутрь питалъ,
Котору получилъ во мзду трудовъ жестокихъ,
Лирнессъ низвергнувши и стѣны Θивъ высокихъ;
Эпистрофа и съ нимъ Минета, храбрыхъ чадъ
Эвеновыхъ, пославъ мечемъ своимъ во адъ.
Се люта скорбь, чѣмъ грудь изящна мужа вянетъ!
Но злѣйшій рокъ грядетъ, герой отъ сна воспрянетъ.

Въ Филакѣ, въ Пиррасѣ, что жатвой утучненъ,
И класовъ матери, Церерѣ, посвященъ,
Въ Итонѣ радостномъ, овецъ стадами славномъ,
Въ приморскомъ Антронѣ, въ Птелеи многотравномъ
Живущи племена ко брани притекли,
И сорокъ кораблей съ собою привели.
Имъ прежде былъ вождемъ Протезилай изящной,
Но заключенъ уже онъ въ узахъ смерти страшной;
Онъ первый съ корабля на вражій брегъ скочилъ
И первый злую смерть отъ Гектора вкусилъ,
Въ Филакѣ домъ, жену оставивши слезящу,
Подъ игомъ горестей, вдовичихъ бѣдъ стенящу:
Но страшна рать его не безъ вождя была,
И въ слѣдъ Подарцесу на грозну брань текла.
Сей вождь, Ификловъ сынъ, огнемъ войны пылая,
Филака внукъ, и братъ младый Протезилая,
Былъ воинъ мужественъ, но мужествомъ такимъ
Равнятися не могъ со братомъ онъ своимъ.
И такъ сіи полки, хотя вождя имѣли,
Протезилая всѣ они еще жалѣли.

Противу озера Вивійскаго Ферисъ,
И Вива, и Глафиръ, Яолкъ, что верхъ вознесъ,
И твердостію стѣнъ гордится укрѣпленныхъ,
Одиннадцать судовъ полками отягченныхъ
Послали въ грозну брань; вождемъ же ихъ Эвмилъ,
Котораго Адметъ державный породилъ,
Появъ себѣ въ жену прелестную невѣсту,
Дщерь Пеліасову, божественну Альцесту.

Но наслаждающій Θавмацію, Миθонъ,
Меливію, и съ ней гористой Олизонъ,
Седмь черныхъ кораблей подъ Трою ополчили,
И каждой пятьдесятъ мужей корабль тягчили,
Искусныхъ поражать враговъ своихъ стрѣлой;
Предтеча къ брани имъ былъ Филоктетъ герой,
Пеанта храбра сынъ, стрѣлометатель чудный;
Но онъ тогда, терпя недугъ и скорби трудны,
Змѣинымъ жаломъ бывъ, несчастный, уязвленъ,
Въ священномъ Лемнѣ жилъ, печальми упоенъ,
Ахейской ратію для немощи оставленъ,
Но скоро долженъ быть воспомянутъ, прославленъ.
Его полки скорбя и сѣтуя о немъ,
Медона бодраго имѣли въ брань вождемъ,
Плодъ тайныя любви Оилея и Рены,
Оилея, градовъ рушаща горды стѣны.

Но населяющи Иθомъ презнаменитъ,
И Оехалію, гдѣ былъ царемъ Эвритъ;
И Трикку славную имущіе подъ властью,
Всѣ тридцать кораблей, снабдѣнныхъ крѣпкой снастью,
Вели на брань, дабы Пріамовъ рушить тронъ;

Имъ Подалиръ и съ нимъ великій Макаонъ,
Искусные врачи, Асклипіевы чада,
Вождями были къ сей осадѣ пышна града.

Наслѣдіемъ себѣ имѣющій народъ
Орменіонъ, и съ нимъ гиперскихъ токи водъ,
Притомъ Астерію, и горъ верхи титанскихъ,
Велъ сорокъ кораблей къ твердынямъ стѣнъ троян-
скихъ,
Предтечей былъ въ поля преславный Эврипилъ,
Эвемономъ рожденъ, и мужъ великихъ силъ.

Имущихъ учатью Олооконъ, градъ бѣлый,
Аргиссу и Гиртонъ, Ореенъ, Илонъ веселый,
Прехрабрый Полипитъ ведетъ въ кровавый бой;
Котораго родилъ Зевсовъ, Пиритой,
Отъ Гипподаміи прекрасной, знаменитой,
Въ тотъ день, какъ онъ сразилъ Центавровъ родъ
несытой,
Съ Пелійскія горы къ Эѳикимъ гнавъ горамъ:
Но Полипитъ симъ вождь былъ не одинъ полкамъ;
Участвовалъ ему, весь Марсомъ пламенѣя,
Короновъ храбрый сынъ Леонтисъ, внукъ Кенея.
И сорокъ кораблей они вели на брань,
Къ сраженію въ поляхъ готовя страшну длань.

Эніянъ, и притомъ Перевянъ родъ изящной,
Живущій же вокругъ Додоны хладной, страшной,
И Титарезіи веселыя въ поляхъ,
Что устьемъ кроется въ Пенеевыхъ водахъ,
Не сочетаяся Кристальному Пенею
Поверхъ его течетъ подобяся елею:
Изъ Стикса бо ея начало первыхъ водъ,

Изъ Стикса, что богамъ есть страшной клятвы родъ!
Сихъ жителей Гоневосъ вооружилъ подъ Трою
Изъ Кифа двадцать два велъ корабля съ собою.

Магнитянъ, жителей, пенеевыхъ луговъ,
И многовѣтвистыхъ пиліонскихъ лѣсовъ,
Сынъ Тенередоновъ, вождь, Проѳой быстротекущій,
И сорокъ кораблей подъ гордый градъ ведущій.

Се князи и вожди всѣхъ греческихъ мужей!
Содѣйствуй, Муза, здѣсь премудростью своей;
Повѣждь, кто мужествомъ въ сей рати превышаетъ,
Чьихъ быстрота коней всѣхъ прочихъ прелетаетъ!

Эвмилъ, ферескій царь, тонь быстрыхъ яко
птицъ;
Привелъ на брань изъ всѣхъ двухъ лучшихъ кобылицъ;
Лѣтами, шерстію и высотою равнмхъ,
И на холмахъ онъ Піеріи преславныхъ,
Носящимъ сребренъ лукъ царемъ воскромлены;
Несли онѣ въ поля странъ Марса и войны.

Но Теламоновъ сынъ, Аяксъ, между вождями
Цвѣлъ вящшимъ мужествомъ и хвальными дѣлами,
Доколѣ гнѣвну желчь Ахиллъ въ себѣ питалъ;
Зане сей мужъ во всемъ Аякса превышалъ;
И лучшихъ онъ имѣлъ коней, чѣмъ у Эвмила;
Но мужество его тогда и грозна сила,
Пылая мщеніемъ противъ вождя вождей,
Не устремлялась въ брань отъ черныхъ кораблей;
Его сподвижники на брегѣ забавлялись,
Въ метаньи круга, стрѣлъ и копій упражнялись;
И кони сихъ полковъ близъ колесницъ драгихъ,

Покрытыхъ тщательно, стоятъ въ шатрахъ своихъ,
Травою злачною, и лотосомъ питаясь,
И воплемъ Марсовымъ и шумомъ не смущаясь;
Ему подвластные безъ дѣйствія вожди
Ходили въ сихъ полкахъ, нося печаль въ груди.

И се ахейска рать ко брани поспѣшаетъ,
И лучезарный блескъ оружія сіяетъ,
Подобно, какъ бы огнь долины пожиралъ:
Подъ ними нутрь земли со трепетомъ стеналъ.
Какъ стонетъ нутрь горы тягчащія Тифея
Среди Awримъ, гдѣ мнятъ быть громъ сего злодѣя,
Коль яростью Зевесъ, правдивою влекомъ,
Стремитъ на верхъ ея молніеносный громъ:
Такъ ратниковъ стопы землею потрясали,
Спѣшатъ, но съ вѣстію, исполненной печали,
Ириду быструю, посланницу небесъ
Къ Троянамъ въ градъ послалъ державный царь Зе-
весъ.
Она Пріамовыхъ чертоговъ предъ вратами
Зря старцевъ и мужей, цвѣтущихъ зря лѣтами,
Творящихъ купно всѣхъ совѣтъ во оный часъ,
Пріемлетъ Полита Пріамля сына гласъ,
Что, быстротою ногъ отваженъ и прославленъ,
Былъ стражемъ отъ Троянъ внѣ города поставленъ,
Чтобъ съ Эзіетова холма всегда взирать,
Какъ двигнется въ поля ахейска бурна рать:
Сего пріявши гласъ и ставъ собранья въ ликѣ,
Рекла посланница пергамскому владыкѣ:

«Пріамъ! твой тщетная всегда языкъ гласитъ;
«Не миръ желанный днесь, брань грозна настоитъ,

«Я часто былъ въ поляхъ среди мужей военныхъ,
«Но я не зрѣлъ полковъ, толь сильно ополченныхъ:
«Подобна листвіямъ, или песку морей
«Стремится рать близъ стѣнъ сражать твоихъ мужей.
«О Гекторъ! рѣчь къ тебѣ я паче всѣхъ склоняю,
«Сверши нелѣностно, что днесь повелѣваю:
«Во градѣ многи суть союзные полки,
«Сподвижники твоей безтрепетной руки,
«Глаголющіе здѣсь языкомъ всѣ различнымъ;
«Вели, да каждый вождь съ безстрашіемъ обычнымъ
«Устроитъ рать свою и на поля грядетъ.

Рекла, и Гекторъ рѣчь богини познаетъ,
Спѣшитъ, и воины къ оружію стремятся.
Уже пергамски всѣ врата отверзты зрятся:
Изъ нихъ и всадники и пѣшіе текутъ,
И страшный вопль и шумъ до облаковъ несутъ.
Предъ градомъ зрится холмъ, Троянами избранный,
Со всѣхъ уклонный странъ, величиной пространный,
Онъ Ватіей въ земныхъ зовется племенахъ,
Но гробомъ быстрыя Мирины въ небесахъ;
На немъ союзники, и точны Трои чада,
Раздѣльно стали въ строй къ защитѣ сильна града.

Троянамъ Гекторъ вождь, носящъ блистающъ шлемъ,
Мужъ бранныхъ подвиговъ пылающій огнемъ;
Числомъ и храбростью полки его престрашны,
Копьемъ разятъ враговъ, и въ бодрости изящны.

Эней, Анхизовъ сынъ, Венеры нѣжной цвѣтъ,
Что Иды на холмахъ произвела на свѣтъ,
Акамасъ, Архилохъ рожденны, Антеноромъ,

Вожди сіяющи неустрашимымъ взоромъ,
Оружьми всякими искусны поражать,
Уготовляютъ въ бой Дарданцовъ сильныхъ рать.

Въ богатой Зеліи подъ Идою живущихъ,
Отъ струй глубокаго Эзепа воду пьющихъ,
Преславный Пандаръ въ брань искусно ополчалъ;
Ему самъ Фебъ и лукъ и стрѣлы быстры далъ.

Селеніе свое имущимъ въ Адрастеѣ,
Въ Алезѣ, Питіи, и на горѣ Тиреѣ
Предшествовалъ Адрастъ, и Амфій знаменитъ,
Бронею льняною несчастливый покрытъ.
Они отъ Меропса Перкотска порожденны,
Что прорицателей всѣхъ паче просвѣщенный
Старался ихъ отвлечь отъ пагубной войны;
Но что! совѣты всѣ вотще истощены:
Зане предписана смерть рокомъ неизбѣжнымъ
Премудраго отца толико чадамъ нѣжнымъ.

Въ Перкотѣ жившіе и Пракціи въ лугахъ,
Въ Аризвѣ, что стоитъ Селлента на брегахъ,
Во Систѣ, Авидѣ, обильной тучнымъ злакомъ,
Асія бодраго, рожденнаго Гиртакомъ,
Предтечею себѣ имѣли въ грозный бой:
Аризвы изъ твердынь изящный сей герой,
Отлично сильными и страшными конями
Пренесся во Пергамъ, чтобъ ратовать съ врагами.

Пелазгическій родъ, копьемъ разящъ въ войнѣ,
Ларисcы тучныя живущій во странѣ,
Пилей и Гиппоѳой Тевтама сильна внуки
Рожденны Лиѳомъ въ свѣтъ для Марсовой науки,
Вооружали въ брань противъ своихъ враговъ.

Акамасъ и Пирой враждебныхъ странъ полковъ
Θракіянъ бодрственныхъ отважно ополчали,
Что Геллеспонта близъ шумяща обитали.

Эвфемъ же, Кеевъ внукъ, Трезена славный плодъ,
Ведетъ въ кровaву брань Циконянъ сильныхъ родъ.

Пирехмъ, что отъ страны пришелъ во Трою
дальной,
Отъ Амидоны, гдѣ Аксій течетъ кристальной
И сладостной водой поля вездѣ кропитъ,
Пирехмъ во пагубный Пеонянъ бой стремитъ;
Что дротики ремнемъ къ десницѣ прикрѣпляютъ,
Разятъ враговъ и вспять немедля отвлекаютъ.

Но изъ Энетскихъ странъ, гдѣ много мсковъ лѣс-
ныхъ,
Безстрашный Пилеменъ на сопостатовъ злыхъ
Велъ Пафлагонянъ въ брань, ліющихъ пламень взо-
ромъ;
Они и Сисамомъ владѣли, и Киторомъ,
Брегами, что кропитъ Парθенія собой,
Гдѣ грады пышные гордятся высотой,
И Кромна и при ней Эгіала твердыни,
И каменистые высоки Эриθины.

Ализонянъ, что въ брань отъ дальнія земли
Аливы, ревностно на помощь Трои шли,
Аливы, гдѣ сребра обиліемъ гордятся,
Эпистрофъ и Одій стремить на поле тщатся.

Но Хромисъ и Енномъ Мисіянамъ вожди:
Енномъ, пророчествъ духъ нося въ своей груди,
Не могъ предвѣдѣньемъ избѣгнуть смерти злостной,
Низвергъ его во гробъ Ахиллъ побѣдоносной,

Въ струяхъ, гдѣ сей герой могуществомъ руки
Разилъ Троянъ и ихъ союзные полки.

От дальнихъ же краевъ Асканіи священной,
Асканій и Форцисъ, Беллоной ободренной,
Фригіянъ ревностно уготовляютъ въ брань,
Желая всѣмъ явить, сколь ихъ ужасна длань.

Живущихъ при горѣ Меонянъ грозныхъ Тмолѣ
Антифъ и Месолъ стремятъ на бранносно поле,
Родилъ же Пилеменъ сихъ бодрственныхъ вождей,
Гигейска езера красу и честь мужей:

Карійски племена, сей родъ груборѣчивый,
Селеніемъ Милетъ имущъ себѣ счастливый,
Фтирійскія горы обиліе лѣсовъ,
Меандровы брега со злачностью луговъ,
И Микалескихъ горъ хребты превознесенны,
Амфимахъ и Настисъ Номіономъ рожденны,
Вооружали въ брань, къ защитѣ гордыхъ стѣнъ;
Амфимахъ златомъ былъ, какъ дѣва отягченъ;
Безумный, могъ ли онъ симъ рокъ отринуть гнѣвный!
Ахилломъ онъ сраженъ, нисшелъ во мракъ пла-
чевный
При брегѣ Ксанѳовыхъ быстротекущихъ водъ,
И злато взялъ въ корысть Ѳетидинъ славный плодъ.

Великій Сарпедонъ, и Главкъ, герой прехвальной
Предтечи тѣхъ племенъ, что изъ Ликіи дальной,
Гдѣ воды Ксанѳовы съ прозрачностью текутъ,
И на луга струи прохладныя ліютъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

—

Готовымъ сущимъ въ брань полкамъ племенъ различныхъ,
Подъ предводительствомъ вождей своихъ обычныхъ,
Трояне, шумный вопль нося въ устахъ, спѣшатъ,
Подобны журавлямъ, что съ радостью летятъ
Отъ бурныхъ непогодъ, отъ странъ снѣжистыхъ, мразныхъ,
И, полня воздухъ весь нестройствомъ криковъ разныхъ,
Полуденныхъ морей стремятся ко брегамъ,
Пигмеямъ страхъ и смерть несуще, какъ врагамъ,
На коихъ съ высоты полетъ направя злобный,
Разятъ, свергаютъ ихъ во мракъ несчастныхъ гробный.
Но Греки, мужествомъ дыша, молча грядутъ,
Другъ друга къ помощи готову грудь несутъ.
Какъ Нотъ на холмы горъ сгущенный мракъ наводитъ,
Въ чемъ пастырь скорбь, но тать веселіе находитъ;
Тогда бо острый глазъ не далѣ можетъ зрѣть,
Сколь камень верженный возможетъ прелетѣть:
Такъ Грековъ и Троянъ подъ шумными стопами
Віется прахъ и ввыспрь несется облаками.
Когда же быстротой поля они прешли,
И ставъ лицемъ къ лицу явились невдали;
Паридъ, какъ божество, исшедъ изъ преднихъ строевъ,

Къ единоборствію безтрепетныхъ героевъ
Гордясь, къ себѣ зоветъ изъ греческихъ племенъ,
Бывъ леопардовой самъ кожей покровенъ,
И лукъ и мечъ его съ отличностью блистали;
Въ рукахъ два копія, ихъ острія изъ стали.

Но измѣряюща пространныя стопы
Узрѣвши Менелай Парида изъ толпы,
Веселье чувствуетъ, какъ левъ, томимый гладомъ,
Что серну разлуча, или еленя съ стадомъ,
Терзаетъ, жретъ корысть, презрѣвъ набѣги псовъ
И всѣ усилія безтрепетныхъ ловцовъ:
Такъ радовался онъ, узрѣвъ лице Парида,
И уповалъ уже, что зла его обида
Отмстится днесь сему коварному льстецу,
Толь пагубной войны и бѣдствій всѣхъ творцу.
И такъ немедленно скочивъ со колесницы,
Во всеоружіи съ безстрашіемъ десницы
Течетъ; Парида вдругъ объемлетъ смертный страхъ,
Трепещетъ, вспять бѣжитъ и кроется въ полкахъ.
Какъ странникъ, во лѣсахъ дракона усмотрѣвши,
Въ обратный путь спѣшитъ, дрожитъ оцѣпенѣвши,
Такъ Менелаевыхъ очей страшась Паридъ,
Въ Троянскомъ множествѣ сокрыть себя спѣшитъ.

Но Гекторъ, бѣгство зря, стремитъ хулы правдивы:
«Лѣпообразный льстецъ! Паридъ женолюбивый,
«О, если бъ свѣтъ тебя рожденнаго не зрѣлъ,
«Иль прежде брачныхъ узъ ты въ смертный гробъ нисшелъ,
«Какою бъ радостью я нынѣ восхищался!

«И ты бы днесь въ стыдѣ, въ презорствѣ не являлся.
«Ты посмѣяніе враждебныхъ намъ полковъ:
«По виду твоему и красотѣ власовъ
«Судили быть они тебя Троянъ защитой;
«Но ты безъ мужества, бѣглецъ, стыдомъ покрытой:
«Подобныхъ ты себѣ драгихъ избравъ друзей,
«Чрезъ волны преплывалъ лазоревыхъ морей;
«И въ чуждой бывъ странѣ отъ ратниковъ ужасныхъ
«Похитилъ ты жену, источникъ бѣдъ всечасныхъ:
«Ты бичъ родившихъ тя, и язва гражданъ всѣхъ,
«Вседневный стыдъ себѣ, врагамъ же радость, смѣхъ:
«Что вспять отъ храбраго стремишься Менелая?
«Позвалъ бы ты собой, кровь съ жизнью изливая,
«Коль сильна ратника владѣешь ты женой:
«И лира и власы и лестный образъ твой,
«Дары Венерины явились бы тщетою,
«Когда бъ низвергся ты на прахъ его рукою.
«Увы! постыдный страхъ въ сердца Троянъ вселенъ,
«Иначе бы давно явился покровенъ
«Ты каменной горой за бѣдства и напасти,
«Которыми тягчатъ твои насъ вредны страсти.

«Ты въ гнѣвѣ праведенъ, Паридъ ко брату рекъ:
«Я самъ противъ себя хулы твои извлекъ.
«Какъ твердой остріе сѣкиры изощренно,
«И сильною рукой искусно устремленно
«Не претупляяся древа сѣчетъ въ лѣсахъ,
«Усугубляетъ мочь сѣкущаго въ рукахъ:
«Такъ мужество въ груди твоей необоримо,
«И сердце въ бодрости отнюдь непобѣдимо;
«*Но ты не хуль во* мнѣ Венериныхъ даровъ:

«Не должны презирать щедроты мы боговъ,
«Когда они съ небесъ текутъ на насъ обильны;
«Мы сами ихъ снискать не властны и не сильны;
«Коль хощешь ты, чтобъ я вступилъ въ отличный бой,
«Пусть Грековъ и Троянъ бездѣйственъ будетъ строй,
«Но съ Менелаемъ мы изыдемъ на средину,
«Сразимся — и рѣшимъ оружіемъ судьбину;
«И побѣдителю, по общу всѣхъ суду,
«Елена и ея сокровища во мзду.
«Вы, дружественъ союзъ съ врагами заключивши
«И клятвами его при жертвахъ утвердивши,
«Уже почіете во градѣ отъ трудовъ,
«И Греки полетятъ чрезъ шумный верхъ валовъ
«Въ Элладскія страны, для паствы злакомъ тучны,
«И красотою дѣвъ и женъ благополучны.

Внявъ Гекторъ рѣчь сію, весельемъ полнитъ грудь,
Онъ рати на среду стремя поспѣшный путь,
И ратовищемъ ихъ копейнымъ воспящая,
Всѣхъ ставитъ въ строй, но въ брань отнюдь не допущая.
Ахейцы, не познавъ намѣренья сего,
И стрѣлъ, и камней градъ пустили на него;
Къ нимъ громко возопилъ Агамемнонъ державный:
«Не напрягайте лукъ, о чада, въ бранѣхъ славны!
«Я зрю, что Гекторъ, мужъ, подобяся богамъ,
«Имѣетъ нѣчто днесь бесѣдовати къ намъ.»
Престали отъ вражды, безмолвіе ліется,
И Гектора изъ устъ сей гласъ ко всѣмъ несется:

«Троянски граждане, ахейски племена!
«Паридъ, для коего брань страшна возжена,

«Паридъ вѣщаетъ вамъ моими днесь устами,
«Чтобъ не свирѣпствовать враждебными сердцами
«И все оружіе на землю положить:
«Онъ съ Менелаемъ въ бой готовъ единъ вступить.
«Кто жъ побѣдитъ изъ нихъ, побѣду славной цѣну
«Со всѣмъ сокровищемъ получитъ пусть Елену;
«А мы, любезный миръ и дружбу заключимъ
«И клятвами ее и жертвой утвердимъ».

Онъ рекъ, и всякъ ему въ молчаньи кроткомъ внемлетъ;
Но се и Менелай вѣщати предпріемлетъ:

«Внушите вси мой гласъ; я грустію стягченъ,
«Я горестьми ношу духъ томный упоенъ,
«Зря васъ, подверженныхъ ужасна рока власти;
«Но мню, что днесь уже конецъ сея напасти,
«Тягчащія насъ всѣхъ въ отмщеніи обидъ,
«Которыхъ горестный источникъ злый Паридъ.
«И такъ, иль мнѣ, или ему подъ смертной мглою
«Сокрыться рѣшено правдивою судьбою,
«Тотъ пусть умретъ, а вы, прервавъ кроваву брань,
«Миролюбивую другъ другу дайте длань:
«Пусть солнцу отъ Троянъ бѣлъ агнецъ принесется,
«И черна въ честь земли пусть агница пожрется;
«Но Зевса агнцомъ же потщимся мы почтить.
«Трояне должны сверхъ Пріама пригласить,
«Да самъ онъ клятвенны произнесетъ завѣты,
«Дабы никто не могъ нарушить тѣ обѣты,
«Споручникъ коихъ самъ Гремящій отъ высотъ;
«Зане Пріамлихъ чадъ клятвопреступенъ родъ,
«Притомъ сердца млады во всемъ непостоянны;

«Но гдѣ присутствуетъ сѣдинами вѣнчанный,
«Онъ на предтекши зритъ и будущи дѣла,
«Чтобъ клятва быть для всѣхъ полезною могла.»

Дарданцы съ Греками то внемля, веселятся,
Надѣясь, что труды кровавы прекратятся;
Летятъ со колесницъ, и коней ставятъ врядъ;
Тяжелы снять съ себя оружія спѣшатъ,
Другъ другу въ близости на землю полагаютъ,
И малу межъ собой средину оставляютъ.
Двухъ вѣстниковъ во градъ немедля Гекторъ шлетъ,
Да агнца съ агницей ихъ бодрость принесетъ,
И чтобъ призвать въ поля отца его священна.
Атридовъ сынъ послалъ Талтивія почтенна,
Чтобъ агнца изъ шатровъ немедля онъ принесъ;
Сей бодрственно спѣшитъ, внявъ гласъ его словесъ.

Тогда Ирида, зря премѣны въ нихъ толики,
Пріемлетъ гласъ и видъ прелестной Лаодики,
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ Пріамлихъ дочерей,
Которую имѣлъ супругою своей
Царь мудръ Геликаонъ, рожденный Антеноромъ;
Пріемлетъ, и уже она въ стремленьи скоромъ
Къ Еленѣ съ вѣстію нечаянной летитъ;
Вступя въ чертогъ, ее въ трудѣ прехвальномъ зритъ:
Искусно бо ткала покровъ блистающъ, чудный,
Изобразующе на немъ сраженья трудны,
Подъемлемы для ней Скамандры на лугахъ
Отъ Грековъ и Троянъ при Марсовыхъ очахъ;
Приближась къ ней, рекла Ирида гласомъ нѣжнымъ;
«Любезная сестра! со тщаніемъ прилежнымъ
«Гряди со мной, чтобъ зрѣть нечаянны дѣла,

«Какихъ ты отъ Троянъ и Грековъ не ждала:
«Минута протекла, какъ всѣ сіи народы,
«Покрыты облакомъ военной непогоды,
«Стремились въ брань, неся свирѣпства полный
духъ,
«Но се безмолвствуютъ, вражда умолкла вдругъ;
«Восклонишись на щиты, стоятъ неополченны,
«И въ землю копья ихъ по близости вонзенны;
«Сразится лишь Паридъ и Менелай-герой,
«И побѣдителю ты будешь днесь женой.»

Рекла: и нѣжна страсть, о чудныя премѣны!
Къ супругу первому вліялась въ грудь Елены,
Желаетъ зрѣть уже и сродниковъ драгихъ,
И грады славные обильныхъ странъ своихъ.
Покрова бѣлизной себя пріосѣняетъ,
Потоки слезъ лія, изъ дому поспѣшаетъ:
И Эѳра нѣжная, Питѳеевъ милый плодъ,
Съ Клименою спѣшитъ во слѣдъ ея красотъ;*
Достигши сцейскихъ вратъ, на высоту воззрѣли,
И башни на холмахъ Пріама усмотрѣли.
Сидѣлъ же съ нимъ Памѳой, и Лампій, и Ѳимитъ,
Клитій, Икетаонъ прехваленъ, знаменитъ,
И Антеноръ, и съ нимъ Укалегонъ почтенной,
Всѣ мудростью цвѣтя и сѣдиной священной;
Отъ хлада многихъ лѣтъ погасъ въ нихъ бранный
жаръ;
Но твердость духа въ нихъ и сладкорѣчивъ даръ.
Какъ слабы стрекозы въ лѣсахъ съ верховъ древес-
ныхъ
Пріятный гласъ ліютъ средь дней весны прелестныхъ:

* *Двѣ Еленины* рабины.

Такъ престарѣлыхъ сихъ вельможъ троянскихъ ликъ
На башнѣ спейскихъ вратъ сидя, почтенъ, великъ,
Въ совѣты важные прилежно углублялся
И, разглагольствуя, войну скончать старался.
Елены шествіе узрѣвъ, они въ сей часъ
Другъ другу въ ушеса простерли тихій гласъ:

«Чудиться можно ли, когда за толь любезну
«И лѣпую жену мы брань кроваву, слезну
«Съ Ахейцами несемъ, всѣ горести пія?
«Богинямъ равенъ взоръ, лице и станъ ея;
«Но впрочемъ, сколь она ни лестна и прекрасна,
«Пусть въ отечество идетъ, да пагуба ужасна
«И насъ и нашихъ чадъ не свергнетъ въ бездну золъ.

Таковъ былъ сихъ вельможъ отъ мудрыхъ устъ
глаголъ.
Пріямъ же къ ней воззвалъ со кротостью благою:
«Любезна дщерь гряди, возсяди предо мною,
«Да узришь перваго супруга, и друзей:
«Не ты, но боги мнѣ творцы напасти всей;
«Чрезъ нихъ меня тягчитъ въ войнѣ сей рокъ пре-
трудный.
«Вѣщай мнѣ: кто сей мужъ, сей Грекъ толико чудный
«И стана высотой и крѣпостью раменъ?
«Я многихъ выше зрю, чѣмъ онъ, средь сихъ племенъ,
«Но толь величественъ, толико лѣпъ очами,
«Поднесь не виданъ мной межъ смертными мужами;
«Воистину царю подобенъ онъ во всемъ.»

Елена изрекла отвѣтъ ему о семъ:
«Любезный свекорь! стыдъ и страхъ въ меня все-
ляешь,

«Почтеніемъ къ тебѣ достойнымъ исполняешь:
«О, еслибъ люта смерть пріятнѣй мнѣ была,
«Когда съ Паридомъ я въ сей пышный градъ текла,
«Оставя братію, чертогъ, другинь любезныхъ,
«Единородну дщерь въ стенаньяхъ безполезныхъ!
«Но рокъ не такъ судилъ; рыдаю убо нынѣ,
«Стеню, мой тлѣетъ вѣкъ въ злосчастливой судьбинѣ.
«Но кто сей чудный мужъ, реку тебѣ, внемли:
«Се вождь Агамемнонъ, Аргосской царь земли.
«Воистину сего величества достоинъ:
«Онъ столь же мудрый царь, сколь бодрый въ полѣ воинъ;
«Мнѣ дѣверь былъ... а днесь, о, стыдъ моей души!
«Возможно ли его мнѣ тако нарещи?

Пріамъ, чудяся, рекъ: «Атридовъ сынъ блаженный,
«Въ пріятный часъ судебъ на свѣтѣ порожденный,
«Коль счастіе твое изящно и красно!
«Коль сильно воинство тебѣ поручено!
«Я прежде былъ въ странахъ Фригіи плодовитой
«И зрѣлъ Фригіянъ родъ во бранехъ знаменитой,
«Искусныхъ всадниковъ съ безстрашною душей;
«Имъ былъ вождемъ Мигдонъ и бодрственный Отрей;
«Они воздвиглись въ брань близъ водъ рѣки Сангары,
«Стараясь отражать военные удары
«Отъ Амазонокъ имъ тогда нанесены;
«Я имъ помощникъ былъ во время сей войны;
«Но вся та рать отнюдь ни въ чемъ бы не сравнилась
«Съ сей ратью, что противъ меня вооружилась».

По семъ Улисса царь узря, Еленѣ рекъ:
«*Вѣщай, любезна* дщерь, вѣщай мнѣ, кто сей Грекъ?

«Атрида ниже онъ главою зрится всею,
«Но ширшій въ раменахъ и грудію своею.
«Оружіе свое на землю положа,
«Онъ ходитъ средь полковъ, отважностью дыша,
«Подобяся овну въ стадахъ овецъ ходящу,
«Овну, имущему и видъ и бодрость вящшу.»
Елена, Зевса дщерь, рекла царю въ отвѣтъ:
«Сей мужъ Лаертовъ сынъ, имущій многъ совѣтъ,
«Средь груба острова и рода воскормленной,
«Но прозорливъ и хитръ, премудрости отмѣнной.»

«Глаголъ твой истиненъ, о, честь прелестныхъ женъ!
Вѣщаетъ Антеноръ, сѣдинами почтенъ:
«И прежде бо Улиссъ цвѣтущъ умомъ обильнымъ,
«Въ прехвальной Троѣ былъ со Менелаемъ сильнымъ,
«Прося, да мы тебя въ Элладу возвратимъ.
«Я почесть имъ явилъ и дружбу обоимъ,
«Въ чертогахъ собственныхъ съ пріязнью угощая.
«Гостепріимства всѣ законы соблюдая.
«И такъ мной возрастъ ихъ и разумъ ихъ познанъ.
«Стоящимъ имъ тогда средь собранныхъ Троянъ
«Улисса Менелай былъ выше раменами,
«Но сѣдшимъ купно имъ съ Дарданскими мужами
«Въ насъ вящшее Улиссъ почтеніе вселялъ.
«Когда же ихъ языкъ совѣты возвѣщалъ,
«То храбрый Менелай былъ въ словѣ не обиленъ,
«Но кротокъ, важенъ, остръ, благоразуменъ, силенъ,
«Вѣщаній суетныхъ и тщетныхъ не сплелъ,
«Хотя и младостью роскошною онъ цвѣлъ.
«Улиссъ же, вопреки, средь насъ себя воздвигши,
«Недвижимо стоялъ, къ земли очми приникши,

«Ни въ кои скипетра не обращалъ страны,
«Казалися уста его воспящены;
«Почелъ бы всякъ его въ умѣ и въ словѣ скуднымъ.
«Когда же возгремѣлъ онъ въсонмѣ гласомъ чуднымъ
«И рѣчи устремилъ изъ ревностныхъ устенъ,
«Подобно, яко градъ и снѣгъ въ зимѣ сгущенъ;
«Кто могъ тогда, кто могъ съ нимъ въ словѣ состязаться?
«Не виду, но рѣчамъ мы стали удивляться.»
Аякса царь узрѣвъ, къ Еленѣ возгласилъ:
«Вѣщай мнѣ, кто еще сей мужъ толь крѣпкихъ силъ?
«Плещами и главой онъ выше прочихъ зрится.
«Герой, о немъ же твой глаголъ ко мнѣ стремится,
«О, царь! есть Грекамъ щитъ и твердый имъ оплотъ,
«Се бодрственный Аяксъ, се Теламоновъ плодъ,
«Съ другія же страны межъ воинами Крита
«Идоменея зришь какъ бога знаменита;
«И критскіе вожди вокругъ его стоятъ;
«Онъ Менелаемъ въ домъ нашъ часто былъ пріятъ,
«Когда онъ навѣщалъ Лакедемонъ пространный ..
«Но что! я многихъ зрю героевъ ликъ избранный,
«Ихъ знаю и могу тебѣ ихъ нарещи:
«Но двухъ я не могу здѣсь ратниковъ срѣщи;
«Не зрится Касторъ мнѣ, коней препобѣждающъ,
«И Поллуксъ, кистенемъ искусно поражающъ:
«Мнѣ братія они, плодъ чрева одного.
«Иль съ прочими князьми изъ града своего
«Не притекли они чрезъ шумны моря волны;
«Или и притекли, но, студна срама полны,
«Въ которой ввергла ихъ несчастна я собой,
«Не хощутъ днесь вступить въ кровавый, страшный бой.»

Вѣщала такъ, но ихъ уже въ свои заклепы
Во Спартѣ заключилъ рокъ смертный и свирѣпый.

Межъ тѣмъ глашатаи чрезъ градъ уже текли,
Со агнцемъ агницу къ закланію несли,
И въ козіемъ мѣху вино, отраду нашу,
Изъ нихъ Идей притомъ несъ сребряную чашу,
И нѣсколько еще чашъ меньшихъ золотыхъ.
Пришедъ къ царю, онъ гласъ простеръ отъ устъ
своихъ:
«Потщися снити къ намъ, Лаомедонтовъ сыне!
»Зовутъ тебя къ себѣ полки троянски нынѣ
«И шлемоносные ахейскіе вожди;
«Ты сниди, вѣчный міръ чрезъ жертвы утверди;
«Паридъ и Минелай одни въ сей день сразятся,
«И побѣдителю не ложно да явятся
«Елена и ея сокровища во мзду;
«А мы почіемъ всѣ отъ бѣдъ, скончавъ вражду;
«Ахейцы полетятъ въ Элладу злакомъ тучну
«И красотою женъ и дѣвъ благополучну».

Внимая рѣчь Пріамъ, трепещетъ и гласитъ,
Да колесницу онъ себѣ готову зритъ.
Свершаются его велѣнія владычны;
Восходитъ на нее, бразды беретъ приличны,
Возсѣлъ же купно съ нимъ и Антеноръ почтенъ,
И быстрыхъ путь коней на поле устремленъ:
Уже они Троянъ и Грековъ достигаютъ,
Достигши, нисходить на землю поспѣшаютъ;
Низшедши, путь стремятъ межъ воинствъ обоихъ.
Атридъ и съ нимъ Улиссъ возстали, видя ихъ;
Приводятъ агнцовъ къ нимъ глашатаи мгновенно,

Въ сосудѣ же смѣсить спѣшатъ вино священно;
Царямъ на длани токъ прозрачныхъ водъ истекъ,
Посемъ уже Атридъ священный ножъ извлекъ,
Близъ мечнаго всегда влагалища висящій;
Отрѣзалъ съ агнчихъ главъ руно сей ножъ блестящій;
Которо вѣстники Троянъ и ихъ враговъ
Вельможамъ всѣмъ дѣлятъ, ходя среди полковъ.
Но сильный царь Атридъ гласъ громкій возвышаетъ;
Воздвигши длани ввыспрь, молитву проливаетъ:
«О поклоняемый на Идѣ царь небесъ,
«Сѣдящъ въ величествѣ, отецъ боговъ Зевесъ!
«О, солнце! внемляй все, на все простерши очи,
«О, рѣки, и земля, и въ преисподней ночи
«Живущи божества, казнящи душу тѣхъ,
«Кто рушитъ клятвы лжей, вмѣняетъ ихъ въ посмѣхъ!
«Свидѣтельми себя неложными явите,
«Клянемся, клятву намъ соблюсть благоволите:
«Коль Менелая днесь Паридъ во гробъ сразитъ,
«Съ богатствомъ Леды дщерь удержитъ пусть Паридъ;
«Мы, Трою свободивъ отъ тяжкія осады,
«На быстрыхъ корабляхъ въ свои отъидемъ грады.
«Но если Менелай Парида убіетъ,
«Съ богатствомъ пусть своимъ Елена къ намъ грядетъ;
«Намъ Троя да несетъ и нашимъ внукамъ дани
«За истощеніе сокровищъ нашихъ въ брани.
«Когда жъ Пріамъ и сонмъ его любезныхъ чадъ
«Не хощутъ дань платить, Париду сшедшу въ адъ,
«Еще воспламеню я брань поднесь горящу,
«Доколь войны конца къ побѣдѣ не обрящу».

Онъ рекъ, и агнцовъ сихъ заклалъ своимъ ножемъ,
Ихъ силы жизненны отъяты остріемъ;

Еще однакъ, еще трепещутъ блѣдны уды;
Посемъ уже течетъ вино въ златы сосуды;
Имъ излiянiе приличное творятъ
И къ небожителямъ мольбы сiи стремятъ:
«Всесильный царь боговъ, и вы, безсмертны боги,
«О, населяющи небесные чертоги!
«Да сихъ, что святость клятвъ попрать сперва дерз-
нутъ,
«Прольется кровь, какъ днесь струи вина текутъ;
«И чада ихъ въ своей крови да обагрятся
«И жены съ чуждыми постыдно да смѣсятся.»
Вѣщаютъ такъ, но Зевсъ не внемлетъ ихъ мольбѣ
И хощетъ онъ своей исполниться судьбѣ.

Прiамъ же къ воинствамъ вѣщати предпрiемлетъ:
«Дарданска рать и рать ахейская да внемлетъ;
«Гряду я вспять во градъ, нося прискорбну грудь,
«Не возмогу бо зрѣть, не возмогу отвюдь
«Единоборствiе Парида съ Менелаемъ.
«Зевесъ, на коего въ печалѣхъ уповаемъ,
«И прочи божества то вѣдаютъ одни,
«Кому изъ сихъ мужей скончать достойно дни.
То рекши, агнцовъ онъ кладетъ на колесницу,
Восходитъ самъ, беретъ бразды коней въ десницу,
Возсѣлъ и Антеноръ; летятъ ко граду вспять
Желая зрѣлища плачевна избѣжать.
Улиссъ со Гекторомъ измѣрить мѣсто тщатся,
Гдѣ два противника между собой сразятся,
Посемъ, ихъ жребiя въ шлемъ мѣдный положивъ,
Трясутъ, дабы изъявъ, увидѣть кто счастливъ,
Дабы ему врага копьемъ разити прежде;
Народы же межъ тѣмъ во страхѣ и надеждѣ

Воздѣвши длани превыспрь, мольбы ліютъ къ богамъ.
Единъ несется гласъ по воинскимъ рядамъ:
«О, поклоняемый на Идѣ Зевесъ державный,
«Безсмертный, вѣчный царь, въ величествѣ пре-
славный!
«Да снидетъ въ мрачный адъ, противникомъ сраженъ,
«Злодѣй, кѣмъ страшный огнь войны сея возженъ
«И кто низвергъ Троянъ и Грековъ въ бѣдства слезны,
«А мы да заключимъ союзъ и миръ любезный.»

Рекли. Но Гекторъ шлемъ великій сотрясалъ,
Се братній жребій онъ, взирая вспять, изъялъ.
Тогда всѣ ратники въ строяхъ своихъ возсѣли,
Коней, оружія вблизи себя имѣли.
Еленинъ же супругъ, божественный Паридъ,
Уже оружіемъ покрыть себя спѣшитъ:
Вначалѣ сапоги на ноги надѣваетъ,
И сребреными ихъ застежками скрѣпляетъ;
И Ликаоновой онъ братнею броней
Вооружаетъ грудь для крѣпости своей;
Она сразмѣрна, въ ней онъ движась испытуетъ,
Потомъ себя мечемъ драгимъ препоясуетъ,
Пріемлетъ въ шуйцу щитъ, преграду страшныхъ
силъ,
Главу же лѣпую прекрѣпкій шлемъ покрылъ,
На коемъ конскій хвостъ, колеблясь, сотрясался,
Въ героѣ гордый видъ тѣмъ вящше умножался.
Десница тяжкое вращаетъ копіе,
Велико, но во всемъ способно для нее.
Подобно Менелай вооруженъ ко брани,
Готовъ является вознесть геройски длани.

И се они текутъ двухъ воинствъ на среду,
Лія отъ взоровъ огнь и пламенну вражду;
Всѣхъ зрящихъ въ хладный страхъ и ужасъ приво-
дили
И въ мѣсто къ подвигу назначенно вступили;
Трясутся копья ихъ, въ очахъ же гнѣвъ горитъ.
Паридъ копье свое въ противну грудь стремитъ.
Летитъ оно во щитъ, щита не проницаетъ;
Мѣдь тверда остріе копейно отражаетъ.
Но Менелай, стремясь копьемъ разить его,
Вознесъ къ Зевесу гласъ моленія сего:
«Державный царь! мнѣ даждь низринуть въ адъ Па-
рида,
«Отмститтся пусть мое безчестіе, обида,
«Дабы и въ поздный родъ страшился всякъ дерзать
«Гостепріимцу зло за дружбу воздавать.»
Скончалъ, и копіе изъ рукъ его пустилось,
Пробивши крѣпкій щитъ въ броню, жужжа, вонзи-
лось,
Близъ ребрѣ Паридовыхъ хитонъ разсѣкло былъ;
Паридъ, уклоншися, пребылъ безвреденъ, цѣлъ;
Но Менелай, свой мечъ извлекши въ гнѣвѣ яромъ,
Вознесъ надъ шлемъ врага, и мстительнымъ ударомъ
Разитъ, но мечъ, о шлемъ сокрушись, въ части палъ.
Герой, на небо зря, вздыхая, вопіялъ:
«Зевесъ! нѣтъ божества, какъ ты, немилосерда:
«Мнѣ злость врага карать была надежда тверда;
«Но се мой грозной мечъ на части раздробленъ,
«Се тщетно копіе, Паридъ несокрушенъ.»

Онъ рекъ, и устремясь поспѣшною стопою,
Схватилъ врага за шлемъ безтрепетной рукою,

Влечетъ къ своимъ полкамъ, не ослабляя длань.
Въ Париде духъ теснитъ и нежну жметъ гортань
Искуснымъ швеніемъ блестящъ ремень жестокій,
Чемъ подъ браду скрепленъ былъ шлемъ его высокій;
Влечетъ; немедля бы пріялъ безсмертну честь,
Но дщерь царя боговъ, Венера, видя месть,
Спешитъ къ наперснику и рветъ ремень воловой,
Шлемъ праздный следуетъ за дланію суровой;
Герой его сотрясъ и ринулъ въ дружню рать,
Клевреты же спешатъ корысть сію поднять;
Онъ ринулъ и летитъ, питая гневну злобу,
Да погрузитъ копье въ Паридову утробу;
Но сей Венерою отъ смерти вмигъ отъятъ,
Зане безсмертные преградъ ни въ чемъ не зрятъ;
Она подъ мглой его ввела въ чертогъ пріятный,
Где разливался духъ повсюду ароматный;
Елену пригласить посемъ она спешитъ,
И се во сонме женъ ее на башне зритъ;
Пріемлетъ видъ рабы, летами отягченной,
Что пряла ленъ для ней со хитростью отменной,
И зрела вящшую пріязнь отъ ней къ себе:
Уподобляется Венера сей рабе,
Касается рукой нектарной ризъ Елены,
И тако ей гласитъ, скрывая видъ премены:
«О Леды дщерь! гряди, Паридъ къ себе зоветъ,
«На ложе онъ своемъ тебя въ чертоге ждетъ,
«Одеждою блестящъ, прелестенъ и прекрасенъ;
«Речещи ты, что онъ не въ бой дерзалъ ужасенъ,
«Но въ светломъ торжестве готовится плясать,
«Или изъ пиршества пришелъ покой вкушать.

Рекла, Еленѣ въ грудь любовну страсть вліяла.
Когда жъ сія ее богиню быть познала
Изъ розовыхъ ланитъ, по нѣжнымъ раменамъ,
По выѣ и груди, по блещущимъ очамъ,
Объята ужасомъ, рекла тогда богинѣ:
«Что тщишься ты меня прельстить еще и нынѣ?
«Въ какой Фригійскій днесь, иль въ Меонійскій градъ
«Ты повлечешь меня для срама и досадъ,
«Дабы, коль есть и тамъ герой тебѣ любезной,
«Предать меня ему на гнѣвный рокъ и слезной?
«Что Менелай, пріявъ побѣду надъ врагомъ,
«Уже готовъ меня вести въ спартанскій домъ,
«Меня нечувственну и толь неблагодарну;
«Приходишь ты ко мнѣ, имѣя мысль коварну,
«Чтобъ сѣть еще простерть къ несчастью моему:
«Гряди, гряди сама къ любимцу своему,
«Оставь пути небесъ, не возвращайсь въ чертоги;
«Гдѣ въ свѣтлой радости ликуютъ вѣчны боги;
«Съ Паридомъ обитай, печальну скорбь терпя,
«Храни его, доколь не учинитъ тебя
«Своей супругою, иль вѣрною рабою;
«Я не возлягу въ одръ къ сраженному герою;
«Зане сіе мнѣ въ срамъ и въ вѣчный будетъ стыдъ,
«Троянкамъ буду всѣмъ въ позоръ и въ гнусный видъ.
«Уже и безъ того печаль меня терзаетъ
«И сердце томное въ напастѣхъ исчезаетъ.»

Венера съ яростью вѣщаетъ ей посемъ:
«Не раздражай меня, да въ гнѣвѣ я своемъ
«Не отрекусь тебя и ревностной пріязни
«Не премѣню къ тебѣ во злость и въ лютость казни.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Межъ тѣмъ въ Зевесовыхъ чертогахъ позлащенныхъ
Сѣдяще ликъ боговъ безсмертныхъ и блаженныхъ,
Святѣйшими усты творитъ благій совѣтъ.
Прелестна Гева имъ нектарный сокъ ліетъ,
Другъ другу сладкій сокъ безсмертные подносятъ
И пить изъ чашъ златыхъ миролюбиво просятъ,
На Трою низводя пресвѣтлый взоръ очесъ.
Но со язвительнымъ языкомъ царь небесъ
Супругу раздражить и огорчить желая,
Отверзъ свои уста сравнительно вѣщая:
«Здѣсь двѣ богини суть, которыхъ щитъ, покровъ
«Для Менелаева пути всегда готовъ;
«Юнона въ Аргосѣ отличной жертвой чтима,
«И въ Алалкоменѣ Аѳина возносима;
«Но днесь онѣ съ высотъ на брань спокойно зрятъ,
«И помощь ниспослать любимцу не спѣшатъ;
«Венера, вопреки имуща нѣжны взгляды,
«Носяща на устахъ улыбки и отрады,
«Съ Паридомъ шествуетъ по всѣмъ его стезямъ,
«Коснутися претитъ къ груди его срѣламъ.
«Въ сей часъ, когда уже онъ въ адъ стремился гладной,
«Исторгнула его еще отъ смерти хладной.
«Но впрочемъ, Менелай побѣдою почтенъ;
«Составимъ убо мы совѣтъ о семъ священъ.
«Еще ль въ народахъ сихъ воздвигнемъ брань плачевну,

«Иль мирнымъ дружествомъ прервемъ ихъ злобу
гнѣвну?
«Коль мира хощете, и азъ благоволю
«И града пышнаго мечемъ не потреблю;
«И будетъ Менелай съ Еленою въ Элладѣ.»

Онъ рекъ; и гнѣвъ кипитъ въ Юнонѣ и Палладѣ;
Онѣ, другъ друга близъ сидя среди боговъ,
На пагубу Троянъ устроевали ковъ.
Минерва ярости своей не изъясняетъ,
Молчитъ, и въ сердцѣ гнѣвъ противъ отца питаетъ;
Юнона вопреки свирѣпостью горя,
Отверзла гнѣвныя уста противъ царя:
«Ты что вѣщаешь днесь, супругъ немилосердый?
«Какъ! хочешь ты мой трудъ, намѣренія тверды
«И всѣ усилія въ ничто преобратить?
«Ахейски племена я, тщася ополчить
«Пріаму и его исчадіямъ къ паденью,
«Себя, коней моихъ подвергнула томленью:
«Твори угодная намѣреньямъ твоимъ,
«Но мы согласіемъ того не подтвердимъ.»

Со стономъ ей изрекъ царь тучъ громоносящихъ:
«Пріамъ со чадами какихъ болѣзней вящшихъ
«Виновникъ бысть тебѣ, для коихъ въ мрачный долъ
«Низвергнуть тщишься ты высокъ его престолъ?
«Коль вшедши въ Иліонъ, царя и царско племя,
«И прочихъ всѣхъ Троянъ стѣснивъ подъ тяжко
бремя,
«Расторгнешь, кровью ихъ свою насытишь грудь:
«Тогда, я мню, тогда скончаешь гнѣвный путь.
«Въ ихъ пеплѣ огнь твоихъ свирѣпствій погребется.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

жъ тѣмъ въ Зевесовыхъ чертогахъ позлащенныхъ
це ликъ боговъ безсмертныхъ и блаженныхъ,
зйшими усты творитъ благій совѣтъ.
эстна Гева имъ нектарный сокъ ліетъ,
ь другу сладкій сокъ безсмертные подносятъ
ть изъ чашъ златыхъ миролюбиво просятъ,
эою низводя пресвѣтлый взоръ очесъ.
язвительнымъ языкомъ царь небесъ
угу раздражить и огорчить желая,
)зъ свои уста сравнительно вѣщая:
ь двѣ богини суть, которыхъ щитъ, покровъ
Менелаева пути всегда готовъ;
на въ Аргосѣ отличной жертвой чтима,
Алалкоменѣ Аѳина возносима;
несь онѣ съ высотъ на брань спокойно зрятъ,
мощь ниспослать любимцу не спѣшатъ:
ра, вопреки имуща нѣжны взгляды,
ща на устахъ улыбки и отрады,
Іаридомъ шествуетъ по всѣмъ его стезямъ,
утися претитъ къ груди его срѣламъ.
сей часъ, когда уже онъ въ адъ стремился гладной,
ргнула его еще отъ смерти хладной.
прочемъ, Менелай побѣдою почтенъ;
авимъ убо мы совѣтъ о семъ священъ.
ль въ народахъ сихъ воздвигнемъ брань плачевну,

«И въ сонмѣ всѣхъ богинь возвысилъ честью вящшей,
«Какъ сродно дщерь свою, и какъ, о, царь гремящей!
«Супругу и сестру владѣющаго всѣмъ:
«Престанемъ убо мы пылать вражды огнемъ
«И удовольствіе другъ другу да окажемъ,
«Чрезъ то безсмертныхъ всѣхъ къ покорности обяжемъ.
«И такъ Минервѣ рцы, о мнѣ благоволя,
«Да ниспустясь съ высотъ въ пергамскія поля,
«Возжетъ Троянъ прервать со клятвой миръ священной,
«И Грековъ раздражить рукою ополченной.

Рекла, на гласъ ея Зевесъ благоволилъ
И рѣчь крылатую къ Минервѣ устремилъ:
«Лети мгновенно въ долъ и мудростью своею
«Дарданцовъ поощри, да рушатъ клятвы лжею,
«Кроваву предначнутъ съ Ахейцами вражду.»
Умолкъ; и мщенія Минервина бразду
Еще послабилъ онъ пріязнію глагола;
Она летитъ съ холмовъ отъ отческа престола.
Какъ быстрая звѣзда, имуща свѣтлый зракъ,
Зевесомъ послана въ предивный нѣкій знакъ
Пловцамъ, иль воинствамъ среди полей стоящимъ,
Эѳира по зыбямъ стремясь путемъ блестящимъ,
И въ воздухъ павъ густой отъ легкости своей
Вся раздробляется на тысячи огней;
Таковъ былъ видъ сея и быстрый путь богини,
Слетѣвшей отъ небесъ въ пергамскія равнины
И устремившейся межъ воинствъ обоихъ.
Народы зрятъ сіе и страхъ объемлетъ ихъ.
Тамъ всякъ ко ближнему изъ ратниковъ вѣщаетъ:

«Лети съ небесъ, твори, къ чему твой духъ несется,
«Да не впослѣдокъ намъ, жестокая съ тобой
«Непримиримою сей будетъ споръ враждой;
«Реку тебѣ, а ты храни мое вѣщанье:
«Коль восхощу и я предать врагамъ въ попранье
«Градъ нѣкій, ревностно тобой хранимъ, стрегомъ,
«Не воспящай тогда мой гнѣвъ, мой ярый громъ.
«Болѣзнуя, твоей я предалъ волѣ Трою,
«Зане изъ всѣхъ градовъ подъ звѣздной высотою,
«На кои мещетъ лучъ златый Гиперіонъ;
«Благопріятнѣй мнѣ священный Иліонъ,
«И паче всѣхъ моей любви, моей защиты
«Достоинъ царь Пріамъ Трояне знамениты:
«Во Троѣ тучныхъ жертвъ всегда мой полонъ храмъ,
«Течетъ вино мнѣ въ честь, курится еиміамъ.
«Еще чего желать? се то, чѣмъ земнородны
«Насъ должны чествовать и быть благоугодны.

Юнона же въ отвѣтъ: «о, царь небесъ! внемли:
«Я паче всѣхъ люблю три града на земли.
«Мицены, и Аргосъ, и Спарту вознесенну,
«Низвергни ихъ, когда твой гнѣвъ и месть возженну
«Несчастны привлекутъ на жителей своихъ,
«Не буду защищать и сѣтовать о нихъ:
«И если бъ, оскорбясь, спасать ихъ восхотѣла,
«Конечно бы себя посрамленну узрѣла;
»Зане ты крѣпостью превыше всѣхъ боговъ;
«Превыше, но моихъ толь ревностныхъ трудовъ
«Не долженъ ты лишать награды справедливой,
«Богиня бо и я, и родъ мой, родъ счастливой
«Отъ чреслъ единаго съ тобой отца истекъ;
«*Отличной славы* въ блескъ Сатурнъ меня облекъ;

«И въ сонмѣ всѣхъ богинь возвысилъ честью вящшей,
«Какъ сродно дщерь свою, и какъ, о, царь гремящей!
«Супругу и сестру владѣющаго всѣмъ:
«Престанемъ убо мы пылать вражды огнемъ
«И удовольствіе другъ другу да окажемъ,
«Чрезъ то безсмертныхъ всѣхъ къ покорности обяжемъ.
«И такъ Минервѣ рцы, о мнѣ благоволя,
«Да ниспустясь съ высотъ въ пергамскія поля,
«Возжетъ Троянъ прервать со клятвой миръ священной,
«И Грековъ раздражить рукою ополченной.

Рекла, на гласъ ея Зевесъ благоволилъ
И рѣчь крылатую къ Минервѣ устремилъ:
«Лети мгновенно въ долъ и мудростью своею
«Дарданцовъ поощри, да рушатъ клятвы лжею,
«Кроваву предначнутъ съ Ахейцами вражду.»
Умолкъ; и мщенія Минервина бразду
Еще послабилъ онъ пріяанію глагола;
Она летитъ съ холмовъ отъ отнеска престола,
Какъ быстрая звѣзда, имуща свѣтлый зракъ,
Зевесомъ послана въ предивный нѣкій знакъ
Пловцамъ, иль воинствамъ среди полей стоящимъ,
Эѳира по зыбямъ стремясь путемъ блестящимъ,
И въ воздухъ павъ густой отъ легкости своей
Вся раздробляется на тысячи огней;
Таковъ былъ видъ сея и быстрый путь богини,
Слетѣвшей отъ небесъ въ пергамскія равнины
И устремившейся межъ воинствъ обоихъ.
Народы зрятъ сіе и страхъ объемлетъ ихъ.
Тамъ всякъ ко ближнему изъ ратниковъ вѣщаетъ:

«Иль паки огнь войны ужасной воспылаетъ,
«Иль насъ согласія лучами озаритъ
«Сынъ Кроновъ, что въ своихъ сокровищахъ хранитъ
«И миръ и грозну брань для рода смертныхъ, бренныхъ.»
Таковъ былъ слышанъ гласъ отъ воинствъ устрашенныхъ.
Минерва же въ полки дардански устремясь,
И Лаодока въ видъ уже преобразясь,
Что въ свѣтъ произведенъ прехрабрымъ Антеноромъ,
Старается снискать межъ ратнымъ ихъ соборомъ
Безстрашна Пандара, текуща Марсу въ слѣдъ,
Отъ Ликаонлихъ чреслъ рожденнаго на свѣтъ.
И се узрѣвъ его, стояща межъ полками,
Что съ нимъ пришли отъ странъ, гдѣ чистыми струями
Эзепу суждено со скротостію течь;
Приближилась къ нему, стремитъ крылату рѣчь:
«Великаго отца о, сынъ великодушенъ!
«Совѣту моему быть хощешь ли послушенъ,
«Чтобъ Менелаеву пронзить стрѣлою грудь.
«Стрѣлой, за коей смерть летитъ неложно въ путь?
«Отъ гражданъ почести, хвалы и плески звучны
«Пріимешь ты во мздѣ, въ твой вѣкъ благополучный,
«И паче князь Паридъ щедротою своей
«Потщится наградить тебя за подвигъ сей;
«Узрѣвъ, что врагъ его твоей стрѣлою гнѣвной
«Сраженъ, возносится на срубъ многоплачевной;
«Дерзай и твердый лукъ не медля налягай,
«Межъ тѣмъ Ликійскому ты Фебу обѣщай

«Во Зелiи заклать сто агнцовъ первородныхъ,
«Какъ будешь во своихъ странахъ ты многоплодныхъ,
«Да имъ направится въ полетъ твоя стрѣла.

Такъ рекши, буяго къ желанью привлекла.
Онъ чудный лукъ беретъ и крѣпостiю вѣрный,
Содѣланный изъ рогъ быстротекущей серны,
Котору прежде онъ со каменной скалы
Сходящу, въ грудь пронзилъ свирѣпостью стрѣлы,
И вспять ее хребтомъ на камни свергъ жестоки;
Въ пять стопъ и ровно въ длань рога ея высоки:
Художникъ тщательно очиствъ, уяснивъ,
И златомъ ихъ концы блестящимъ обложивъ,
Содѣлалъ страшный лукъ, зловреденъ и герою;
Сей убо лукъ тогда востягши тетивою,
На землю положилъ и долу самъ приникъ;
Простеръ надъ нимъ щиты его клевретовъ ликъ,
Да не ахейска рать, то видя, въ брань простреется,
Доколѣ Менелай стрѣлою не сотрется.
Открывъ герой калчанъ и взявъ стрѣлу одну
Пернату, быструю и тяжкихъ золъ вину,
На крѣпку тетиву немедля поставляетъ
И первородныхъ онъ сто агнцовъ обѣщаетъ,
Возврасшись въ Зелiю, въ отечественный домъ,
Заклать для Феба, въ знакъ побѣды надъ врагомъ;
Посемъ стрѣлы конецъ тупый съ струной воловой
Перстами взявъ, влечетъ къ груди своей суровой;
Отъ сильныхъ мышцъ въ кольце лукъ твердый совлекло,
И острiе одно стрѣлы на немъ легло;
Пустилъ, трясется лукъ, звучитъ, и страшны свисты

Нося прегрозна трость, летитъ презъ воздухъ чистый,
Стараясь средь враговъ обрѣсть желанный ловъ;
Но щитъ, о Менелай! Небесъ тебѣ готовъ;
Минерва, бодрственно стояща предъ тобою,
Сдержала быстру трость, несущу смерть съ собою,
Геройска тѣла въ глубь вонзиться ей претя.
Такъ мать, на лонѣ зря уснувшее дитя,
Отгнать нахальныхъ мухъ отъ нѣжна чада тщится,
Да жаломъ ихъ его покой не прекратится.
На пугвицы златы, чѣмъ поясъ былъ скрѣпленъ,
И гдѣ кольчужный край на край другій взложенъ,
Богиня отвлекла стрѣлы полетъ пернатый;
Пробило остріе и пугвицы и латы,
Посемъ и мѣдный пластъ, воинскихъ твердость тѣлъ,
Преграду яростныхъ, и сей подобныхъ стрѣлъ
Пресѣкло, но уже ослабло, истощилось,
И съ легкостію въ плоть геройскую вонзилось.
Немедля ала кровь отъ язвы сей течетъ.
Каковъ является слоновой кости цвѣтъ,
Когда ее жена, живущая въ Каріи,
Или во радостныхъ предѣлахъ Меоніи,
Изящнымъ багрецомъ искусно упоитъ,
Во украшеніе коню и въ гордый видъ,
И кою тщательно сокрывъ въ свои чертоги,
Блюдетъ, хоть всадники ея желаютъ многи,
Блюдетъ для славнаго иль князя, иль царя,
Коню драгій уборъ честь витязю творя:
Такими зрѣлися, о, вождь непобѣжденный!
И лядвія твои и пяты обагренны.
Сотрясся трепетомъ, зря кровь Агамемнонъ,
Самъ храбрый Менелай отремитъ отъ сердца стонъ;

Но видя, что кольцо, чѣмъ остріе желѣзно
Со древомъ скрѣплено, мужамъ въ терзанье слезно,
Зазубры острыя еще внѣ тѣла суть,
Во благодушіе облекъ геройску грудь.
Державный вождь вождей пріявъ его за руку,
И стономъ тягостнымъ являя скорбну муку,
Въ семъ весь соборъ мужей послѣдовалъ ему,
Стремитъ печальну рѣчь ко брату своему:

«Се тако я съ врагомъ завѣтъ поставилъ твердый
«На пагубу тебѣ, и рокъ немилосердый!
«Единъ за Грековъ мной ты въ подвигъ ополченъ,
«Единъ отъ всѣхъ Троянъ коварно пораженъ;
«Не льстятъ враги себѣ: ни жгучей крови гортани,
«Ни въ знамя вѣрности другъ другу даны длани,
«Ни изліянія, ни клятва, ни обѣтъ,
«Клянусь тебѣ, вотще отнюдь не претечетъ:
«Высокоцарствуяй съ незыблемаго трона,
«Хотя не мститъ еще рушителямъ закона,
«Но послѣ плодъ своихъ злодѣйствъ они пожнутъ,
«Они, и чада ихъ, и жены въ прахъ падутъ.
«Уже я духомъ зрю грядущее оно время,
«Когда Пріамъ своихъ твердынь подъ тяжко бремя
«Съ народомъ, съ чадами низвергнется мечемъ!
«Самъ грома царь съ высотъ въ отмщеніи своемъ
«Эгидомъ потрясетъ, карая злыхъ коварство,
«Разженной молніей истнитъ Пріамле царство.
«Сіе не ложно все. Но, о, дражайшій братъ!
«Сколь тяжко буду я печалію объятъ,
«Погибшу здѣсь тебѣ и сшедшу къ тѣнямъ ада!
«Посрамленъ возвращусь отъ стѣнъ враждебна
града.»

«Уже восхощетъ кто тогда карать Троянъ?
«Влiется въ каждаго желанье отчихъ странъ;
«Чрезъ бѣгство мы свое побѣдой ихъ прославимъ,
«И Леды дщерь въ стѣнахъ Прiамовыхъ оставимъ;
«Твой прахъ почiетъ въ сей противничей странѣ,
«Гдѣ нѣкiй изъ Троянъ, ругаясь гордо мнѣ,
«И твой несчастный гробъ ногами попирая,
«О, если бы, речетъ, вездѣ подобно злая
«Ахейскихъ вождь вождей срѣталъ въ своихъ путехъ,
«И флота страшнаго имѣлъ такой успѣхъ,
«Какимъ онъ награжденъ на злачномъ полѣ Трои!
«О, коль поспѣшно онъ съ безтрепетными вои
«На праздныхъ корабляхъ въ Ахаiю утекъ
«И Менелая намъ оставилъ въ даръ навѣкъ!
«Се тако врагъ речетъ. Но пусть земною бездной
«Я буду поглощенъ во оный случай слезной.

«Ты въ бодрость облекись, рекъ брату Менелай:
«Мужайся, страхомъ рать ахейску не смущай:
«Не смертна язва мнѣ дана стрѣлою вредной,
«Мой поясъ и броня и пластъ на тѣлѣ мѣдной
«Пагубоносное сдержали острiе.

«Да будетъ истинно, да будетъ такъ сiе!
Отвѣтствуетъ ему Агамемнонъ державный;
«Но язву некосня да узритъ врачъ преславный,
«И мазть потребну къ ней потщится приложить,
«Могущую твое страданье утолить.

Посемъ къ Талтивiю обрящися мгновенно:
«Гряди, онъ рекъ, спѣши, лети неутомленно,
«Да Махаонъ, что въ свѣтъ Асклипiемъ рожденъ,

«Искусный врачъ тобой къ намъ будетъ приглашенъ
«На помощь моему скорбящу нынѣ брату,
«Имущему стрѣлу въ своихъ чреслѣхъ пернату,
«Ликійскою или троянскою рукой
«Пущенну къ славѣ имъ, а Грекамъ къ скорби злой.»

Умолкъ: велѣніе исполнить вѣстникъ тщится,
Чрезъ броненосные полки уже стремится,
И чтобъ врача обрѣсть, повсюду мещетъ взоръ:
Се зритъ его и съ нимъ его мужей соборъ
Изъ Трикки злачныя пришедшихъ къ Иліону:
Узрѣлъ, приближился, воззвалъ ко Махаону:

«О, сынъ Асклипіевъ, любезный толь судьбѣ!
«Спѣши: самъ вождь вождей зоветъ тебя къ себѣ
«На помощь своему скорбящу нынѣ брату,
«Имущему стрѣлу въ своихъ чреслѣхъ пернату,
«Ликійскою или троянскою рукой
«Пущенну въ радость имъ, а Грекамъ къ скорби злой.

Скончалъ. Ужасся врачъ и духомъ возмутился;
Онъ быстрою стопой къ Атридамъ устремился,
Достигъ, и зря среди собравшихся вождей
Еще стоящаго во крѣпости своей
Врагомъ уязвленна, поборника Эллады,
Спѣшитъ врачебныя подать ему отрады,
Зловредную стрѣлу изъ пояса влечетъ;
Но древо, преломясь, рукѣ во слѣдъ течетъ:
Осталось остріе, о ужасъ! неизъято;
Зазубрами оно къ исшествію препято.
Врачъ поясъ и броню и мѣдный пластъ отъялъ,
И рану обозрѣвъ, кровь черну изсосалъ,
Цѣлительный составъ рука его послушна

На язву излила героя крѣпкодушна
Составъ, которому недужнымъ для утѣхъ
Хирономъ изученъ Асклипій въ юныхъ днехъ.

Скорбящимъ тако имъ вкругъ бодра Менелая,
Враги подвиглись въ брань, щитами потрясая;
Ахейцы, видя злость, отмщеніемъ дышатъ,
Во всеоружіе облечь себя спѣшатъ.
Атридъ, началовождь, пылая новымъ жаромъ,
Не дремлетъ, не коснитъ, но мужества ударомъ
Спѣшитъ разить Троянъ клятвопреступну грудь,
И ободрять своихъ тещи въ прехвальный путь.
Возсѣсти не хотя на свѣтлой колесницѣ,
Онъ Эвримедону, искусному возницѣ
Препоруча коней, ему со властью рекъ,
Да будетъ отъ него въ пути онъ недалекъ;
Дабы, утруждшися, хотя чрезъ сонмы бранны,
Возсѣсть и опочить, вкусить покой желанный.
Слуга покорствуетъ; безстрашный же Атридъ
Обходитъ рать свою, и коихъ въ оной зритъ
Въ расположеніи на грозный бой готовомъ,
Такихъ бодритъ еще благопривѣтнымъ словомъ:

«О, Греки! свойственну являйте храбрость вамъ,
«Мужайтесь, бодрствуйте, несите страхъ врагамъ:
«Клятвопреступникамъ Зевесъ не покровитель,
«Онъ богъ отмщенія, онъ злыхъ путей губитель.
«Тѣла, разрушшихъ днесь священнѣйшій обѣтъ,
«Несытыхъ врановъ сонмъ расторгнетъ и пожретъ.
«А мы, низвергнувъ градъ, ихъ женъ и чадъ любезныхъ,
«Немедля повлечемъ въ Элладу въ узахъ слезныхъ.

Но всѣхъ, коснящихъ стать противъ троянскихъ силъ,
Онъ грозной рѣчію со гнѣвомъ поносилъ:

«Что се, несчастные! иль стыдъ отъ васъ сокрылся,
«И славы блескъ во мглу боязни погрузился?
«Достойны жертвой быть враждебныхъ вы мечей!
«Уныніемъ сердецъ и слабостью своей
«Подобны вы младымъ еленямъ безутѣшнымъ,
«Что чрезъ поля бѣжавъ стремленіемъ поспѣшнымъ,
«У утомясь, стоятъ, едва уже дыша;
«Такая бодрость въ васъ, такая въ васъ душа!
«Иль хощете, чтобъ врагъ при корабляхъ на брегѣ
«Разилъ васъ въ тылъ мечемъ, въ постыдномъ вашемъ бѣгѣ?
«Иль мните, что Зевесъ покроетъ васъ щитомъ
«И отженетъ отъ васъ дарданска гнѣва громъ?»

Съ властью такъ вѣщалъ ахейскихъ вождь героевъ,
И вдаль спѣша, достигъ онъ храбрыхъ критскихъ строевъ.
Вооружаются они противъ враговъ;
Самъ царь Идоменей, предтеча сихъ полковъ,
Столь силенъ, бодръ какъ вепрь, живущъ между лѣсами,
Заемлетъ первый рядъ съ отличными мужами,
Послѣдне воинство предводитъ Меріонъ.
Ихъ ревность такову хваля Агамемнонъ,
И радость чувствуя и сердцемъ и душею,
Благопріятну рѣчь простеръ къ Идоменею:

«О, другъ! я большу честь тебѣ всегда являлъ,
«И вящше, чѣмъ другихъ Аргивцовъ уважалъ
«Какъ въ грозной брани, такъ во всѣхъ дѣлахъ от-
мѣнныхъ,
«И въ самомъ пиршествѣ, гдѣ для вождей почтен-
ныхъ
«Въ сосуды блещущи пѣнясь вино течетъ;
«Тогда бо каждой мужъ извѣстной мѣрой пьетъ;
«Но чаша радостна, стояща предъ тобою,
«Полна всегда вина, такъ равно, какъ предъ мною.
«Лети на брань, явись подобенъ самъ себѣ,
«И въ храбрость облекись толь сродную тебѣ.

Но Крита царь въ отвѣтъ: «герой! пребудь въ
надеждѣ,
«Я свято сохраню обѣтъ, мной данный прежде.
«Готовъ съ тобой я всѣ преграды низвергать;
«Спѣши, и тщись другихъ князей воспламенять;
«Да вскорѣ брань начнемъ: насъ ждетъ съ побѣдой
слава;
«Со трескомъ въ долъ падетъ Троянская держава.
«Зане коварствомъ ихъ миръ клятвенъ низложенъ.

Онъ рекъ: отшелъ Атридъ, весельемъ восхищенъ,
И се къ Аяксамъ двумъ стопы его стремятся,
Достигъ, сіи вожди на брань готовы зрятся,
Сгущеннымъ облакомъ пѣшцевъ окружены.
Какъ пастырь нѣкогда, со горной вышины
Тяжелу тучу зритъ надъ понтомъ возлежащу,
Обремененную дождемъ и громъ носящу,
Зефира наглостью несому по зыбямъ,
Премрачну, яко нощь, стремящуся къ брегамъ,

И коя трепетомъ покрывъ его и хладомъ,
Сокрыться нудитъ горъ въ пещеры съ робкимъ стадомъ:
Такъ сонмы сихъ вождей, между собой стѣсняясь,
Воздвиглись тяжки въ брань безстрашіемъ гордясь,
Подъ темновиднымъ въ бой оружіемъ пылая,
Щитами, копьями всѣ грозно потрясая.
Державный царь Атридъ на нихъ съ весельемъ зритъ,
И рѣчь крылатую къ героямъ ихъ стремитъ:

«Достойные вожди! нѣтъ пользы мнѣ и нужды
«Васъ къ брани ободрять: вы страха всяка чужды,
«Вы жаромъ мужества примѣръ своимъ полкамъ.
«О, если бъ было такъ угодно небесамъ,
«Чтобъ вся элладска рать симъ жаромъ пламенѣла,
«Уже бы Троя въ прахъ поверженна истлѣла!»

Скончалъ, и бодры вдаль стопы свои воздвигъ,
И се къ премудрому онъ Нестору достигъ,
Что къ брани учреждалъ свои отважны войски,
Витійствомъ ободрялъ сердца вождей геройски.
Въ нихъ сильный былъ Віантъ, Аласторъ, Пелагонъ,
И Хромій знаменитъ, и храбрый царь Эмонъ,
Со колесницами искусныхъ Несторъ воевъ
Поставилъ въ первый рядъ противъ враждебныхъ строевъ,
Отличнѣйшихъ пѣшцевъ устроилъ созади
Для подкрѣпленія стоящихъ напреди;
Но робки воины средину занимали,
Дабы неволею смерть грозну отражали.

На колесницахъ онъ сѣдящимъ завѣщалъ:
«Чтобъ всякъ своихъ коней стремленье умѣрялъ,

«Хранилъ неспѣшностью порядокъ стройный брани;
«И чтобъ никто, надменъ отличной силой длани,
«И всадникомъ себя искуснымъ быти зря,
«Не упреждалъ другихъ, отважностью горя
«Единъ сразитися всѣхъ прежде съ сопостаты;
«И вспять ни кто бъ не шелъ, бывъ ужасомъ объятый:
«Зане, онъ продолжалъ, нестройствомъ вы такимъ
«Въ желанну будете корысть врагамъ своимъ.
«Сіи, что колесницъ своихъ въ бою лишатся,
«На дружныя востечь немедля да стремятся,
«Не тщася, впрочемъ, ихъ конями управлять,
«Пусть тщатся точію копьемъ враговъ сражать:
«Симъ благосмысліемъ любезны наши предки
«Низвергли гордость стѣнъ, низвергли грады крѣпки.

Такъ древній мудрый вождь полкамъ давалъ совѣтъ.
Атриду зрящу то, веселье въ грудь течетъ;
Онъ къ Нестору простеръ благопривѣтно слово:
«О, если бъ, рекъ, твое стремленье столь готово,
«Столь благороденъ жаръ, многосовѣтна рѣчь,
«Толь съ сильнымъ мужествомъ возмогъ ты въ подвигъ течь!
«Но старостью, увы, согбенъ ты нынѣ хладной!
«Почто не иной мужъ въ сей участи досадной!
«Почто ты не еще во цвѣтѣ юныхъ дней!»

Но старецъ отвѣщалъ: «я сердцемъ и душей
«Желалъ бы зрѣть себя во крѣпости толикой,
«Чрезъ кою мной сраженъ Эреталіонъ великой;
«Но вкупѣ всѣхъ даровъ намъ боги не даютъ;
«*Былъ юнъ*, а днесь меня ко гробу лѣта ждутъ.

«Но не смотря на все, потщусь я течь предъ войскомъ
«И ободрять сердца быть въ мужествѣ геройскомъ:
«Се долгъ, се честь моимъ приличная лѣтамъ;
«Цвѣтущимъ юностью и крѣпостью мужамъ
«Достоитъ брань творить, они съ врагомъ сразятся
«Ихъ мышцы сильныя съ мечами устремятся.

Онъ рекъ, и веселясь Атридъ къ другимъ отшелъ,
Искуснаго вождя Мнесеея онъ обрѣлъ,
Отважной ратію аѳинской окруженна:
Близъ ихъ Улисса зритъ, Минервой умудренна;
Средь кефалонскихъ онъ полковъ своихъ стоялъ,
И равно, какъ Мнесеей, бездѣйственъ пребывалъ:
Не бо еще къ нимъ вѣсть печальная достигла,
Что нову брань судьба въ жестокости воздвигла;
Притомъ дарданская и греческая рать
Лишь только двиглася другъ друга поражать;
И такъ сіи вожди, исполненны сомнѣнья,
Отъ прочихъ ждали вновь начатія сраженья.

Коснящимъ тако имъ Атридъ со гнѣвомъ рекъ:
«Петеевъ сынъ! и ты коварный человѣкъ!
«Что такъ трепещете, чуждаясь бранной славы?
«Вамъ должно предначать днесь подвиги кровавы,
«Стремящейся войны противустать волнамъ:
«Не васъ ли къ радостнымъ, торжественнымъ пирамъ,
«Что Греки для утѣхъ вождей уготовляютъ,
«Глашатаи мои всѣхъ прежде призываютъ?
«Гдѣ лучше ѣсть мяса, пріятно пить вино,
«Доколѣ хощете, всегда позволено.

«Иль можете вы днесь взывать не устыдяся,
«Чтобъ прочи всѣ вожди на подвигъ устремяся,
«Преступныхъ сопостатъ сражали прежде васъ?

Являя взоромъ гнѣвъ, Улиссъ возвысилъ гласъ:
«Атридъ! онъ рекъ: что се, какой глаголъ постыдный
«Отрыгнули твои уста для насъ обидны?
«Какъ робкими дерзнулъ ты насъ тогда наречь,
«Когда вся рать спѣшитъ въ кровавый подвигъ течь?
«Но коль исполнишься ты любопытнымъ даромъ,
«Увидишь самъ меня кипяща бодрымъ жаромъ,
«Сражающа Троянъ и гордыхъ ихъ вельможъ.
«Ты убо всуе рекъ, глаголъ твой уничтожь.

Державный царь Атридъ, познавъ, сколь гордымъ словомъ
Улисса раздражилъ во гнѣвѣ онъ суровомъ,
Съ усмѣшкою къ нему пріятну рѣчь простеръ:
«Лаэртовъ славный сынъ, премудрости примѣръ!
«Исполненъ ты всегда благихъ для насъ совѣтовъ;
«Прилично ль мнѣ тебя злословить средь клевретовъ,
«Иль властію моей увѣщавать на брань?
«Извѣстенъ мнѣ твой жаръ и мужественна длань;
«Ты искреній мнѣ другъ, равно со мною мыслишь;
«Твори, что хощеши, и коль досадой числишь,
«Реченно прежде мной, я все то награжду.
«Отриньте, небеса, отъ насъ сію вражду!»

Скончалъ, оставилъ ихъ, и вдаль уже стремится.
Се грозный Діомидъ ему средь воинствъ зрится;
На колесницѣ онъ величественъ стоялъ
И бодрый съ нимъ герой Сѳенелъ, достойный хвалъ.

Великихъ сихъ вождей, коснящихъ мстить обиду
Узрѣвъ, Атридъ воззвалъ со гнѣвомъ къ Діомиду:
«Тидея храбра сынъ! откуду страхъ въ тебѣ?
«Что трепетенъ стоишь, неволенъ самъ въ себѣ?
«Или ты лучшій путь для бѣгства примѣчаешь?
«Коль мало ты отцу въ геройствѣ подражаешь!
«Онъ въ бранныхъ подвигахъ предупреждалъ друзей,
«Онъ первый низлагалъ десницею своей:
«Сію о немъ хвалу повсюду всѣ гремѣли,
«Которые въ войнахъ его кровавыхъ зрѣли.
«Мнѣ зрѣть его, съ нимъ быть не сужденно судьбой;
«Но всѣ гласятъ, что онъ безстрашный былъ герой.
«Какъ гость, онъ нѣкогда злой не боясь измѣны,
«Единъ съ Поливикомъ пришелъ во градъ Мицены,
«Просяще помощи къ осадѣ сильныхъ Ѳивъ,
«Желая низложить толико градъ счастливъ.
«Миценски жители ихъ просьбѣ кротко вняли,
«Единодушно дать имъ помощь обѣщали;
«Но страшно знаменье Зевесъ съ высотъ явилъ,
«И просьбу сихъ вождей тщетою учинилъ.
«Они, возвращшися оттоль путемъ обратнымъ,
«Асопа скораго пришли къ брегамъ пріятнымъ.
«Согласіемъ тогда еще ахейска рать
«Судила къ Ѳивянамъ Тидея предпослать.
«Онъ шествуетъ и въ градъ безтрепетно вступаетъ,
«Гдѣ въ Этеокловыхъ чертогахъ обрѣтаетъ
«Великолѣпныя для Кадмянъ торжества;
«Однакъ, не устрашась враждебна суровства,
«Подвижнически всѣмъ онъ предложивъ забавы,
«Пріялъ надъ всѣми верхъ побѣдоносной славы;
«Минерва бо его во крѣпость облекла;
«Чѣмъ злобный гнѣвъ къ нему во Кадмянѣхъ возжгла;

«Они къ нашедшему отъ ихъ твердынь надменныхъ
«Послали пятьдесятъ мужей вооруженныхъ,
«Которыхъ былъ вождемъ Емоновъ сынъ Меонъ,
«И Автофоновъ плодъ, мужъ бранный Ликофонъ,
«Дабы сразить его изъ тайныя засады;
«Но имъ Тидей явилъ достойныя награды,
«Всѣхъ остріемъ меча въ свирѣпствѣ погубивъ.
«Единъ Меонъ спасенъ, единъ Меонъ счастливъ:
«Боговъ велѣнію покорный гнѣвъ Тидея
«Не умертвивъ сего несчастнаго злодѣя,
«Съ плачевной вѣстію къ согражданамъ послалъ!
«Се коль великъ Тидей и коль достоинъ хвалъ!
«Но сынъ его ему въ геройствѣ не подобенъ
«И къ велерѣчію онъ болѣе способенъ.»

Скончалъ, и Діомидъ, свой духъ въ себѣ кротя,
Не пререкалъ царю, санъ царскій свято чтя;
Но Капанеевъ сынъ, не воспящая гнѣву,
Со дерзостью вѣщалъ на рѣчь тогда царю:
«Ты лжею истину, Атридъ, не тщись мрачить:
«Мы рождшимъ насъ себя достойны предпочтить:
«Спасительны боговъ предзнаки созерцая,
«На помощь Зевсову надежду возлагая,
«Мы, съ меньшимъ воинствомъ притекши Ѳивъ къ стѣнамъ,
«Сей градъ низринули къ безсмертной славѣ намъ;
«Герои же, тобой толико днесь хвалимы,
«Низверглись буйствомъ въ сѣть и рокъ неумолимый;
«И тако не равняй ты съ нами рождшихъ насъ.

Здѣсь грозно Діомидъ прервалъ Сѳенеловъ гласъ,
«Умолкни, рекъ, внимай совѣтамъ Діомида:

«Нѣтъ гнѣва злобнаго во мнѣ противъ Атрида,
«Стремящагося насъ толь властно ободрять,
«Зане, коль мужествомъ Эллады славной рать
«Враговъ препобѣдитъ, разрушитъ пышну Трою,
«Вѣнцы, хвала, и честь во мзду сему герою;
«И если, вопреки, насъ Троя проженетъ,
«Онъ плеведы стыда съ печалію пожнетъ:
«И такъ спѣши, дабы явить намъ мочь десницы.»

Онъ рекъ и, ополченъ, скочилъ со колесницы;
Стремящусь такъ ему, вся мѣдная броня
И всеоружіе тряслось на немъ, звѣня;
Неукротимъ герой, покрытый кровью, прахомъ,
Отъ звука онаго вострепеталъ бы страхомъ,
Какъ вѣтромъ западнымъ средь понтовыхъ зыбей
Подъемлясь сонмы волнъ съ свирѣпостью своей,
Одна въ другой клубясь, къ брегамъ шумя стремятся,
Гдѣ разражаяся, лютѣй еще ярятся;
Или, сразясь въ пути съ высокою горой,
Что ставитъ имъ оплотъ незыблемый собой,
Крутятся, высятся и гору превышаютъ,
И ону пѣною кипящей покрываютъ:
Ахейски такъ полки, между собой сомкнясь,
Воздвигшись, въ подвигъ шли побѣды славой льстясь,
Въ нихъ племя каждое предтечу въ бой имѣя,
На брань текло, уста молчаньемъ печатлѣя,
Дабы вождей своихъ велѣніямъ внимать;
То зря, возмнилъ бы ты, что вся толь грозна рать
Не имать во устахъ ни гласа, ни языка.
Оружіе сего толь бранноносна лика
Все отражало блескъ, сливая лучъ съ лучемъ.
Толь бодры и красны они въ пути своемъ!

Но сопостаты ихъ, овецъ подобны стаду,
Которыхъ заключилъ богатый мужъ въ ограду,
И кои, слыша гласъ ягнятъ своихъ, блеютъ,
Когда изъ ихъ сосцевъ млеко въ сосуды жмутъ:
Подобенъ несся гласъ межъ ратниками Трои,
Отъ разныхъ бо племенъ и разныхъ странъ тѣ вои
Въ надменный Иліонъ потщалися притечь;
Различенъ ихъ языкъ, и гласъ, и равно рѣчь.

Арей Троянъ на брань бодритъ, Минерва Грековъ;
И симъ безсмертнымъ въ путь на гибель человѣковъ
Страхъ, Бѣгство и Вражда несытая течетъ:
Которой братъ, и другъ Арей, виновникъ бѣдъ:
Она раждается слаба, неукрѣпленна,
Но скоро быстротой своей усуглубленна
Подножіемъ себѣ имѣетъ долъ земной,
Скрываясь въ небесахъ надменною главой.
Она, изъ строя въ строй стремясь въ сей день плачевный,
Въ сердца враждебныя вливаетъ пламень гнѣвный,
Желая съ жадностью текущу видѣть кровь,
И смерть на воиновъ стремящуюся вновь.

Сомкнулись воинства, свирѣпость умножалась,
Тамъ крѣпка грудь о грудь противну ударялась,
Копье съ копьемъ и щитъ срѣтался со щитомъ,
Несется въ воздухѣ оружій трескъ и громъ;
Сраженныхъ внемлются и вздохи и стенанья,
И поражающихъ побѣдны восклицанья;
Тамъ кровію поля текущею кипятъ.

Какъ сонмы рѣкъ, что бѣгъ съ высокихъ горъ стремятъ

И дола злачнаго несясь во рвы глубоки,
Гдѣ яростно свои сливаютъ черны токи,
Шумятъ; ихъ бурный шумъ приводитъ въ трепетъ,
страхъ
Сидящихъ пастырей далече на холмахъ:
Такъ вопятъ ратники, свой гнѣвъ усугубляя,
Другъ на друга стремясь, другъ друга поражая.

И первый изъ Троянъ мужъ храбрый Эхеполъ,
Ѳалисіадовъ сынъ, низверженъ въ мрачный долъ:
Его, творяща брань средь преднихъ строевъ съ жа-
ромъ,
По шлему Антилохъ разитъ меча ударомъ;
Разсѣкла сталь и шлемъ и кость его чела,
Простерлася въ очахъ суровой смерти мгла.
Какъ башня, онъ упалъ, воюема врагами,
Онъ палъ и Эльфеноръ безстрашенъ межъ полками
Влечетъ его къ себѣ, оружіемъ прельщенъ;
Но скоро таковой корысти онъ лишенъ:
Отважный Агеноръ, зря духъ его несытый,
И ребра усмотря враждебныя открыты,
Зане Авантянъ вождь подъ щитъ себя склонилъ,
Въ нихъ быстро копіе свирѣпое вонзилъ:
Онъ палъ, душа его на воздухъ излетѣла.
При трупахъ сихъ война ужаснѣй воскипѣла;
Какъ волки хищные, носящи въ чревѣ гладъ,
Всѣ кровью, смертію, всѣ яростью дышатъ.
Въ семъ жарѣ Симоисъ, герой еще безбраченъ,
Анѳеміоновъ сынъ во адъ низринутъ мраченъ:
Онъ тако нарѣченъ Симоиса отъ водъ;
Родивша бо его съ Идейскихъ сшедъ высотъ,
Сопутствуя своимъ родителямъ ко стаду,

Чтобъ зрѣть обиліе овецъ себѣ въ отраду,
Имъ разрѣшилася на брегѣ сей рѣки.
Но днесь виновникъ онъ печальной ей тоски:
За воспитаніе и нѣжны попеченья
Онъ рождшимъ не успѣлъ воздать благодаренья,
Толико младъ сраженъ Аякса копіемъ:
Сей Теламоновъ сынъ, горя войны огнемъ,
Стремящася его въ десный сосецъ прoнзаетъ
И рамо юное на-вылетъ пробиваетъ;
Несчастный Симоисъ бездушенъ палъ на прахъ,
Какъ тополъ, Егера возрасцій на брегахъ;
Прямъ, тонокъ и высокъ и вѣтвьми украшенный,
Но острою потомъ сѣкирой посѣченный,
Лежитъ и сохнетъ тамъ отъ солнечныхъ лучей;
Чтобъ послѣ гибкою безвлажностью своей
Колеса окружить прекрасной колесницы:
Таковъ и Симоисъ отъ крѣпкія десницы
Низвергнутый, лежалъ, лишаясь красоты;
Исчезли нѣжности и младости черты;
Антифъ, Пріамовъ сынъ, подвижникъ знаменитый
И разноцвѣтною бронею весь покрытый,
Въ убійцу копіе свирѣпое стремитъ;
Ахъ! всуе: копіе же въ ту страну летитъ;
Но Левкъ, отважный мужъ, Улиссовъ другъ послуш-
ный,
Влача Симоисовъ ко Грекамъ трупъ бездушный,
Былъ онымъ пораженъ и на корысть упалъ
И въ слѣдъ врагу во адъ къ Плутону поспѣшалъ.
Отмщеніемъ Улиссъ и яростью пылая,
И звучнымъ мѣдянымъ оружіемъ блистая,
Изъ переднихъ строевъ вмигъ стремится на враговъ,
Очами вкругъ себя желанный ищетъ ловъ,

И дротикъ яростный рукою сильной мещетъ.
То зря враждебна рать и вспять спѣша, трепещетъ;
Но дротикъ не вотще героемъ устремленъ:
Побочный онымъ сынъ Пріамовъ пораженъ,
Мужъ бодръ Демокоонъ пришедши отъ Авиды;
Гдѣ паствы тучны стадъ, долинъ пріятныхъ виды
Во обладаніе поручены ему,
Сего Улиссъ повергъ суровой смерти въ тму:
Чрезъ оба скранія желѣзо прелетѣло,
Онъ палъ, оружіе ужасно возгремѣло;
Всѣ вои храбрые дарданскихъ переднихъ силъ,
И Гекторъ, ужасомъ колеблемъ, отступилъ.
Аргивцы, вопія, въ толпу Троянъ стремятся
И отъ среды враговъ тѣла похитить тщатся,
Ихъ дерзость Аполлонъ со стѣнъ пергамскихъ зря,
Досадой мстительной и яростью горя,
Къ Троянамъ возгласилъ: «о, мужественно племя!
«Не бойтесь, бодрствуйте, носяще тяжко бремя;
«Не камни и не сталь ахейскія тѣла,
«Чтобъ вашихъ мышцей мочь язвить ихъ не могла;
«И днесь не ратуетъ Ахиллъ непобѣдимый,
«Почилъ онъ во шатрѣ, досадою томимый.
Се тако грозный богъ вѣщалъ полкамъ съ высотъ;
Но Тритогенія, любя Аргивцовъ родъ,
Гдѣ только бодрость ихъ ослабшей созерцала,
Немедля тамъ стремясь, ко брани ободряла.

Тогда послѣдній лучъ узрѣлъ судьбой небесъ
Амаринцидовъ сынъ, отважный Діоресъ:
Пирой, Имвразовъ плодъ, Пергама горды стѣны
Притекшій защищать съ Ѳракійцами изъ Эны,
Ударомъ камени всю крѣпость твердыхъ жилъ,

И кость въ десномъ его колѣнѣ сокрушилъ;
Сраженный вспять упалъ, духъ съ жизнью изливая
И длани ко друзьямъ ослабши простирая;
Пирой притекъ, вонзилъ во чрево копіе,
И Діоресова тѣмъ кончилъ бытіе;
Изъ чрева внутренность на землю истощилась
И хладной смерти мгла въ очахъ распространилась.

Пирой съ побѣдою летитъ въ обратный путь;
Ѳоасъ, Этолянъ вождь, разитъ его во грудь,
Вонзилась въ лёгкое Пирою трость железна,
Спѣшитъ къ нему Ѳоасъ прервать страданья слезна;
Притекъ копье извлекъ, и пагубнымъ мечемъ
Пронзилъ врага насквозь въ отмщеніи своемъ,
Но всеоружія совлечь не могъ съ Пироя,
Стѣсненъ отъ воиновъ ѳракійска бодра строя,
На тѣмени одномъ имѣющихъ власы:
Они въ толь злобные для ихъ вождя часы,
Ударовъ множествомъ, хоть сильна, храбра, смѣла,
Отринули его отъ пораженна тѣла.
И такъ Эпеанъ вождь и бодрственный Пирой
Другъ къ другу въ близости низверженны судьбой
И въ прахѣ и въ крови лежали погруженны,
Близъ ихъ коль многихъ свергъ Арей ожесточен-
ный!

Когда бы нѣкій мужъ еще не уязвленъ,
Минервы помощью отвсюду огражденъ,
Ея божественной десницей предводимый,
Отъ копій яростныхъ, отъ стрѣлъ, мечей хранимый,
Сраженія мѣста кровавы протекалъ,
Узрѣлъ бы дѣйствія достойныя похвалъ:

Всѣ, коихъ страшна смерть низвергла въ бездну
ада,
Аргивцы ль были то, или оплоты града,
Легли на тѣхъ мѣстахъ, не отступая вспять,
Гдѣ рокъ поставилъ ихъ другъ друга поражать.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

И се Тидеева побѣдоносна сына
Безтрепетную грудь всемощная Аѳина
Во крѣпость новую и бодрость облекла,
Да въ Грекахъ честь его и слава и хвала
Геройски подвиги безсмертно будутъ чтимы.
И щитъ его и шлемъ огонь неугасимый
Стремятъ, въ подобіи осеннія звѣзды,
Что радостно исшедъ изъ нѣдръ морской воды,
Чистѣйшій блескъ и лучъ на воздухъ изливаетъ:
Такимъ огнемъ герой въ оружіи сіяетъ.
Богиней устремленъ, онъ въ тѣ мѣста летитъ,
Гдѣ съ вящшей яростью кровавой бой кипитъ.
Былъ въ Троѣ мужъ богатъ, премудрости отмѣнной,
Зовомый Дарисомъ, Ифестовъ жрецъ почтенной;
Его сыны Фигисъ и бодрственный Идей,
Достойны ратники, о Марсъ! хвалы твоей,
На колесницу вшедъ и прочихъ предваряя,

И Діомидову познати мочь желая,
Летятъ, и сей герой летитъ противу ихъ;
Онъ пѣшъ, но въ крѣпости надеженъ силъ своихъ.
Сомкнулись, и Фигисъ копье пускаетъ прямо,
Оно по воздуху летитъ чрезъ лѣво рамо;
Безвреденъ Діомидъ; въ отмщеніе свое
Не тщетно устремилъ изъ длани копіе,
Но въ грудь пронзя врага, повергъ со колесницы
И смертнымъ облакомъ покрылъ его зеницы:
Идей же братній трупъ прикрыти не брежетъ,
Со колесницы вдругъ въ постыдный бѣгъ течетъ:
И онъ бы въ смертною повержень былъ косою,
Но спасъ его Ифестъ, густой покрывши мглою,
Да не печалію и скорбію въ конецъ
При хладной старости сразится ихъ отецъ.
Ихъ коней Діомидъ, толь быстрыхъ въ полѣ къ бѣгу,
Клевретамъ предаетъ препроводить ко брегу;
Узря низверженна Фигиса въ хладной прахъ,
Идея ужасомъ гонимаго въ поляхъ
Дардански ратники, ужасшись, трепетали;
Аѳина къ горести и къ вящшей ихъ печали
Арею вопіетъ, пріявъ его за длань:
«Арей! кровавый богъ, воспламеняющь брань,
«Рушитель твердыхъ стѣнъ и язва смертныхъ рода!
«Не днесь ли должны мы оставить два народа
«Во бранныхъ подвигахъ, доколѣ самъ Зевесъ
«Почтитъ изъ нихъ кого побѣдою съ небесъ?
«Потщимся отъ Троянъ и Грековъ удалиться,
«Да гнѣвъ отца боговъ на насъ не возгорится.

То рекши, грознаго спокойныхъ дней врага
Отъ брани извела Скамандры на брега,

Гдѣ онъ возсѣлъ, ея покоренъ сильной волѣ.
Тогда ахейска мочь разитъ Троянъ на полѣ,
И въ бѣгство обратя, женетъ во гордый градъ;
Всякъ мужественный вождь аргивскихъ бодрыхъ
чадъ
Снискалъ хвалу, сразя враждебныхъ силъ героя;
Всѣхъ прежде царь мужей, всего предтеча строя
Ализонянъ вождя Одія поразилъ,
Ему, текущу въ бѣгъ, копье въ хребетъ вонзилъ:
Чрезъ перси остріе сурово пролетѣло
И пало, возгремя, со колесницы тѣло.

Сынъ Бора, сильный Фестъ, изъ Тарна что притекъ,
Свирѣпость на себя въ сей день судьбы навлекъ;
Его, спѣшащаго востечь на колесницу,
Напрягши сильную Идоменей десницу,
Въ десно плечо пронзилъ копьемъ, носящимъ страхъ:
Онъ палъ, и смертна мгла простерлась во очахъ;
Идоменееву клевреты гласу внемлютъ,
И всеоружіе съ бездушна тѣла снемлютъ.

Отъ Менелаевой руки, достойной хвалъ,
Скамандрій бодрственный, Строфіевъ сынъ, увялъ,
Прекрасной Фебовой сестрою изученный,
Какъ вдаль метать копье и стрѣлы изощренны,
Сражать кочующихъ звѣрей среди лѣсовъ,
Или питаемыхъ на высотѣ холмовъ.
Но можно ли познать судьбы небесной волю
И премѣнить себѣ предписанную долю?
Ни хитрость та ему, ниже Латоны дщерь
Ко смерти пагубной не заключили дверь.
Его, текуща въ бѣгъ, Атридъ копьемъ пронзаетъ,

Межъ плечъ копье сквозь грудь сурово пролетаетъ:
Смѣшенный съ кровію, на прахъ онъ палъ лицемъ,
Гремя доспѣхами въ паденіи своемъ.

Свергается потомъ на хладный брегъ Коцита
Фореилъ, Армона внукъ, сынъ зодча знаменита;
Искусство отче онъ въ наслѣдіе пріявъ,
И рукъ художествомъ хвалы себѣ снискавъ,
Отлично былъ любимъ отъ мудрыя Паллады;
Онъ самъ соорудилъ, на путь къ странамъ Эллады,
Париду корабли въ начало скорбныхъ дней,
Въ погибель всѣхъ Троянъ и къ пагубѣ своей:
Зане во буйствѣ онъ толь гордыхъ начинаній
Не вѣдалъ божескихъ претяжкихъ завѣщаній.
Ему, какъ онъ утечь отъ ярыхъ стрѣлъ спѣшилъ,
Десную Меріонъ бедру копьемъ произилъ;
Онъ, тяжко возстѣнавъ, повергся на колѣни,
И скрылся блескъ очей подъ мглою смертной тѣни.
Но Антеноровъ сынъ, Педей, теченье лѣтъ
Мегиса мышцею скончавъ, во мракъ грядетъ;
Отъ незаконнаго онъ въ свѣтъ родился ложа,
Но къ мужу своему любовь Ѳеана множа,
Равно какъ своея утробы милыхъ чадъ
Потщалась воспитать его среди отрадъ:
Его Филидовъ сынъ, Мегисъ, въ стремленьи яромъ
Достигъ, и выи тылъ разитъ копья ударомъ,
О, ужасъ! копіемъ межъ зубъ въ уста проникъ,
И въ самомъ корени пресѣкъ его языкъ:
Онъ палъ на прахъ, и кровь изъ устъ багрову ме-
щетъ,
И твердостью зубовъ объ остріе скрежещетъ.

Премудръ Долопіонъ, рѣки Скамандры жрецъ,
Народомъ чтимъ какъ богъ и какъ благій отецъ,
Съ пріятностію днесь родительскаго взора
Въ послѣдній разъ воззрѣлъ на сына Гипсенора:
Сего текуща въ бѣгъ отважный Эврипилъ
Блистающимъ мечемъ по раму поразилъ;
Отторглася рука на прахъ съ кровавымъ токомъ,
Пресѣклась равно жизнь немилосердымъ рокомъ.

Но кто бы могъ познать, гдѣ грозный Діомидъ?
Гдѣ быстрыя стопы и яростны стремитъ?
Въ Троянахъ ли его, иль въ Грекахъ мечъ блистаетъ,
Зане повсюду онъ съ безстрашіемъ летаетъ.
Какъ бурная рѣка въ теченіи своемъ
Умножа волнъ хребты и снѣгомъ и дождемъ,
Когда Перуновъ царь на казнь преступна міра
Отверзетъ хлябія превыспрення Эѳира,
Стремясь со наглостью и сильной быстротой,
Свергаетъ, рушитъ, рветъ оплоты предъ собой
И, ринувшись въ поля, расторгнувъ всѣ укрѣпы,
Являетъ ратаямъ вездѣ слѣды свирѣпы:
Тидеевъ тако сынъ во крѣпости своей
Женетъ, разитъ, мертвитъ Дарданцовъ средь полей;
Ни храбрость, ни число враждебна сильна строя
Не можетъ устоять противъ сего героя.
Его въ сихъ подвигахъ великій Пандаръ зря,
Летитъ противъ него, отмщеніемъ горя,
И вдругъ напрягши лукъ на гибель сопостату,
Со твердой тетивы пустилъ стрѣлу пернату:
Во плоть десна плеча вонзается она,
Узрѣлась кровію броня обагрена.

То видя, возопилъ сынъ мудра Ликаона:
«О, вы, защитники Пріамля славна трона!
«Мужайтесь: сильный врагъ и пагубный герой
«Уже пронзенъ моей крылатою стрѣлой,
«И мню низвергнуться ему въ подземны домы,
«Коль истинно, что Фебъ, сынъ мещущаго громы,
«Меня отъ странъ моихъ стремилъ на помощь къ вамъ.»

Онъ тако рекъ, гордясь, но льстилъ своимъ полкамъ:
Не свергся бо во гробъ герой его десницей,
Но, мало удалясь и ставъ предъ колесницей,
Къ Сѳенелу возопилъ: «о, другъ! стремись, теки,
«Изъ рамени стрѣлу пернату извлеки.

Внимая гласъ, Сѳенелъ на землю поспѣшаетъ,
Плечо пронзившу трость немедля извлекаетъ,
И сквозь изгибисту броню изъ тѣла вновь;
Какъ быстротечный лучъ сверкнула ала кровь.

Тогда мольбу ліетъ великій сынъ Тидеевъ,
«О, дщерь разящаго перунами злодѣевъ,
«Непобѣдимая Аѳина, страхъ враговъ;
«Коль мнѣ, и рождшему меня, твой щитъ, покровъ
«Былъ нѣкогда простертъ среди войны кровавой;
«Еще меня, еще вѣнчай твоею славой,
«Да возмогу врага свирѣпа низложить,
«Врага, успѣвшаго стрѣлой меня пронзить
«И прорицающа во гордости надменной,
«Мнѣ скоро снити въ адъ отъ жизни вожделѣнной.

Скончалъ; его мольбу внушилъ богининъ слухъ.
Она безстрашіемъ его велилій духъ
И тѣло крѣпостью и силой ополчила,
И не косня, къ нему приближась, возгласила:

«Дерзай, о Діомидъ! дерзай противъ Троянъ;
«Духъ крѣпка мужества мной въ грудь твою вліянъ
«Наслѣдственный въ твоей породѣ знаменитой,
«Какимъ пылалъ и твой родитель именитой.
«Я равно отъ твоихъ отъяла мглу очей;
«Да ясно зришь, кто богъ, кто смертенъ средь полей:
«Коль въ смертномъ образѣ здѣсь нѣкій богъ явится,
«Твой духъ съ нимъ ратовать отнюдь да не стре-
мится;
«Но нѣжну мать отрадъ, Венеру въ полѣ семъ
«Коль узришь, не страшись, рази ее копьемъ.»

Рекла, и скрылася, и бодрый сынъ Тидея
Летитъ во первый строй, отмщеньемъ пламенѣя;
И прежде онъ враговъ разилъ, свергалъ, мертвилъ,
Но въ сей ужасный часъ трикраты крѣпость силъ
Умножилася въ немъ на слезны токи граду.
Какъ левъ, котораго на паствѣ въ очву стаду
Укрѣпъ чрезъ высоту хотяща прескочить
Стрѣлою уязвивъ, пастухъ не могъ сразить,
Лютѣй свирѣпствуетъ, оплоты прелетаетъ
И скрежетомъ зубовъ въ сѣнь пастыря вгоняетъ,
Овецъ трепещущихъ, стѣсненныхъ межъ собой;
Разитъ, терзаетъ, рветъ едину надъ другой:
Таковъ и Діомидъ въ полки Троянъ ворвался,
Такъ ратовалъ, свергалъ и кровью обагрялся.
Вдругъ Астиной и князь отважный Гипеноръ
Отъ рукъ его во мглу навѣкъ сокрыли взоръ,
Единъ копьемъ во грудь поверхъ сосцевъ пронзенный,
Другой мечемъ въ плечо близъ выи пораженный,
Отторглось рамо вдругъ отъ выи и хребета.
Герой, оставя ихъ, летитъ въ други мѣста.

Противъ Полiида и бодраго Аванта,
Родившихся на свѣтъ отъ чреслъ Эвридаманта,
Истолкователя премудра чудныхъ сновъ,
Но днесь лишеннаго утѣхъ, чтобъ сны сыновъ
Правдиво изъяснять возвращшихся отъ брани;
Герой бо ихъ низвергъ во адъ могуществомъ длани;
Низвергъ; и къ Өоону и Ксанөу онъ летитъ,
Да сихъ Өенопа чадъ во смертный мракъ сразитъ.
Өенопъ ихъ въ свѣтъ родилъ при старости досадной,
И жилъ еще, едва согрѣтый кровью хладной,
Къ наслѣдiю богатствъ сокровищницъ своихъ;
Кромѣ сихъ милыхъ чадъ, онъ не имѣлъ другихъ;
Но Дiомидовымъ мечемъ ихъ вѣкъ пресѣкся,
Прежалостный отецъ во скорбь и грусть облекся:
Онъ видитъ, какъ уже презрительны судьи
Къ его стяжанiю стремятъ глаза свои,
Чтобъ тое собиюсти для сродникъ отдаленныхъ,
Уже корыстью сей, толь знатной, восхищенныхъ.

Эхемонъ съ Хромiемъ, Прiамовы сыны,
Бывъ колесницею единой влечены,
Днесь Дiомидова явились жертвой гнѣва:
Какъ левъ къ стадамъ воловъ стремясь со гладомъ
чрева,
Или тельца, или тамъ юницу онъ рветъ:
Такъ ярый Дiомидъ Прiамлихъ чадъ женетъ,
Сразилъ, оружiе съ несчастныхъ совлекаетъ,
Ихъ коней весть къ шатрамъ сподвижникамъ вру-
чаетъ.
Эней, его узря сражающа полки,
Носяща всюду смерть безстрашiемъ руки,
Средь копiй, средь мечей въ кровавый бой стремится;

Да Пандара обрѣсть межъ воями потщится;
Узрѣлъ, приближился, и рѣчь къ нему простеръ:

«О, Пандаръ! мужества и бодрости примѣръ,
«Гдѣ крѣпкій днесь твой лукъ и стрѣлы гдѣ пернаты?
«Гдѣ слава, похвалы тобой чрезъ нихъ пріяты,
«Та слава, коею въ ликійскихъ ты мужехъ,
«И равно здѣсь межъ насъ блистаешь паче всѣхъ?
«Направь стрѣлу, мольбы къ Зевесу изливая,
«Рази врага, толь намъ творяща многа злая,
«Врага, которому побѣда предгрядетъ
«И нашимъ смерть вождямъ избраннѣйшимъ ведетъ.
«Иль нѣкій нашею богъ жертвой оскорбился,
«И тѣмъ противу насъ на гнѣвъ ожесточился.
«Разгнѣванныхъ небесъ тяжка для смертныхъ месть!

Но Пандаръ рекъ въ отвѣтъ: «Эней! сограждан
честь,
«О, возвѣщающій премудры имъ совѣты!
«Се Діомидъ, я мню, я зрю его примѣты,
«Зря щитъ, и шлемъ, коней, его я познаю,
«Но точно ль то не богъ, я клятвы не даю.
«Коль смертный то, такъ знай, конечно, сынъ Тидея,
«И не безъ помощи боговъ онъ ужасъ сѣя,
«Толь страшное вездѣ убійство днесь творитъ:
«Сомнѣнья нѣтъ, ему богъ нѣкій предстоитъ,
«И рамена свои отъ насъ сокрывши мглою,
«Отринулъ отъ него стрѣлу своей рукою,
«Зане и прежде я стрѣлу въ него пустилъ,
«И рамо сквозь броню десное уязвилъ:
«Я мнилъ, что ратникъ сей, толь сильный въ ярой
злобѣ.

«Сраженный отъ меня, во мрачномъ будетъ гробѣ;
«Но мнѣ богъ нѣкій мститъ, мой подвигъ былъ вотще:
«Врагъ дерзкій живъ, онъ живъ и ратуетъ еще.
«Ни колесницы здѣсь, ни коней не имѣю,
«Дабы, стремясь на нихъ, противостать злодѣю;
«Единонадесять въ родительскомъ дому
«Имѣю колесницъ, изящныхъ по всему,
«Недавно сдѣланныхъ, отлично украшенныхъ
«И покрывалами драгими покровенныхъ;
«Два гордые коня при каждой тамъ стоятъ,
«Всегда избыточно свой утоляя гладъ.
«Грядущу мнѣ на брань родитель мой любезный
«Коль много кратъ вѣщалъ совѣтъ благій, полезный,
«Чтобъ я ихъ взялъ съ собой, спѣша на помощь къ вамъ
«И, оныхъ быстротой носимъ, предтекъ полкамъ:
«Безуменъ я, не внявъ велѣньямъ Ликаона;
«Всю тяжесть чувствую теперь сего урона;
«Къ конямъ пристрастіемъ я будучи влекомъ,
«Страшася, что въ стѣнахъ, стѣсняемыхъ врагомъ
«Не могутъ, какъ въ моемъ дому, они питаться,
«Оставилъ ихъ, и пѣшъ я предпріялъ сражаться,
«На стрѣлы и на лукъ надежду возложивъ;
«Но пользы нѣтъ отъ стрѣлъ, и лукъ мой нынѣ лживъ,
«Уже бо Менелай и Діомидъ свирѣпый,
«Сей вождь, рушащій всѣ преграды и укрѣпы,
«Уязвлены моей стрѣлой; я кровь ихъ зрѣлъ;
«Но тщетно все, лишь гнѣвъ ихъ паче воскипѣлъ:
«Въ злой убо часъ я взялъ и лукъ и скоры стрѣлы,
«Въ день оный, какъ пошелъ въ дарданскіе предѣлы,
«Ведя сподвижниковъ, чтобъ Трою защитить

«И Гектору во всемъ угодная творить.
«Ахъ! если возвращусь въ отечество въ покоѣ,
«Узрю мою жену, домъ пышный, все драгое,
«Пусть врагъ мою главу ссѣчетъ тогда мечемъ,
«Коль со стрѣлами лукъ во гнѣвѣ я своемъ
«На части раздробивъ, не ввергну въ пещь
женну,
«Я ими зрю мою надежду обольщенну!
«На что блюсти, на что мнѣ спутниковъ такихъ,
«Отъ коихъ помощи не зрю въ трудахъ моихъ?»

Эней въ отвѣтъ: «престань и не глаголи сице:
«Спѣши, спѣши возсѣсть со мной на колесницѣ;
«Не узримъ мы конца намѣреньямъ своимъ,
«Доколь противъ сего врага не полетимъ
«И не познаемъ съ нимъ разительна удара.
«Возсядь, ты узриши, коль полны бодра жара,
«Коль быстро чрезъ поля умѣютъ пребѣгать,
«Противныхъ достигать, или стремиться вспять.
«Сіи Трояновы кони во всемъ прекрасны:
«Мы легкостію ихъ пребудемъ безопасны,
«И внидемъ здравы въ градъ, коль грома царь, Зев
«Еще врага сего прославитъ отъ небесъ.
«Прими ты вожжи, бичъ, и правь коней стремле
«Оставя ихъ, вступлю съ героемъ я въ сражень
«Иль ты противъ него оружіе прими,
«Я буду управлять въ семъ подвигѣ коньми.»

Но Пандаръ отвѣщалъ: «герой, ты правь кон
«Твоими правимы привычными руками,
«Въ стремленьи средь полей послушнѣй будутъ н
«Страшусь, коль Діомидъ насъ поженетъ къ стѣн

«Что ужасаяся отъ грозна копій грома,
«Не слыша твоего языка, имъ знакома,
«Средь самой гибели свой бѣгъ остановятъ,
«И насъ не извлекутъ отъ гордыхъ сопостатъ;
«Тогда Тидеевъ сынъ на насъ ударомъ грянетъ,
«Сразитъ, и коней сихъ въ корысть себѣ достанетъ;
«Правь убо ими ты; я въ крѣпость облекусь
«И острымъ копіемъ съ противникомъ сражусь.»

Такъ рекши, онъ востекъ на дружню колесницу;
Летятъ, готовя въ брань безтрепетну десницу:
Зря сихъ вождей Сѳенелъ, спѣшащихъ въ подвигъ течь,
Простеръ къ рожденному Тидеемъ быстру рѣчь:

О, другъ! противъ тебя два мужа съ бодрымъ жаромъ,
«И въ сильной крѣпости летятъ въ стремленьи яромъ:
«Единъ, то Пандаръ вождь, метатель чудный стрѣлъ,
«Плодъ Ликаонлихъ чреслъ, гремящій славой дѣлъ;
«Другій, Анхизовъ сынъ, воитель знаменитый,
«Отъ чрева лѣпыя рожденный Афродиты.
«Уступимъ убо вспять, ты въ бой дерзать престань,
«Да не сразитъ тебя кровава днешня брань.»

Герой же рекъ ему, воззрѣвши ярымъ окомъ:
«Умолкни, не страши меня суровымъ рокомъ,
«О бѣгствѣ не вѣщай, безплоденъ твой совѣтъ:
«Мнѣ-ль въ Марсовыхъ поляхъ тещи въ обратный слѣдъ?
«И мнѣ ли трепетать? нѣтъ! мужественна крѣпость

«Во мнѣ еще, во мнѣ, сражу врагов свирѣпость;
«Я даже не хочу на колесницу сѣсть,
«Гряду, какъ зриши, пѣшъ явить противнымъ месть:
«Хранящая меня Паллада не воздремлетъ,
«Ея присутствіе отъ сердца страхъ отъемлетъ;
«Вѣрь мнѣ, что кони ихъ, коль быстро ни текутъ,
«Отъ мышцы ихъ моей и гнѣва не спасутъ;
«То счастье, коль единъ не снидетъ въ смертны долы.
«Реку, ты въ памяти напечатлѣй глаголы:
«Минервы если я десницею блюдомъ,
«Двухъ бодрственныхъ мужей въ Плутоновъ свергну домъ,
«Ты вожжи прикрѣпивъ, здѣсь коней сихъ остави,
«Къ Энеевымъ конямъ свой быстрый бѣгъ направи,
«И къ нашимъ ихъ шатрамъ отгнать не премини:
«Ты вѣдай, коней тѣхъ породы суть они,
«Что громоносный царь Тросу далъ въ награду,
«Какъ Ганимеда онъ, родительску отраду
«Похитилъ въ небеса, плѣнясь его красой;
«Изящнѣй коней всѣхъ подъ звѣздной высотой
«Являлися они, и къ нимъ Анхизъ почтенный,
«Лаомедонта втай, на паствы утучненны
«Пустивши кобылицъ отличнѣйщихъ во всемъ,
«Шесть коней рождшихся узрѣлъ въ дому своемъ;
«Изъ коихъ онъ себѣ четырехъ соблюдаетъ,
«Но двухъ Энею далъ, да ими въ бой дерзаетъ;
«Разносятъ страхъ они по Марсовымъ полямъ;
«Коль мы похитимъ ихъ, безсмертна слава намъ.»

Сіе глаголющу герою со Сѳенеломъ,
Враги достигли къ нимъ въ стремленьи бодромъ, смѣломъ;

И Пандаръ не косня Тидея сыну рекъ:
«О мужественный вождь! ты въ крѣпость грудь облекъ,
«Стрѣла моя въ моей надеждѣ мнѣ солгала,
«Узрю, избѣгнешь ли копейна остра жала.»

Онъ рекъ, сотрясъ копье, изъ длани устремилъ
И Діомидовъ имъ навылетъ щитъ пробилъ;
Во твердую остріе броню звуча втекаетъ,
И Пандаръ громкій гласъ побѣды возвышаетъ.

«Ты смертно пораженъ, тебя ждетъ хладна мгла,
«А мнѣ въ возмездіе и слава и хвала.»

Тидеевъ сынъ въ отвѣтъ: «ты льстишь себя мечтою,
«И ложенъ твой ударъ: не язвленъ я тобою.
«Но вы не можете почить въ сей грозный часъ,
«Доколѣ не падетъ, поне единъ изъ васъ
«И кровію своей насытитъ бога брани.»

Онъ рекъ и дротикъ свой повергъ изъ сильной длани;
Минерва, тщась карать клятвопреступну грудь,
Отверзла своему любимцу къ славѣ путь:
Она, она его оружіе жестоко
Ликійскому вождю стремитъ межъ носъ и око:
Расторглись зубы имъ, пресѣкся и языкъ,
И острія конецъ гортани близъ проникъ;
Со колесницы палъ сей ратникъ сокрушенный,
Звучатъ на немъ, какъ громъ, доспѣхи распрещренны;
Сей громъ конямъ его навелъ суровый страхъ,

Онъ самъ лежалъ безъ силъ, простертъ на хладный
прахъ.
Эней, дабы отъ врагъ спасти сей трупъ несчастной,
Стремится долу самъ во ярости ужасной,
И какъ надежный левъ своихъ на крѣпость силъ,
Онъ грозно вопія, щитомъ его покрылъ;
Дерзнувшимъ приступить его копье сурово
Исторгнуть жизни духъ являлося готово:
Но камень, коего два мужа сихъ временъ
Подъять бы не могли на высоту раменъ,
Сей камень тягостный схвативши сынъ Тидея,
Потрясъ его, потрясъ и устремилъ въ Энея
И сильно поразилъ героя во стегно,
Въ составъ, на чемъ съ бедрой вращается оно;
Крушится камнемъ кость, прервались обѣ жилы,
Отторглась равно плоть; Эней, лишенный силы,
На тяжесть палъ колѣнъ, и крѣпкою рукой
Онъ опирается на твердости земной;
Уже на взоръ его покровъ простерся ночи,
И вѣчный-бъ сонъ ему сомкнулъ геройски очи,
Но скоро усмотря Венера, Зевса дщерь,
Что милый сынъ ея зритъ хладной смерти дверь,
Поспѣшною стопой на помощь притекала
И въ матерни его объятія пріяла;
И чтобъ сокрыть его отъ вражескихъ очей,
Отъ смертоносныхъ стрѣлъ, и копій, и мечей,
Воскрилія надъ нимъ простерла ризъ блестящихъ,
И тако изнесла съ полей, войной гремящихъ.
Недремлющій Сѳенелъ, сподвижниковъ совѣтъ
Имѣя незабвенъ, свершить его течетъ;
Онъ коней собственныхъ изведши отъ сраженій,
И вожжи прикрѣпя, въ обратъ средь ополченій

Къ Энеевымъ конямъ спѣшитъ отваженъ, смѣлъ,
Притекъ, похитилъ ихъ и отъ враговъ отвелъ.
Онъ, срѣтя на пути любезна Деипила,
И друга паче всѣхъ ему клевретовъ мила;
Одни бо нравы съ нимъ, едино сердца, духъ,
Едины склонности имѣлъ сей вѣрный другъ;
Вручилъ ему коней столь быстрыхъ, лѣпогривыхъ,
Да отведетъ онъ ихъ ко брегу водъ гнѣвливыхъ;
Вручилъ, и ко своимъ спѣшитъ уже конямъ;
Притекъ, возсѣлъ, и въ путь по Марсовымъ полямъ
За сыномъ мудраго Тидея поспѣшаетъ
И въ скорости къ нему межъ боевъ достигаетъ;
Но сей герой, держа въ десницѣ копіе,
Кипридѣ въ слѣдъ стремилъ теченіе свое,
Увѣренъ, что она богиня слаба, нѣжна,
Нелюбяща мечей, ни звука стрѣлъ мятежна,
И не одна изъ тѣхъ безтрепетныхъ богинь,
Что въ бранѣхъ предтекутъ и въ мрачный видъ пу-
стынь
Преобращаютъ градъ и рушатъ твердость трона,
Какъ Тритогенія и грозная Беллона.
И се чрезъ многіе претекши онъ полки,
Достигъ ее, достигъ и крѣпостью руки
Пустилъ копье: оно чрезъ сгибы ризъ небесныхъ,
Сотканныхъ съ хитростью трудомъ Харитъ преле-
стныхъ,
Язвитъ прекрасну длань родившія Любовь;
Изъ тѣла нѣжнаго течетъ безсмертна кровь,
Кровь жителямъ небесъ приличная безмрачныхъ,
Подобная парамъ весеннихъ росъ прозрачныхъ;
Не бо питаются земнымъ они плодомъ,
И наслаждаются отъ гроздія виномъ,

И посему ихъ плоть не имать крови тлѣнной,
Ихъ вѣкъ, ихъ вѣкъ всегда безсмертной и блаженной.
Киприда, вопія и нетерпяща мукъ,
Энея изъ своихъ повергла нѣжныхъ рукъ;
Но Фебъ его подъялъ, и мглой покрывъ густою,
Да нѣкій сопостатъ пернатою стрѣлою
Едва имуща духъ героя не сразитъ,
Отъ звука браннаго изнесть его спѣшитъ.
Межъ тѣмъ Тидеевъ сынъ во слѣдъ богинѣ лѣпой
Со смѣхомъ возопилъ: «бѣги войны свирѣпой,
«О, Зевса дщерь! бѣги кровавыхъ ты мечей;
«Иль мало для тебя, что хитростью своей
«И сладкой ласкою женъ слабыхъ уловляешь?
«Коль впредь ты быть среди сраженій возжелаешь,
«Я мню, не будешь ты безъ ужаса въ поляхъ:
«Едино имя ихъ тебя низвергнётъ въ страхъ.»

Такъ рекъ. Ее тягчитъ печаль и скорбь сердечна.
Въ сей грусти зря ее Ирида быстротечна,
И видя, что ея красотъ мрачится лучъ,
Къ ней въ помощь притекла, спастись отъ бранныхъ тучъ.
Спѣшащимъ имъ отъ врагъ и пагубныхъ сраженій,
О шуюю страну троянскихъ ополченій
Свирѣпый зрится Марсъ, сѣдящій на землѣ,
Оружіе свое съ коньми сокрывъ во мглѣ;
Венера, падъ къ его колѣнамъ, вопіяла,
Изъ нѣжныхъ устъ мольбу со вздохомъ изліяла:
«Любезный братъ! мнѣ даждь ты коней днесь своихъ,
«Да взыду на Олимпъ я быстротою ихъ;

«Я страждю отъ копья толь остра, дерзновенна,
«Изъ Діомидовой десницы устремленна,
«Который въ гнѣвѣ днесь и бѣшенствѣ своемъ
«Дерзнулъ бы ратовать съ самимъ боговъ отцемъ.»

Рекла; и коней Марсъ сестрѣ своей вручаетъ.
На колесницу въ мигъ богиня востекаетъ;
Ирида лѣпая къ ней спѣшно востекла,
И вожжи въ длань пріявъ, ударъ бичемъ дала:
Къ полету быстрому ихъ кони устремились
И скоро на холмахъ превыспреннихъ явились;
Ирида отрѣшить отъ ига ихъ течетъ
И пищу имъ потомъ безсмертную даетъ.
Венера къ матери своей, Діонѣ милой,
На лоно пала, скорбь нося въ груди унылой;
Діона, дщерь свою въ объятія пріявъ
И утѣшительнымъ лобзаніемъ лобзавъ,
«Какой, вѣщала, богъ, богъ дерзкій и кичливый
«Нанесъ тебѣ, о дщерь! ударъ несправедливый?
«Не мню, дерзнуть тебѣ на нѣко страшно зло,
«Которо месть тебѣ толь люту навлекло!»

Киприда ей въ отвѣтъ: «Тидеевъ сынъ надменной,
«Виновникъ язвы мнѣ и мысли возмущенной:
«Я сына бо отъ стрѣлъ спѣшила изнести,
«Энея милаго желала я спасти.
«Ахъ! Греки ратуютъ не только со врагами,
«Но ратуютъ они и съ вѣчными богами!»

Діона же рекла: «велика скорбь твоя,
«Но крѣпкодушна будь, любезна дщерь моя.
«*Коль многи* бо изъ насъ, враждуя межъ собою,

«И смертною любя другъ другу мстить рукою,
«Впадали въ бездну золъ чрезъ дерзкихъ человѣкъ!
«Такую злость судьбы Арей себѣ навлекъ,
«Какъ сильный Эфіалтъ, Отосъ неукротимый,
«Сынъ Алоія, сыны непобѣдимы,
«Обременя его свирѣпостью оковъ,
«Темницы мѣдныя низвергли въ мракъ суровъ;
«Тринадцать мѣсяцъ онъ въ неволѣ сей томился,
«И духа жизненна конечно бы лишился;
«Но Перивія, не кровная ихъ мать,
«Умѣла Марсовъ рокъ Эрмію показать;
«Сей богъ избавилъ втай Арея изъ неволи,
«Смягченна бременемъ мучительныя доли.
«Державна мать боговъ, владычица небесъ,
«Не пострадала ли, какъ сильный Геркулесъ
«Деснаго близъ сосца стрѣлою треконечной
«Пронзивъ ей грудь, повергъ въ боль тяжкой, въ боль
сердечной?
«Подобно зло понесъ и страшный богъ Аидъ:
«Его бо сей же мужъ, безтрепетный Алкидъ
«Достигъ близъ адскихъ вратъ, средь тѣней томныхъ,
блѣдныхъ,
«И пущенной стрѣлой изъ рукъ добропобѣдныхъ
«Плечо ему пронзилъ: царь мрака возопилъ,
«И въ сердцѣ скорбь нося, печаленъ и унылъ,
«Имѣя въ рамени стрѣлу своемъ вонзенну,
«Восшелъ къ отцу боговъ на высоту священну;
«Гдѣ, какъ безсмертнаго, Пеонъ своей цѣльбой
«Уврачевалъ его и спасъ отъ скорби злой.
«Безбожный! дерзостный! готовъ творить вся злая,
«Разилъ Алкидъ боговъ, ихъ святость раздражая;
«Но грозный вождь, твоихъ виновникъ нынѣ слезъ,

«Минервой поощренъ, ударъ тебѣ нанесъ;
«Безумный, въ буйствѣ онъ забылъ, надменъ дѣлами,
«Кто брань съ безсмертными дерзнетъ творить бо-
гами,
«Ниже возвращшася его съ полей войны,
«Ласкаясь близъ колѣнъ, зовутъ отцемъ сыны.
«И тако, сколь ни храбръ твой врагъ, но пусть стра-
шится,
«Да нѣкій сильный богъ съ нимъ въ полѣ не сразится;
«И чтобъ жена его, достойная любви,
«Эгіалеа, дщерь Адрастовой крови,
«Смущенна страшнымъ сномъ, стеняща и уныла,
«Вспрянувъ съ одра, весь домъ отъ сна не возбудила,
«Прося, дабы узрѣть своихъ отраду дней,
«Супруга нѣжнаго, аргивскихъ честь мужей.»

Рекла, и алу кровь отъ раны отирала,
Пресѣкла тяжку боль и дщерь уврачевала.
Но Ира все сіе съ Минервой купно зря,
И къ матери Любви отмщеніемъ горя,
Къ ней тщились Кронова на гнѣвъ подвигнуть сына,
И тако предначла досадну рѣчь Аѳина:

«Твое величество, державный царь небесъ,
«Не раздражу ли я продерзостью словесъ?
«Венера, нѣжностью къ Троянамъ прилѣпяся,
«И нѣку въ ихъ любовь склонить Гречанку тщася,
«Драгихъ одеждъ ея застежкою златой
«Пронзивши плоть руки, томится здѣсь тоской.»

Рекла, и на устахъ улыбку Зевсъ являетъ,
И нѣжныхъ Мать отрадъ призвавъ къ себѣ, вѣщаетъ:

«Дитя мое, не ты владычица войны.
«Утѣхи, бракъ, любовь тебѣ поручены;
«Минерва съ Марсомъ пусть гремитъ въ полкахъ
трубою.»

Такъ горни жители вѣщали межъ собою;
Межъ тѣмъ Тидеевъ сынъ постигъ Энея въ слѣдъ,
Онъ вѣдалъ, что его самъ Фебъ отъ стрѣлъ блюдетъ,
Но онъ и страшнаго толь бога не страшился;
Энея поразить желаніемъ стремился.
Трикраты на него въ свирѣпствѣ нападалъ,
Трикраты Фебъ щита сіяньемъ отражалъ;
Когда-жъ летѣлъ еще какъ Марсъ съ геройскимъ
жаромъ,
Фебъ грозно возопилъ къ нему во гнѣвѣ яромъ:

«Опомнись, отступи и самъ себя познай,
«Равняться съ божествомъ отнюдь не помышляй!
«Безсмертныхъ родъ боговъ отъ человѣковъ тщетныхъ
«Возвышенъ, отдаленъ въ степеняхъ неисчетныхъ.»

Онъ рекъ, и отступилъ вождь гордый мало вспять
Отъ гнѣва Фебова желая избѣжать.
Тогда Энея Фебъ пренесъ во внутрь Пергама,
Въ святыню своего великолѣпна храма,
Гдѣ Лита и при ней Діана, дщерь ея,
Являютъ честь ему, цѣлебный сокъ лія.
Но Фебъ межъ тѣмъ призракъ составилъ ухищренно,
Изображающій Энея совершенно:
Дарданцы вкругъ его и Грековъ бодрый строй
Воздвигли съ яростью кровопролитный бой,
Съ бронею шлемъ и щитъ на части раздробляя.
Тогда къ Арею Фебъ воззвалъ, сіе вѣщая:

«Арей, кровавый богъ, рушитель крѣпкихъ стѣнъ!
«Или тобой отсель не будетъ изведенъ
«Сей врагъ, Тидеевъ сынъ, что съ сердцемъ тако злостнымъ
«Дерзнулъ бы брань творить съ Зевесомъ громоносснымъ?
«Онъ, прежде уязвивъ Любви прекрасну мать,
«Посмѣлъ, какъ нѣкій богъ, противъ меня возстать.»

Онъ рекъ, и въ высотахъ возсѣлъ священной Трои.
Арей, съ дарданскими соединяся вои,
Въ Акаманта, вождя Ѳракіянъ превратясь,
Всѣхъ поощряетъ въ брань, изъ строя въ строй стремясь;
Но паче онъ къ сынамъ Пріама рѣчь склоняетъ.

«О, чада славнаго владыки! имъ вѣщаетъ:
«Доколь не тронетъ васъ троянскихъ гибель чадъ?
«Иль хощете, чтобъ врагъ вошелъ съ мечемъ во градъ?
«Эней, сей бодрый мужъ, герой неустрашимый,
«Хвалой и славою отъ всѣхъ, какъ Гекторъ, чтимый,
«Поверженъ; полетимъ, спасемъ его отъ Грекъ.»

Скончалъ, и кажду грудь во крѣпость тѣмъ облекъ.
Но Гекторъ гнѣвну рѣчь отъ Сарпедана внемлетъ:
«Пріамовъ сынъ! почто твой духъ средь брани дремлетъ?
«Гдѣ крѣпость силъ твоихъ и гдѣ вѣнцы похвалъ?
«Не ты ли прежде намъ, хваляся, обѣщалъ,
«Защитой граду быть безъ войскъ, безъ дружней силы,

«Съ одними братьями и сродственники милы?
«Гдѣ скрылися они, и кто изъ нихъ въ поляхъ?
«Какъ псы трепещутъ льва, такъ ихъ объемлетъ страхъ;
«А мы пришельцы здѣсь, но брань творимъ едины:
«Я дальній путь свершилъ съ ликійскія долины;
«Ни сынъ мой при сосцакъ, ни милая жена,
«Ни множествомъ богатствъ обильная страна,
«Не воспятили мнѣ подъять на Грековъ длани:
«Вседневно рать мою стремлю къ жестокой брани.
«И самъ врагу сему, рушителю полковъ,
«Я въ страшной бури сей противостать готовъ;
«Хоть здѣсь и нѣтъ моей жены, ни чадъ, ни злата,
«И что бъ могло служить въ корысть для сопостата.
«А ты, сынъ отчества, стоишь и прочихъ рать
«Не движешь бурное стремленіе сдержать.
«Страшись, дабы, какъ въ сѣть незапно уловленны,
«Вы не были въ корысть врагами похищенны,
«Которые тогда сей тако сильный градъ
«Низвергнутъ съ яростью и въ прахъ преобратятъ.
«Тебѣ о всемъ, тебѣ всенощно и вседневно
«Пещися долгъ велитъ во время толь плачевно;
«Союзниковъ прося геройски брань творить,
«И васъ упреками въ досадѣ не язвить.»

Въ грудь Гекторъ пораженъ стрѣлой сего глагола,
И съ колесницы вдругъ на прахъ нистекши дола,
Вращая копіе, летаетъ онъ въ полкахъ
И обновляетъ жаръ и бодрый духъ въ сердцахъ.
Трояне, обратясь, въ лице Ахейцамъ стали;
Ахейцы ярость ихъ безстрашно отражали.
Когда на радостномъ гумнѣ, трудомъ жнецовъ

Церера сладостны дары своихъ плодовъ,
Зефиру вѣющу, отъ плевелъ очищаетъ,
То плевы тонка пыль собою убѣляетъ:
Такъ каждой зрѣлся Грекъ, тамъ прахомъ весь покрытъ
Отъ конскихъ яростныхъ віющимся копытъ,
И въ облачныхъ столпахъ на высоту всходящимъ;
Умноженъ страхъ и смерть оружіемъ гремящимъ.
Дарданска воинства стремясь воздвинуть мочь,
Арей тогда простеръ надъ браннымъ полемъ ночь,
И ободряетъ рать къ защитѣ горда града,
Какъ Фебъ предповелѣлъ, Фебъ, зрѣвшій, что Паллада
Всегда крѣпящая ахейскихъ твердость рукъ,
Оставила поля и страшной брани звукъ.
Но самъ Энея Фебъ исполня силы новой
И бодрости на вся ужасная готовой.
Извелъ изъ храма въ рать: герой полкамъ предсталъ
И, здравъ явясь, въ сердца имъ радость изліялъ;
Но вопрошать о сей премѣнѣ тако чудной
Не дозволяетъ имъ свой подвигъ многотрудной,
Къ которому ихъ Фебъ, Вражда и самъ Арей
Влекли, дыша огнемъ свирѣпости своей.
Аяксы, и Улиссъ, и Діомидъ ужасный
Острятъ Ахеянъ въ бой кровавый и опасный.
Ни грознымъ воплемъ врагъ безстрашну Грековъ рать,
Ниже стремленьемъ силъ возмогъ поколебать.
Какъ тучи Зевсовой подъятыя рукою,
Висятъ незыблемо холмовъ надъ высотою,
Доколѣ спитъ Борей, и вихрей мочь другихъ,
Что рушатъ облаки свирѣпствомъ устъ своихъ:
Аргивцы такъ стоятъ противъ враговъ стремленья.
Атридъ даетъ вездѣ совѣты и велѣнья:

«Друзья! мужайтеся, облекшись въ крѣпость силъ,
«И стыдъ да воспретитъ являть вамъ духъ унылъ:
«Геройство смертный мечъ способнѣй отражаетъ,
«А робость помощи и славы не раждаетъ.»

Воззвалъ, стремитъ копье съ усиліемъ въ полетъ,
И онымъ пораженъ Энеевъ былъ клевретъ,
Деикоонъ герой, Пергазомъ въ свѣтъ рожденный,
И въ чести съ чадами Пріама соравненный,
Во преднихъ бо строяхъ всегда сражался онъ.
Сего во щитъ копьемъ разитъ Агамемнонъ;
Ни щитъ не воспятилъ, ни поясъ смертна гнѣва,
Герою остріе во глубь вонзилось чрева;
Онъ палъ и возгремѣлъ звучащею броней.
Тогда двухъ греческихъ избраннѣйшихъ вождей,
Сыновъ Діокловыхъ, Орсилоха, Криѳона,
Анхизовъ сынъ низвергъ во области Плутона:
Родитель ихъ Діоклъ во Ферѣ обиталъ,
Но родъ свой отъ рѣки Алфея онъ считалъ;
Чрезъ славныя страны Пиліянъ преходящей
И наводненье имъ нерѣдко наводящей:
Алфей Орсилоха вождя странамъ родилъ;
Орсилохъ бодрому отцемъ Діоклу былъ,
А сей тѣмъ двумъ вождямъ былъ жизненной виною.
Они во юности чрезъ понтъ шумящъ волною
Къ Пергаму притекли за честь Атридовъ мстить;
Но тамъ жестока смерть ихъ дней пресѣкла нить.
Какъ на холмахъ горы, въ глуби лѣсовъ ужасныхъ,
Два скимна воскормясь на гибель стадъ несчастныхъ,
Терзаютъ паственныхъ и агнцовъ и тельцовъ,
Доколѣ ихъ сразитъ оружіе ловцовъ:
Подобно и они, повсюду ужасъ сѣя,

Какъ сосны, свергмися ударами Энея.
То видя, Менелай жалѣньемъ воскипѣлъ,
Блестящъ, тряся копьемъ, во предній строй летѣлъ;
Самъ Марсъ умыслилъ въ немъ умножить бодрость
съ жаромъ,
Да погубитъ его Энеевымъ ударомъ;
Что храбрый Антилохъ, сынъ Несторовъ, узря,
Спѣшитъ къ нему, помочь желаніемъ горя,
И да не смертное съ героемъ зло свершится,
И тѣмъ вся Греція награды отщетится.
Уже противники лицемъ къ лицу стоятъ,
Вращаютъ копьями, оружіемъ гремятъ,
Какъ Антилохъ притекъ въ защиту Менелая.
Эней, сколь ни былъ храбръ, грудь мужествомъ питая,
Противу двухъ вождей не смѣлъ во брани стать
И устремилъ свой мечъ на прочу Грековъ рать.
Они, подъявъ тѣла сраженныхъ имъ героевъ,
Потщались ихъ предать своихъ клевретамъ строевъ,
И сами, обратясь во предніе ряды,
Являютъ новые безстрашія слѣды.
Се Пафлагонянъ вождь, богамъ войны подобный,
Ужасный Пилеменъ воココ мракъ нисходитъ гробный:
Воздвигнувъ Менелай десницу сильну въ брань,
Кровавымъ копіемъ преторгъ ему гортань.
Атимніадовъ сынъ, возатай Пилемена,
Мидонъ не избѣжалъ ужасна смертна плѣна:
Его, когда онъ вспять вращать коней спѣшилъ,
Вдругъ камнемъ Антилохъ во локоть поразилъ;
И вожжи, костію слоновой что блистали,
Упадшіе изъ рукъ, въ пыли земной лежали;
Мгновенно Антилохъ въ стремленіи своемъ
Мидона поразилъ во скраніе мечемъ:

Несчастный, вѣчнымъ сномъ покрывъ свои зѣницы:
И вергнувшись стремглавъ Мидонъ со колесницы,
По само рамена главой въ земли стоялъ,
Въ глубокой бо песокъ отъ высоты упалъ;
Но кони, коихъ вспять сынъ Несторовъ отважный
Погналъ, низринули на прахъ Мидона влажный.

Побѣдоносныхъ двухъ вождей самъ Гекторъ зря,
Стремится къ нимъ, крича и мщеніемъ горя;
Во слѣдъ ему течетъ строй сильныхъ Иліона,
Предтечами ихъ въ брань Марсъ бурный и Беллона:
Сія Мятежъ и Страхъ влекла въ пути своемъ,
Арей же потрясалъ ужасным копіемъ;
Онъ то предъ Гекторомъ, то въ слѣдъ ему стремился,
Что видя Діомидъ, ужасшись, возмутился.
Какъ мужъ безопытный, незнающій путей,
Прешедши множество долинъ, луговъ, полей,
И срѣтя быструю рѣку, текущу въ море,
Останов ляется, и вспять отходитъ вскорѣ:
Такъ сынъ Тидеевъ вспять отшелъ и рекъ полкамъ:

«Не тщетно, о друзья! ужасенъ Гекторъ намъ!
«Всегда бо шествуетъ съ нимъ нѣкій небожитель,
«Отъ грозной гибели надежный охранитель:
«Днесь въ видѣ смертнаго самъ Марсъ его блюдетъ,
«И, такъ съ богами въ брань никто да не дерзнетъ;
«И удаляйтеся, помалу отступая,
«Стрѣламъ противниковъ хребта не обращая.»

Онъ рекъ, и се приспѣлъ троянскій бодрый строй,
Тогда Анхіалай и съ нимъ Менесеъ герой,
Сидящи на одной несчастны колесницѣ,

Кровавой Гектора подверглися десницѣ.
Сынъ Теламонъ, Аяксъ, о смерти ихъ скорбя,
Приближился, и ставъ и укрѣпивъ себя,
Изъ сильныхъ рукъ копье блестяще устремляетъ,
И тѣмъ Селаговъ плодъ, Амфія поражаетъ,
Что въ Пезѣ обиталъ, исполненномъ пріятствъ,
Обиленъ жатвою и множествомъ богатствъ.
Но рокъ его привлекъ въ твердыни Иліона,
Чтобъ быть защитою Пріамля горда трона.
Аяксъ его пронзилъ во чрево копіемъ,
Онъ палъ и возгремѣлъ въ паденіи своемъ.
Герой притекъ, чтобъ все совлечь съ бездушна тѣла,
Но туча стрѣлъ въ него враждебныхъ излетѣла;
Преемлетъ ихъ щитомъ побѣдоносный Грекъ,
И ставъ пятой на трупъ, копье свое извлекъ,
Но обнажить не могъ, разимъ отъ всѣхъ стрѣлами;
И тако, чтобъ не быть окружену врагами,
Хоть мужественъ и храбръ, неволей отступилъ,
Отринутъ множествомъ соединенныхъ силъ.

Се такъ труждалися средь бури всѣ военной!
Но сильный Тлиполемъ, Иракломъ въ свѣтъ рожденной
Въ погибель вовлеченъ несчастною судьбой,
Онъ съ Сарпедономъ бо вступилъ въ кровавой бой.
Другъ друга близъ они; уже ихъ взоръ блистаетъ,
И Тлиполемъ врагу съ презрѣніемъ вѣщаетъ:
«Что привлекло тебя здѣсь робкій духъ являть,
«Неопытность свою во бранѣхъ показать?
«Лжецы твоимъ отцемъ Зевеса именуютъ,
«Дѣла твои сего отнюдь не показуютъ:
«Коль малъ ты предъ сынми владыки всѣхъ небесъ!

«Въ ихъ сонмѣ былъ и мой родитель, Геркулесъ,
«Герой безтрепетный, въ трудахъ неутомимый,
«Имущій крѣпость льва и духъ непобѣдимый.
«Лаомедонтовыхъ желая онъ коней,
»Немногочисленъ ликъ ведя съ собой мужей,
«Шестью пренесшися къ странѣ сей кораблями,
«Низвергъ Пергамъ, сравнилъ съ пустынными мѣ-
стами.
«А ты, ты слабъ, твои здѣсь гибнутъ всѣ полки.
«Когда бъ и страшенъ былъ ты крѣпостью руки,
«Не мню, чтобъ могъ ты быть сего защитой града.
«Но, симъ пронзенъ копьемъ, къ предѣламъ снидешь
ада.»

Въ отвѣтъ Ликіянъ вождь: «твой праведенъ глаголъ,
«Что нѣкогда Ираклъ пергамскій свергъ престолъ;
«Но безразсудный въ томъ Лаомедонтъ виною:
«Досады въ буйствѣ онъ изрекъ сему герою
«И не далъ коней въ даръ, лишилъ желанной мзды
«За ревностны его и многіе труды.
«А ты, ты не Ираклъ, тебя ждетъ смерть сурова,
«И мышца поразить моя тебя готова:
«Падешь, и славою чрезъ то вѣнчаюсь я,
«Въ страны Плутоновы прейдетъ душа твоя.»

Скончалъ, и копья ихъ въ одно и то жъ мгновенье
Пріемлютъ сильное изъ сильныхъ рукъ стремленье:
Гортань противнику пронзаетъ Сарпедонъ,
Несчастный палъ, въ очахъ простерся вѣчный сонъ.
Копье, что Тлиполемъ повергъ своей рукою,
Въ кость лѣвыя бедры ликійскому герою
Вонзилось; Сарпедонъ уже близъ смерти былъ,
Но Зевсъ, отецъ его, смерть грозну отвратилъ.

Тогда сподвижники, подъявъ его на руки,
Спѣшатъ унесть съ полей, терпяща скорбны муки!
Отъ сущаго еще въ бедрѣ его копья;
Не мыслилъ бо никто среди ярости сея
Изъ язвы извлещи пагубоносна жала,
Толь сильно ревность въ нихъ, унесть его, пылала.

Не съ меньшимъ тщаніемъ отъ гордыхъ сопостатъ
Несчастный Тлиполемъ клевретами изъятъ:
При видѣ жалостномъ сего бездушна тѣла,
Улисса бодра грудь жалѣньемъ воскипѣла.
Сомнится онъ, иль въ слѣдъ за Сарпедономъ течь,
Иль воинства его въ крови багрить свой мечъ.
Но не предписано ему небесъ судьбою,
Чтобъ Зевсовъ храбрый сынъ погибъ его рукою;
Въ ликійску убо рать Минервой устремленъ,
Гдѣ жаромъ мужества геройска воспаленъ,
Низвергъ Ноемона, Алистора, Кирана,
Алкандра, Хромія, Алія и Притана,
И многихъ бы еще онъ въ мрачный адъ низвелъ;
Но Гекторъ мечъ его, толь пагубный, узрѣлъ:
Сей яростный герой, оружіемъ блистая,
Течетъ, ахейску рать во ужасъ низвергая;
Что видя Сарпедонъ, отраду ощутилъ,
И томно рекъ ему: «о, вождь троянскихъ силъ!
«Не даждь меня въ корысть врагамъ толико злост-
нымъ,
«Воздвигнись въ помощь мнѣ съ мечемъ побѣдонос-
нымъ,
«А послѣ пусть умру во градѣ я твоемъ:
«Не хощетъ бо судьба, да въ отчествѣ моемъ
«Еще обрадую и сына и супругу.»

Онъ рекъ: Пріамовъ сынъ, не отвѣщая другу,
Летитъ, дабы скорѣй Аргивцовъ отразить,
Исторгнуть многимъ духъ, мечъ кровью упоить.
Межъ тѣмъ Ликіянъ вождь ослабшій, истощенный,
Былъ посажденъ подъ дубъ, Зевесу посвященный;
Изъ язвы Пелагонъ копье ему изъялъ,
Герой, болѣзнуя, во смертный омракъ палъ,
Но паки жизни духъ во члены возвратился,
Пріятный бо Зефиръ на помощь воскрилился,
И свѣжимъ вѣяньемъ своихъ прохладныхъ крилъ
Ему дыханіе ослабше подкрѣпилъ.

Аргивцы же познавъ, что съ Гекторомъ богъ брани
Вознесъ противу ихъ неутомимы длани,
Не обратились въ бѣгъ, но отступаютъ вспять,
Не престая враговъ удары отражать.

Кто первый палъ тогда, кто палъ тогда послѣдній
Тобой, Пріамовъ сынъ, тобой, Арей зловредный?
Божественный Тевтранъ, Орестъ, Ахейцовъ щитъ,
Трихисъ Этолянинъ, Иномай знаменитъ,
Эноповъ сынъ, Геленъ, и съ нимъ Оризвій сильный,
Что въ Гилѣ обиталъ, богатствами обильный,
Цефизска езера близъ заблющихся водъ,
Гдѣ жатвы многія и многъ ему народъ.

Се ратники, что въ семъ сраженьи грозномъ пали!
Идѣ смерть Юнона зря, Аргивцовъ зря печали,
Пылая мщеніемъ, Минервѣ такъ рекла:
«Что се? о, Зевса дщерь и горнихъ мѣстъ хвала!
«Такъ тщетно Менелай въ поляхъ кровавыхъ, бран-
ныхъ,

«Желанна ждетъ конца обѣтовъ, нами данныхъ.
«Коль ярость Марсову отъ Грекъ не отвратимъ,
«Возстанемъ убо мы и въ помощь полетимъ.»

Рекла: вняла словамъ Аѳина дщери Крона:
Тогда готовитъ въ путь коней своихъ Юнона,
На лѣпыхъ гривахъ ихъ пречудныя красы
Блистали золотомъ превязаны власы;
Но колесницу сей богинѣ, полной гнѣва,
Со тщаніемъ спѣшитъ устроить юна Гева:
Уже желѣзна ось, достойная небесъ,
Осмьючныхъ тяготитъ изящество колесъ,
Которыхъ ободы есть золото нетлѣнно,
Сверхъ мѣдной полосой искусно покровенно;
Ихъ ступицы сребро, видъ лѣпый для очей!
Драги сѣдалища у колесницы сей
На вервіяхъ златыхъ и сребряныхъ держались
И въ два полкружія прекрасно возвышались;
Все дышло изъ сребра чистѣйшаго блеститъ;
Богиня къ оному злато ярмо крѣпитъ,
Въ которое притомъ припряжны золотыя
Ввязуетъ вервія прекрасны и драгія.
Юнона, бранный огнь нося въ груди своей,
Изводитъ подъ ярмо сама своихъ коней.

Межъ тѣмъ Аѳина, вшедъ въ чертогъ отца священный,
Трудъ хитрый рукъ своихъ, покровъ преиспещренный,
Застежку отрѣшивъ, съ раменъ пустила въ долъ,
Онъ льется, какъ волна, на позлащенный полъ;
Сама, облекшися въ броню всесильна бога,

Готовится на брань, точащу бѣдства многа:
Плещи ея покрылъ златоблестящъ Эгидъ
Ужасный для очей и нестерпимый видъ;
Вокругъ его и Страхъ и Распря съ буйнымъ жаромъ,
Убійство, Мужество и Смерть въ стремленьи яромъ:
Среди же грозная Горгонина глава
Зевеса знаменье на ужасъ естества.
Посемъ пернатый шлемъ, отъ злата блескъ ліющій,
Сточисленныхъ градовъ полки покрыть могущій,
Минервы на главѣ горитъ какъ солнца свѣтъ.
Она, со Ирою на колесницу вшедъ,
Пріемлетъ копіе велико, ужасъ строевъ,
И гибель грозная противныхъ ей героевъ.

Юнона правитъ путь въ превыспренни мѣста;
И се нетлѣнныя небесныя врата
Гремя, отверзлися богинямъ горнимъ сами,
Врата, хранимыя безсонными Часами,
Что стражею стоятъ Олимпа и небесъ,
Круговъ блистательныхъ, гдѣ царствуетъ Зевесъ,
Чтобъ мрачны облаки, вратамъ преграду вѣчнымъ,
Отверзть, или сомкнуть стремленьемъ быстротечнымъ.

Мгновенно прелетѣвъ богини связь холмовъ,
Уединенна зрятъ отъ прочихъ всѣхъ боговъ
Владыку молніи, отца громоносяща
На высшемъ изъ холмовъ превыспреннихъ сѣдяща,
Гдѣ Ира конскую востягши быстроту,
Рекла: «о! славою всю полняй высоту,
«О, Зевсъ! иль гнѣва нѣтъ въ тебѣ противъ Арея,
«Что тако яростью въ безумствѣ пламенѣя,
«Толь многихъ бодрственныхъ и толь отличныхъ силъ
«Ахейскихъ ратниковъ безвинно поразилъ?

«Я сѣтую, и тѣмъ несноснѣй мнѣ обида,
«Что сребролюбный Фебъ и нѣжная Киприда
«Въ брань буяго сего злодѣя средь полей
«Воздвигнувъ, тѣшатся печалію моей.
«Преслушна будучи твоей всесильной волѣ,
«Коль мною онъ сраженъ, оставитъ бранно поле?

Облаконосецъ ей изрекъ въ отвѣтъ: «гряди
«И мстить ему въ поляхъ Аѳину возбуди,
«Привыкшую ввергать его въ несчастья слезны.
Онъ рекъ: Люцина, внявъ слова для ней любезны,
Даетъ бичемъ ударъ, и кони въ путь летятъ,
Межъ небомъ и землей свой быстрый бѣгъ стремятъ.
Сколь много въ ясный день, на берегу сидящій,
И съ высоты холма на понтъ червленный зрящій,
Пространства въ воздухѣ вдаль видитъ человѣкъ:
Столь коней божескихъ единый скокъ далекъ.

И се достигли мѣстъ богини, гнѣва полны,
Симоисъ гдѣ сіялъ съ Скамандрой быстры волны:
Дщерь Кронова коней отъ ига извела
И мракомъ ихъ густымъ отвсюду облекла;
Немедленно свои Симоисъ тучны бреги
Амврозіей покрылъ для паствы имъ и нѣги.

Едва касаяся стопами до земли,
Какъ голубицы двѣ, богини въ брань текли,
И Діомидова достигнувъ горда строя,
Гдѣ сильныхъ бодрый сонмъ вокругъ сего героя
Сомкнувшись, алчущимъ стоялъ подобенъ львамъ,
Иль грознымъ силою и крѣпостью вепрямъ:
Видъ бодра Стентора гласъ мѣдяный имуща,

Сильнѣй, чѣмъ пятьдесятъ героевъ; вопіюща,
Юнона воспріявъ, Ахейцамъ такъ гласитъ:
«О поношеніе! о робость! вѣчный стыдъ!
«Доколь Ѳетидинъ сынъ въ поляхъ съ мечемъ являлся,
«Изыти гордый врагъ изъ Трои ужасался;
«Толь страшенъ Ахиллесъ! но днесь съ мечемъ въ рукахъ
«Дарданцы ратуютъ при вашихъ корабляхъ!

Рекла: въ нихъ бодрость вновь горитъ, и се Аѳина
Тидеева средь нихъ узрѣла храбра сына.
Сей вождь, тогда вблизи коней своихъ стоя,
Старался облегчать боль язвы своея:
Подъ твердымъ бо ремнемъ щита его блестяща
Лишилась крѣпости и силъ рука боляща;
И такъ подъявъ ремень, онъ язву омывалъ
И теплый потъ и кровь текущу отиралъ.
На дышло конское опершися, Паллада
Рекла: «О Діомидъ! ты скорбна мнѣ досада:
«Коль слабо твой отецъ изображенъ тобой!
«Тидей былъ тѣломъ малъ, но грозный былъ герой:
«Ему, предпосланну ахейской ратью въ Ѳивы,
«Въ сей градъ, престольствуютъ гдѣ Кадмяне кичливы,
«Я гнѣвный повелѣвъ духъ въ сердцѣ укрощать
«И въ бой противу ихъ кровавый не дерзать
«Совѣтовала миръ вѣщати въ ихъ бесѣдѣ;
«По онъ, сей сродный духъ ко бранемъ и побѣдѣ
«Не тщася укрощать, ихъ въ подвигъ вызывалъ
«И, мною укрѣпленъ, удобно побѣждалъ.
«А ты, не меньше мной блюдомъ и охраняемъ,

«И въ бой противъ Троянъ безстрашный ободряемъ,
«Всегда являешься трудами утомленъ,
«Иль смертнымъ ужасомъ отвсюду окруженъ:
«Кто сыномъ тя почтитъ Тидеевымъ отнынѣ?

Герой Элладскихъ странъ изрекъ въ отвѣтъ Аѳинѣ:
«Я познаю тебя, о дщерь отца боговъ!
«И тако буду чуждъ коварства хитрыхъ словъ:
«Не томность и не страхъ бездѣйствія виною,
«Но устъ твоихъ совѣтъ, вѣщанный мнѣ тобою,
«Чтобъ я не ратовалъ противу горнихъ силъ,
«И только Мать Любви, коль снидетъ въ брань, разилъ:
«Сіе, владычица, нося въ умѣ велѣнье,
«Я вспять отшелъ, призвавъ и проче ополченье:
«Зане кроваваго зрю Марса на поляхъ
«Троянъ защитника, Ахейцамъ грозный страхъ.»

Тритонія въ отвѣтъ: «Тидеевъ сынъ почтенный,
Толико милый мнѣ, толико драгоцѣнный!
«Ты Марса и другихъ безсмертныхъ не страшись:
«Защита я тебѣ, надеждой облекись,
«Стреми твоихъ коней, стреми противъ Арея,
«Рази копьемъ сего толь буяго злодѣя,
«Сіе стяжанное противъ природы зло,
«Что смертнымъ бѣдствія несчетны навлекло.
«Непостоянства онъ примѣръ: уже бо нынѣ
«Вѣщалъ обѣты мнѣ, обѣты и Люцинѣ;
«Возстать противъ Троянъ, Ахейцовъ защищать:
«Но се обѣтъ забвенъ: разитъ онъ Грековъ рать.

Вѣщая такъ, влечетъ Сѳенела съ колесницы,
Онъ вмигъ скочилъ, влекомъ рукой сея царицы.

Сама въ груди нося Троянамъ гнѣвъ и месть,
Съ плодомъ Тидеевымъ спѣшитъ на ней возсѣсть:
Подъ тяжестію ось со трескомъ возстенала,
Богиня бо ее съ героемъ отягчала.
Минерва, правя бѣгъ стремительныхъ коней,
Летитъ въ кровавый бой, гдѣ ратуетъ Арей,
Сей грозный богъ тогда на хладный брегъ Коцита,
Перифанта изъ всѣхъ Этолянъ знаменита,
Героя рождшася Охезіемъ на свѣтъ,
Низвергъ десницею, носящей ярость бѣдъ,
Богиня, чтобъ сему презрителю законовъ
Незримой въ брани быть, пріемлетъ шлемъ Плутоновъ.
Жестокій богъ войны узрѣвъ, что Діомидъ
Отваженъ, мужественъ, противъ его летитъ,
Перифанта средь тѣлъ бездушнаго оставилъ,
И къ сыну грозный путь Тидееву направилъ.
Сближаются они, и яростный Арей
Поверхъ ярма, поверхъ блистающихъ вожжей,
Копье, носяще смерть, въ героя устремляетъ,
Но дланію копье Минерва отражаетъ:
Посемъ Тидеевъ сынъ, стремяся вопреки,
Пустилъ въ него копье всей крѣпостью руки,
Минерва правитъ имъ, и въ самы чресла чрева
Вонзаетъ гордому военна богу гнѣва;
Въ семъ мѣстѣ уязвилъ Арея сильный Грекъ,
Плоть лѣпу растерзалъ и вспять копье извлекъ:
Марсъ мѣдный возревѣлъ, какъ десять тысящъ войска
Средь брани бурныя, средь подвига геройска.
Ахейцевъ и Троянъ объемлетъ трепетъ, страхъ:
Толь грозно возопилъ свирѣпый Марсъ въ поляхъ.
Какъ облачная мгла вся черностью одѣта,
Несома вихремъ ввыспрь среди жарчайша лѣта,

Марсъ Діомидовымъ представился очамъ,
Идущій въ облакахъ къ пространнымъ небесамъ.
Достигъ жилища онъ холмиста быстротечно
И Зевса близъ возсѣвъ, болѣзнуя сердечно,
Безсмертну кровь свою текущу показалъ
И, горько возрыдавъ, се такъ ему вѣщалъ:

«Отецъ боговъ! уже ль, злодѣйства зря толики,
«Не воспылаешь ты всей яростью владыки?
«Мы всѣ, безсмертные, земныхъ въ угоду чадъ,
«Другъ другу множество всегда творимъ досадъ,
«Ты распрей сихъ вина, родившу дщерь кичливу,
«Зловредну, буйственну, во всемъ несправедливу;
«Всѣ небожители, всѣ прочи божества,
«Покорны мы тебѣ; ты вождь, ты намъ глава;
«Сію же ты щадишь: нѣтъ гнѣва, нѣтъ прещенья,
«Зане источникъ ты единъ ея рожденья. *
«Днесь ею гордый сынъ Тидеевъ поощренъ,
«Свирѣпствуетъ противъ безсмертныхъ силъ надменъ:
«Вначалѣ уязвилъ онъ длань Киприды лѣпой;
«Посемъ, какъ богъ, разитъ меня сей врагъ свирѣпой,
«Я легкостію ногъ еще спастись успѣлъ;
«А если... то-бъ страдалъ среди сраженныхъ тѣлъ
«И силы бы мои, сколь боги ни нетлѣнны,
«Восчувствовалъ бы я стрѣлами истощенны.

Претяще око взвездъ, изрекъ ему Зевесъ:
«Престань мнѣ жалобы творить съ потокомъ слезъ,

* Извѣстно изъ языческаго баснословія, что Минерва *родилась изъ мозга* Юпитерова.

«Рушитель клятвъ! ты всѣхъ боговъ несноснѣй
зрится:
«Сраженьми ты, враждой и распрей веселишься;
«Въ тебѣ духъ матери, упорный, гордый духъ:
«Едва на мой глаголъ она склоняетъ слухъ;
«Злостраждещь по ея совѣтамъ ты и волѣ;
«Однако не хощу тебѣ страдать я долѣ:
«Зане и ты мнѣ сынъ; а если бъ ты другимъ
«Рожденъ былъ изъ боговъ, со нравомъ тако злымъ,
«Повергъ бы я тебя давно со круга звѣздна
«Во глубочайшій адъ, чѣмъ злыхъ Титановъ бездна.»

Онъ рекъ: и повелѣлъ Пеону враневать.
Пеонъ цѣлебный сокъ стремится изліять;
И скоро Марса плоть отъ язвы исцѣлѣла,
Безсмертна бо, ни въ чемъ земнаго не имѣла.
Какъ горькій, острый сокъ млеко сгустивъ собой,
И быстро съ нимъ мѣсясь искусною рукой,
Немедленно его въ пріятный сыръ сжимаетъ:
Небесный такъ бальзамъ Арея исцѣляетъ.
Бывъ Гевой Марсъ омытъ, облекшись въ свѣтлость
ризъ,
И славой сей гордясь, возсѣлъ Зевеса близъ.
Аѳина съ Ирою прогнавъ съ полей Арея,
Пагубоноснаго для чадъ земныхъ злодѣя,
Съ поспѣшнымъ тщаніемъ возвратно отъ земли
Громодержателя къ престолу востекли.

═══

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Вознесшимся богамъ съ полей войны плачевной,
То здѣсь еще, то тамъ крутится подвигъ гнѣвной;
Межъ струй Симоиса и Ксанѳа брань горитъ,
Въ противну копья рать противна рать стремитъ.
Тогда сынъ Теламонь, Аяксъ, оплотъ предивной,
Клевретовъ ободрилъ, расторгнувъ строй противной;
Акаманта, что въ свѣтъ Эвсторомъ происшелъ,
Ѳракійскаго вождя, геройскихъ мужа дѣлъ,
По шлему онъ мечемъ блестящимъ ударяетъ,
Разсѣкъ чело, во мракъ героя погружаетъ.
Драгій Тевтрановъ сынъ, и смертныхъ другъ Аксилъ,
Гостепріимствомъ бывъ для странныхъ тако милъ,
Въ Аризвѣ, при пути имущъ свои чертоги,
Аксилъ увялъ, его никто, хоть были многи,
Никто изъ странниковъ отъ пагубы не спасъ,
Онъ Діомидомъ палъ и свѣтъ въ очахъ погасъ;
Съ нимъ палъ и Калисій его возатай милый,
И оба верглися гробницъ во мракъ унылый.

Офелта съ Дресомъ въ гробъ низринувъ Эвріалъ,
Къ Эзепу, Педазу отважно поспѣшалъ,
Къ несчастнымъ близнецамъ, къ сынамъ Вуколіона,
Аварвареина къ утѣхѣ сладкой лона:
Побочный славнаго Лаомедонта сынъ,
Вуколіонъ среди пріятнѣйшихъ долинъ
Бывъ пастыремъ овецъ, сей нимфою плѣнился,
И Педазъ и Эзепъ отъ ихъ любви родился;

Но Эвріалъ въ сей день сихъ чадъ престоргнулъ вѣкъ,
И всеоружіе блестящее совлекъ.
Астіалъ смерть вкусилъ отъ мышцы Полипита,
Улиссъ пронзилъ копьемъ Перкотскаго Пидита;
Аретаонъ увялъ, бывъ Тевкромъ низложенъ,
И Антилоховымъ копьемъ Авлиръ сраженъ;
Элатъ, высокаго Педаза обладатель,
Бреговъ Сатніонта прелестныхъ обитатель,
Агамемнономъ былъ низринутъ въ смертный мракъ;
Леитомъ пораженъ бѣжащій вспять Филакъ;
Чрезъ Эврипила женетъ Меланеа участь злая;
Несчастный Адрестъ палъ, палъ въ руки Менелая;
Гонимы ужасомъ, кони его стремясь,
Ко пню Тамарикса во бѣгствѣ приразясь,
И дышло преломя, ко граду быстро мчались,
Куда другихъ вождей кони бѣжати тщались;
Онъ самъ отъ высоты лицемъ на землю палъ
И ницъ близъ колеса поверженный лежалъ;
Но Менелай притекъ, зритъ Адрестъ смертны тѣни,
Съ мольбой объемлетъ онъ героевы колѣни:
«Дай жизнь! Атреевъ сынъ! веди живаго въ плѣнъ,
«И буди выкупомъ достойнымъ награжденъ:
«Мой домъ обилуетъ въ сокровищѣ богатомъ,
«Обиленъ мѣдію, и сталію и златомъ;
«Въ неволѣ быть меня познавъ родитель мой,
«Отъ плѣна свободитъ великою цѣной.»
Вѣщалъ, и Менелай, жалѣя, гласу внемлетъ,
Уже послать его ко брегу предпріемлетъ;
Но се Агамемнонъ, на встрѣчу имъ спѣша,
Прегрозно возопилъ, отмщеніемъ дыша:
«О, малодушный братъ! что такъ враговъ жалѣешь?
«Да, правда! всѣ вины щадить Троянъ имѣешь,

«За ихъ добро, въ твоемъ содѣланно дому...
«Нѣтъ, нѣтъ изъ сопостатъ пощады ни кому,
«Ниже отъ матерня питающимся лона;
«Да потребятся всѣ изъ горда Иліона,
«Не преданы землѣ, развѣются какъ прахъ.»
Скончалъ, и Менелай совѣтъ пріемлетъ благъ,
И Адреста рукой отринулъ съ жаромъ гнѣва;
Агамемнонъ копье во глубь вонзаетъ чрева,
Несчастный Адрестъ палъ бездушенъ на хребетъ;
На грудь пятою ставъ, Атридъ копье влечетъ.

Возвыся Несторъ гласъ, вѣщаетъ къ сонму строевъ:
«Любимцы Марсовы, о друзи, честь героевъ!
«Не тщись еще ни кто корысти собирать,
«Чтобъ ими корабли на брегѣ отягчать;
«Потщимся поражать, — сей подвигъ благороденъ.
«Коль врагъ падетъ, для васъ къ корыстямъ путь свободенъ.»
Скончалъ, и жаръ въ сердцахъ и бодрость воспалилъ.
Тогда бы истинно полки троянскихъ силъ
Вбѣжали въ Иліонъ, отъ Грековъ побѣжденны;
Но сынъ Пріамль Геленъ, въ пророкахъ несравненный,
Къ Энею храброму и Гектору притекъ:
«О, Гекторъ и Эней, надежда наша! рекъ,
«Васъ паче всѣхъ и трудъ и подвигъ призываетъ,
«И въ васъ спасенія смятенно войско чаетъ,
«Зане вы паче всѣхъ изящнѣе во всемъ,
«Совѣтомъ, мужествомъ и бодрости огнемъ:
«Вы стойте здѣсь, у вратъ, бѣгущихъ воспящая,
«Доколь еще они, ударовъ избѣгая,
«Не пали женъ своихъ въ объятія утѣхъ

«И не содѣлались Ахейцамъ въ радость, въ смѣхъ.
«Узрѣвъ полки, чрезъ васъ воспламененны къ брани,
«Хоть томны, слабы мы, прострем къ сраженью
длани:
«Намъ нужда належитъ; а ты, дражайшій братъ,
«О Гекторъ! ты межъ тѣмъ спѣши въ несчастный
градъ,
«И рцы родившей насъ, да женъ собравъ почтен-
ныхъ,
«И цѣломудріемъ и старостью отмѣнныхъ,
«Грядетъ въ Палладинъ храмъ, что замка въ высотѣ,
«И ризу большу всѣхъ, и лучшу въ красотѣ,
«Любезнѣйшу для ней, служащу ей къ отрадѣ,
«Пусть на колѣна днесь возложитъ въ даръ Палладѣ,
«И сотворитъ обѣтъ, на жертву въ должну честь,
«Дванадесять телецъ во храмѣ ей принесть,
«Еще подъ бременемъ ярма непослуживших,
«И лѣто средь долинъ единое преживших.
«Коль симъ преклонена, спасетъ стѣсненный градъ,
«И насъ, и нашихъ женъ, и вождѣленныхъ чадъ,
«И удалитъ отъ стѣнъ прегрозна Діомида,
«Свергающа полки подъ сѣнію Эгида.
«Ужаснѣй всѣхъ враговъ онъ крѣпостію силъ;
«Толикимъ страхомъ насъ не поражалъ Ахиллъ,
«Ахиллъ, богини сынъ: толь неприступны, яры,
«Толь смертоносны всѣ врага сего удары!»

Онъ рекъ: совѣтомъ симъ былъ Гекторъ убѣжденъ,
Со колесницы онъ спѣшитъ вооруженъ;
Тряся два копія, все войско пребѣгаетъ,
Воспламеняя рать, бой страшный обновляетъ.
Трояне, обратясь противу гордыхъ врагъ,

Ихъ нудятъ отступить, въ сердца вселяя страхъ.
Зря Греки бодрость ихъ съ премѣною чудесной,
Мнятъ бога сшедша къ нимъ на помощь съ превыне-
бесной.
Самъ Гекторъ, вопія, увѣщавалъ Троянъ:
«О граждане! и вы, что изъ далекихъ странъ
«Къ намъ въ помощь притекли! во крѣпость обле-
китесь;
«Мужайтесь, бодрствуйте, противныхъ не стра-
шитесь;
«Межъ тѣмъ, какъ въ градъ иду, чтобъ старцамъ и
женамъ
«Велѣть пролить мольбы и жертвовать богамъ.»
Скончалъ и въ путь течетъ широкими стопами,
Великій кругъ щита закинутъ за плещами
Отъ выи и до пятъ покрылъ его собой,
Звучитъ сей твердый щитъ, какъ шествуетъ герой.

Но Діомидъ и Главкъ, защитникъ града новый,
Двухъ воинствъ на среду исходятъ, въ бой готовы,
Исходятъ, сблизились, являя грозный видъ,
И прежде рѣчь простеръ ко Главку Діомидъ:
«Кто ты, о бодрый вождь! крѣпчайшій изъ героевъ?
«Поднесь не зрѣлъ тебя среди преславныхъ боевъ;
«Превыше всѣхъ другихъ ты смѣлостью своей,
«Дерзнувъ ударовъ ждать громовой мышцы сей:
«Несчастныхъ чада мнѣ встрѣчаются на брани;
«Коль ты отъ горнихъ силъ, я не воздвигну длани:
«Ликургъ, Дріавтовъ сынъ, возставъ противу ихъ,
«Исторгнутъ отъ земли и отъ среды живыхъ:
«Продерзкій, на холмахъ Ниссеи возвышенныхъ
«Гналъ воздоительницъ онъ Вакха освященныхъ;

«Воловьимъ отъ него біемы всѣ бичемъ,
«Повергли Тирсы въ долъ въ несчастіи своемъ;
«Самъ скрылся въ море Вакхъ, боясь толь грозна
вида,
«Гдѣ приняла его въ объятія Ѳетида,
«Еще дрожащаго: толь страхъ его объялъ!
«Но симъ Ликургъ боговъ достойный гнѣвъ стяжалъ:
«Царь грома поразилъ безумца слѣпотою,
«И вскорѣ жизнь его пресѣкла смерть косою.
«Я убо не хощу съ богами въ брань вступать;
«Но если и тебѣ земля, какъ прочимъ, мать,
«Приближься, да сойдешь подземныхъ царствъ въ
пучину.
Сынъ Гипполоховъ рекъ въ отвѣтъ Тидея сыну:

«Герой! что вопрошать о родѣ здѣсь моемъ?
«Мы листвіямъ древесъ подобны бытіемъ.
«Одни изъ нихъ падутъ, отъ вѣтра сотрясенны,
«Другіе вмѣсто ихъ явятся возрожденны,
«Когда весна живитъ подсолнечну собой.
«Такъ мы: одинъ умретъ, раждается другой.
«Но хощешь знать мой родъ? повѣрь, онъ всѣмъ
извѣстенъ,
«Онъ славенъ въ подвигахъ и сердцу Главка лестенъ.
«Есть градъ во Аргосѣ, Эфирой нареченъ,
«Сизифъ, что богомъ бурь, Эоломъ порожденъ,
«Благоразуменъ, бодръ, отваженъ, крѣпкодушенъ
«И осторожности вѣщаніямъ послушенъ,
«Владычествовалъ въ немъ и Главка въ свѣтъ родилъ.
«Прехвальну Главкъ отцемъ Беллерофонту былъ,
«Сему со храбростью краса небесъ награда;
«Но Претъ, умысливъ зло, изгналъ его изъ града;

«Сильнѣй могуществомъ аргосскихъ бывъ князей,
«Подвергъ бо ихъ ему небесныхъ царь зыбей.
«Источникъ же судьбы Беллерофонту злыя
«Супруга Претова, прелестная Антія:
«Она, къ нему свою питая страстью кровь.
«Искала въ тайную склонить его любовь.
«Исполненъ честности и мудрыхъ помышленій,
«Сей юный князь ея не слушалъ убѣжденій.
«Прибѣгнувъ къ клеветѣ, простерши хитру сѣть,
«О Претъ! она рекла, готовься умереть;
«Или Беллерофонтъ погибнетъ пусть тобою,
«Хотѣвшій учинить насиліе со мною.
«Царь слыша рѣчь сію, отмщеньемъ воспылалъ,
«Но самъ его казнить во гнусный грѣхъ вмѣнялъ;
«И такъ запечатлѣвъ посланіе всезлостно,
«Для князя юнаго несчастно, смертоносно,
«Въ ликійски повелѣлъ страны ему спѣшить,
«И тестю тамъ его посланіе вручить.
«Герой путьшествуя, руководимъ богами,
«Достигъ Ликіи, гдѣ играетъ Ксанѳъ струями.
«Съ веселіемъ его пріялъ ликійскій царь,
«И девять зрѣлъ тельцовъ чрезъ девять дней алтарь,
«На жертву небесамъ закланныхъ чести въ знамя.
«Когда жъ десятаго возникло утра пламя,
«Посланіе къ себѣ онъ проситъ показать,
«Да зритъ, что хощетъ Претъ, его любезный зять;
«Узрѣлъ, уже велитъ онъ гостю, толь прекрасну,
«Сразить чудовище, Химеру преужасну.
«Чудовище сіе родили небеса,
«Оно главою левъ, срединою коза,
«Хвостомъ презлый драконъ, являющъ смертно жало,

«Изъ челюстей огонь и пламень изрыгало.
«Богами ободренъ, герой его сразилъ;
«И яростныхъ посемъ Солимянъ низложилъ,
«Признавъ, что въ жизнь не зрѣлъ онъ брани толь кровавой,
«Впослѣдокъ побѣдилъ и Амазонокъ съ славой.
«Грядя обратно, зритъ сѣть къ пагубѣ своей:
«Зане ликійскій царь отважнѣйшихъ мужей
«Устроилъ для его погибели въ засадѣ:
«Не возвратились вспять они женамъ къ отрадѣ.
«Герой преобратилъ имъ въ гробъ сей хитрій ковъ.
«Царь видя, что сей князь отъ племени боговъ,
«Любезну дщерь свою съ нимъ бракомъ сопрягаетъ;
«Владычеству его полцарствія вручаетъ.
«Ликіяне въ примѣръ пріемля ихъ царя,
«Даютъ ему въ удѣлъ, достойну честь творя,
«Всѣхъ лучшу поля часть, пріятну и пространну,
«Церерой щедрою и Вакхомъ увѣнчанну.
«Отъ брака же того на свѣтъ произошли
«Исандръ и Гипполохъ, ликійской честь земли,
«И Лаодамія любима сыномъ Крона,
«И отъ сея любви родивша Сарпедона.
«Когда жъ Беллерофонтъ ниспалъ небесъ подъ гнѣвъ,
«Скитался онъ въ степяхъ и межъ дремучихъ древъ,
«Смущенъ и скорбью свой унылый духъ терзая,
«И смертнаго слѣдовъ и взоровъ убѣгая.
«Любезный сынъ его Исандръ, достойный хвалъ,
«Противъ Солимянъ въ бой дерзая, Марсомъ палъ:
«Діана, правяща златыми путь браздами,
«Сразила дщерь его отъ высоты стрѣлами;

«Остался Гипполохъ, я имъ рожденъ на свѣтъ;
«Пославъ меня въ Пергамъ, онъ благъ вѣщалъ совѣтъ:
«Да буду мужествомъ отличнѣй всѣхъ воитель,
«И славы праотцевъ моихъ во всемъ ревнитель;
«Что храбростью своей другимъ предпочтены
«Въ Эфирѣ, и среди ликійскія страны,
«Се родъ, и славна кровь, отъ коей я родился!

Скончалъ; и Діомидъ душей возвеселился;
Онъ въ землю твердое копье свое вонзилъ
И ласковую рѣчь ко Главку обратилъ:
«Мы гости и друзья по праотцамъ съ тобою:
«Беллерофонту бо, прехвальному герою,
«Свой древле домъ отверзъ Иневсъ, хвала мужей,
«И съ дружбой угощалъ его чрезъ двадцать дней;
«И разлучаясь съ нимъ, въ залогъ пріязни вящшей,
«Далъ поясъ багреца пріятностьми блестящей;
«Беллерофонтъ ему быть другомъ давъ обѣтъ,
«Сугубодонный въ даръ златый потиръ даетъ.
«Красящій и поднесь собой мои чертоги;
«Тидея жъ помнить мнѣ не даровали боги:
«Я отрокъ былъ, когда онъ свергнуть Ѳивы шелъ,
«Гдѣ сонмы грозный Марсъ погибшихъ Грековъ зрѣлъ.
«И такъ мнѣ въ Аргосѣ ты будешь гость пріятной,
«А я тебѣ въ странахъ Ликіи ароматной,
«Когда восхощемъ мы другъ друга посѣщать;
«Сраженья жъ межъ собой потщимся избѣгать:
«Довольно есть Троянъ, гдѣ бъ мечъ блисталъ мой ярый,
«Довольно Грековъ есть познать твои удары;

«Межъ тѣмъ оружіе премѣнимъ межъ собой,
«Да зрятъ, что мы друзья по праотцамъ съ тобой.

Скончалъ, и каждый въ долъ спѣшитъ со колесницы,
Въ знакъ дружбы сопрягли геройскія десницы;
Возвышенъ Главковъ духъ еще отцемъ боговъ:
Злато оружіе, цѣною ста тельцовъ,
За мѣдно, девяти что цѣну составляетъ,
Вождю элладскихъ силъ охотно онъ вручаетъ.

Но Гекторъ сцейскихъ вратъ достигъ, и твердыхъ стѣнъ,
Гдѣ сонмомъ окруженъ троянскихъ дѣвъ и женъ,
Хотящихъ знать судьбу отцевъ, друзей и братій,
И сладостныхъ мужей для нѣжныхъ ихъ объятій;
Но онъ, велѣвъ мольбы простерти къ небесамъ,
Зане волнами золъ объятъ уже Пергамъ,
Спѣшитъ во царскій домъ, внутрь замка сооруженный,
Съ столпами на дугахъ огромныхъ возвышенный:
Въ немъ зрѣлось пятьдесятъ чертоговъ сопреди,
Сближенныхъ межъ собой, гдѣ храбрые вожди,
Сыны Пріамовы съ женами обитали:
Отъ чиста мрамора чертоги тѣ блистали.
Противъ ихъ, дому внутрь, другъ друга не вдали,
Двѣнадцать храминъ вверхъ возникли отъ земли,
Пріамли дщери въ нихъ и бодры ихъ супруги,
Являющи царю возможныя услуги.
Ко дщери, дщерей всѣхъ превысшей красотой,
Къ Лаодикіи путь имѣвъ Гекуба свой,
Узрѣла Гектора, и срѣтить поспѣшаетъ,
И къ персямъ матернимъ прижавъ его, вѣщаетъ:

«Почто, любезный сынъ, оставилъ грозну брань:
«Иль греческа на насъ отяготилась длань?
«Я мню, что ты притекъ, дабы, средь тяжкой муки,
«Къ престолу вышняго воздѣть смиренно руки.
«Пожди, доколь вино я повѣлю принесть,
«Чтобъ Зевсу и другимъ богамъ излилъ ты въ честь
«И обновилъ свою всю бодрость истощенну:
«Вино бо крѣпость есть толь мужу утомленну,
«Какъ ты, сражавшуся за гражданъ средь полей.»

Герой въ отвѣтъ: «О мать, о свѣтъ моихъ очей!
«Не предлагай вина: оно разслабитъ жилы,
«Лишитъ и бодрости, и крѣпости и силы;
«Зевесу же излить червленно въ честь вино
«Съ нечистотою рукъ мнѣ страшно и грѣшно:
«Мужъ прахомъ оскверненъ, дымящись кровью битвы,
«Преступникъ, коль творитъ всевышнему молитвы.
«Но ты гремящія гряди Паллады въ храмъ,
«Для воскуренія несуще ѳиміамъ,
«Со многочисленнымъ соборомъ женъ почтенныхъ
«И цѣломудріемъ и старостью отмѣнныхъ;
«И ризу большу всѣхъ и лучшу красотой,
«Отличну тканіемъ, прелестну чистотой,
«Къ сладчайшей для тебя служащую отрадѣ,
«Ты на колѣна въ даръ днесь возложи Палладѣ,
«И сотвори обѣтъ, на жертву въ должну честь,
«Дванадесять телицъ во храмѣ ей принесть,
«Еще подъ бременемъ ярма непослужившихъ,
«И лѣто средь долинъ единое прежившихъ:
«Коль симъ преклонена, спасетъ стѣсненный градъ,
«И насъ, и нашихъ женъ, и вождел̂нныхъ чадъ,
«И удалитъ отъ стѣнъ прегрозна Діомида,

«Свергающа полки подъ сѣнію Эгида.
«Спѣши; а я межъ тѣмъ къ Париду въ домъ гряду
«И, если можно, въ брань изыти убѣжду.
«Почто еще не жретъ его земли утроба!
«Судьбой царя небесъ онъ путь во мрачность гроба
«Пріаму съ чадами и гражданамъ своимъ;
«И, о! когда бы онъ, поверженъ рокомъ злымъ,
«Сокрылся отъ земли, низшелъ во адски бездны,
«Я горести бы всѣ забылъ и скорби слезны.»

Скончалъ, и кроткая отшедъ Гекуба вспять,
Благоговѣйныхъ женъ велитъ къ себѣ собрать;
Сама спѣшитъ въ чертогъ, плѣняющъ ароматомъ,
Гдѣ ризы многія, горящи чистымъ златомъ,
Искусства разнаго, труды сидонскихъ женъ,
Которыхъ отъ среды сидонскихъ гордыхъ стѣнъ
Съ собою взялъ Паридъ въ несчастно оно время,
Какъ плылъ съ Еленою, губить троянско племя.
Вошла, и лучшую и большую изъ ризъ,
Заемлющу собой въ ковчегѣ самый низъ,
Блестящу, какъ звѣзда, цвѣтами распещренну,
Изъявъ, она течетъ ко храму съ ней священну;
Ей женъ сопутствуя благочестивыхъ ликъ,
Достигъ твердынь, гдѣ храмъ Тритоніи возникъ.
Жена Антенора, Киссеевъ плодъ, Ѳеана,
Во святость жреческа избранна градомъ сана,
Отверзла храма дверь, и всѣ во оный часъ
Къ Палладѣ вознесли со дланьми скорбный гласъ.
Ѳеана ризу въ даръ богинѣ возлагаетъ,
Обѣты ей творя, молитву проливаетъ:

«Защита и покровъ Пріамовыхъ твердынь,
«Всѣхъ паче въ небесахъ священнѣйша богинь!

«Ты сокруши копье Тидея грозну сыну,
«Да снидетъ онъ и самъ во адову пучину,
«Близъ твердыхъ сцейскихъ вратъ поверженъ долу
ницъ:
«Незнающихъ ярма дванадесять телицъ
«Даръ жертвенный тебѣ, съ усердіемъ молебствій:
«О, сжалься, пощади, спаси Троянъ отъ бѣдствій!»
Рекла; не внемлетъ сей мольбѣ Минервинъ слухъ.

Имъ тако тщащимся склонить богини духъ,
Къ Париду Гекторъ въ домъ съ поспѣшностью стре-
мится.
Сей домъ величественъ и красотой гордится:
Наукой зодчества прославленныхъ мужей,
Къ сооруженію себѣ громады сей
Паридъ лѣполанитъ собралъ въ стѣнахъ Пергама:
Межъ домомъ Гектора и мудраго Пріама.
Они ему своимъ искусствомъ и трудомъ
Соорудили сей великолѣпный домъ.
Вшелъ Гекторъ, крѣпкое держащъ копье рукою;
Единонадесять локтей оно длиною,
И предсіяло вдаль желѣзнымъ остріемъ,
Что къ древу золотымъ прикрѣплено кольцемъ.
Претекши храминъ связь, онъ вшелъ въ чертогъ
веселый,
И видитъ, какъ Паридъ перебираетъ стрѣлы,
Осматриваетъ лукъ, броню, копье и щитъ.
Елена близъ, среди служащихъ женъ сидитъ,
Искусству ихъ труды прехвальны назначая.
Но Гекторъ брату рекъ, во взорахъ гнѣвъ являя:

«Неблаговременно ты сѣтуешь на насъ;
«*Несчастный*! всѣ тобой мы гибнемъ въ злобный часъ:

«Ты градъ сей окружилъ ахейскими полками;
«Враги уже у вратъ воюютъ подъ стѣнами;
«Не твой ли долгъ другихъ ко брани ополчать,
«Совѣтомъ, бодростью бѣгущихъ воспящать?
«Возстань, доколь Пергамъ огнемъ не воспылаетъ.»

Паридъ ему: «Языкъ твой истину вѣщаетъ:
«Достоинъ я упрекъ, и праведны онѣ;
«Но я реку, и ты склони твой слухъ ко мнѣ:
«Не гнѣвъ противъ Троянъ привлекъ меня въ чертоги;
«Виной тому печаль и грусти сердца многи.
«Я лаской убѣжденъ супружнихъ, нѣжныхъ словъ;
«Предъ входомъ къ намъ твоимъ ко брани былъ готовъ;
«И благо сотворю, исшедши въ полѣ ратно:
«Въ сраженьяхъ счастіе премѣнно и превратно.
«Пожди, доколѣ я всеоруженъ явлюсь,
«Или спѣши, тебя достигнуть я потщусь.

Онъ рекъ; не отвѣщалъ защитникъ гражданъ сильный.
Елена жъ къ Гектору ліетъ слова умильны:

«Любезный дѣверь мнѣ, источнику всѣхъ бѣдъ,
«На кою съ ужасомъ взираетъ нынѣ свѣтъ!
«Почто, какъ я изшла отъ матерняго чрева,
«Не бывъ еще для васъ виной небесна гнѣва,
«Свистящій бурный вихрь, творя въ стихіяхъ споръ,
«Схвативъ меня, на холмъ не ринулъ твердыхъ горъ,
«Или во бездны водъ сраженій шумныхъ полны,
«Гдѣ скрыли бы меня въ себѣ угрюмы волны!
«Но коль судилъ Зевесъ карать народы мной,

«Почто не лучшему супругу я женой,
«Могущу тронуться упрекой справедливой,
«И чувствовать свой стыдъ, и знать свой духъ кичливой!
«Паридъ ожесточенъ и въ немъ надежды нѣтъ;
«И онъ безумія плоды себѣ пожнетъ.
«Но ты возсядь здѣсь, вкуси покой желанный;
«Ослабилъ, утомилъ тебя днесь подвигъ бранный,
«Которой гнусностью съ Паридомъ мы возжгли.
«Коль золъ намъ жребій далъ царь неба и земли!
«Съ презрѣньемъ возгласитъ о насъ грядуще племя,
«И наши имена постыдны въ поздно время.»

Герой въ отвѣтъ: «Тобой оказанну мнѣ честь
«Хвалю; но ты меня не убѣждай возсѣсть;
«Меня мой духъ влечетъ въ поля, къ защитѣ Трои,
«Гдѣ помощи моей смятенны жаждутъ вои.
«Парида поощряй поспѣшнѣй въ брань итти,
«И града внутрь меня достигнуть на пути.
«Я посѣщу мой домъ, да зрю жену и сына,
«И домочадцевъ всѣхъ: сокрыта бо судьбина,
«Еще ли ихъ узрю, возвратяся во градъ,
«Или паду мечемъ средь гордыхъ сопостатъ.

Скончавъ, отшелъ въ свой домъ сей вождь, родящій страхи.
Но бѣлогрудой въ немъ не видитъ Андромахи;
На башнѣ бо она стояла, слезы лья,
Стояла купно тамъ прислужница ея,
Въ объятіяхъ держа дитя ея любезно.
Герой, искавъ ее въ чертогахъ безполезно,
При прагѣ сталъ и рекъ служащимъ ей женамъ:

«Сказать мнѣ истину повелѣваю вамъ,
«Куда отшла, куда моя супруга скрылась?
«Къ золовкѣ ли какой, къ невѣстѣ ль удалилась,
«Или Паллады въ храмъ, гдѣ сонмы женъ другихъ
«Къ богинѣ сей ліютъ мольбы сердецъ своихъ?

Начальнѣйша изъ нихъ въ отвѣтъ рекла герою:
«О, князь! велишь вѣщать, и истины не скрою:
«Золовки въ домъ, ни въ домъ невѣстки не отшла,
«Ниже въ Минервинъ храмъ съ другими потекла;
«Но въ высоту твердынь священна Иліона;
«Она бо, слыша вѣсть для нѣжна страшну лона,
«Что врагъ тѣснитъ Троянъ, нещадно ихъ губя;
«Побѣгла по стѣнамъ смущенна, внѣ себя;
«И грудію твой плодъ питающа утѣшный,
«Сей плодъ на руки взявъ, съ нимъ въ путь текла
поспѣшный.»

Сконча́ла, и уже сей вождь летитъ за градъ,
И прежній путь держа, достигъ до сцейскихъ вратъ;
Чрезъ нихъ бо долженъ онъ спѣшить, гдѣ брань
крутится.

Но Андромаха вдругъ во срѣтенье стремится:
Прекрасна и нѣжна, милъ Гетіона плодъ,
Что Киликійцамъ былъ источникомъ щедротъ,
Внутрь Гипоплакскихъ Ѳивъ со кротостью владѣя
Спѣшитъ она, съ собой прислужницу имѣя,
Несущую дитя въ объятіяхъ своихъ,
Единый, милый плодъ любви супруговъ сихъ;
Прекрасный, какъ звѣзда, прелестный, драгоцѣнный,
И отъ родителя Скамандромъ нареченный;
Но былъ Астіанаксъ * онъ граждан во устахъ;

* Т. е. владыка, или начальникъ града.

Еллинъ бо Гекторъ имъ защитой былъ отъ врагъ.
Его родитель зря, сердечнымъ чувствомъ таетъ,
И тиху на уста усмѣшку изливаетъ;
Дщерь Гетеонова со Гекторомъ стоя,
Объемлюще его, потоки слезъ лія.

«О! паче мѣръ, рекла: великодушный воинъ,
«И лучшей участи и жребія достоинъ!
«Ты мужествомъ своимъ погибель самъ себѣ;
«О сынѣ и о мнѣ нѣтъ жалости въ тебѣ:
«Онъ скоро сиротой, а я вдовицей буду,
«Враги бо купно всѣ, стѣснивъ тебя отвсюду,
«Сразятъ; я буду смерть себѣ въ отраду звать.
«Тебѣ, нисшедшу въ гробъ, чего несчастной ждать?
«Утѣхи, радости меня остáвятъ вѣчно,
«Мнѣ участь будетъ скорбь, уныніе сердечно,
«Во гробѣ мать моя, во гробѣ мой отецъ;
«Его повергъ мечемъ Ахиллъ, всѣхъ бѣдъ творецъ;
«Разрушивъ съ яростью градъ Киликіянъ, Ѳивы,
«Превознесенный градъ, и нѣкогда счастливый,
«Повергъ, но не хотѣлъ оружія совлечь;
«Всеоруженнаго почтилъ его сожечь,
«Еще геройскую въ немъ бодрость уважая
«И праведныхъ небесъ отмщенья убѣгая;
«Надъ прахомъ, чести въ знакъ, возвысилъ онъ бугоръ,
«И дщери Зевсовы, прелестны Нимфы горъ
«Вѣнчали ульмами сей памятникъ надгробный.
«Седмь братій же моихъ, и всѣ одноутробны,
«Въ единъ всѣ купно день въ Плутоновы страны
«На злачной паствѣ стадъ Ахилломъ сражены.
«Царицу, мать мою сей врагъ, сей ужасъ сильнымъ,
«Плѣнивъ, привелъ сюда съ сокровищемъ обильнымъ;

«Но искупленной ей безмѣрною цѣной
«Преторглась въ домѣ жизнь Діаниной стрѣлой.
«И такъ въ тебѣ я зрю отца и мать и друга,
«И братію свою, и милаго супруга,
«Всѣ радости мои во имени твоемъ,
«Ты пожалѣй о мнѣ и о младенцѣ семъ,
«И стой при башнѣ здѣсь, страдалецъ бѣдъ толикихъ!
«Но рать на семъ холмѣ, гдѣ лѣсъ смоковницъ дикихъ,
«Стоять со мужествомъ противъ враговъ принудь,
«Съ сего бо мѣста въ градъ для нихъ удобнѣй путь:
«Аяксы и сыны великаго Атрея,
«Идоменей, и съ нимъ безстрашный сынъ Тидея,
«Трикраты мѣстомъ симъ стремились овладѣть
«И стѣнъ на высоту въ погибель намъ взлетѣть;
«Пророчьимъ ли какимъ совѣтомъ поощрены,
«Иль духа своего предчувствомъ устремлены.

Рекла. Герой въ отвѣтъ: «возлюбленна моя,
«Печалію твоей, какъ ты, терзаюсь я;
«Но гражданъ укоризнъ и женъ ихъ я страшуся,
«Коль грозныя войны, какъ робкій, удалюся.
«Нѣтъ! мужеству внемлю; я бранемъ изученъ;
«Всегда являлся я средь первыхъ ополченъ,
«Чтобъ храбро защищать твердыни Иліона,
«И славу собственну, и славу отча трона.
«Я вѣмъ, пріидетъ часъ, когда падетъ Пергамъ,
«Падутъ и граждане, и съ чадами Пріамъ.
«Но гибель отчества, ни смерть меня родившихъ,
«Ни братій смерть моихъ, всѣ горести испившихъ,
«Толикой скорбію мнѣ сердце не язвятъ,
«Какъ та ужасна мысль, что нѣкій сопостатъ

«Во слезну повлечетъ тебя, смѣясь, неволю,
«И что во Аргосѣ терпя жестоку долю,
»У гордой госпожи ты будешь прясть и ткать,
«Иль, къ вящшему стыду, и воду почерпать
«Со всклоненіемъ хребта и нѣжной выи
«Въ струи Мессеиды, иль чистой Гиперіи,
«Неволей, со стыдомъ, но нужда повелитъ.
«Тогда всѣ зрящи твой уничиженный видъ
«И слезный токъ, рекутъ, смѣющись надъ тобою:
«Се Гектора жена; что, защищая Трою,
«Страшнѣй всѣхъ былъ врагамъ.. Сія прискорбна
рѣчь
«Для сердца твоего какъ острый будетъ мечъ,
«Возобновишь печаль, меня воспоминая;
«Меня, могущаго твоя скончати зла.
«Но прежде, какъ узрю тебя влекому въ плѣнъ,
«Да буду глыбами земными покровенъ.»

Скончалъ, и отчески онъ длани простираетъ
И сына воспріять въ объятія желаетъ:
Дражайшій отрокъ сей, зря страшный отчій видъ
И сталь, и звучну мѣдь, чѣмъ ратникъ сей покрытъ,
Зря гребень шишака колеблемъ, оперенный,
И конскими власы на ужасъ отѣненный,
Вспять взоръ свой обратилъ, пуская дѣтскій крикъ;
И къ лону мягкому прислужницы приникъ.
То зря отецъ и мать, смѣялися утѣшно.
Тогда снявъ Гекторъ шлемъ съ главы своей по-
спѣшно,
На землю положилъ, и сына воспріялъ,
И на рукахъ его качая, лобызалъ,
И взоры возводя въ превыспренность умильны:

«О Зевсъ! онъ рекъ, и всѣ странъ горнихъ боги
сильны;
«О, даруйте, да сей, мой сынъ, дитя утѣхъ,
«Явится знаменитъ, какъ я, средь гражданъ всѣхъ,
«Да будетъ нѣкогда Пергаму онъ владыкой,
«И силой облеченъ и крѣпостью толикой,
«Чтобъ Троя, зря его грядуща съ торжествомъ,
«Съ корыстью многою, съ побѣдой надъ врагомъ,
«Рекла: сей вождь отца геройствомъ превышаетъ:
«То слыша, радостью пусть мать его взыграетъ!»

Скончавъ, младенца онъ супругѣ отдаетъ,
Она, его пріявъ, къ горячимъ персямъ жметъ,
Лія потоки слезъ, усмѣшкой растворенны.
Чувствительный супругъ, симъ видомъ пораженный,
Со нѣжной жалостью ее объемля, рекъ:

«Чрезмѣрной скорбію не сокращай свой вѣкъ:
«Не сниду въ гробъ, коль нѣтъ на то судьбы велѣній;
«Избѣгнуть же ея всевластныхъ изреченій
«Не силенъ никогда рожденный на земли.
«Но ты гряди въ свой домъ, трудамъ своимъ внемли,
«Прислужницамъ вели быть къ должности прилеж-
нымъ;
«Мнѣ все, что нужно есть къ сраженіямъ мятежнымъ,
«Мнѣ съ прочими вождми, и съ сонмомъ ихъ полковъ,
«Остави учреждать противу всѣхъ враговъ.»

Скончавъ, подъялъ свой шлемъ, летитъ въ поля
гремящи,
И Андромаха вспять грядетъ слезоточащи,
И озираяся, еще чтобъ зрѣть его.

Пришедъ же въ свѣтлый домъ супруга своего,
Въ сердца всѣхъ женъ печаль печалію вселила,
Все радостное въ грусть, въ унынье премѣнила:
О Гекторѣ живомъ такъ стонутъ, такъ слезятъ,
Какъ будто предъ собой его во гробѣ зрятъ,
Отчаясь зрѣть еще избѣгша смертной длани,
И возвратившася съ пагубоносной брани.

Межъ тѣмъ Паридъ въ своихъ чертогахъ не коснитъ,
Уже всеоруженъ по граду путь стремитъ.
Таковъ, какъ бурный конь, что яслями скучая,
И плавать въ знаемыхъ ему струяхъ желая,
Преторгнувъ узы, въ бѣгъ стремится чрезъ поля,
Отъ крѣпости его копытъ дрожитъ земля.
Прекрасенъ, вверхъ главу подъемля и крутяся,
Волнистой гривою величественъ гордяся,
Играющей вокругъ и выи и раменъ,
Отличной легкостью и красотой надменъ,
Онъ къ паствамъ кобылицъ летитъ въ луга прелестны,
Въ мѣста знакомыя, въ мѣста ему извѣстны.
Таковъ Пріамовъ сынъ, божественный Паридъ,
Величественъ и бодръ, отваженъ, сановитъ,
Отвсюду покровенъ оружіемъ блестящимъ,
Стремится радостно къ полямъ, войной гремящимъ.
Онъ Гектора, какъ сей уже почти летѣлъ
Отъ мѣста, гдѣ съ своей женой бесѣду велъ,
Достигши, рекъ ему: «О братъ великодушенъ!
«Велѣніямъ твоимъ явился я преслушенъ,
«Не тако скоро въ брань, какъ ты желалъ, стремясь.»

Герой въ отвѣтъ: «никто назвать тебя, о, князь,
«Страшащимся войны не можетъ справедливо:
«Ты храбръ, лѣнивъ твой духъ и сердцѣ нерадиво;
«И я скорблю, хулѣ внимая о тебѣ,
«Хулѣ Троянъ, тобой подпавшихъ злой судьбѣ...
«Но послѣ мы о семъ прострелъ бесѣду нашу,
«Коль Зевсъ благоволитъ намъ пить свободы чашу
«И жертвовать богамъ, избавясь отъ враговъ,
«А днесь да поспѣшимъ къ подъятію трудовъ.»

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Такъ рекши, Гекторъ въ брань изъ града излетаетъ;
Паридъ сопутствуетъ; ихъ взоръ огнемъ блистаетъ;
То знакъ стремленія ко подвигамъ войны.
Сколь тѣмъ, что чрезъ моря въ любимыя страны
Плывя, и утомя плещи свои и чресла,
Стараясь напрягать всей силой тверды весла,
Пріятенъ вѣтеръ, когда дохнетъ въ желанный путь:
Столь радость чувствуетъ Троянъ смятенныхъ грудь,
Познавъ сихъ ратниковъ средь бурныхъ быть сраженій:
И се Менесѳій, вождь кровавыхъ ополченій,

Пламщеносного Арейеоя сынъ,
Филомедузы плодъ и Арнскихъ царь долинъ,
Парисомъ низложенъ, во мракъ нисходитъ гробный;
Постигнулъ равно рокъ Еіонея злобный:
Межъ шлемомъ и броней копьемъ пронзенный въ
тылъ
Отъ мышцы Гектора, онъ горьку смерть вкусилъ;
Отважный Ифиной, сынъ Декоія героя,
На колесницу сѣсть спѣша средь грозна боя;
Во рамо копіемъ отъ Главка бывъ пронзенъ,
На землю палъ съ высотъ суровой смерти въ плѣнъ.

Минерва, зря, какъ смерть Ахейцевъ посѣкаетъ,
Съ холмовъ небесъ полетъ къ Пергаму устремляетъ;
Что свѣтлый Фебъ съ твердынь дарданскихъ усмотря,
Побѣдой градъ почтить желаніемъ горя,
Летитъ ей въ срѣтенье, и дуба близъ прелестна
Сближаются сіи два божества небесна.
Гдѣ слово предначавъ, Палладѣ Фебъ вѣщалъ:

«Какой тебя еще, богиня, гнѣвъ объялъ?
«Почто слетѣла ты съ превыспреннихъ селеній?
«Иль Грекамъ лавры дать средь яростныхъ сраженій,
«О Троѣ жалость всю изъ сердца истребивъ?
«Но коль послушаешь совѣтъ мой благъ, правдивъ,
«Расторгнемъ нынѣ мы сихъ воинствъ брань пла-
чевну,
«А послѣ пусть піютъ средь поля чашу гнѣвну,
«Доколь падетъ Пергамъ; зане васъ двухъ богинь
«Есть воля стерть его, сравнить съ лицемъ пустынь.»

«О Фебъ, да будетъ то по твоему глаголу!
«*Съ сей мыслію и я съ высотъ спустилась долу.*

«Но како мы смиримъ мятежъ и брань мужей,
«Ихъ ярость бурную средь копій и мечей?»
Рекла Тритонія. Въ отвѣтъ ей сынъ Латоны:
«Мы храбрость въ Гекторѣ, незнающу препоны,
«Воспламенимъ, чтобъ онъ, симъ мужествомъ объятъ,
«Противника себѣ воззвалъ изъ сопостатъ;
«Ахейцы, раздражась, услыша рѣчь кичливу,
«Единоборника поставятъ сопротиву.»

Скончалъ, и въ мысли сей богиню преклонилъ.
Геленъ же, сынъ Пріамль, боговъ совѣтъ внушилъ,
И сердцемъ ощутя, что ихъ угодно волѣ,
Стремится къ Гектору на бранноносномъ полѣ,
И ставъ вблизи, вѣщалъ: «О Гекторъ, страхъ враговъ,
«Имущій благъ совѣтъ, какъ самъ отецъ боговъ,
«Послушай днесь меня, тебѣ одноутробна;
«Содѣлай, да средь войскъ престанетъ ярость злобна;
«А самъ простри твой гласъ Аргивцевъ бодрыхъ въ строй,
«Да лучшій ратникъ ихъ изыдетъ въ брань съ тобой,
«Не снидешь смертью днесь во мрачности унылы:
«Я слышалъ, какъ о семъ вѣщали горни силы.»

Онъ рекъ, и Гекторъ, ставъ весельемъ восхищенъ,
Съ поспѣшностью между двухъ воинствъ устремленъ,
Взявъ за среду копье, сдержалъ троянскихъ воевъ.
Возсѣли всѣ, вождю покорствуя героевъ.
То зря Атридъ, возсѣсть Аргивцамъ повелѣлъ.
Минерва же и Фебъ, златыхъ метатель стрѣлъ,
Двухъ быстрыхъ ястребовъ во образъ превращенны,
Вознеслись на гордый дубъ, Зевесу посвященный,
Чтобъ зрѣть съ веселіемъ на подвиги мужей.

Дардански же полки и рать Еллады всей,
Стѣснясь, сидѣли всѣ и грозны и прекрасны,
Щитами, копьями и шлемами ужасны.
Какъ, если яростный Зефиръ на понтъ дохнетъ,
Чернѣетъ понтъ, валы въ себѣ кипящи вьетъ:
Такъ воинства сіи, движеній разныхъ полны,
Стальнымъ оружіемъ являютъ въ полѣ волны.
Но Гекторъ, вшедъ въ среду, се такъ воззвалъ къ полкамъ:
«Внемлите, что вѣщать велитъ мнѣ бодрость вамъ,
«Трояне храбрые и мужественны Греки!
«Зевесъ, владѣющій судьбой надъ человѣки,
«Послѣднихъ нашихъ клятвъ не восхотѣлъ свершить,
«Но мыслитъ новыхъ золъ стрѣлами насъ разить,
«Доколѣ градъ падетъ, отъ Грековъ низложенный,
«Или они въ шатрахъ, Пергамомъ сокрушенны.
«Ахейцы! ваша рать героями полна,
«Да сей, чья мышца въ брань давно изучена,
«Единоборствовать со мною ополчится.
«Реку, и словъ моихъ свидѣтель Зевсъ явится.
«Коль мужествомъ меня онъ въ подвигѣ сотретъ,
«Оружіе мое себѣ да совлечетъ;
«Но тѣло пусть отдастъ, да въ домъ мой пренесется,
«И съ честью отъ Троянъ рыдающихъ сожжется.
«А если Фебъ меня почтитъ побѣдой сей,
«Оружіе врага да будетъ мздой моей;
«Я пренесу его на высоту Пергама,
«И Фебова оно красою будетъ храма;
«Но тѣло возвращу, дабы ахейска рать
«Уже послѣдній долгъ могла ему воздать,
«И памятникъ вознесть сего на брегѣ моря,
«Да плаватель валы шумящіе преспоря,

«Узрѣвъ его, речетъ: сокрытъ здѣсь мужа прахъ,
«Что древле храбростью героямъ бывъ во страхъ,
«Въ единоборствѣ палъ, отъ Гектора сраженный.
«Такъ скажетъ. Мнѣ же ввѣкъ похвалъ вѣнцы нетлѣнны.»
Скончалъ. И каждый Грекъ безмолвствуетъ, молчитъ:
Имъ отрещися стыдъ, согласье страхъ претитъ.
Но Менелай, возставъ, изрекъ хулы правдивы:
«Что зрю! не Греки здѣсь, Гречанки боязливы!
«Несносный стыдъ! уже не имать наша рать,
«Кто бъ Гектора противъ дерзнулъ во брани стать.
«Да будете вы всѣ и перстію и прахомъ,
«Вы, тако робкіе, объяты подлымъ страхомъ!
«Я вниду въ подвигъ сей; побѣды же вѣнецъ
Кому восхощетъ, дастъ безсмертныхъ силъ отецъ.»

Онъ рекъ, и воспріялъ оружія прекрасны;
Но Менелая днесь постигъ бы часъ ужасный
Неложно Гекторомъ во мрачный снити адъ,
Когда бъ не пререкли вожди елладскихъ чадъ,
И если бъ царь вождей, взявъ длань его десную,
Не тщился рѣчь ему простерти сицевую:
«Безумствуешь! на что дерзаешь, Менелай?
«Восхитившу тебя досаду умѣряй,
«Не исходи противъ сильнѣйша въ брань героя,
«Противу Гектора: онъ страхъ средь грозна боя;
«Не содрогаяся, безстрашный самъ Ахиллъ
«Не можетъ испытать его толь крѣпкихъ силъ.
«Престань, дражайшій братъ, гряди къ своей ты рати,
«Противника ему потщимся мы избрати:

«Онъ будь безтрепетенъ, пусть дышетъ онъ войной;
«Но мню, съ охотою пріиметъ онъ покой,
«Коль только не падетъ оружіемъ кровавымъ.»

Скончалъ. Покорствуетъ герой совѣтамъ здра-
вымъ.
Уже сподвижники съ веселіемъ души
Спѣшатъ съ раменъ его доспѣхи совлещи:
Но мудрый Несторъ ставъ, съ прискорбіемъ вѣщаетъ!
«Коль велій плачъ и зло Ахейцевъ постигаетъ?
«Коль слезную печаль восчувствуетъ Пелей,
«Многосовѣтный вождь, витія, честь мужей!
«Онъ нѣкогда меня, какъ друга угощая,
«О разныхъ племенахъ Аргивскихъ вопрошая,
«Грядущихъ низлагать дарданскихъ твердость стѣнъ,
«Живѣйшей радостью являлся восхищенъ;
«Познавъ же, что сіи толь бодры чада брани
«Трепещутъ нынѣ всѣ отъ Гекторовой длани;
«Къ преетолу вышняго онъ руки вознесетъ;
«Да въ царство мрачности душа его сойдетъ.
«О Зевсъ! о Фебъ! и ты, гремящая Паллада!
«Почто не зрю себя еще я тако млада,
«Какъ былъ, когда, вбизи целадонскихъ бреговъ,
«Съ пилійскимъ племенемъ аркадскихъ родъ сыновъ
«Близъ фійскихъ стѣнъ, струей Ярдана орошенныхъ,
«Сражаясь, зрѣлъ бугры героевъ пораженныхъ!
«Ервталіонъ, стоя впреди аркадскихъ силъ,
«Какъ страшный нѣкій богъ, всѣмъ ужасъ наносилъ
«Въ доспѣхи облеченъ царя Ареиѳоя.
«Въ кровавыхъ подвигахъ безтрепетна героя,
«Его же каждый мужъ и женъ прелестныхъ ликъ
«*Палиценосцемъ* звать гремящимъ пріобыкъ;

«Ни стрѣлъ бо не имѣлъ, ни копій въ брани слезной,
«Но расторгалъ полки онъ палицей желѣзной.
«Его сразилъ Ликургъ, не какъ герой, но тать:
«На тѣсной бо стезѣ потщась его застать,
«И упредя ударъ онъ палицы опасной,
«Пронзилъ его копьемъ, повергъ во мракъ ужасной,
«И всеоружіе, что далъ ему Арей,
«Поспѣшно снялъ съ него коварный сей злодѣй,
«И, въ оно облеченъ, являлъ въ войнахъ свирѣпость.
«Познавъ же старостью ослабшу въ членахъ крѣпость,
«Ерваліона имъ любимца подарилъ;
«Сей убо симъ гордясь, и твердъ въ надеждѣ силъ,
«Къ единоборствію всѣхъ сильныхъ вызываетъ;
«Смутясь, трепещутъ всѣ, всѣхъ ужасъ поражаетъ;
«А я, хоть младшій всѣхъ, презорства не терпя,
«И смѣлостью одной вооруживъ себя,
«Потекъ противъ его, съ нимъ ратовалъ, сражался;
«Минервы помощь мнѣ, побѣдой я вѣнчался:
«Сей страшный исполинъ, поверженъ мною, палъ,
«Простершись, поля часть велику занималъ.
«О, если бы моя поднесь блистала младость,
«Противу Гектора я стать почелъ бы въ радость;
«А въ васъ и тѣ, что силъ отличностью цвѣтутъ,
«На подвигъ съ Гекторомъ изыти не дерзнутъ.»

Такъ Грековъ упрекалъ сей старецъ благосмысленъ,
И се воздвигся ликъ вождей девятичисленъ.
Всѣхъ прежде возстаетъ самъ царь мужей, Атридъ;
По немъ Тидеевъ сынъ, безстрашный Діомидъ;
Аяксы послѣ ихъ, во крѣпость облеченны;
По сихъ Идоменей и Меріонъ надменный,

И грозный, яко Марсъ, оплотомъ многихъ силъ;
Воздвигся послѣ ихъ великій Еврипилъ,
И Андремоновъ плодъ, Ѳоасъ, войной несытый,
И бодрственный Улиссъ, въ совѣтахъ знаменитый.
Всякъ рѣвностно изъ нихъ готовъ въ сей подвигъ течь.
И паки Несторъ къ нимъ простеръ совѣта рѣчь:
«Да жребіемъ сіе избраніе свершится:
«Избранный тако вождь ко брани ополчится;
«И если въ подвигѣ толь страшномъ не падетъ,
«Намъ благо, а себѣ хвалу пріобрѣтетъ.»

Онъ рекъ. И каждый вождь свой жребій означаетъ
И оный въ твердый шлемъ царя мужей влагаетъ;
Но рать подъемлетъ взоръ и длани къ небесамъ,
Несется гласъ мольбы по ревностнымъ полкамъ:
«О Зевсъ! благоволи, къ намъ милость печатлѣя,
«Да бодрственный Аяксъ, иль грозный сынъ Тидея,
«Иль вождь вождей грядетъ въ сей трудъ, достойный хвалъ!»

Рекли. И Несторъ шлемъ Атридовъ сотрясалъ,
И жребій имъ изъялъ всѣхъ паче вожделѣнный,
Его изъ старчихъ рукъ глашатай вземь почтенный,
Нося, являлъ вождямъ, начавъ съ страны десной;
Но отрицался всякъ, не зря то быти свой;
Когда жъ достигнулъ съ нимъ и къ сыну Теламона,
Сей мужественный вождь, дарданска ужасъ трона,
Пріялъ, воззрѣлъ, позналъ, веселье ощутилъ,
И вергнувъ предъ стопы сей жребій, возопилъ:
«О друзи! жребій мой, я духомъ восхищаюсь
«И мню, надъ Гекторомъ побѣдой увѣнчаюсь.
«Но вы, спѣшащу мнѣ оружіе пріять,
«*Потщитесь* тихій гласъ къ Зевесу изліять,

«Да не услышитъ сей мольбы враждебно войско;
«Иль что? коль вамъ велитъ стремленіе геройско,
«Прострите громкій гласъ: намъ грозна страха нѣтъ;
«Искусство, мужество меня не ужаснетъ;
«Рожденъ, воспитанъ я не тако въ Саламинѣ,
«Чтобъ страшныхъ подвиговъ не испыталъ донынѣ.»

Скончалъ, и воинства возносятъ гласъ мольбы:
«О, поклоняемый на Идѣ, царь судьбы,
«Великій, сильный Зевсъ, пути его же правы,
«Аяксу даждь вѣнецъ побѣды днесь и славы;
»Но если Гекторъ милъ равно очамъ твоимъ,
«Ты равну силу даждь и славу обоимъ!»

Рекли. Аяксъ, во всеоружье облеченный,
Исходитъ, яко Марсъ свирѣпствомъ упоенный,
Текущій съ яростью на брань племенъ земныхъ,
Въ которыхъ огнь вражды, источникъ бѣдствій злыхъ,
Зевесомъ воспаленъ на гибель человѣковъ.
Таковъ Аяксъ, оплотъ необоримый Грековъ,
Усмѣшку грозную являющій лицемъ
И потрясающій престрашнымъ копіемъ,
На подвигъ шествуетъ пространными шагами.
Аргивцы, зря его, восхитились сердцами;
Троянъ же велій страхъ и трепетъ поразилъ;
Смутился Гекторъ самъ и робость ощутилъ.
Но вспять идти не могъ отъ брани сей ужасной,
Зане онъ самъ воззвалъ на подвигъ толь опасной.
И се Аяксъ, держа, какъ башню, твердый щитъ,
Что Гиды гражданинъ, художникъ знаменитъ,
Тихисъ, искусствомъ всѣхъ въ свое превысшій время,
Седмь цѣлыхъ тельчьихъ кожъ, ужасно силамъ бремя,

Едину со другой искусно съединивъ,
Осьмый же мѣдный пластъ крѣпчайшій положивъ,
Содѣлалъ страшному въ войнахъ сему герою.
Сей убо щитъ Аяксъ, несущій предъ собою,
Приближась къ Гектору, возвысилъ грозный гласъ:
«Познаешь, Гекторъ, въ сей тобой желанный часъ,
«Сколь сильны, бодрственны вожди въ полкахъ
Еллады,
«И безъ Ахилла суть рушащи тверды грады,
«И расторгающи, какъ левъ, противныхъ строй:
«Атриду мстя, почилъ отъ брани сей герой;
«Но многи могутъ въ насъ тебѣ противостати.
»Начни и крѣпость силъ яви предъ взоромъ рати.»

Но Гекторъ вопреки: «Не тщися искусить
«Аяксъ, народовъ вождь! и что меня страшить,
«Какъ юно отроча, какъ женъ безсильныхъ, нѣжныхъ;
«Невѣдущихъ, что брань въ поляхъ многомятежныхъ?
«Къ сраженьямъ я привыкъ, воспитанъ средь войны;
«Умѣю обращать мой щитъ на всѣ страны;
«Хотя я пѣшъ, хотя являюсь на колесницѣ,
«Всегда свирѣпствуетъ копье въ моей десницѣ.
«Сколь ты ни храбръ, но я не буду соглядать,
«Чтобъ скрытный могъ ударъ нанесть тебѣ, какъ тать.
«Брегись.» И съ словомъ симъ копье изъ рукъ пус-
каетъ,
Близъ мѣди верхъ щита геройска поражаетъ;
Ударъ жестокъ, и шесть пластовъ щита пронзилъ,
Въ седьмомъ свирѣпый свой полетъ остановилъ.
Аяксъ въ свою чреду съ геройскимъ духа жаромъ
Разитъ противника усильнымъ въ щитъ ударомъ,
Сквозь щитъ, броню, хитонъ полетъ копья протекъ,

И дни бы Гектора въ сей грозный часъ пресѣкъ;
Но онъ, уклоншися, избѣгнулъ мрачна ада.
Тогда уже сіи кровавой брани чада,
Исторгнувъ копья вдругъ изъ крѣпости щитовъ,
Какъ яростны вепри, какъ страшны скимны львовъ,
Вступаютъ въ новый бой, и Теламона сыну
Троянскій вождь копье стремитъ щита въ средину;
Но мѣдный пластъ прегнулъ блестяще копіе.
Аяксъ, воспламененъ, въ отмщеніе свое
Разитъ, и сквозь щита желѣзо пролетѣло,
И съ легкостью язвитъ враждебной выи тѣло;
Зритъ Гекторъ кровь свою, и мало отступя,
Отъ подвигъ не престалъ, но, мужествомъ кипя,
Великъ и черенъ и твердъ онъ камень вземь рукою,
Пустилъ его во щитъ ахейскому герою:
Звучитъ сотрясшись мѣдь, Аяксъ неколебимъ;
Онъ, большій камень взявъ, и мужествомъ своимъ
Еще на воздухѣ его круговращая,
И тако тяжесть въ немъ удара умножая,
Какъ жерновомъ расшибъ вождя троянска щитъ,
И самы твердости колѣнъ его вредитъ;
Сей ратникъ палъ, хребтомъ подъ щитъ свой раздробленный;
Но вдругъ поднялъ его Латонинъ сынъ священный.
Тогда блестящіе изъявъ мечи свои,
Еще бъ сразилися воители сіи,
Но мужи мудростью и разумомъ извѣстны;
Земны глашатаи, посланники небесны,
Талтивій греческій, троянскій же Идей,
Поспѣшно притекли, и ставъ средь сихъ вождей,
Простерли скипетры, священной власти знамя;
И возопилъ Идей, туша вражды ихъ пламя:

«Престаньте ратовать; скончайте, чада, брань:
«Надъ вами равно бдитъ всесильна Зевса длань.
«Всѣ вѣдаемъ о васъ, сколь храбры, крѣпки оба,
«Грядетъ и ночь, такъ пусть почіетъ ваша злоба.»

Аяксъ въ отвѣтъ: «Идей, потщитесь паче вы,
«Да Гекторъ мнѣ слова вѣщаетъ сицевы:
«Онъ первый самъ воззвалъ на подвигъ сей опасенъ,
«Престанетъ первый онъ, и я престать согласенъ.»

Въ отвѣтъ же Гекторъ рѣкъ: «Аяксъ! я самъ позналъ,
«Что мудрость, силу Зевсъ тебѣ и бодрость далъ:
«Ты первый мужествомъ средь нашихъ ополченій.
«Скончаемъ днесь мы брань, почіемъ отъ сраженій,
«Сражаться можемъ впредь, доколь судьбы отецъ
«Благоволитъ кому побѣды дать вѣнецъ.
«Приближилася ночь; ей благо покориться,
«Гради въ твои шатры спокойствомъ насладиться,
«Возвеселить собой и рать и всѣхъ вождей,
«А паче искреннихъ клевретовъ и друзей.
«И я, я въ гордую пришедъ отъ брани Трою,
«Сограждан всѣхъ сердца смущенны успокою;
«Стекутся въ храмъ они благодарить боговъ.
«Но прежде, нежели почіемъ отъ трудовъ,
«Другъ друга мы почтимъ изящными дарами,
«Да Троянинъ и Грекъ возвыся насъ хвалами,
«Рекутъ: се тѣ враги, что, яростью кипя,
«Взаимно тяготивъ ударами себя,
«Разстались какъ друзья, давно соединены.»

Скончалъ, и мечъ ему, сребромъ преукрашенный,
И хитраго труда онъ перевязь вручилъ;

Аяксъ же поясомъ багрянымъ подарилъ.
Такъ подвигъ совершивъ, грядутъ сіи герои;
Аяксъ къ Ахеянамъ, и Герторъ къ чадамъ Трои.
Сіи, узрѣвъ, что онъ отъ пагубы избѣгъ,
И не сраженъ врагомъ на мрачный Стикса брегъ,
Ведутъ его въ градъ, съ восторгомъ восклицая,
И жива быть еще очамъ не довѣряя.
Аяксъ, возвеселенъ и сердцемъ и душей,
Торжественно грядетъ въ шатеръ царя мужей;
Вступилъ; Атридъ заклалъ Зевесу лучезарну
Пятьлѣтняго тельца на жертву благодарну;
Останки мясъ себѣ для пиршества чредятъ
И сердце питіемъ и брашномъ веселятъ:
Хребтомъ тельца почтилъ Атридъ Аякса цѣлымъ.
Скончали пиршество со духомъ всѣ веселымъ.
И Несторъ имъ совѣтъ полезный возвѣстилъ:

«Атридъ! и прочіе вожди елладскихъ силъ!
«Премноги бурнымъ днесь попранны Марсомъ Греки;
«Скамандры на брегахъ текутъ ихъ крови рѣки;
«Геройски души ихъ во мрачный адъ прешли;
«И такъ престать войнѣ заутра повели.
«Съ восходомъ въ небеса багряныя денницы,
«Тѣла поверженныхъ собравъ на колесницы,
«На мскахъ и на тельцахъ сюда мы превеземъ,
«И оны предадимъ истлѣнію огнемъ;
«Да чадамъ прахъ отцевъ, остатокъ милый, слезный,
«Возможетъ всякъ принесть, возвращшись въ домъ любезный;
«Единъ и общій мы бугоръ изъ глыбъ земныхъ
«Гробницей сотворимъ для всѣхъ героевъ сихъ;
«Посемъ соорудимъ мы стѣну возвышенну,

«Огромностью стрѣльницъ и башенъ укрѣпленну,
«Въ защиту и оплотъ и войску и шатрамъ;
«И въ нѣкіихъ мѣстахъ устроимъ быть вратамъ,
«Да будутъ тѣ путемъ для всадниковъ широкимъ;
«Отвнѣ же окружимъ твердыню рвомъ глубокимъ,
«Могущимъ конское стремленье воспятить.
«Се то, что можетъ насъ надежно защитить,
«Коль гордые враги во брани преуспѣютъ.»

Скончалъ, и всѣ глаголъ хвалою печатлѣютъ.
Трояне предъ враты Пріама, ихъ царя,
Исполненъ мятежемъ совѣтъ себѣ творя,
Являлись въ страхѣ всѣ, и Антеноръ почтенный
Всѣхъ прежде сонму гласъ простеръ неухищренный:

«Трояне, Дардане и вся союзна рать,
«Внемлите, что велитъ мнѣ духъ мой вамъ вѣщать:
«Что медлимъ! возвратимъ съ сокровищемъ Елену;
«Священнымъ клятвамъ мы сотворшіе измѣну.
«Мы ратуемъ еще; не льститесь, — все падетъ;
«Коль вы полезный мой отринете совѣтъ.»

Скончалъ и сѣлъ; но се являя взоръ свирѣпый,
Противурекъ Паридъ, супругъ Еленинъ лѣпый:
«Обидный мнѣ совѣтъ потщился ты сплесть,
«Другой и лучшій ты намъ можешь изобрѣсть;
«И если въ сердцѣ то, что ты вѣщалъ устами,
«Конечно, ты лишенъ разсудка небесами.
«Но я торжественно Троянамъ возвѣщу,
«Елену возвратить Атридамъ не хощу:
«Аргосское же съ ней богатство похищенно
«Хощу, да будетъ имъ отнынѣ возвращенно,

«И я готовъ его умножити своимъ.
«Се тако мыслю я, и въ томъ неколебимъ.»

Скончавъ, Паридъ возсѣлъ. Пріамъ, возставъ отъ трона,
Владыка, мудростью подобный сыну Крона,
Глаголетъ: «Граждане, и ты, союзна рать!
«Внемлите, что велитъ мнѣ духъ мой вамъ вѣщать:
«Какъ прежде, вечерять въ строяхъ своихъ грядите,
«Устройте стражу вы, и кіиждо бодро бдите,
«Заутра да грядетъ къ Атриду въ сѣнь Идей,
«И что вѣщалъ Паридъ, виновникъ брани сей,
«О томъ да извѣститъ Ахейцевъ храбрыхъ племя;
«Къ сему вопроситъ ихъ, не хощутъ ли на время
«Престать отъ подвиговъ, да падшихъ мы сожжемъ,
«И послѣ паки брань кровавую начнемъ,
«Доколь они падутъ, иль граждане Пергама.»

Скончалъ. Послушны всѣ велѣніямъ Пріама;
Спѣшатъ, пріемлютъ снѣдь, какъ должно, по строямъ.
Наутріе Идей стремится къ кораблямъ,
И Грековъ, Марсовыхъ питомцевъ онъ гремящихъ
Въ шатрѣ вождя вождей обрѣлъ, совѣтъ творящихъ,
И ставъ средь сонма ихъ, со гласомъ возопилъ:
«Атриды и други князья елладскихъ силъ!
«Пріамомъ посланъ я и прочими вождями
«Рещи (о, если бъ въ томъ обрѣлъ успѣхъ предъ вами!),
«Что въ сонмѣ нашемъ рекъ Паридъ, виновникъ слезъ,
«И люто мстящій бичъ разгнѣванныхъ небесъ.
«Онъ всѣ сокровища, въ Аргосѣ похищенны

«(Что прежде не погибъ сей мужъ ожесточенный!),
«Умножа собственнымъ, вамъ хощетъ возвратить;
«Елену же отдать нѣтъ силъ его склонить.
«Еще повелѣно рещи, о бодро племя!
«Почіете ли вы отъ подвигъ нѣко время,
«Да падшихъ пламени тѣла мы предадимъ,
«И послѣ грозную войну возобновимъ,
«Доколь падете вы, иль чада пышной Трои?»

Скончалъ, и всѣ молчатъ ахейскіе герои.
Впослѣдокъ возгласилъ Тидеевъ храбрый сынъ:
«Принять сокровища не мысли ни единъ,
«Ни даже самую, источникъ бѣдъ, Елену:
«И отрокъ ощутитъ, толику зря премѣну,
«Что гибели ударъ на Трою вознесенъ.»

Онъ рекъ; глаголъ его хвалой отъ всѣхъ почтенъ.
Тогда и царь вождей, Атридъ, изрекъ Идею:
«Се Грековъ вамъ отвѣтъ; я тужде мысль имѣю;
«Тѣла же падшихъ я согласенъ сожещи:
«Не можно бо сея имъ чести отрещи,
«И сожалѣній гласъ не престаетъ вѣщати,
«Чтобъ сей послѣдній долгъ немедля имъ воздати;
«Великій убо Зевсъ, гремящій въ небесахъ,
«Премирія сего свидѣтель будетъ въ насъ.»

Скончалъ, и скипетръ свой подъялъ боговъ ко трону.
Идей же шествуетъ обратно къ Иліону,
И зря, что граждане владычества сего
Еще всѣ собранны, возврату ждутъ его,
Вступилъ ихъ во среду, и жаждущимъ отвѣта,

Онъ мысли возвѣстилъ ахейскаго совѣта.
И се они спѣшатъ сугубый трудъ начать:
Сѣщи въ лѣсахъ древа, съ полей тѣла подъять.
Не меньше ревности аргивска рать являетъ
И къ слезнымъ симъ трудамъ со брега поспѣшаетъ.
Уже изъ нѣдръ морскихъ свѣтильникъ дня востекъ;
И первымъ златомъ твердь лазореву облекъ;
Трояне съ Греками срѣтались въ полѣ брани;
Подъемлютъ тѣлеса геройскія ихъ длани;
Не могши различить, кто былъ клевретъ, кто врагъ,
Стараются омыть сгущенну кровь и прахъ,
И возлагаютъ ихъ, крушась, на колесницы.
Колѣ многимъ токомъ слезъ омылись ихъ зѣницы!
Но ратникамъ своимъ Пріамъ рыдать претитъ;
Безмолвный убо всѣ являя скорби видъ,
Возносятъ на костеръ пожертыхъ смертной мглою,
И пламени предавъ, грядутъ въ священну Трою.
Аргивцы равный долгъ поверженнымъ мужамъ
Съ печалію свершивъ, отходятъ къ кораблямъ.
Еще восхода дня заря не возвѣщала
И полусвѣтла ночь на тверди возлежала,
Избранный Грековъ полкъ возставъ съ одровъ своихъ;
Клевретамъ памятникъ воздвигъ изъ глыбъ земныхъ,
И возвышается посемъ стѣна надменна,
Огромностью стрѣльницъ и башенъ укрѣпленна,
Въ защиту воинствамъ надежнѣе щита;
Воздвиглись по мѣстамъ и твердыя врата,
Чтобъ быть для всадниковъ путемъ на брань широ-
кимъ;
Отвнѣ обносится твердыня рвомъ глубокимъ,
Его же крѣпкимъ верхъ забраломъ огражденъ.
Се такъ труждалася елладскихъ рать племенъ.

Но боги въ Зевсовыхъ чертогахъ позлащенныхъ
Сидя, взирали всѣ, во мысляхъ удивленныхъ,
Сколь страшну, велію громаду зиждетъ Грекъ.
И царь морей, Нептунъ, въ досадѣ гнѣвной рекъ:
«Кто впредь изъ жителей пространна, дольня свѣта
«Восхощетъ испросить отъ горнихъ силъ совѣта?
«Или не зриши ты, гремящій царь боговъ!
«Толь стѣну гордую и толь глубокій ровъ,
«Предивный Грековъ трудъ, отъ сопостатъ въ за-
щиту.
«Чій былъ изъ насъ совѣтъ къ толь дѣлу знамениту?
«Сожгли ли въ даръ они стотельчну жертву намъ?
«Прострется слава сей стѣны по всѣмъ землямъ;
«Твердыня, ею же и я и сынъ Латоны
«Понесши тяжкіе труды, презрѣвъ препоны,
«Потщились окружить Лаомедонту градъ,
«Забвенна будетъ ввѣкъ отъ земнородныхъ чадъ.»

Сей рѣчью раздраженъ сынъ Крона, тучъ сгусти-
тель:
«Что рекъ, вѣщалъ ему, что рекъ ты, водъ властитель,
«Всю тяготу земли могущій потрясти,
«Слабѣйшихъ тя боговъ во ужасъ привести?
«Сей гордый можетъ трудъ, отъ Грековъ пред-
пріятый:
«Твоей же похвалы и славы гласъ крылатый
«Во всѣ подсолнечной предѣлы прелетитъ.
«Внемли: когда судьба Ахейцевъ возвратитъ
«Въ отечественный домъ, въ любезную Елладу,
«Ты въ бездну волнъ морскихъ низринь сію громаду
«И послѣ брегъ покрой пескомъ изъ глубины,
«И симъ загладь слѣды аргивскія стѣны.»

Такъ горни жители между собой вѣщали.
Спустилось солнце въ понтъ, Ахейцы трудъ скончали
И къ пиршеству въ шатрахъ спѣшатъ заклать тель-
цовъ.
Тогда и корабли касаются бреговъ
Премноги, радостнымъ виномъ обремененны;
Что Гипсипилы плодъ любезный, вождѣленный,
Евней, Язоновъ сынъ, послалъ изъ Лемна къ нимъ;
Особь же бодрственнымъ Атридамъ обоимъ
Мѣръ тысящу вина сей Лемна царь даруетъ;
Спѣшатъ, и куплей всякъ вино себѣ взыскуетъ,
Желѣзо, кожи, мѣдь, тельцы и рабъ съ рабой
Имъ были радостна вина сего цѣной.

Аргивцы во шатрахъ, Трояне же во градѣ
Проводятъ тако нощь во пиршествахъ, въ отрадѣ;
Но царь судебъ, Зевесъ, имъ злая помышлялъ
И гнѣвъ свой молніей всенощной возвѣщалъ:
Трепещутъ, не дерзалъ никто вина вкусити,
Не поспѣша его Зевесу въ честь излити,
Да будетъ ярость тѣмъ небесъ отвращена.
Посемъ въ объятіяхъ почили сладка сна.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Простерлся надъ землей багряный блескъ Авроры,
И Зевсъ, его же громъ трясетъ недвижны горы,
Олимпа гордаго на высшій изъ холмовъ

Со властію призвалъ безсмертныхъ ликъ боговъ.
Сидятъ безмолвны всѣ; онъ слово предпріемлетъ:

«Богиня каждая и каждый богъ да внемлетъ,
«Никто да не дерзнетъ мнѣ нынѣ пререкать,
«Или велѣніямъ моимъ противостать;
«Но всѣ покорствуйте, да вскорѣ все устрою,
«Что я опредѣлилъ владычнею судьбою!
«Нисшедшій втай изъ васъ съ превыспреннихъ высотъ
«Дарданцевъ защищать, или аргивскій родъ,
«Постыдно уязвленъ на небо возвратится,
«Иль, вергнутъ въ тартаръ мной, падетъ и погрузится
«Во преисподнія подземныя мѣста,
«Гдѣ праги мѣдяны, желѣзны гдѣ врата,
«И кои адскихъ странъ толь ниже въ глубь зіяютъ,
«Коль землю небеса блестящи превышаютъ:
«Познаетъ, како я сильнѣе всѣхъ боговъ!
«Коль вѣдать хощете вы истину сихъ словъ,
«Златую цѣпь съ высотъ вы долу низпустите
«И оной купно всѣ съ небесъ меня влеките:
«Вы узрите, какъ вашъ ничтоженъ будетъ трудъ;
«Всѣ силы въ долъ земный меня не совлекутъ;
«Хощу ли васъ поднять отъ долу цѣпью сею,
«Могу возвысить васъ и съ моремъ и съ землею;
«Скрѣплю ли цѣпь сію Олимпа къ высотамъ,
«Вся будетъ тварь висѣть, подъята къ небесамъ.
«Толика мощь моя надъ смертными и вами!»

Скончалъ, и рѣчь сія межъ горними умами
Недоумѣніе и страхъ произвела.
Посемъ гремящая Минерва такъ рекла:

«Всевышній царь царей, нашъ отче и владыко!
«Всѣ вѣмы, коль твое могущество велико,
«Ты въ насъ непобѣдимъ; но можно ль не страдать
«Намъ зрящимъ, какъ въ поляхъ ахейска гибнетъ рать?
«Ты повелѣлъ; и мы не снидемъ къ брани слезной,
«Но Грекамъ мы во грудь вдохнемъ совѣтъ полезной,
«Да не погибнутъ всѣ во ярости твоей.»

Съ усмѣшкой отвѣщалъ громодержатель ей:
«Дражайша дщерь моя, ты будь благонадежна,
«Къ тебѣ я чувствіемъ отца пылаю нѣжна.»

Онъ рекъ, и коней впрягъ блестящихъ златомъ
гривъ,
Летящихъ скоростью какъ вихря быстръ порывъ,
И въ лучезарную облекшись багряницу,
Златый пріявши бичъ, возсѣлъ на колесницу,
Нанесъ бичемъ ударъ — и кони въ путь летятъ,
Межъ небемъ и землей свой быстрый бѣгъ стремятъ;
Мгновенно прелетѣлъ до Иды онъ струистой,
На холмъ гаргарскій, гдѣ алтарь ему душистой
И роща въ честь стоитъ, куреніемъ дыша.
Здѣсь коней царь боговъ отъ ига отрѣша,
Къ сему одѣявъ ихъ густымъ отвсюду мракомъ,
Блестящъ величества божественнаго зракомъ,
Возсѣлъ на высотахъ священныя горы,
Взирая на Пергамъ и гречески шатры.

Межъ тѣмъ ахейска рать, укрѣпившись малымъ
брашномъ,
Готовится предстать на полѣ, смертью страшномъ;
Вооружаются Трояне равно въ брань;

Ихъ меньшее число, крѣпка ихъ нуждой длань,
Чтобъ жизнь соблюсть могли и жены ихъ и чада.
И се отверзлись всѣ врата пространна града,
Исторглись всадники и пѣшіе изъ нихъ,
Наполня воздухъ весь отъ гласа устъ своихъ.

Сомкнулись воинства и ярость умножалась;
Тамъ крѣпка грудь о грудь противну ударялась,
Копье съ копьемъ и щитъ срѣтался со щитомъ;
Несется въ воздухѣ оружій трескъ и громъ;
Сраженныхъ внемлются плачевныя стенанья,
И поражающихъ побѣдны восклицанья:
Багрѣетъ кровію кипящею земля.
Доколѣ Фебъ всходилъ въ лазоревы поля,
Средь воинствъ обоихъ съ стрѣлами смерть летала
И Грековъ и Троянъ нещадно поражала.
Когда жъ высокія достигъ среды небесъ,
Тогда златы вѣсы пріемлетъ въ длань Зевесъ,
И смертны двѣ судьбы на дскахъ ихъ полагаетъ:
Судьба Троянъ, судьба и Грековъ ожидаетъ.
Подъялъ вѣсы, воззрѣлъ, къ Аргивцамъ смерть спѣшитъ;
Судьба ихъ до земли уклоншися виситъ,
Судьба Троянъ взнеслась въ превыспренни предѣлы.

И се со громомъ Зевсъ стремитъ калены стрѣлы
Съ холма гаргарскаго на всю ахейску рать.
Кто пламенныхъ не могъ перуновъ трепетать?
Ни храбръ Идоменей, ни царь мужей державный,
Аяксы бодрые, потомцы брани славны,
Не могутъ устоять: Пилеевъ токмо сынъ,
Лишь Несторъ не бѣжитъ, но нехотя единъ:

Припряжный конь его уязвленъ былъ стрѣлою,
Что мѣткой пущена Паридовой рукою,
Во самый верхъ главы, гдѣ первый власъ растетъ,
Гдѣ смерть скорѣйшая нить жизненну сѣчетъ;
Вздымаясь, бьется конь, болѣзнь его терзаетъ,
Мятется и другихъ коней собой смущаетъ,
И присѣкающу въ смущеніи своемъ
Несчастну Нестору ремни коня мечемъ,
Се Гекторъ сквозь толпы стремясь, къ нему несется,
Летятъ его кони, и бурей прахъ віется:
Касался Нестора суровой смерти часъ;
Что видя Діомидъ, вознесъ къ Улиссу гласъ:
«Лаертовъ мудрый сынъ, совѣтами обильный!
«Что вспять стремишься ты, какъ робкій и безсиль-
ный?
«Брегись, да не пронзитъ хребта стрѣлою врагъ.
«О робость! возвратись, отрини подлый страхъ,
«Да Нестора спасемъ отъ ратника ужасна!»

Такъ рекъ; и рѣчь сія изъ устъ его напрасна:
Не внемлетъ ей Улиссъ и въ бѣгъ течетъ къ шатрамъ.
Тидеевъ сынъ единъ, но примѣсясь къ строямъ,
Ставъ Нестора впреди предъ горды супостаты,
Стремитъ къ нему изъ устъ вѣщанія крилаты:
«О, старче! юные враги тебя тѣснятъ;
«Ты древенъ, слабъ противъ сихъ бодрыхъ брани чадъ;
«Возатай твой безъ силъ и кони утомленны;
«И такъ въ сіи часы толь грозны, толь смущенны
«Потщись ко мнѣ возсѣсть на колесницу ты:
«Троасовы кони отличной быстроты,
«Отъяты въ брани мной у храбраго Энея,
«Умѣютъ гнать и вспять стремиться, ужасъ сѣя;

«Пусть мой и твой клевретъ стрегутъ коней твоихъ,
«А сихъ да устремимъ на сопостатовъ злыхъ,
«Да Гекторъ вѣдаетъ, какъ можетъ въ грозной брани
«Свирѣпствовать копье въ моей безстрашной длани.»

Скончалъ, и Нестору совѣтъ угоденъ сей.
Сѳенелъ, Евримедонъ стрегутъ его коней;
И самъ къ Тидееву онъ сыну востекаетъ
И, вожжи взявъ, коней къ противнымъ устремляетъ;
Летитъ, и Гекторъ имъ во срѣтенье летитъ;
Пустилъ въ него копье свистяще Діомидъ,
Но, имъ пронзенъ во грудь, Ѳивеевъ сынъ несчастный;
Возатай Гекторовъ, Еніопей ужасный
Со трескомъ долу палъ послѣдній духъ излить;
Сей звукъ коней его понудилъ отступить.
Терзаетъ Гектора сія плачевна жертва,
Съ болѣзнію души оставя друга мертва,
Онъ тщится новаго конямъ вождя обрѣсть;
Обрѣлъ и повелѣлъ къ себѣ ему возсѣсть,
То былъ Архептолемъ, отважный сынъ Ифита.

Коль многихъ бы Троянъ повергла смерть несыта!
Какъ въ огражденіе бѣгутъ овецъ стада,
Стѣснясь, побѣгли бы въ Пергамъ они тогда;
Но Зевсъ на нихъ воззрѣлъ и обновляетъ громы;
И огненный перунъ, всей яростью несомый,
Онъ Діомидовыхъ коней къ стопамъ повергъ,
Горитъ, возъемлется тамъ сѣрный пламень вверхъ.
Вздымаются кони и воздухъ бьютъ ногами,
И Несторъ не владѣлъ въ свирѣпствѣ ихъ вожжами.
Ужасся духомъ онъ и Діомиду рекъ:
«*Тидеевъ* сынъ, хвала и слава бодрыхъ Грекъ!

«Управи вспять коней; иль ты не ощущаешь,
«Что Зевса на себя перуномъ ополчаешь?
«Днесь Гектору сей богъ даетъ побѣды честь;
«Онъ послѣжде и насъ благоволитъ вознесть.
«И можно ль смертному и бренному герою
«Съ его владычнею сражатися судьбою?»

Въ отвѣтъ Тидевъ сынъ: «Ты истину вѣщалъ;
«Но мракъ болѣзни духъ и сердце мнѣ объялъ:
«Какъ! Гекторъ нѣкогда возможетъ похвалиться,
«Что могъ я отъ него по брегу обратиться?
«Пусть лучше для меня разверзется земля
«И сниду въ мрачныя Еребовы поля!»

Но старецъ вопреки: «Тидеевъ бодрый сыне!
«Какую мысль, какой глаголъ вѣщалъ ты нынѣ?
«Пусть Гекторъ слабымъ тя и робкимъ назоветъ,
«Не каждой ли ему Дарданецъ преречетъ?
«Коль многи средь Троянъ рыдающи вдовицы,
«Лишенныя мужей мечемъ твоей десницы,
«Стеня возопіютъ хваламъ его противъ!»

Скончалъ, и коней вспять немедля обративъ,
Стремятся къ кораблямъ съ толпою въ бѣгъ спѣшащихъ,
Трояне бременятъ ихъ тучей стрѣлъ гремящихъ.
И Гекторъ возопилъ, возвыся громкій гласъ:
«Почто, Тидеевъ сынъ, почто спѣшишь отъ насъ?
«Тебя отлично чтятъ всѣ ратоборцы ваши,
«Часть лучша мясъ тебѣ, виномъ обильны чаши:
«Коль будешь нынѣ ты поруганъ и презрѣнъ!
«Ты робость имъ явилъ и слабость нѣжныхъ женъ!

«Бѣги, теки, стремись, боящась тѣни дѣва!
«Я зрю, исполненъ ты геройска въ брани гнѣва;
«Не обратишь меня въ постыдный бѣгъ мечемъ,
«Не внидешь въ высоту твердынь моихъ съ огнемъ,
«И въ плѣнъ не повлечешь троянскихъ женъ въ Елладу:
«Сія рука, сей мечъ тебя низринетъ къ аду.»

Сомнѣньемъ мысль свою Тидеевъ сынъ мятетъ,
Вращать ли коней вспять, да паки бой начнетъ.
Трикратъ уже хотѣлъ летѣть на сопостаты;
И возгремѣлъ Зевесъ отъ Гаргара трикраты,
Побѣды Гектору неложный знакъ дая.
Сей вождь бодритъ полки со гласомъ вопія:

«Трояне, Дардане, Ликіане державны,
«О, друзи, въ подвигахъ неутомимы, славны,
«Мужайтесь! грозна смерть Акейцамъ предстоитъ;
«Побѣдой Зевсъ меня и славою почтитъ.
«Безумны коль они, воздвигнувъ стѣны бренны!
«Падутъ оплоты ихъ, сей дланью сокрушенны;
«Удобь мои кони чрезъ ихъ прескочатъ ровъ.
«Кагда жъ достигну я до гордыхъ ихъ шатровъ,
«Всеалчущій огонь на корабли несите
«И, мнѣ послѣдуя, вы ихъ воспламените;
«Въ дыму и въ пламени объятыхъ страха мглою,
«Я Грековъ поражу безтрепетной рукою.»

Скончалъ; и рѣчь уже къ конямъ своимъ стремитъ:
«О Ксанѳъ, Подагръ, Еѳонъ и Лампій знаменитъ!
«Днесь, днесь явите мнѣ достойныя услуги,
«За пищу отъ моей пріемлему супруги!

«Вамъ прежде, нежели мнѣ, приноситъ хлѣбъ она,
«Отъ ней для васъ течетъ обиліе вина.
«Стремитесь мощію и легкостію всею,
«Да будетъ Несторовъ корыстью щитъ моею:
«О немъ летитъ молва до облакъ возвѣщать,
«Что весь златой, злата его и рукоять;
«Да совлеку броню пречудно съ Діомида,
«Броню, Вулкановъ трудъ, великолѣпна вида.
«Коль такъ исполнится, оставивъ Греки брегъ,
«Направятъ въ нощь сію постыдный въ домы бѣгъ.

Онъ рекъ; и движется на тронѣ гнѣвомъ Ира,
И потрясла Олимпъ въ превыспренности міра,
Вѣщаетъ наконецъ владѣтелю морей:
«Нептунъ! иль не скорбишь ты сердцемъ и душей,
«Зря Грековъ, гибнущихъ подъ смертными удары?
«Они тебѣ несутъ въ Геликѣ, въ Егахъ дары.
«Возстани въ помощь имъ, да поженутъ враговъ;
«Коль мы, что благу ихъ усердствуемъ полковъ,
«Восхощемъ всѣ сотерть троянской твердость рати
«И громоносному царю противустати,
«Сей царь не будетъ ли сидѣть уединенъ
«Гаргара въ высотѣ, печалію стѣсненъ?»

Нептунъ преогорченъ вѣщаетъ сей противу:
«Какую, дерзкая, ты мысль рекла кичливу?
«Какъ мы сражатися дерзнемъ боговъ съ отцемъ?
«Зевесъ необоримъ въ могуществѣ своемъ!»

Сей мудрый былъ отвѣтъ отъ грозна Посидона.
Но Гекторъ, предводимъ всемощнымъ сыномъ Крона,
Ахеянъ гонитъ вспять и крѣпостію силъ

Между стѣной и рвомъ стѣсня ихъ, заключилъ;
Смѣсились пѣшіе и быстры колесницы,
И Гекторъ подъ щитомъ Зевесовой десницы
Истнилъ бы всѣ огнемъ твердыни кораблей;
Но Ира, бодрствуя, вождю тогда вождей
Спасительный совѣтъ на сердце полагаетъ,
Да спѣшно самъ течетъ и Грековъ ободряетъ:
Летитъ Агамемнонъ къ шатрамъ сквозь строй полковъ,
Великій и багрянъ держа въ рукѣ покровъ;
И ставъ на кораблѣ Улисса онъ высокомъ,
Заемлющемъ среду въ пространствіи широкомъ,
Отколѣ слышанъ гласъ на обоихъ странахъ,
Аякса и равно Ахилла во шатрахъ:
Они бо крѣпостью безстрашной ополченны
И грознымъ подвигамъ Арея изученны,
Ахейскихъ кораблей стояли по криламъ:
Воззвалъ, возвыся гласъ Елладскихъ странъ къ сынамъ:

«Коль велій стыдъ для насъ, женоподобны Греки!
«Позоромъ будемъ мы въ потомственные вѣки:
«Гдѣ скрылись похвальбы и тотъ надменный гласъ,
»Вѣщанный съ гордостью отъ каждаго изъ насъ,
«Какъ въ Лемнѣ, въ пиршествахъ ядя сладчайше брашно,
«И полной чашею пія вино изящно,
«Хвалились, что изъ насъ противу ста Троянъ,
«Иль вящше, будетъ всякъ побѣдой увѣнчанъ?
»И днесь, днесь Гекторъ всѣхъ единъ преобораетъ,
«И скоро огнь его на корабляхъ вспылаетъ.
«О, Зевсъ! кому еще изъ смертныхъ ты владыкъ
«Толико яростью и гнѣвомъ былъ великъ?
«*Но я оставилъ* ли, плывя къ странамъ Пергама,

«Единый твой алтарь безъ жертвъ и виміама?
«Вездѣ я воскурялъ избранныхъ тукъ тельцовъ,
«Желая отъ небесъ побѣды на враговъ:
«Поне сію мольбу внушии, о царь гремящій!
«Исхити насъ самихъ отъ пагубы грозящей,
«Избавь отъ острія меча и горькихъ стрѣлъ!»

Онъ рекъ, и Зевсъ о немъ слезящемъ возскорбѣлъ!
Уже благоволитъ Ахейцамъ быть спасеннымъ
И знакомъ божеска предвѣстія священнымъ
Послалъ въ полетъ орла отъ облачныхъ высотъ,
Держащаго въ когтяхъ младыя лани плодъ;
Летитъ, и алтаря вблизи, гдѣ жертву многу
Жгли Греки Зевсу въ честь, пророчествъ вышнію богу,
Пустилъ пернатыхъ вождь корысть младую въ долъ.
Аргивцы познаютъ въ орлѣ небесъ глаголъ;
Воспламеняются геройскимъ паки жаромъ;
Стремится изъ-за рва, къ отмщенью въ гнѣвѣ яромъ,
Всѣхъ прежде грозный вождь, безстрашный Діомидъ;
Противу сопостатъ чрезъ ровъ коней стремитъ,
И первый смерть нанесъ, убійствомъ духъ питая,
Сразивъ Фрадмонова отъ сына, Агелая;
Что ярости его страшася въ бѣгъ спѣшилъ,
Но Діомидъ копье въ хребетъ ему вонзилъ;
Сквозь перси острое желѣзо пролетѣло
И пало, возгремя, со колесницы тѣло.
Стремясь, Тидеевъ сынъ другихъ съ собой влечетъ!
Текутъ съ отважностью ему Атриды въ слѣдъ,
Аяксы послѣ нихъ, во крѣпость облеченны.
По сихъ Идоменей и Меріонъ надменный,
И грозный, яко Марсъ, оплотомъ силъ своихъ

Великій Еврипилъ стремится послѣ ихъ;
Течетъ и бодрый Тевкръ неробкими стопами,
Бывъ лукомъ ополченъ и быстрыми стрѣлами;
И Теламоновъ сынъ, Аяксъ необоримъ,
Пріявъ его, покрылъ щитомъ его своимъ;
Подъемлетъ щитъ, и Тевкръ исшедъ, стрѣлу пу-
скаетъ,
И жертву нѣкую онъ смертью поражаетъ;
Сразитъ; и вспять уже къ Аяксу онъ подъ щитъ
Какъ въ матерни дитя объятія спѣшитъ,
И паки щитъ надъ нимъ простретъ сынъ Теламона!
Тогда коль многихъ Тевкръ низвергъ во мракъ Плу-
тона!
Орсилохъ, Офелестъ, и Деторъ, и Орменъ,
Хромій, и Ликофонтъ съ богами соравненъ
Поліемоновъ сынъ, Гамопаонъ ужасный,
И храбрый Меланиппъ, противникамъ опасный,
Погружены его стрѣлами въ смертный сонъ.
То зря, восхитился душей Агамемнонъ;
И шедъ къ нему, воззвалъ: о Теламоновъ сыне;
Любезный Тевкръ! рази какъ прежде, тако нынѣ:
Ты, можетъ, гордыхъ сихъ противниковъ губя,
Спасеньемъ будешь намъ и рождшему тебя,
Что младость возрастилъ твою толико нѣжно;
Побочный ты ему, но онъ равно прилежно,
Какъ чадъ другихъ, тебя потщился воспитать;
Стремись его своей ты храбростью вѣнчать.
Нѣтъ въ сихъ его поляхъ, онъ свисту стрѣлъ не
внемлетъ;
Но въ славѣ дѣлъ твоихъ участіе пріемлетъ.
Внуши и мой обѣтъ: коль мнѣ сей гордый градъ
Зевесъ съ Минервою попрать благоволятъ,

По мнѣ ты первый мзду пріимешь сей десницей,
Треножникъ, иль чету коней со колесницей,
Или прекрасную жену къ любви твоей.

Скончалъ, и Тевкръ въ отвѣтъ: «Преславный вождь вождей!
«Меня ли поощрять? я бранныхъ полнъ стремленій;
«Отнюдь не престаю отъ яростныхъ сраженій;
«Съ минуты, какъ враговъ мы гонимъ къ ихъ стѣнамъ,
«Почити не даю отнюдь моимъ стрѣламъ;
«Осмь стрѣлъ уже пустилъ среди кровава боя
«И кажда смертію насытилась героя;
«Лишь горда Гектора сразить не могу;
«Всегда противъ его ударомъ я солгу?»

Онъ рекъ, пустилъ стрѣлу острѣйшу въ сопостата;
Но Гекторъ цѣлъ, и лжетъ еще стрѣла пернатa;
Пронзенный ею въ груди, повергнутъ въ вѣчный сонъ,
Пріамовъ храбрый сынъ, герой Горгиѳіонъ,
Кастіанирой въ свѣтъ прелестною рожденной,
Имущею свой родъ въ Есимѣ вознесенной.
Какъ маковъ цвѣтъ въ саду плодомъ обремененъ
И сладкою весны росою упоенъ,
Свой лѣпый верхъ въ страну едину уклоняетъ;
Дарданца такъ глава на рамо упадаетъ,
Глава согбенная подъ тяжкимъ шишакомъ.

Отважный Тевкръ, еще желаніемъ влекомъ,
Чтобъ ранить Гектора, возвеселиться славой,
Пустилъ ему стрѣлу къ погибели кровавой;

Но уклоняетъ Фебъ стрѣлы перватой путь;
И ею пораженъ Архептолемъ во грудь,
Возатай Гекторовъ, всей конской быстротою
Стремившійся тогда къ воспламененну бою.
Со трескомъ долу палъ и кровь и духъ излилъ;
Сей звукъ коней его понудилъ отступить.
Терзаетъ Гектора печальна толь утрата,
И Гебріона зря, себѣ любезна брата,
Чтобъ править бѣгъ коней велитъ ему востечь;
Герой покорствуетъ, услыша братню рѣчь,
Самъ Гекторъ, устремясь съ блестящей колесницы,
Подъемлетъ камень твердъ могуществомъ десницы
И съ воплемъ ужаса на Тевкра онъ летитъ,
Да смерть ему вождей сраженныхъ имъ отмститъ.

То зря, отважный Тевкръ геройства гласу внемлетъ,
И лучшую стрѣлу изъ тула онъ изъемлетъ,
Кладетъ на тверду вервь и тщится вспять влещи,
Дабы къ сильнѣйшему полету напрящи;
Но Гекторъ упредилъ, и самъ въ свирѣпствѣ яромъ
Аргивца камени усиленнымъ ударомъ
Въ подвыйну персей кость близъ рама поразилъ:
Преторгъ и жилу имъ, и Тевкръ, лишенный силъ,
На землю палъ; рука, повисши, цѣпенѣетъ,
Катится лукъ изъ ней, и Тевкра жизнь хладѣетъ.
Аяксъ, узрѣвъ, летитъ, горячностью несомъ,
И брата падшаго покрылъ своимъ щитомъ;
Аласторъ же и съ нимъ Мицисѳей, сынъ Ехія,
Въ минуты, своему клеврету столько злыя,
Едва имуща духъ поднять его текутъ,
Подъемлютъ и въ шатры сострадающе несутъ.

Вторично Зевсъ простеръ Троянамъ длань высоку;
Еще они враговъ женутъ ко рву глубоку;
Ужасенъ, яростенъ, стремя повсюду взглядъ,
Имъ Гекторъ предтечетъ, къ убивству сопостатъ.
Какъ бодрый ловчій песъ всей легкостью летящій,
Свирѣпаго вепря, иль горда льва гонящій,
Во бедры зубъ ему вонзаетъ, точитъ кровь:
Такъ Гекторъ мужествомъ говя противныхъ вновь,
Всегда послѣдняго свергалъ во мрачность ада:
Бѣгутъ разсѣянны племенъ ахейскихъ чада,
И въ ужасѣ прешедъ глубокій гордый ровъ,
Премногихъ ратниковъ лишась мечемъ враговъ,
Уже близъ кораблей свой бѣгъ остановляютъ,
Другъ другу вопіютъ, другъ друга ободряютъ;
И длани къ небесамъ смиренно возносл,
Стремятъ изъ устъ мольбы, защиты ихъ прося.
Но Гекторъ, страшныя Горгоны взоръ имѣя
И очи пламенны свирѣпаго Арея,
На всѣ страны коней вращаетъ и стремитъ,
Да чрезъ пространный ровъ удобнѣй прелетитъ.

Юнона Грековъ зря, болѣзнуетъ душею,
И Тритогеніи рекла, сидящей съ нею:
«Егидоноснаго о дщерь царя небесъ!
«Или въ семъ бѣдствіи, достойномъ горькихъ слезъ,
«Оставимъ тако мы Ахеянъ безъ защиты?
«Воззри, какъ стѣснены и ужасомъ покрыты,
«Отъ мышцы Гектора пріемлютъ страшну смерть!
«Кто можетъ гордаго врага сего сотерть?»

Тритонія въ отвѣтъ: «Сей вождь, сей врагъ надменный
«Давно бъ бездушенъ палъ, отъ Грековъ сокрушенный,

«Но мой отецъ свирѣпъ, несправедливъ, жестокъ,
«Онъ преграждаетъ всѣхъ моихъ стремленій токъ;
«Забывъ, коль часто мной Ираклъ его любезной
«Исторгнутъ, исхищенъ изъ дланей смерти слезной,
«Ея же челюстьми во ярости своей
«Хотѣлъ его пожерть мучитель Еврисѳей.
«Онъ слезы лилъ; я гласъ вивавъ Зевсовыхъ велѣній,
«Летала помогать ему среди томленій.
«О! если бъ то, что зрю, могла я предузнать.
«Претекъ ли бы Ираклъ чрезъ бездны Стикса вспять,
«Симъ гордымъ посланъ бывъ, дабы предъ взоры
Феба
«Треглава пса извлечь изъ мрачнаго Эреба?
«Что жъ мзда мнѣ? ненависть одна царя судьбы,
«И хощетъ совершить Ѳетиды онъ мольбы;
«Что дланью вземь его подбрадіе священно,
«Колѣни лобызавъ владычныя смиренно,
«Молила, да почтитъ средь смертныхъ онъ сыновъ
«Ахилла, грознаго рушителя градовъ.
«Но вѣрь, пріидетъ часъ, какъ съ отческой отрадой
«Онъ назоветъ меня возлюбленной Палладой.
«Гряди, готовь коней, и я спѣшить потщусь,
«И шедъ въ чертогъ отца, ко брани ополчусь;
«Познаемъ, како сей, толь бодрый сынъ Пріама,
«Возрадуется, зря и насъ въ поляхъ Пергама.
«Есть, кто изъ гордыхъ сихъ противныхъ намъ вра-
говъ,
«Простертъ при корабляхъ, корыстью будетъ псовъ.»

Рекла: Покорствуетъ словамъ ея Юнона,
Готовитъ коней въ путь къ твердынямъ Иліона;
На злачныхъ гривахъ ихъ пречудныя красы,

Блистали золотомъ превязанны власы.
Тритонія, вошедъ въ чертогъ отца священный;
Трудъ хитрый рукъ своихъ, покровъ преиспещренный,
Застежку отрѣшивъ, съ раменъ пустила въ долъ;
Онъ льется какъ волна на позлащенный полъ;
Сама, облекшися въ броню всесильна бога,
Готовится на бравь, точащу бѣдства многа,
И къ дщери Кроновой на колесницу вшедъ;
Ліющу отъ себя пламенновидный свѣтъ,
Пріемлетъ копіе велико, ужасъ строевъ,
И гибель грозная противныхъ ей героевъ.
Юнона правитъ путь въ подзвѣздныя мѣста.
И се нетлѣнныя небесныя врата,
Гремя, отверзлися богинямъ горнимъ сами,
Врата, хранимыя безсонными *Часами*,
Что стражею стоятъ Олимпа и небесъ,
Круговъ блистательныхъ, гдѣ царствуетъ Зевесъ,
Чтобъ мрачны облака, вратамъ преграду вѣчнымъ,
Отверзть, или сомкнуть стремленьемъ быстротечнымъ.
Стремятся чрезъ сіи врата богини въ путь;
То зритъ съ Гаргара Зевсъ и гнѣвомъ полнитъ грудь,
И златокрылую призвавъ къ себѣ Ириду,
«Оставь, вѣщаетъ ей, оставь священну Иду,
«Теки, лети, стремись, сихъ дерзкихъ воспяти;
«Не даждь имъ срѣтиться со мною на пути:
«Нѣтъ радости для нихъ съ царемъ боговъ сразиться;
«Вѣщай имъ мой обѣтъ, имущій совершиться;
«Я ноги коней ихъ толь быстры поражу
«И колесницу ихъ, сокрушши, низложу;
«Повергну и самихъ съ сей гордой колесницы;
«И язвы, ими же перунъ моей десницы

«Слетитъ небесны ихъ тѣла запечатлѣть;
«Чрезъ десять равно лѣтъ не могутъ исцѣлѣть;
«Да знаетъ дщерь моя, стеня въ плачевной долѣ,
«Какъ быть преслушною отца всесильной волѣ;
«Противъ же Иры мой не тако гнѣвъ великъ,
«Преслушной: дерзкою я зрѣть ее обыкъ.»

Скончалъ: отъ Гаргара Ирида возлетаетъ,
Полетъ быстрѣйшій бурь къ Олимпу устремляетъ
И, срѣтя сихъ богинь еще у вратъ небесъ,
Сдержала ихъ въ пути, рекла, что рекъ Зевесъ:
«Что ярость въ васъ сія? куда спѣшите?
«Нѣтъ воли Зевсовой, обѣтъ его внушите:
«Онъ ноги коней сихъ немедля поразитъ
«И колесницу, въ путь летящу, сокрушитъ,
«Повергнетъ васъ самихъ съ сей гордой колесницы.
«И язвы, ими же перунъ его десницы
«Безсмертны вамъ тѣла слетитъ запечатлѣть,
«Чрезъ десять равно лѣтъ не могутъ исцѣлѣть;
«Стеня, познаешь ты, Паллада, въ слезной долѣ,
«Что есть преслушной быть Отца всесильной волѣ.
«Къ Юнонѣ бо его не тако гнѣвъ великъ:
«Упорство, дерзости ея онъ зрѣть обыкъ.
«Но ты, безстыдна ты, и вѣчно посрамишься;
«Коль бранію противъ Зевеса ополчишься.»

Скончала, и уже крилѣ простерла въ путь.
Царица же небесъ, стѣсняя вздохомъ грудь,
Рекла Тритоніи: «О дщерь судебъ владыки!
«Не снидемъ съ Зевсомъ въ брань за смертны мы языки:
«Пусть гибнутъ, иль живутъ, какъ жребій повелитъ,

«И пусть, что хощетъ, все державный Зевсъ творитъ,
«Ахеянъ и Троянъ владѣюще судьбою.»

Рекла, и вспять летитъ небесной высотою.
Недремлющи *Часы* во срѣтенье спѣша,
И коней Ириныхъ отъ ига отрѣша,
Уже къ небеснымъ ихъ нетлѣннымъ яслемъ правятъ,
Къ стѣнамъ блистающимъ ихъ колесницу ставятъ.
Богини, съ грустію вошедъ въ пресвѣтлый кровъ,
Возсѣли на златыхъ престолахъ средь боговъ.
И се гремящій царь, оставль гаргарски воды,
Взлетѣлъ величественъ въ превыспренніе своды;
Нептунъ, его коней отъ ига свободивъ
И колесницу вкругъ покровомъ осѣнивъ,
На блещущемъ ее подножьи поставляетъ.
Межъ тѣмъ отецъ боговъ, что громы устремляетъ,
Страшитъ перунами и небеса и долъ,
Вошедъ въ чертогъ, возсѣлъ на свой златый престолъ,
Возсѣлъ, и подъ его священными стопами
Колеблется Олимпъ со вѣчными холмами.
Юнона же особь съ Минервою сидя,
И взоровъ на царя отнюдь не возводя,
Простерть къ нему своей бесѣды не дерзали.
Но Зевсъ вѣщаетъ имъ, источникъ знавъ печали:

«Богини! что творитъ вамъ скорби сиџевы?
«Не долго въ подвигахъ труждались бранныхъ вы,
«Губя несчастливыхъ Троянъ, гонимыхъ вами:
«Престаньте льстить себя надменными умами.
«Всѣ силы всѣхъ боговъ тщета противъ меня.
«Вы, сколь ни дерзостны, но страхомъ грудь тѣсня,

«Не возвратилась ли въ жилище горней славы,
«Не зрѣвъ еще, что брань и что стези кровавы?
«Счастливы...сей перунъ неложно бъ вамъ отмстилъ;
«Не востекли бы всвять вы къ сонму горнихъ силъ.»

Скончалъ. Сердца богинь терзаетъ гнѣвъ, досада;
Ихъ мысли злобствуютъ противъ Пріамля града.
Аѳина гнѣвну желчь тая въ груди, молчитъ;
Но Иры злобный духъ глаголомъ симъ излитъ:
«Что рекъ ты, Кроновъ сынъ, жестокій нашъ вла-
дыко?
«Всѣ вѣмы, коль твое могущество велико:
«Ты въ насъ необоримъ; но можно ль не страдать
«Намъ зрящимъ, какъ въ поляхъ елладска гибнетъ
рать?
«Ты повелѣлъ, и мы не снидемъ къ брани слезной;
«Но Грекамъ мы во грудь вдохнемъ совѣтъ полезной,
«Да не погибнутъ всѣ во ярости твоей.»

Сгуститель облаковъ изрекъ противу ей:
«Заутра узришь ты, коль хощешь, дерзка Ира!
«Какъ съ вящшей яростью владыка горній міра
«Воздвигнетъ бѣдственну и слезну Грекамъ брань;
«И Гекторъ страшную не успокоитъ длань,
«Свергать во мрачный адъ Аргивцевъ не престанетъ;
«Доколь противъ него Ѳетидинъ сынъ возстанетъ,
«Когда близъ кораблей стѣсненна Грековъ рать
«Враждебныхъ будетъ силъ удары отражать,
«Дабы отъ врагъ изъять Патрокла низложенна.
«Такъ власть велитъ Судьбы, власть вѣчна, неиз-
мѣнна.
«Твоей же ярости посмѣеваюсь я;

«Гряди, коль хощешь ты, въ послѣдніе края
«Гдѣ кончатся предѣлъ земли и океана,
«Гдѣ златовласаго не блещетъ свѣтъ Титана
«И дуновенія прохладныхъ вѣтровъ нѣтъ;
«Гдѣ въ мрачномъ Тартарѣ и Кронъ, и злый Япетъ;
«Гряди, вѣщаю я, въ мѣста сіи унылы;
«И ополчи противъ меня ихъ горды силы;
«Мнѣ гнѣвъ твой и тогда содѣлаетъ лишь смѣхъ,
«Зане безстыднѣе и дерзостнѣй ты всѣхъ.»

Скончавъ. Она молчитъ. И се со тверди неба
Спустились понта въ глубь эфирны кони Феба;
Снѣдаетъ жалостью Троянъ утекшій день;
Но Грековъ веселитъ отрадой нощи тѣнь.

Пріамовъ грозный сынъ, блистая средь героевъ,
Ведетъ на брегъ рѣки побѣдоносныхъ воевъ.
Въ мѣста, гдѣ кровью Марсъ себя не обагрилъ;
Нисходятъ съ колесницъ строи дарданскихъ силъ;
И Гекторъ на копье, кроваву смерть дающе,
Единонадесять локтей въ себѣ имуще,
Его же остріе злато кольце крѣпитъ,
Опершися, воинствамъ крилату рѣчь стремитъ:

«Трояне, Дардане и рать союзна граду!
«Днесь, днесь я мнилъ вкусить сладчайшую отраду;
«Вступить въ Пергамъ, враговъ низвергнувъ въ адъ мечемъ,
«И тверды корабли сожегши въ прахъ огнемъ:
«Но мракъ спасаетъ ихъ отъ страшной сей напасти:
«Уступимъ убо мы ночнаго мрака власти.
«Насытьте вы коней, отъ ига отрѣша,

«Теките въ Иліонъ, и вспять въ поля спѣша,
«Овецъ, тельцовъ ведя, несите нужны хлѣбы,
«И сладостно вино на брашны вамъ потребы.
«Возжгите вы огни, собравъ костры древесъ,
«Да свѣтлость ихъ всю нощь восходитъ до небесъ!
«Дабы, коль гордые Аргивцы, страха полны,
«Восхощутъ въ нощь бѣжать чрезъ шумны понта
волны,
«Безбѣдно на свои суда не востекли;
«Но пусть они, съ бреговъ стремясь на корабли,
«Стрѣлой или копьемъ Дарданскимъ уязвятся,
«И язвы исцѣлять въ странѣ своей потщатся:
«Да всякъ земный языкъ плачевною войной
«Трепещетъ возмущать Троянъ златый покой.
«Межъ тѣмъ глашатаи, Зевесомъ освященны,
«Во градѣ возвѣстятъ, да старостью почтенны,
«И чада, юніемъ безсильные владѣть,
«На башни востекутъ стражбу въ нощи имѣть;
«Пусть жены озарятъ огнемъ великимъ домы,
«Пусть будутъ всѣ мѣста со тщаніемъ стрегомы,
«Дабы въ Пергамъ, своихъ лишенный бранныхъ
чадъ,
«Чрезъ тайный путь не вшелъ коварный супостатъ.
«Сего довольно днесь, Трояне крѣпкодушны!
«Глаголамъ будьте симъ со ревностью послушны;
«Заутра нужно что, заутра возвѣщу,
«И, жертвуя богамъ, себя надеждой льщу
«Изгнать отсель враговъ, что злой своей судьбою
«Влекомы, пренеслись на корабляхъ подъ Трою.
«Но стражею себя мы нынѣ оградимъ.
«Съ восходомъ дня противъ Ахеянъ полетимъ;
«При самыхъ корабляхъ воздвигнемъ гнѣвъ Арея;

«Узрю, ужель меня безстрашный сынъ Тидея
«Отъ гордыхъ кораблей отринетъ, отженетъ,
«Иль, грознымъ симъ копьемъ повержень, самъ падетъ,
«И совлеку съ него броню его крovаву.
«Заутра стяжетъ онъ безсмертну въ бранѣхъ славу,
«Коль ждать меня дерзнетъ летяща съ копіемъ;
«Но мню, всходящій Фебъ, златымъ блеснувъ лучемъ,
«Обрящетъ смертію врага сего сраженна;
«И сонмомъ падшихъ съ нимъ Аргивцевъ окруженна,
«О! еслибъ юность я безсмертную имѣлъ,
«И почести себѣ божественныя зрѣлъ,
«Какъ свѣтлый Аполлонъ и грозная Паллада,
«Всѣ Греки сверглись бы заутра въ бездну ада.»

Скончалъ. Со плещутъ всѣ и ревностно спѣшатъ,
Да коней, льющихъ потъ, отъ ига свободятъ;
Ведутъ овецъ, тельцовъ, приносятъ нужны хлѣбы
И сладостно вино на брашныя потребы;
Воспламеняются уже костры древесъ,
И вѣтромъ мясъ воня несется до небесъ.
Раздѣлившись по строямъ дарданска рать военнымъ,
Возсѣла близъ огней со чаяньемъ надменнымъ.
Коль въ ночь безоблачну блистающа луна
Прелестнымъ ликомъ звѣздъ течетъ окружена;
Удобно смертный зритъ предгорія, долины,
И гордыя древа, и горъ крутыхъ вершины;
Небесъ же въ высотѣ отверзтъ вездѣ эѳиръ
И созерцается созвѣздій полный міръ,
Чѣмъ пастырей сердца и души восхищенныхъ
Веселье чувствуютъ при паствахъ утучненныхъ:
Такъ многочисленныхъ троянскихъ блескъ огней,

Межъ Ксанеа и между противныхъ кораблей,
Возженныхъ гордаго Пергама предъ стѣнами,
Сіяя, озарялъ и долъ и твердь лучами.
Огней сихъ тысяща на полѣ ихъ горитъ,
При каждомъ пятьдесятъ воителей сидитъ,
Имѣя близъ себя коней и колесницы;
И сномъ не тяготя геройскія зеницы,
Всѣ ждутъ, да розами вѣнчанная заря
Прострeтъ златы лучи на горы и моря.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Такъ бодрствуя, всю ночь троянска рать не дрем-
летъ;
Но Грековъ Бѣгства духъ, сынъ Ужаса объемлетъ,
Духъ свыше посланный владыкою небесъ:
Всѣ крѣпки ихъ вожди ліютъ потоки слезъ.
Коль яростный Борей съ Зефиромъ бурнымъ въ спорѣ,
Внезапно возлетятъ съ Ѳракійскихъ странъ на море;
Подъемлютъ горы волнъ и множатъ быстрый бѣгъ,
Песка и травъ бугры со дна стремятъ на брегъ:
Ахеянъ такъ въ груди смущенна мысль терзалась
И глубина сердецъ сомнѣньемъ волновалась.
Печальми сокрушенъ державный царь Атридъ
Скорбя, труждаяся, глашатаямъ велитъ,

Да соберутъ вождей, зря бѣдства тако злая,
Безъ вопля, именемъ когождо варицая:
Самъ бодрствуетъ среди избраннѣйшихъ царей.
Возсѣли; онъ, возставъ съ болѣзненной душей,
Вѣщаетъ, и его такъ слезны токи льются,
Какъ черныхъ водъ струи съ утеса въ долъ несутся:

«Вожди и царіе аргивскихъ всѣхъ племенъ!
«Коль въ страшну бездну я Зевесомъ низведенъ!
«Неложный прежде знакъ мнѣ далъ сей богъ жестокій,
«Что возвращуся въ домъ, поправъ Пергамъ высокій;
«Но се устроивъ лесть, велитъ сей богъ боговъ
«Бѣжать мнѣ вспять, лишась толь многихъ здѣсь полковъ.
«Но что! угодно такъ его владычней волѣ;
«Онъ многи крѣпости повергъ въ плачевномъ долѣ,
«Повергнетъ и еще; всемощенъ бо во всемъ.
«И тако днесь моимъ внемлите словесѣмъ:
«Побѣгнемъ въ отчество, гонимы бывъ судьбою;
«Надежды нѣтъ уже низвергнуть горду Трою.»

Онъ рекъ, и всѣ, скорбя, молчатъ на многій часъ.
Впослѣдокъ Діомидъ простеръ въ нихъ сонмѣ гласъ:
«Атридъ! безуміе и робость ты являешь.
«Я первый пререщи хощу, что ты вѣщаешь,
«Колико долгъ велитъ въ совѣтѣ средь вождей;
«И ты не раздражись о ревности моей.
«Ты, прежде поносяя глаголомъ горделивымъ,
«Нарекъ меня въ поляхъ безсильнымъ, бояливымъ
«Но вѣсть Еллада вся, коль ложно ты вѣщалъ.
«Тебѣ же царь судьбы изъ двухъ едино далъ:

«Ты силой скипетра превыше прочихъ Грековъ,
«Но крѣпость, лучшій даръ для бренныхъ человѣ-
ковъ,
«И духа мужество не царствуютъ въ тебѣ.
«Иль всѣхъ ты Грековъ чтишь подобными себѣ,
«И что въ ихъ мышцахъ нѣтъ ни храбрости, ни силы?
«Бѣги, коль духъ твой слабъ и мысли толь унылы;
«Извѣстенъ путь, твои близъ моря корабли;
«Но прочи ратники Аргивскія земли
«Пребудутъ здѣсь, доколь паденье узримъ граду;
«А если и они.... отверзтъ имъ путь въ Елладу;
«Но мы, Сѳенелъ и я, не свергнувъ Трои въ прахъ,
«Не снидемъ на моря на быстрыхъ корабляхъ:
«Зевесъ бо къ сей странѣ намъ въ помощь текъ предъ
нами.»
Скончалъ. На рѣчь его воскликнули хвалами:
И мудрый Несторъ въ нихъ воздвигшись, возгласилъ:
«Тидеевъ сынъ! ты храбръ, исполненъ бодрыхъ силъ
«И благомысліемъ въ сословіяхъ совѣтныхъ
«Ты побѣждаешь всѣхъ съ тобою равнолѣтныхъ;
«И днешнихъ истину словесъ зритъ каждый Грекъ;
«Но ты еще не все, что благо намъ, изрекъ.
«Ты младъ, и могъ бы ты мнѣ быть юнѣйшимъ чадомъ;
«Вождямъ же греческимъ предъ симъ надменнымъ
градомъ
«Благоразуміе изъ устъ твоихъ течетъ.
«Хощу же нынѣ я, я тако старшихъ лѣтъ,
«Аргивскимъ воинствамъ полезная исчислить;
«Согласно самъ Атридъ со мною будетъ мыслить.
«Нѣтъ отчества тому, нѣтъ кровныхъ, нѣтъ боговъ,
«Кто любитъ пагубныхъ междоусобій ковъ.
«И такъ, доколѣ мглѣ ночной да покоримся,

«Устроимъ вечери и брашномъ укрѣпимся;
«Пусть бодра стража бдитъ между стѣной и рвомъ,
«Да въ сѣти не падемъ, простертыя врагомъ.
«Но ты, Атридъ, какъ вождь и высшій всѣхъ владыка,
«Представи пиръ царямъ ахейскаго языка:
«Обиліе вина всегда въ твоихъ шатрахъ,
«Что въ быстрыхъ для тебя элладскихъ корабляхъ
«Съ ѳракійскихъ береговъ преносятъ шумны волны,
«Всего, всего они для угощенья полны.
«Вождѣмъ же стекшимся покорствуй тѣмъ устамъ,
«Что лучши паче всѣхъ рекутъ совѣты намъ.
«Коль много таковы совѣты днесь потребны!
«Къ намъ близокъ сопостатъ, близъ насъ огни враждебны;
«Пріятенъ ли для насъ огней дарданскихъ свѣтъ?
«Еллада въ ночь сію спасется, иль падетъ.»

Скончалъ, и словесамъ герои всѣ послушны.
Спѣшатъ уже вожди на стражу крѣпкодушны;
Сынъ мудра Нестора, отважный Ѳразимидъ,
Плодъ Марса, Аскалаѳъ и Ялменъ знаменитъ,
Деипиръ, Аѳарей и Меріонъ надменный,
И грозный Ликомедъ, Креонтомъ въ свѣтъ рожденный.
Въ слѣдъ каждаго вождя сто ратниковъ текутъ,
И страшно копьями десницы ихъ трясутъ;
Пришли, возсѣли всѣ близъ рва, блистая мѣдью,
И огнь воспламеня, уже крѣпятся снѣдью.

Атридъ же вводитъ въ сѣнь великій сонмъ вождей
И пиръ устроилъ имъ благопріятный въ ней.
Скончалось пиршество въ довольствіи, въ отрадѣ;
И се витія ихъ, хвала и честь Элладѣ,

Его же словеса всегдащне благо Грекъ,
Предзря полезная, премудрый Несторъ рекъ:

«Атридъ, преславный вождь вождей ахейской рати!
«Тобой начну глаголъ, тобой хощу скончати.
«Зевесъ премногихъ власть племенъ вручилъ тебѣ;
«Далъ скипетръ, судъ, законъ пещись о ихъ судьбѣ;
«Всѣхъ паче убо ты во время скорбно, слезно
«Здѣсь долженъ возвѣщать, что мыслишь быть полезно.
«Внимая и другимъ, свершать того совѣтъ,
«Кто воинства всего ко благу что речетъ;
«Совѣтовъ же успѣхъ твоей вмѣнится власти.
«И такъ реку, что я, при общей всѣхъ напасти,
«Предвижу быть для насъ спасительнѣй всего,
«И знай, полезнѣй нѣтъ совѣта моего.
«Лишивъ Ахилла ты прелестной Бризеиды,
«Намъ бѣдъ содѣлался творцемъ, ему обиды;
«Кто въ злости сей изъ Грекъ тебѣ соизволялъ?
«Я пагубный твой гнѣвъ, сколь можно, воспящалъ;
«Но, гордостью влекомъ и яростью слѣпою,
«Ты несравненному во крѣпости герою,
«Всегда любезному и жителямъ небесъ,
«Отъявъ побѣды мзду, безчестіе нанесъ:
«Потщися убо днесь смягчить его дарами;
«Пріязнью, кротостью и дружества устами.»

Атрея сынъ въ отвѣтъ: «О Несторъ, честь князей!
«Вѣщая такъ, себя не осквернилъ ты лжей:
«Я виненъ, виненъ я, зрю истину открыту,
«Сколь тверже многихъ войскъ послужитъ тотъ въ защиту,

Кого возлюбитъ самъ владыка горнихъ силъ,
Какъ днесь, смиряя насъ, Ахилла онъ почтилъ.
«Но зло содѣлавъ я, хощу я зло исправить,
«Потщусь вождя сего склонить и миръ возставить,
«Дарами многими почтить его готовъ,
«И здѣсь исчислю вамъ богатство сихъ даровъ;
«Преславно будетъ имъ, коль хощетъ, мзда пріяти:
«Треножникъ новыхъ седмь, талантовъ десять злати,
«Конобовъ двадесять, лiющихъ блескъ лучей,
«Двѣнадцать быстротой прославленныхъ коней,
«Явившихъ многія побѣды средь ристаній.
«Въ богатствѣ жилъ бы тотъ, въ довольствѣ всѣхъ стяжаній,
«Кто столько бы наградъ побѣдныхъ воспріялъ,
«Колико оныхъ я чрезъ коней сихъ снискалъ.
«Къ сему лезвійскихъ седмь дамъ женъ ему прелестныхъ,
«Блистающихъ красой, искусствомъ рукъ извѣстныхъ,
«Избранныхъ мой себѣ, какъ страшный сей герой
«Плѣнилъ высокій Лезвъ торжественной рукой;
«Въ числѣ ихъ возвращу Бризеиду прекрасну,
«И клятву дамъ ему и грозну и опасну,
«Что я невиненъ въ ней и ложа чуждъ ея.
«Сіе исполню все въ часы нощи сея.
«Но коль боговъ судьба разрушитъ Трою нами,
«Въ раздѣлѣ онъ богатствъ межъ ратными сынами,
«Пусть златомъ, мѣдію наполнитъ корабли,
«Пусть двадцать женъ сея враждебныя земли,
«Что по Еленѣ всѣхъ превзыдутъ красотою,
«По волѣ самъ избравъ, ведетъ во плѣнъ съ собою.
«Когда жъ достигнемъ мы аргосскихъ гордыхъ стѣнъ,

«Онъ будетъ зятемъ мнѣ, возлюбленъ мной, почтенъ,
«Какъ милый мой Орестъ, мой сынъ, дитя желаній,
«Питаемый среди безчисленныхъ стяженій.
«Три * дщери имамъ я, по благости небесъ;
«Изъ нихъ, ея же онъ пріятностьми очесъ
«И нѣжной лѣпотой плѣнится свѣтла зрака,
«Пріиметъ ту себѣ на мягко ложе брака,
«Не тщася брачны дать ей дары отъ себя;
«Но я ему, его и дщерь свою любя,
«Я дамъ сокровища и многи дары съ нею,
«Какихъ никто не зрѣлъ съ невѣстою своею.
«Еще я седмь градовъ отъ царства моего
«Навѣки поручу владычеству его:
«Енопу, Кардамилъ и Гиру многотравну,
«Анѳію, прелестьми луговъ своихъ преславну,
«И Фиры, и Педавъ, Епею, лѣпый градъ:
«Противъ Пилоса всѣ они близъ волнъ стоятъ:
«Народъ въ нихъ многими обилуетъ стадами;
«Почтитъ сего вождя, какъ бога, онъ дарами,
«И скиптроносную его лобзая длань,
«Усердно велію даяти будетъ дань.
«Се мзда ему, коль онъ отъ ярости престанетъ
«И, преклоненъ мольбой, на подвиги возстанетъ:
«Единъ бо ада царь свирѣпъ, неумолимъ:
«Онъ убо всѣхъ боговъ несноснѣе земнымъ:
«Уступитъ же и мнѣ, отринувъ злобны страсти,
«Являя честь моимъ лѣтамъ и высшей власти.»

Скончалъ; и Несторъ рѣкъ: «Божественный Атридъ!
«Твой даръ вождю сему великъ и знаменитъ.

* *Имена ихъ:* Хризотемиса, Лаодика, Иѳіанасса.

«Потщимся убо мы избрать князей дружину,
«Да спѣшно потекутъ въ шатеръ Пелея къ сыну.
«Позволь, я нареку тебѣ героевъ сихъ:
«Пусть Фениксъ, Зевса другъ, предтечей будетъ
их;
«Великій же Аяксъ и Одиссей преславный,
«Глашатаи, Одій, и Еврибатъ державный,
«Да въ слѣдъ ему грядутъ къ Ахилловымъ шатрамъ.
«Но прежде пусть вода на длани дастся намъ,
«И всюду кроткое безмолвіе ліется,
«Да сыну Кронову мольба отъ насъ простретея:
«Онъ, можетъ, тучу бѣдъ грозящихъ отженетъ.»

Такъ Несторъ рекъ; и всѣмъ угоденъ сей совѣтъ.
На длани вѣстники имъ воду изліяли
И чаши юноши виномъ уже вѣнчали;
Подносятъ всѣмъ, и всѣ, желаньемъ благъ говоря,
Пріявъ и жертву тѣмъ Зевесу сотворя,
Піютъ, и не косня изъ велелѣпной сѣни
Спѣшатъ послы въ свой путь ночной подъ кровомъ
тѣни;
И Несторъ ревностный на каждаго вождя
Многовѣщающъ взоръ различно возводя,
Ахилла какъ склонять ихъ мудро поощряетъ,
Но паче всѣхъ къ тому Улисса убѣждаетъ.
Грядутъ, и волнъ царю творятъ мольбы въ пути,
Дабы успѣхъ своихъ желаній обрѣсти.
Достигли до шатровъ Ахилла возвышенныхъ,
И зрятъ, какъ въ мысляхъ онъ досадою смущенныхъ
Согласной арфою веселье возраждалъ,
Героевъ бранный звукъ и славу воспѣвалъ;
Сей арфой, юже онъ пріялъ себѣ въ награду,

Какъ Гетеонову свершилъ паденье граду.
Игралъ; Патроклъ молчащъ сидитъ противъ его
И пѣсни ждетъ конца воителя сего.
Послы простерлись вдаль, Улиссу предгрядущу,
И стали предъ лицемъ герою пѣснь поющу;
Ахиллъ, узрѣвши ихъ, дивится, возстаетъ
И съ арфою въ рукахъ во срѣтенье грядетъ;
Возсталъ же и Патроклъ, питомцевъ видя брани,
Ахиллъ привѣтствуетъ пословъ, пріявъ за длани:
«Герои, здравствуйте! пріятенъ мнѣ вашъ путь:
«Конечно, бѣдствій страхъ терзаетъ Грековъ грудь?
«Но вы, пусть въ гнѣвъ я, пусть дни влеку и слезны,
«Вы драгоцѣнны мнѣ и паче всѣхъ любезны.»

Такъ рекши, внутрь шатра ведетъ герой пословъ,
И посаждая ихъ на пурпурѣ ковровъ,
Къ Патроклу возгласилъ, вблизи его стоящу:
«Даждь чашу большую, прекрасну и блестящу,
«И съ большей крѣпостью смѣси вино съ водой,
«И каждому потиръ со тщеніемъ устрой:
«Дражайши бо друзья и мужи здѣсь желаній.»

Онъ рекъ; Патроклъ творитъ по гласу сихъ вѣщаній.
Ахиллъ же сковраду поставилъ на огни,
Съ хребтомъ овцы, козы и тучной свиніи;
Астомедонъ мяса держалъ: онъ разсѣкаетъ
И малыми частьми на вертели вонзаетъ;
Межъ тѣмъ Патроклъ огонь великій возгнѣщалъ;
Когда жъ смирился огнь и ярый пылъ престалъ,
Ахиллъ надъ угліемъ простеръ рожны съ масами,
И солію кропитъ, внимая имъ очами;

И зря готовы быть, на доски ихъ возложилъ.
Патроклъ пріятный хлѣбъ, мяса же самъ Ахиллъ
Раздѣльши, сѣлъ къ стѣнѣ противу Одиссея;
И свѣтлыхъ къ жителямъ небесъ благоговѣя,
Да жертву сотворитъ, простеръ къ Патроклу гласъ.
Сей другъ поспѣшно въ огнь повергъ начатки мясъ.
Начеишись пиршество свершилось всѣмъ въ отраду,
И нужна воздана и жаждѣ дань и гладу.
Премудру Фениксу далъ знакъ Аяксъ герой,
То зря, Улиссъ потиръ виномъ исполнилъ свой
И сыну поднеся Ѳетидиву, вѣщаетъ:

«Здравъ буди, Ахиллесъ! насъ пиръ твой услаждаетъ.
«Въ шатрѣ вождя вождей, и во шатрѣ твоемъ
«Довольны брашномъ мы, довольны питіемъ:
«Не пиршество у насъ въ сердцахъ и не утѣхи,
«Колеблютъ страхомъ насъ противныхъ силъ успѣхи:
«Не знаемъ, будетъ ли нашъ флотъ отъ врагъ спасенъ,
«Коль ты не снидешь въ брань, во крѣпость облеченъ
«Трояне гордые съ союзными полками
«Близъ нашея стѣны, уже предъ кораблями
«Поставили шатры, огней возжегши свѣтъ,
«Хвалясь, что ихъ ни кто отъ насъ не отженетъ.
«Блистаетъ молніей Зевесъ имъ въ знакъ счастливый,
«И Гекторъ яростный, безстрашный и кичливый,
«Надѣясь на него, всѣхъ ужасомъ тѣснитъ,
«Ни смертныхъ, ни боговъ, свирѣпствуя, не чтитъ;
«Онъ ждетъ златой зари, надѣясь несомнѣнно
«Всѣхъ носы кораблей отторгнуть дерзновенно,

«Весь флотъ истлить огнемъ, аргивскую же рать
«Во мрачномъ пламени во гробъ мечемъ послать.
«Трепещемъ, чтобъ сея надежды и прещеній
«Свершить не восхотѣлъ небесныхъ царь селеній,
«И не судилъ бы рокъ, простерши въ злобѣ сѣть,
«На чуждемъ брегѣ намъ, внѣ отчества умреть.
«Возстани убо ты, хоть поздно, ополчися,
«И греческихъ сыновъ изъять отъ врагъ потщися!
«Ты послѣ возскорбишь, зря насъ въ пучинѣ бѣдствъ,
«И помощь ниспослать уже не будетъ средствъ.
«Предупреждай напасть, и день ожесточенный,
«И смертоносный мечъ на Грековъ вознесенный.
«О другъ! не тако ли родитель твой вѣщалъ,
«Когда уже тебя къ Атриду посылалъ?
«Любезный сынъ! тебя Юнона и Паллада
«Во крѣпость облекутъ къ препобѣжденью града,
«Строптивость умѣряй ты сердца своего:
«Миролюбивымъ быть надежнѣе всего.
«Блюдись вражды: она влечетъ въ совѣты злые;
«Блюдись, почтутъ за то и стары и младые.
«Таковъ его совѣтъ, и онъ тобой забвенъ;
«Поне склонися днесь и буди укрощенъ;
«Терзающія духъ остави мысли яры;
«Атридъ тебѣ даетъ великолѣпны дары;
«Угодно ли, внемли, исчислить я готовъ,
«Колико онъ при насъ исчислилъ сихъ даровъ.
«Преславна будетъ въ вѣкъ тобою мзда пріята:
«Треножникъ новыхъ седмь, талантовъ десять злата,
«Конобовъ двадесять, ліющихъ блескъ лучей,
«Двѣнадцать быстротой прославленныхъ коней,
«*Явившихъ* многія побѣды средь ристаній.

«Въ богатствѣ жилъ бы тотъ, въ довольствѣ всѣхъ стяжаній;
«Кто столько бы наградъ побѣдныхъ восприялъ,
«Колико ихъ Атридъ чрезъ коней сихъ снискалъ.
«Къ сему лезвійскихъ седмь дастъ женъ тебѣ прелестныхъ,
«Блистающихъ красой, искусствомъ рукъ извѣстныхъ,
«Избранныхъ имъ себѣ, какъ ты, ведомъ судьбой,
«Плѣнилъ высокій Лезвъ торжественной рукой.
«Въ числѣ ихъ возвратитъ Бризеиду прекрасну
«И клятву дастъ тебѣ и грозну и опасну,
«Что онъ невиненъ въ ней и ложа чуждъ ея.
«Сіе исполнитъ все въ часы нощи сея.
«Но коль боговъ судьба разрушитъ Трою нами,
«Въ раздѣлѣ всѣхъ богатствъ межъ ратными сынами
«Ты златомъ, мѣдію наполни корабли
«И двадцать женъ сея враждебныя страны,
«Что по Еленѣ всѣхъ превзыдутъ красотою,
«Избравъ, во Грецію ты поведешь съ собою.
«Когдажъ достигнемъ мы аргосскихъ гордыхъ стѣнъ,
«Ты будешь зять ему, возлюбленъ имъ, почтенъ,
«Какъ сынъ его Орестъ, дитя его желаній,
«Питаемый среди безчисленныхъ стяжаній.
«Три дщери иматъ онъ, по благости небесъ:
«Изъ нихъ, ея же ты пріятностьми очесъ
«И нѣжной лѣпотой плѣнишься свѣтла зрака,
«Пріимешь ту себѣ на мягко ложе брака:
«Не тщися даръ ему дать брачный отъ себя,
«Но онъ тебѣ, тебя и дщерь свою любя,
«Онъ дастъ сокровища и дары многи съ нею,
«Какихъ никто не зрѣлъ съ невѣстою своею.

«Еще же седмь градовъ отъ царства своего
«Вручитъ владычеству онъ скиптра твоего:
«Енопу, Кардамилъ, и Гиру многотравну,
«Анеію, прелестьми луговъ своихъ преславну,
«И Феры, и Педавъ, Епею, лѣпый градъ:
«Противъ Пилоса всѣ они близъ волнъ стоятъ;
«Народъ въ нихъ многими обилуетъ стадами,
«И будетъ чтить тебя, какъ бога, онъ дарами,
«И, скиптроносную твою лобзая длань,
«Усердно велію даяти будетъ дань.
«Се мзда, коль ты, склонясь, изыдешь паки къ бою!
«Но мерзокъ и Атридъ и дары предъ тобою?
«Такъ прочихъ пожалѣй всѣхъ Грековъ о судьбѣ;
«Всѣ должну воздадутъ, какъ богу, честь тебѣ.
«Безсмертенъ будетъ въ нихъ твой подвигъ несравненный:
«Уже бо Гекторъ днесь, свирѣпствомъ ополченный,
«Мечтая, что изъ Грекъ ему подобныхъ нѣтъ,
«Дерзнувъ приближиться къ тебѣ, тобой падаетъ.»

«Скончалъ. Ахиллъ въ отвѣтъ: «Лаертовъ сынъ державный,
«Многосовѣтный вождь, искусствомъ въ бранѣхъ славный.
«Что чувствую и что свершить намѣренъ я,
«Нелестно все речетъ вамъ искренность моя:
«Ахиллу яко адъ противенъ и ужасенъ,
«Чей съ мыслями языкъ и съ сердцемъ не согласенъ.
«И тако, чтобъ меня не тщились вы склонять,
«Вамъ чувствія хощу души моей вѣщать:
«*Вотще* елладска рать мольбы ко мнѣ возноситъ,

«Вообще Атридъ меня изыти въ подвигъ проситъ,
«Зане отличій нѣтъ и нѣтъ достойной мзды
«Кровавы въ брани сей подъемлющимъ труды;
«Здѣсь равна часть тому, кто бодръ, кто бѣгству внемлетъ,
«Здѣсь равну честь герой и слабый мужъ пріемлетъ.
«Трудамъ и праздности открытъ ко гробу слѣдъ.
«Что больше я другихъ пріялъ отъ всѣхъ побѣдъ,
«Всегда срѣтая смерть средь грозныхъ ополченій,
«Противуставя грудь свирѣпости сраженій?
«Какъ птица, снѣдь снискавъ, несносный терпитъ гладъ,
«Питая оною своихъ безкрылыхъ чадъ:
«Такъ я Атридамъ въ честь за ихъ супружницъ лѣпыхъ
«Былъ нощію безъ сна, былъ въ день въ войнахъ свирѣпыхъ.
«Двѣнадцать бо градовъ я флотомъ сокрушилъ,
«Единонадесять на сушѣ низложилъ:
«Изъ всѣхъ корысти всѣ премноги и богаты
«Атридомъ отъ меня на брегѣ семъ пріяты;
«Онъ все себѣ стяжалъ, покоясь внутрь шатровъ,
«И мала часть была наградою полковъ:
«Онъ нѣкими почтилъ князей, вельможъ дарами;
«И дары тѣ при нихъ; я только межъ вождями
«Любезной мнѣ жены владыкой симъ лишенъ,
«Вѣщайте, что сей флотъ Атридомъ ополченъ?
«Почто стремится рать пергамски свергнуть стѣны?
«Не ради ли одной прекрасныя Елены?
«Или однимъ своихъ Атридамъ жаль супругъ?
«Всякъ любитъ, чтитъ свою жену, кто чести другъ.

«И мнѣ Бризея дщерь, хоть въ брани мной плѣ-
невна,
«Любезна мнѣ была и сердцу драгоцѣнна.
«Истѣрнувъ убо мзду изъ рукъ моихъ Атридъ,
«Вотще покорствуетъ, вотще дарами льститъ:
»Съ другими и съ тобой пусть онъ, Лаертовъ сыне,
«Какъ флотъ спасти отъ врагъ, творитъ совѣты
нынѣ;
«Онъ много безъ меня явилъ преславныхъ дѣлъ:
«Воздвигъ твердыни стѣнъ и страшный ровъ про-
велъ.
«Но жаль, что, тако бодръ и въ средствахъ тѣль
обиленъ,
«Противу Гектора сей вождь вождей безсиленъ.
«Сражалась ли когда моя за Грековъ длань,
«Не мыслилъ Гекторъ стать въ поляхъ открытыхъ въ
брани,
«Всегда близъ сцейскихъ вратъ Дарданцевъ устроя:
«Тамъ нѣкогда меня летяща ждать дерзая,
«Едва стремленья онъ избѣгнулъ моего.
«Но я не ополчусь уже противъ него.
«Заутра всѣмъ богамъ сожгу я жертвы тучны;
«Оставлю же косия брега печальны, скучны.
«Коль хощешь ты, Улиссъ, заутра узришь ты
«Мой флотъ, летящій въ домъ чрезъ влажные хребты;
«И если царь морей желанный вѣтръ воздвигнетъ;
«Странъ Фтійскихъ въ третій день Ахилъ уже до-
стигнетъ
«Богатства множествомъ обилуетъ мой домъ;
«Но я и сихъ бреговъ сталь, злато, мѣдь съ сребромъ,
«Прелестныхъ женъ, и все, что жребій далъ межъ
вами,

«Во Фтію пренесу чрезъ волны кораблями;
«Награду же, что мнѣ Атридъ предъ всѣми далъ,
«Онъ самъ ее при всѣхъ постыдно и отъялъ.
«Вѣщай мои слова ему предъ ратью всею,
«Да раздражатся всѣ противъ его душею,
«Коль мыслитъ онъ и впредь, поправъ безстыдствомъ честь,
«Еще кому изъ Грекъ устроить тако лесть.
«Скажи, да мнѣ въ лице, хоть дерзокъ и безстыденъ,
«Страшится онъ воззрѣть! мнѣ взоръ его обиденъ;
«Совѣтовъ пусть моихъ не ждетъ и крѣпкихъ силъ:
«Коварствомъ онъ меня презрѣннымъ раздражилъ;
«Но впредь не обольститъ; пусть гибнетъ онъ спокойно:
«Зевесомъ бо лишенъ разсудка онъ достойно.
«Онъ дары мнѣ даетъ? гнушаюсь ими я;
«Презрѣннаго раба въ немъ зритъ душа моя.
«Стократно болѣе, чѣмъ нынѣ обладаетъ,
«Пусть гордый мнѣ Атридъ сокровищъ предлагаетъ;
«Или, сколь много ихъ несется въ Орхоменъ,
«Иль въ Ѳивы, славнаго Египта градъ блаженъ,
«Въ сей градъ, богатства гдѣ безчисленны хранятся,
«Гдѣ велелѣпіемъ своимъ сто вратъ гордятся,
«Изъ каждыхъ же грядутъ на подвигъ средь полей,
«Съ колесницами двукратны сто мужей;
«Или, сколь многъ песокъ и прахъ земли безчисленъ,
«Толико пусть богатствъ даетъ сей вождь несмысленъ:
«Не укротитъ меня, доколь достойну месть
«Пріиметъ злость его и ядоносна лесть!

«Содѣлать хощетъ онъ мнѣ дшерь свою женою?
«Киприды пусть она сіяетъ красотою,
«Искусствомъ будетъ рукъ Тритоніи равна,
«Не можетъ возлещи на ордъ ко мнѣ она;
«Да изберетъ для ней Атридъ изъ Грекъ супруга,
«Множайшихъ странъ царя, себѣ по мысли друга:
«Коль Зевса длань меня во Фтію приведетъ,
«Мнѣ самъ тогда Пелей невѣсту изберетъ:
«Въ Елладѣ много дѣвъ, достоинствами славныхъ,
«Рожденныхъ кровію царей скиптродержавныхъ;
«Изъ сихъ по сердцу я въ жену себѣ пойму:
«Меня мой духъ влечетъ въ родительскомъ дому
«Вкушать спокойно плодъ Пелеевыхъ стяжевій,
«Священный бракъ сверша со дѣвою желаній:
«Что жизни я своей сравнить могу съ цѣной?
«Все, что имѣлъ Пергамъ предъ страшной сей войной,
«И всѣ сокровища пиѳійска славна храма,
«Гдѣ внемлетъ Фебъ мольбамъ съ куреньемъ ѳиміана,
«Предъ даромъ жизненнымъ мечта и тѣнь одна:
«Десница остріемъ меча ополчена
«Удобно стяжетъ намъ треножники блестящи,
«Стада коней, тельцовъ, стада руноносящи;
«Но духъ, оставя плоть, не возвратится вспять,
«Нѣтъ силъ, искусства нѣтъ еще его воззвать.
«Любезна мать моя, Ѳетида, мнѣ вѣщаетъ,
«Что къ смерти путь меня двоякій ожидаетъ:
«Сражаться ль буду здѣсь, я здѣсь паду мечемъ,
«Но слава въ вѣчный родъ о имени моемъ;
«Прейду ли въ отчество, мнѣ къ славѣ путь пресѣченъ;

«Но буду жизнію спокоенъ, долговѣченъ.
«Мой благъ совѣтъ и всѣмъ въ обратный путь спѣ-
шить;
«Не льститеся Пергамъ высокій низложить;
«Громоносица длань ему съ небесъ покровомъ,
«И воинство его всегда въ геройствѣ новомъ.
«Грядите нынѣ вы къ Атридовымъ шатрамъ,
«И все, что я вѣщалъ, вѣщайте вы царямъ:
«Да тщатся лучшій путь сословіемъ избрати
«Къ спасенью кораблей и всей аргивской рати;
«Зане склонить меня, да ополчуся въ бой,
«Разумный вымыслъ ихъ содѣлался тщетой.
«Но Фениксъ здѣсь въ шатрѣ себя да успокоитъ,
«Заутра путь со мной въ желанный домъ устроитъ,
«По волѣ, силой же не будетъ увлеченъ.»

Скончалъ. Послы, внуша отвѣтъ ожесточенъ,
Недоумѣніемъ объяты всѣ, молчали.
Впослѣдокъ слезы лья со вздохами печали,
Страшася гибели стѣсненныхъ тако Грекъ,
Маститой старостью почтенный Фениксъ рекъ:

«Коль истинно ты въ путь влечешься духомъ
гнѣвнымъ;
«И не брежешь, что флотъ падетъ огнемъ плачев-
нымъ;
«Могу ли я, скажи, возлюбленный мой сынъ,
«Остаться безъ тебя, остаться здѣсь единъ?
«Когда Пелей тебя въ твои младыя лѣта
«Неискусившся въ войнѣ, въ словахъ совѣта
«Вѣнчающихъ хвалой и славою мужей,
«Къ Атриду посылалъ изъ области своей;

«Онъ мнѣ тебя вручилъ, да отъ моихъ ученій
«Ты будешь посреди аргивскихъ ополченій
«Витія въ словесахъ, въ дѣяніяхъ герой:
«Я убо не хощу оставленъ быть тобой,
«Хотя бы Зевсъ меня изъ старца тако слезна
«Хотѣлъ преобразить во юношу любезна,
«Каковъ я былъ, когда, несчастіемъ влекомъ,
«Оставилъ въ первый разъ въ Елладѣ отчій домъ;
«Зане Орменовъ сынъ, Аминторъ, мой родитель,
«Пылая мщеніемъ, мнѣ сдѣлался гонитель
«За дѣву, къ ней же онъ любовну страсть питалъ
«И рождшую меня презрѣньемъ оскорблялъ:
«Сія стужала мнѣ всегда мольбой своею,
«Да ложемъ сообщусь я прежде со дѣвой сею,
«Да будетъ ей чрезъ то противенъ мой отецъ;
«Я матернюю мольбу исполнилъ наконецъ.
«Аминторъ, все познавъ, заклялъ меня во гнѣвѣ,
«И Фурій умолялъ, живущихъ ада въ чревѣ,
«Да сына моего, плодъ милый чреслъ моихъ,
«Не узритъ вѣчно онъ въ объятіяхъ своихъ;
«Угрюмый адскій Зевсъ и грозна Прозерпина
«Внушили клятву ту: не зрѣлъ себѣ я сына.
«Толь гнѣвной злобою отца вооружа,
«Сама въ изгнаніе влеклась моя душа.
«Друзья и сродники мольбой меня прилежной
«Всѣ тщались отвратить отъ мысли сей мятежной:
«Закланы зрѣлися тельцы, вепри, овны,
«Сосуды многіе вина упразднены:
«Ужъ девять вкругъ меня нощей они преспали,
«И стражу по чредѣ вкругъ дому соблюдали;
«Близъ вратъ внутри двора, предъ ложницей моей
«*Неугасаемо* являлся блескъ огней.

«Когда жъ десята нощь простерла мракъ сгущенный,
«Я, двери ложницы расторгнувъ укрѣпленны,
«Избѣгъ, и съ легкостью ограду прелетѣлъ;
«Изъ стражей, изъ рабынь ни кто меня не зрѣлъ;
«Избѣгъ, и всю прешедъЕлладу многотравну,
«Во Фтію, къ твоему достигъ отцу преславну:
«Онъ съ кротостью меня прiялъ и возлюбилъ;
«Чувствительность его и нѣжность я плѣнилъ.

(Окончанія сей пѣсни и продолженія слѣдующихъ не отыскано.)

СОЧИНЕНІЯ

АБЛЕСИМОВА.

═══

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1849.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

АБЛЕСИМОВА.

═══

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ АБЛЕСИМОВА.

МЕЛЬНИКЪ
КОЛДУНЪ, ОБМАНЩИКЪ
и СВАТЪ.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

въ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Представлена въ первый разъ на московскомъ театрѣ Января 20 дня 1779 года.

Соч. Аблес.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анкудинъ, крестьянинъ.
Фетинья, жена его.
Анюта, дочь ихъ.
Филимонъ, женихъ Анютинъ.
Ѳаддей, мельникъ, колдунъ, обманчикъ и сватъ.
Нѣсколько подругъ Анютиныхъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди въ всего дерево.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

МЕЛЬНИКЪ *(одинъ).*

(Онъ, отругая доску, поетъ пѣсни, только тонъ безъ рѣчей и музыки.)

....

....

(Потомъ говоритъ).

Какая бишь это пѣсня?... Да: «Какъ вечоръ у насъ со полуночи»... такъ... *(начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу.)*

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта.....

Какой проливной было-пошолъ дождикъ, да пересталъ скоро. *(Также поетъ и продолжаетъ работу.)*

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Ну! ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-та мою со-

всѣмъ не спрорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да немного; а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла *(прикорачиваетъ доску).* Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять за-ново. *(Подошедъ къ оркестру.)* Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ-де мельникъ всякой не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... ха! ха! ха!... какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ; а ни одного домовова съ-роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ..................

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки:
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ,
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!..

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ФИЛИМОНЪ И ПРЕЖНІЙ.

МЕЛЬНИКЪ *(его увидя)*.

А!... это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. *(Къ Филимону.)* Путь-дорога доброму молодцу.

ФИЛИМОНЪ.

Челомъ бью, старинушка.

МЕЛЬНИКЪ.

Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?...

ФИЛИМОНЪ.

Не пуще дальное дѣло.

МЕЛЬНИКЪ.

Да волею, или неволею?

ФИЛИМОНЪ.

Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастилися; а кони-та, кони-та какіе добрые были. *(Особливо)* Это онъ-та, ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. *(Къ мельнику)* Што, старинушка? хочу спросить тебя....

МЕЛЬНИКЪ.

О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

ФИЛИМОНЪ.

Доброе дѣло... и мы вамъ плательщики... И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

МЕЛЬНИКЪ.

Найдутся ли кони?...

ФИЛИМОНЪ.

Такъ, старинушка; мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

МЕЛЬНИКЪ.

А вотъ этакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли тъ тебя што? *(подставляетъ руку.)*

ФИЛИМОНЪ.

Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы помотримъ.

МЕЛЬНИКЪ *(отворачиваетъся, вертится и начинаетъ пѣть.)*

Угадать,
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

ФИЛИМОНЪ.

Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду...

МЕЛЬНИКЪ.

На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

ФИЛИМОНЪ.

Ни изъ чево не солгу, повѣрь пожалуй...

МЕЛЬНИКЪ.

Въ тотъ черёдъ,
Напередъ
Эти басни не подъ нужу.
Вынь-ка мошну-та наружу,
И пустова не болтай,
Да намъ денежки считай.

(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза.)

ФИЛИМОНЪ.

Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы намъ и напередъ дадимъ посяльно мѣсто копѣекъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Это только-та?

ФИЛИМОНЪ.

Будетъ покамѣстъ.... чево больше?

МЕЛЬНИКЪ *(особо)*.

Ладно, ты безъ полтинки-та отъ меня не отъѣдешь.

ФИЛИМОНЪ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?...

МЕЛЬНИКЪ.

А какъ теперь на дворѣ рано?

ФИЛИМОНЪ.

Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

МЕЛЬНИКЪ.

Перевернись-жа три раза по солнцу.

ФИЛИМОНЪ.

Што бы такъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Што бы такъ!... въ ворожбѣ это нада.... Ну, дѣлай што велятъ!...

ФИЛИМОНЪ.

Во твою угоду мы и повернемоя. *(Вертится одинъ разъ.)*

МЕЛЬНИКЪ.

Ещо противъ солнца.

ФИЛИМОНЪ *(вертясь)*.

Ещо таки и противъ солнца.

МЕЛЬНИКЪ.

Теперь стань вотъ къ этому дереву. *(Филимонъ хочетъ идти, а мельникъ говорить.)* Нѣтъ, нѣтъ; постой,... есть ли у тебя платъ?

ФИЛИМОНЪ *(вынимаетъ платокъ).*

Есть, вотъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Зажми-жа глаза плотно... завяжи платомъ крѣпче... еще крѣпче... ну! ладно... теперь слушай-жа: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и ни кому не аукайся; а я пойду къ старшому...

ФИЛИМОНЪ *(Исполняя все, что мельникъ ему ни приказываетъ.)*

А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ де ты стоишь такъ, доброй молодецъ, ясныя твои очи завязаны?...

МЕЛЬНИКЪ.

Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

ФИЛИМОНЪ.

А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Всполошишь всѣхъ; не нада.

ФИЛИМОНЪ *(про себя).*

Этакая причина!

МЕЛЬНИКЪ.

Стой–жа плотно.

ФИЛИМОНЪ.

Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ.)

МЕЛЬНИКЪ.

Тютьǃ... тютьǃ... што ты это чудесишь?... этакой рахманной; вѣдь испужаешься... *(Взявъ его за руку)* поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево *(потомъ очерчиваетъ его мѣломъ)*. Ну стой-жа, слышь ли ты, плотно, не трошься и за черту ни ногою, а то быть худу... *(Отходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

ФИЛИМОНЪ *(одинъ)*.

(Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда мельникъ ушелъ, слушаетъ.)

Слышится, колдунъ ушелъ...; такъ, ушелъ теперь. Што-та онъ мнѣ скажетъ?... Ну, да што ни будетъ, то будетъ!... *(открываетъ немного глаза)* да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху, какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... што жъ мнѣ дѣлать? нечего иного, какъ орать что есть мочи;... нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся;

Спою пѣсню; да какую жъ я спою?..
А! любиму свою...

(Музыка начинаетъ, а въ это время, какъ Филимонъ готовится пѣть)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

МЕЛЬНИКЪ И ПРЕЖНІЙ.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы.)

ФИЛИМОНЪ *(продолжаетъ пѣть на голосъ: «Какъ ходилъ, гулялъ молодчикъ»).*

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалёкъ;
Ходилъ молодецъ на Прѣсню
Изъ Сесвяцкова села,
Подъ вечерокъ,
Путь недалёкъ.
Изъ Сесвяцкова села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ: а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается.)

Дѣвка... ду...ша
Тамъ... хо...ро...ша...

(Оканчиваетъ дикимъ голосомъ.)

МЕЛЬНИКЪ.

Разступись вода!... растворись мельница!... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!... *(вертитъ опять жерновомъ сильнѣе и производитъ шумъ).*

ФИЛИМОНЪ *(дрожитъ).*

Чуръ меня!... чуръ меня!... съ нами невидимая сила...

МЕЛЬНИКЪ *(подбѣгая къ Филимону).*

Ухватись, ухватись за дерево плотнѣя

ФИЛИМОНЪ *(хватясь за дерево, самъ дрожитъ).*

МЕЛЬНИКЪ *(обходя его кругомъ).*

Будутъ кони?... будутъ кони?...Таки будутъ?... *(сиповатымъ голосомъ)* нѣтъ, не будутъ; *(обходитъ другой разъ).* Придутъ кони?... Таки придутъ ли кони?... *(также сиповато)* нѣтъ, не придутъ, што за дьявольщина! *(обходитъ третій разъ)* Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони? *(притворнымъ голосомъ съ сердцемъ)* хоть найдутся, да не скоро... *(своимъ голосомъ)* Исчезни жъ окаянной!... *(самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оное; потомъ, подошедъ къ Филимону)* Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

ФИЛИМОНЪ *(развязаетъ глаза).*

У!... *(дрожа поетъ).*

О! ты дѣдушка Ѳаддей!
И ты сильной ворожица!
Ты могучій чародѣй!

МЕЛЬНИКЪ.

Кабы новшъ теперь пивища:
Я въ него бы поглядѣлъ;
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

ФИЛИМОНЪ.

Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

МЕЛЬНИКЪ (*особо*).

Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много

ОБА.

ФИЛ. Ты намъ, дѣдушка, } помога
МЕЛ. Я вамъ, дѣтушки, }

ФИЛ. } У кого { кручины } много.
МЕЛ. } { есть денегъ }

ФИЛИМОНЪ.

И такъ, дѣдушка, пропали мои кони?...

МЕЛЬНИКЪ (*поетъ*).

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

ФИЛИМОНЪ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?

МЕЛЬНИКЪ (*еще поетъ*).

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

ФИЛИМОНЪ.

Да вотъ! пожалуй, я и еще дамъ тебѣ денегъ, *только* отгадай мнѣ (*даетъ ему денегъ*).

МЕЛЬНИКЪ *(ваикаясь)*.

А!... а кармливалъ ты ихъ овсомъ?

ФИЛИМОНЪ.

О! нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

МЕЛЬНИКЪ.

Ну, такъ вѣкъ не найдутся...

ФИЛИМОНЪ.

Этакое мое горе!

МЕЛЬНИКЪ.

Постой еще!... подай-ка мнѣ свою руку!

(Филимонъ кажетъ руку, а мельникъ водитъ по ладонь пальцемъ).

Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердцѣ кручина пала...

ФИЛИМОНЪ *(особливо)*.

Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ всё подноготное узнаваетъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Погляди-ка сюда пряменько!... што-та есть у тебя на мысли?...

ФИЛИМОНЪ.

Охъ! старинушка, есть... да боюсь молвить.

МЕЛЬНИКЪ.

Не бось, не бось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу, авось-либо въ чемъ и пособить можно.

ФИЛИМОНЪ.

Нѣтъ, дѣдушка, кажется, несбыточное дѣло, и статца-та этому не можно.

МЕЛЬНИКЪ.

Не болтай пустова.

ФИЛИМОНЪ (*поетъ на голосъ: «Западала путь-дороженька моя»*).

Я повѣдаю тоску, печаль ему;
Отъ чего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильной ворожища,
И мнѣ стался быть дружища,
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю...

МЕЛЬНИКЪ.

Не утай, не утай ничево; а мы посмотримъ какъ пособить будетъ можно.

ФИЛИМОНЪ.

Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрёлъ-было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ, я задумалъ доброй молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя! отецъ и мать её другъ съ другомъ несогласны, старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскова отродья; а выдана въ крестьянство по неволѣ; старика-тъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, а старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-та мужъ съ женою и хлопочутъ.

МЕЛЬНИКЪ.

О! о! это плёвое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому; дѣвка будетъ наша! что за работу?

ФИЛИМОНЪ.

Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

МЕЛЬНИКЪ.

Ну-тка по рукамъ... ладно!...

(*Поетъ на голосъ: «Вы рѣченьки, рѣченьки»*).

Не кручинься молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ,
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ,
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

ФИЛИМОНЪ.

О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

МЕЛЬНИКЪ.

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ вѣкъ не буду!...

ФИЛИМОНЪ.

Чудеса ты всё творишь:
Какъ рублёмъ меня даришь.

МЕЛЬНИКЪ.

Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться...

ФИЛИМОНЪ.

Пойдемъ къ дѣлу поспѣшать.

МЕЛЬНИКЪ.

Пойдемъ свадьбу затѣвать.

ОБА.

А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И приттить повеселѣя,
Такъ зайдёмъ мы въ кабачокъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ поле, съ одной стороны вдали мельницу, рѣку и лѣсъ, а съ другой напереди дворъ крестьянскій, потомъ сумерки и восходящій мѣсяцъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНЮТА И ФИЛИМОНЪ.

(*Анюта выходитъ изъ двора, а послѣ Филимонъ изъ лѣсу.*)

АНЮТА.

У!... да ужъ на дворѣ-та и смеркается! когда это день прошолъ? Смотри пожалуй, я я работаючи-та и не видала. (*Поетъ начало: «Земляничка ягодка»*).

Во своей я младости
Вѣдь не вижу радости,
Вотъ мой
Таланъ какой. 2.
Нѣту мнѣ весела дня;
Всё сушитъ
Всё крушитъ;
Всякой часъ меня.

ФИЛИМОНЪ.

(*Ходя между тѣмъ задумавшись и по голосу увидя ее, останавливается*).

Это она... она точнёхонько...

АНЮТА (*увидя Филимона*).

Это онъ?... Точно онъ!...

ФИЛИМОНЪ.

Подойду къ ней, што ни будетъ, то будетъ (*подходитъ*).

АНЮТА.

Онъ ко мнѣ идетъ?... Такъ, ко мнѣ; нѣтъ, я уйду отъ него, а то неровно какъ старики мои меня съ нимъ увидятъ, то пойдетъ дымъ коромысломъ! (*Хочетъ уйти, и послѣ останавливается.*)

ФИЛИМОНЪ (*также остановясь*).

Бѣги пожалуй, што нужды? видишь какая, коли такъ упряма, ты чаешь краше тебя и нѣту; анъ лихъ есть много, не тебѣ чета, и я право гоняться-та за тобою не буду.

АНЮТА (*про себя*).

Кажется, онъ вздурился, што я уйтить-та хотѣла; этакая напасть моя, што станешь дѣлать? Не уйтить горя, а уйтить и вдвоя... да не кая пропасть, мнѣ и самой хочется повести съ нимъ поговорку.

ФИЛИМОНЪ (*увидя, что она остановилась*).

А! а... это ей не по сердцу, што я сказалъ: гоняться-та за ней не буду... этакъ-та лучше съ ними водиться; у насъ вѣдь по-сельски: какъ любушкѣ своей тулунбаса два, три въ спину влѣпишь, и она стерпитъ, такъ и наша.

АНЮТА.

Не знаю сама, што бы это такое со мною сталось?... Што я ево лишь увижу, такъ сердце мое

всё затрепещетъ, руки опустятся, ноги подогнутся, и съ мѣста не сдвинешься!... што жъ будешь дѣлать? Хоть побои принять, а съ нимъ перемолвлю (*воротясь, подходитъ къ нему тихо*).

ФИЛИМОНЪ (*также къ ней приближаясь, про себя*).

Ты ко мнѣ, и я къ тебѣ. (*Анютѣ*) Дѣвица красная, по добру-ль живешь поздорову?

АНЮТА.

Не пуще такъ, штобы тебѣ сказать, радостно.

ФИЛИМОНЪ.

Да тебя давно ужъ и въ посидѣнкахъ не видно.

АНЮТА.

Матушка меня не пущаетъ; говоритъ: ты, дескать, ужъ дѣвушка невѣста, такъ женихи осудятъ: и я отъ этова иногда и плачу.

ФИЛИМОНЪ.

Не тужи красная дѣвица, авось-либо дождемся и мы своей воли.

АНЮТА.

Кажется, мнѣ не нажить этихъ дней (*особо*). Онъ, видно, хочетъ на мнѣ жениться.

ФИЛИМОНЪ (*особо жъ*).

Женился бы не шушёмъ, кабы было можно.

АНЮТА (*поетъ начало на голосъ: «Кабы знала, кабы вѣдала, мой свѣтъ»*).

Кабы я млада увѣрена была,
Что дружку своему хоть чуть-чуть я мила:
И не въ скукѣ бы жила.

ФИЛИМОНЪ (*особо говоритъ*).

Побожуся ей, что я никакъ ее люблю.

АНЮТА (*продолжаетъ пѣть на тотъ же тонъ начало*).

Только милый мой не вѣдаетъ того,
Какъ безвременно крушусь я для него:
Онъ во снѣ мнѣ часто снится,
Будто вздумалъ онъ жениться
На иной, а не на мнѣ.

ФИЛИМОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! што пустое затѣвать! этого и въ умѣ не бывало.

ЯВЛЕНІЕ II.

МЕЛЬНИКЪ И ПРЕЖНІЕ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ого! соколъ, ты ужъ и здѣся! Скоренько ты залетѣлъ... а я нѣчива-таки, тяпнулъ винца мѣрочку, такъ и веселяя стало. Здорова-ка Анюта.

АНЮТА.

Здравствуй сосѣдушка.

МЕЛЬНИКЪ.

Што-то какъ этакъ вы дѣлаете?

АНЮТА.

Пѣли пѣсни.

ФИЛИМОНЪ (*Мельнику*).

Слышалъ ли ты, какъ она жалобно пѣла?

МЕЛЬНИКЪ.

Слышалъ, слышалъ, да это не надолго; скоро запоетъ инымъ голосомъ, ужъ не такъ заунывно.

АНЮТА (*досадуя*).

Зачѣмъ ево чортъ принесъ?...

ФИЛИМОНЪ.

Небось, нѣтъ ничего.

АНЮТА.

Да, видишь какой, только помѣшалъ намъ!...

ФИЛИМОНЪ (*поетъ*).

Полно, свѣтикъ мой, стыдиться,
Станемъ мы при немъ дружиться,
Дай мнѣ рученьку свою,
Дай голубушку мою.

АНЮТА.

Ни чуть это не годится,
Чтобъ такъ при людяхъ рѣзвиться,
Отвяжись и не шути,
Вѣдь не сколько въ томъ пути.

ФИЛИМОНЪ.

Его нечего таиться;
Старикъ этотъ пригодится
Распознай сама его,
Онъ пригоденъ для всего.

АНЮТА (*обертываясь назадъ*).

Ай! ай!... уйдите, уйдите! старуха моя сюда идетъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Уйдемъ, уйдемъ, вѣдь старуха-та великая хлопотунья.

(*Мельникъ и Филимонъ уходятъ на задъ театра и прячутся за крестьянскій дворъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ФЕТИНЬЯ И АНЮТА.

ФЕТИНЬЯ.

Ты рыскуша все на улицѣ и рано и поздно: а што дѣлаешь? вѣдь только зѣваешь; а ты бы дѣвушка лучше кросна ткать смышляла.

АНЮТА.

Да я и такъ лишь теперь изъ-за дѣла: тебѣ шила подзатыльникъ, а себѣ низала подпизы; цѣлой день работаючи, кажется, рукъ не покладывала, когда жъ погулять то?...

ФЕТИНЬЯ.

Дѣвушки теперь не гуляютъ, уже смеркается, поди, поди за дѣло.

АНЮТА (*особо*).

Вотъ какая право, все дѣлай да дѣлай; и погулять нѣкогда; видать ли ужъ какъ бы за-мужъ вытти, тогда не сказала бы она мнѣ: лучше бы дѣвушка кросна ткать смышляла.

ФЕТИНЬЯ.

Што жъ ты стала?...

АНЮТА.

Да теперь ужъ темно дѣло дѣлать.

ФЕТИНЬЯ.

Такъ инъ ложись да спи, завтра рано вставать.

АНЮТА.

Мнѣ и спать-то еще не хочется.

ФЕТИНЬЯ.

Поди жъ! поди!... этакая упрямица!

АНЮТА (*отходя*).

Куда право, какая!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФЕТИНЬЯ (*одна*).

Пора дѣвку за-мужъ, нѣчева мѣшкать, у нее ужъ теперь не дѣло на умѣ, а она жениховъ смышляетъ... да что мнѣ дѣлать? придумать не могу; давно бы я ее съ рукъ сбыла, какъ бы не старый хрычъ мнѣ перечилъ, охо! хо! хо! таковò–та быть не за ровней! не то смышляй, что хочется; а то дѣлай, что мужъ велитъ.

(*На голосъ: «Ахъ! на что жъ бола: ахъ къ чему жъ бола»*).

Ахъ! на что жъ бола, ахъ! къ чему жъ бола
Мнѣ на свѣтѣ быть,
Во кручинѣ жить?
Я родилася, я родилася
Не крестьянкою,
А дворянкою.

Меня отдали, меня отдали:
За крестьянина,
Не за барина.

Навязался мнѣ, навязался мнѣ,
Некошной старикъ,
Все съ нимъ шумъ да крикъ.

Изсушилъ меня, изсушилъ меня,
Какъ лучиночку,
Какъ былиночку

Горя мыкаю, горя мыкаю.
Я отъ младости
И до старости.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И МЕЛЬНИКЪ.

МЕЛЬНИКЪ.

Помогай Богъ! Антипьевна.

ФЕТИНЬЯ *(кланяясь)*.

Сосѣдушка Гаврилычъ! штобы такъ поз-деньско?

МЕЛЬНИКЪ.

Укрой отъ темной ночи.

ФЕТИНЬЯ.

Добро пожаловать.., а моего старика видѣлъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Нѣтъ, кормилица, и въ глаза не попадался.

ФЕТИНЬЯ.

Онъ къ тебѣ на мельницу поѣхалъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ко мнѣ?...

ФЕТИНЬЯ.

Да.

МЕЛЬНИКЪ.

Куда жъ бы это онъ запропастился?

ФЕТИНЬЯ.

То-то я и горюю! клячонка-та окаянная не очень надежна, на коей онъ поѣхалъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ну, такъ и впрямъ не скоро и дотащится... да нѣтъ, ты не о томъ горюешь... я смышлю, што у тебя на мысли. —

ФЕТИНЬЯ.

А што бы такое?

МЕЛЬНИКЪ.

Дѣвка-та у насъ на возрастѣ, пора бы ее веселымъ пиркомъ да за свадебку.

ФЕТИНЬЯ.

Суженова-та нѣтъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Будетъ, будетъ, я ужъ тебѣ въ томъ.

ФЕТИНЬЯ.

Поворожи-тка, будетъ ли ей удача?

МЕЛЬНИКЪ.

Поворожи-тка!... вѣдь даромъ не ворожатъ, *(подставливаетъ ей руку)* клади-ка сперва гривенку денегъ, да поподчивай брашкой, такъ и пойдетъ дѣло.

ФЕТИНЬЯ.

А безъ этова не можно?

МЕЛЬНИКЪ.

Никакъ нельзя, а особливо безъ сивухи: безъ нее и языкъ не поворотится.

ФЕТИНЬЯ.

Ну коли такъ, то пойдемъ въ горницу, тамъ я тебя и поподчиваю.

МЕЛЬНИКЪ.

За чѣмъ дѣло стало; пойтить, такъ пойтить.

(отходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФИЛИМОНЪ *(одинъ, выходя).*

Ушли!..: ну, что-та будетъ, авось-либо пойдетъ дѣло на ладъ, старикъ и туда и сюда, да провальная старуха все поперегъ ломитъ ...полно сватъ-атъ у меня вѣдь колдунъ, такъ и кручины нѣтъ. Что жъ мнѣ на досугѣ дѣлать? Отъ скуки хоть пѣсню скурныкаю.

(На голосъ, начало: «При долинушкѣ гуляла».)

Стану свата дожидаться,
Нѣчева бояться,
Сватъ мнѣ любушку достанетъ,
Ни чуть не обманетъ:
Онъ колдунъ,
Не болтунъ,
Водится съ домовыми,

И самъ наболыной надъ ними,
И пьетъ и ѣстъ съ ними!

Стану свата дожидаться,
Нѣчева бояться,
Сватъ мнѣ любушку достанетъ,
Ни чуть не обманетъ.
Онъ чертей,
Какъ дѣтей,
Когда надобно, скликаетъ,
Куды хочетъ помыкаетъ,
Послѣ вонъ толкаетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФЕТИНЬЯ, АНЮТА И МЕЛЬНИКЪ.

(А Филимонъ, увидя ихъ, опять прячется).

МЕЛЬНИКЪ.

Въ пору вышли, не опоздали, мѣсяцъ лишь только всходить началъ... подите жъ сюда.

ФЕТИНЬЯ.

Нѣтъ Гаврилычъ! право, кажется, ты ума рехнулся, ну святки нынѣ что ли, такъ загадывать?

МЕЛЬНИКЪ.

Это только вашимъ сестрамъ, бабамъ, чередъ загадывать о святкахъ; а намъ, ворожеямъ, и лѣтомъ и зимою, осенью и весною, и днемъ и *ночью*, когда ни захотимъ, всегда святки: чор—

та-тъ вѣдь въ нашихъ вожжахъ, и мы когда хотимъ, тогда его погоняемъ... ну теперь понимаешь ли?...

ФЕТИНЬЯ.

Разумѣю.

МЕЛЬНИКЪ.

Вели же сперва чего-нибудь поднесть мнѣ выпить.

ФЕТИНЬЯ.

Развѣ еще мало?... Мнѣ кажется, ты и такъ уже на̀-веселѣ, и хлебнулъ довольно.

МЕЛЬНИКЪ.

Это-то нашему брату и надобно. Вѣдь сказать правду: съ чортомъ-та не съ своимъ братомъ ладить, надобно быть смѣлу, и смѣлость-ту дѣлаетъ сивуха.

ФЕТИНЬЯ.

Этакая дьявольщина! ну добро изволь, Анюта, вынеси сосѣду давешнюю съ виномъ сулейку.

(*Анюта уходитъ*).

ФЕТИНЬЯ (*между тѣмъ говоритъ Мельнику*).

Я тебя, сватушка, подарю, посмотри какимъ подаркомъ.

(*Анюта выноситъ дорожную фляжку на ремнѣ и подаетъ матери, а она, отдавая Мельнику, говоритъ*).

ФЕТИНЬЯ.

Вотъ изволь владѣть и попивать изъ неё на здоровье.

МЕЛЬНИКЪ (*взявъ и любуясь*).

О! о!... то спасиба... прямо удружили... (*надѣвъ фляжку черезъ плечо и потомъ пьетъ изъ нее*).

Ну!... гожа!... хоть бы куды сивуха.. Вотъ добрая хозяйка!... што-жъ теперь станемъ дѣлать?

АНЮТА И ФЕТИНЬЯ.

Загадывать развѣ забылъ ты?

МЕЛЬНИКЪ.

Да-такъ... а я право думалъ, што вы объ этомъ забыли.

ОБѢ.

Какъ забыть то́, что нужно?

МЕЛЬНИКЪ.

Ну! ну! ладно, ладно. (*Къ Фетиньѣ*) Побудь же ты покамѣстъ тамъ за дверьми...поди жъ, поди тебѣ говорятъ!...

ФЕТИНЬЯ.

Посмотрю, что будетъ. (*становится въ дверяхъ и выглядываетъ*).

МЕЛЬНИКЪ (*къ Анютѣ*).

А ты стань вотъ здѣсь къ мѣсяцу спиною, руки подними этакъ, гляди въ зеркало... наведи его на мѣсяцъ, загадай: суженой ряженой, за кѣмъ мнѣ быть за-мужемъ?...

АНЮТА.

Суженой, ряженой, за кѣмъ мнѣ быть замужемъ?...

(*Мельникъ даетъ знать Филимону, чтобъ онъ вышелъ, а тотъ показываетъ, что боится выйти. Мельникъ досадуетъ.*

МЕЛЬНИКЪ (*къ Анютѣ*).

Видишь ли што́?

АНЮТА.

Вижу: на небѣ звѣзды,

МЕЛЬНИКЪ.

А ещо?

АНЮТА.

Ничево больше.

МЕЛЬНИКЪ.

Што жъ бы такое мѣшало?... А!... обдаяко нашло. Да оно пройдетъ скоро. (*Къ Филимону тихо*). Выдь сюда, покажись ей.

ФИЛИМОНЪ.

Чтобъ ее не всполошить. (*выходитъ*).

АНЮТА.

Дѣдушка! мнѣ что-та чудится.

МЕЛЬНИКЪ.

Ладно! смотри што еще будетъ. (*еще Филимону*) Подь поближе. (*Филимонъ подходитъ*).

АНЮТА.

Ай!... кто это? онъ...такъ, онъ!...

МЕЛЬНИКЪ. (*даетъ знать Филимону, чтобъ онъ ушелъ*).

(*Къ Анютѣ*) Ударь, ударь по зеркалу, штобъ не схватилъ тебя.

АНЮТА (*опустя зеркало*).

Ну!... что это почудилось! кажется, самый онъ; о, кабы да это сбылося!

МЕЛЬНИКЪ.

По обычаю ль жа тебѣ?

АНЮТА.

Вотъ иша што знать хочетъ! што бы я была за дура, штобъ тебѣ сказала! люблю ли, нѣтъ ли, до тово дѣла нѣтъ, это вѣдь дѣвушкѣ-невѣстѣ сказывать, кажется, стыдно.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТАРУХА И ПРЕЖНІЕ.

ФЕТИНЬЯ (*выходя, говоритъ про себя*).

Боюсь, штобъ дѣвка не испугалась; вѣдь еще она у меня ребенокъ. (*Къ дочери*) Почудилось ли тебѣ што, Анюта?

АНЮТА.

Вотъ онъ скажетъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ничево, ничево... (*къ Анютѣ*) поди ты теперь въ свое мѣсто. (*Анюта отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

МЕЛЬНИКЪ И ФЕТИНЬЯ.

ФЕТИНЬЯ.

Ну теперь поворожи-тка и мнѣ.

МЕЛЬНИКЪ.

Тебѣ?... изволь... постой-жа, нада сперва выпить.

ФЕТИНЬЯ.

Да долго ли этова будетъ?...

МЕЛЬНИКЪ.

Еще по одной выпьемъ... (*выпивъ*) ну!... что жъ *тебѣ надобно?* загадай, да и мнѣ скажи.

ФЕТИНЬЯ.

Мнѣ хочется узнать: какой у меня зять будетъ.

МЕЛЬНИКЪ.

А вотъ это дѣло, какъ сказала, такъ и угадать можно. Вѣдь тебѣ дворянинъ надобенъ?

ФЕТИНЬЯ.

Я-таки за инова и выдать ее не думаю,

МЕЛЬНИКЪ.

Ладно, ладно, пройди-жъ вонъ по этой тропинкѣ.

ФЕТИНЬЯ.

Куда такъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Туда, туда недалёчка, да и вернись назадъ.

ФЕТИНЬЯ.

Ну, да какова шетуна я тамъ увижу?

МЕЛЬНИКЪ.

Не шетуна, суженова своей дочери; какой первой тебѣ пырь встрѣчу, такой и зять у тебя будетъ.

ФЕТИНЬЯ.

А какъ ихъ встрѣтится цѣлая гурьба?...

МЕЛЬНИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! поди лишь, я знаю, што одново только встрѣтишь.

ФЕТИНЬЯ.

Инъ добро быть такъ (*отходитъ на задъ театра; Филимонъ съ нею встрѣчается; Фетинья подходитъ къ нему ближе, разсматриваетъ, и пугается*). Ай!... ай!... (*бѣжитъ къ Мельнику*) зачурай, зачурай меня!...

МЕЛЬНИКЪ.

Не бось, не бось, обернись назадъ, онъ уже провалился.

ФЕТИНЬЯ.

Охъ!... не могу отдохнуть... Ну Гаврилычъ, не солгалъ ты, теперь я повѣрю, что въ тебѣ много дьявольщины.

МЕЛЬНИКЪ.

А затѣевъ и ещо больше.

ФЕТИНЬЯ.

Да правду молвить: почудился мнѣ детинушка изряденъ, и онъ былъ бы Анютѣ очень настать, кабы да только онъ дворянинъ былъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Дворянинъ, дворянинъ, что и думать, я все вѣдаю.

ФЕТИНЬЯ.

А кто жъ онъ таковъ?...

МЕЛЬНИКЪ.

Онъ... тотъ... кой живетъ не пуще далече отсюда и всево гоны съ трои, изъ села Хлѣбородова, деревни Доброй-Пожни; есть также у нево посильно мѣсто мужичковъ, работниковъ и домашнихъ челядинцовъ.

ФЕТИНЬЯ.

А зовутъ его какъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Не скажу теперь... будетъ съ тебя и этова... поди жъ покуль и ты къ своему мѣсту.

ФЕТИНЬЯ.

А ты?

МЕЛЬНИКЪ.

Мнѣ есть свое дѣло, кое... все-ль бабамъ вѣдать? поди, поди, не мѣшай мнѣ. А я еще покамѣстъ выпью (*между тѣмъ пьетъ, и на фляжку любуясь, говоритъ*) какая это добрая фляга!

ФЕТИНЬЯ (*отходя*).

Инъ часъ тебѣ доброй.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ФИЛИМОНЪ И МЕЛЬНИКЪ.

ФИЛИМОНЪ (*подходя къ Мельнику, онъ пугается*).

Ахъ дѣдушка! я ни вѣсть какъ радъ, ты приставляешь мнѣ голову къ плечамъ.

МЕЛЬНИКЪ.

И впередъ насъ, стариковъ, держися... А! да вонъ и старикъ домой идетъ. Пойдемъ сюда покамѣстъ. (*Отходятъ къ сторонѣ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

АНКУДИНЪ И ПРЕЖНІЕ.

СТАРИКЪ (*погоняетъ лошадь, а она стала*).

Ну, ну! сивушка... экъ она... стала... што дѣлать? (*помогаетъ ей*) Ну! ну! дотяни еще немного... нѣтъ, провальная, не везетъ... инъ добро

быть такъ, отдохни, сивка, и я съ тобою въ пень сталъ (*подходитъ къ оркестру*). Што, барямъ-то рай жить, хоть разъ бы пожилъ такъ, какъ они; да полно што некошная живётъ и ихъ доля, бываетъ и имъ хлопотъ полонъ ротъ, а нашему брату, чего не видя, заботы меньше: пропадай оно, не хочу быть въ баряхъ! (*Мельникъ и Филимонъ подходятъ къ нему*).

МЕЛЬНИКЪ.

Помогай Богъ, сосѣдушка!

АНКУДИНЪ.

Ба! сватъ Гаврилычъ, откуда взялся?

МЕЛЬНИКЪ.

Шли путемъ-дорогой, да завернули и къ тебѣ побывать.

АНКУДИНЪ.

Добро пожаловать, что добренькова?...

МЕЛЬНИКЪ.

А вотъ што: мы къ тебѣ прибрели, не пиръ пировать, не ржи торговать, а думу крѣпкую думать: есть у тебя суженая, есть у васъ ряженая, благослови-тко ее за сосѣда моего.

АНКУДИНЪ.

А ево милость откудова?...

ФИЛИМОНЪ.

Изъ села Хлѣбородова, деревни Доброй-Пажни челомъ бьемъ.

АНКУДИНЪ.

Доброе дѣло, я бывалъ тамъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Хе!.. какъ сказать тебѣ про его житье-бытье и богатство, такъ ты съ нимъ не разстанешься: дѣтина онъ собою, ты видишь, ужъ на всё ухвать; борону ли сладить, тынъ ли огородить, ужъ ничего изъ рукъ не вывалится; а дома-тъ у него, кабы ты вѣдалъ, какъ полной закромъ; чего нѣту? скота-то что ли, хлѣба-то ли, или другова прочего, необъятная сила, а ни отца ни матери, ни роду ни племени, весь тутъ какъ видишь...

АНКУДИНЪ.

Такова доброва молодца давай намъ... да скажу тебѣ, вотъ бѣда: старуха провальная со мной не ладитъ: я хочу такъ, а она поперегъ ломитъ!... я чтобы къ доброму, а она по своему мудруетъ, да и чортъ ее не перековеркаетъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Гдѣ чорту возиться! а развѣ я ее поверну посвоему, она будетъ наша.

АНКУДИНЪ.

Правду тебѣ молвить, я не чаю.

МЕЛЬНИКЪ.

Дай покамѣстъ ты свое слово.

АНКУДИНЪ.

Я?... я готовъ, съ моей руки часъ доброй.

МЕЛЬНИКЪ.

Только намъ было и нада, мы теперь побредемъ ко двору, и ужъ ты насъ съ поѣзжанами къ себѣ дожидайся. Челомъ бьемъ... (*хотятъ*

итти; но Мельникъ останавливаетъ Филимона). Постой, постой еще, по послѣдней выпьемъ, будьте здоровы *(пьетъ, а выпивъ)* Челомъ бьемъ *(отходятъ).*

АНКУДИНЪ.

Не помѣшкайте-жъ, Гаврилычъ.

МЕЛЬНИКЪ *(отходя).*

Будемъ, будемъ скоро.

ЯВЛЕНІЕ XII.

АНКУДИНЪ *(одинъ, подходя къ воротамъ, ихъ отворяетъ и потомъ къ лошади).*

Ну-тка, сивушка, ужли отдохнула?... ну! ну! пошла... ну на дворъ прямо...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ФЕТИНЬЯ И ПРЕЖНІЙ.

ФЕТИНЬЯ.

Насилу ты пріѣхалъ, а я тебя ужъ отчаяла.

АНКУДИНЪ.

Только такъ такъ што дотащился.

ФЕТИНЬЯ.

А я безъ тебя дочь просватала.

АНКУДИНЪ.

А за кого бы этакъ?...

ФЕТИНЬЯ.

За кого, я знаю.

АНКУДИНЪ.

Такъ и я также просваталъ.

ФЕТИНЬЯ.

Ты, да какъ это?...

АНКУДИНЪ.

А также, не скажу, такъ и думаешь.

ФЕТИНЬЯ.

О! мнѣ и дѣла нѣтъ, я знаю што на своемъ поставлю. (*поютъ*)

Какъ ни стану,
А достану
Дворянина жениха.

АНКУДИНЪ.

Какъ ни стану,
А достану
Хлѣбопашца жениха.

ОБА.

Отдамъ въ нынѣшнемъ дочь лѣтѣ,
Молодецъ есть на примѣтѣ,
Дочь мою кой можетъ взять.

ФЕТИНЬЯ.

Сколько хочетъ пусть онъ вздоритъ,
А меня не переспоритъ:
Дворянинъ мнѣ будетъ зять.

АНКУДИНЪ.

Пой пожалуй што я вздорю,
А тебя я переспорю:
Мнѣ крестьянинъ будетъ зять.

ФЕТИНЬЯ.

Я отдамъ за дворянина.

АНКУДИНЪ.

Я отдамъ за мужика... (*говоритъ*) за нашего брата, за крестьянина.

ФЕТИНЬЯ.

За такова жъ дурака, какъ самъ.

АНКУДИНЪ.

Анъ лихъ нѣтъ, дворянина-тъ вишь хорошей дочь ту нашу не возьметъ; а буде какой бы и сыскался на ней жениться, такъ уже развѣ такой, вотъ што называется-та, самая мелкая сошка. А нашъ братъ, крестьянинъ, чему-та пить не быть... (*поетъ.*)

Не дуракъ нашъ братъ дѣтина,
И работникъ онъ прямой.

ФЕТИНЬЯ.

Да лихъ зять не будетъ мой.

АНКУДИНЪ.

А вотъ будетъ.

ФЕТИНЬЯ.

Вотъ не будетъ.

АНКУДИНЪ.

Да вѣдь я большой въ дому.

ФЕТИНЬЯ.

Да не быть по-твоему.

АНКУДИНЪ.

Почему?

ФЕТИНЬЯ.

Потому:
Ты мужикъ, а я дворянка.

АНКУДИНЪ.

Нѣтъ, крестьянка.

ФЕТИНЬЯ.

Дочь вѣдь тожъ по мнѣ дворянка.

АНКУДИНЪ.

Нѣтъ, крестьянка.

ФЕТИНЬЯ.

Анъ дворянка.

АНКУДИНЪ (*съ сердцемъ.*)

Нѣтъ, крестьянка!... слышь крестьянка.

ФЕТИНЬЯ.

Опомнись старой пёсъ! вѣдь ты знаешь, что я рождена отъ благородной крови.

АНКУДИНЪ.

Вспомни-ка, старая негодяйка, и ты, што уже двадцать лѣтъ какъ ты жена моя.

ФЕТИНЬЯ (*поетъ*).

Да хоть я твоя жена,
А тебя лихъ мало тѣшу.

АНКУДИНЪ.

Такъ вотъ разъ тебѣ отвѣшу,
То и будешь ты смирна.

ФЕТИНЬЯ.

Плюю я на эти враки.

АНКУДИНЪ

Ну ужъ вотъ дойдетъ до драки.

ФЕТИНЬЯ.

Враки!... враки!...

АНКУДИНЪ (*особливо*).

Хоть боюся я грѣха,
А скрою ей треуха!

ФЕТИНЬЯ.

На твои-та я угрозы,
Знай, хотѣла наплевать.

АНКУДИНЪ.

Ну смотри жъ жена, чтобъ слезы
Ты не стала утирать (*говоритъ*).

Я съ тобою, лебедь моя, справлюсь, дака мнѣ только пріобострожиться, а то нѣтъ, ты востра очень, и што ты думаешь дворянскова-та отродья, такъ тебѣ и чортъ не братъ!

(*поетъ особо.*)

Мнѣ на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехтать ея спинищу....
Будетъ жить какъ я хочу.

ФЕТИНЬЯ.

А я старому хрычу
Сама втрое отплачу.
А ты съ дочкой-та простися!..

АНКУДИНЪ.

Эй! жена, слышь ты, уймися!

ФЕТИНЬЯ.

Самъ уймись!

АНКУДИНЪ.

Ну, жена, поберегись.

ФЕТИНЬЯ.

Я тебя лихъ не боюся,
Съ женихомъ уговорюся,
За кого хочу отдать.

АНКУДИНЪ.

О! тому-та не бывать!...

ФЕТИНЬЯ.

По твому-та не бывать...

АНКУДИНЪ.

По твому-та не бывать,

ОБА.

По твому-та не бывать.
Не бывать!.., не бывать!...

(уходятъ.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ тотъ же крестьянской домъ, и при немъ на скамьяхъ сидящихъ дѣвокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕТИНЬЯ *(и нѣсколько дѣвокъ изъ коихъ, иная прядетъ, иная шьетъ; только всякая съ дѣломъ и поютъ свадебныя пѣсни).*

ХОРЪ.

Што безъ бури, безъ вихоря
Ворота отпиралися.
Въ теремъ двери отворялися.

ФЕТИНЬЯ.

Нѣтъ, дѣвки, другую спойте, позаунывнѣя.

ХОРЪ.

Тошненько мнѣ младой въ дѣвкахъ быть,
Тошнѣй того мнѣ за-мужъ иттить:

ФЕТИНЬЯ.

О! нѣтъ, эта ужъ очень жалобна, спойте ещо иную.

ХОРЪ.

Вечоръ-та мнѣ косоньку матушка плела, матушка плела
И жемчугомъ косоньку всю унизала, всю унизала.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

АНЮТА И ПРЕЖНІЯ.

ФЕТИНЬЯ.

Поди–ка сюда Анюта; а мы тебѣ свадебныя пѣсни пѣли.

АНЮТА.

Матушка!... да за кого ты меня выдать–та хочешь?

ФЕТИНЬЯ.

Не бось, не бось; я выдамъ тебя за такова молодца, какой нашимъ дѣвкамъ и во снѣ не пригрезится...

АНЮТА.

Почему это вѣдать?

ФЕТИНЬЯ.

Глупенькая, захочетъ ли мать, чтобъ дочь ея была за другимъ мужемъ, а я еще и больше хочу, чтобъ мужъ у тебя былъ дѣтинушка завидной и также барыша и дворянскова бы отродья.

АНЮТА (*поетъ*).

Вотъ моя, вотъ напасть:
Злодѣйка любовна страсть
Взяла надо мною власть:
Свѣтъ не милъ,
Свѣтъ постылъ;
Всякой часъ крушуся я,
Противна мнѣ жизнь моя!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

АНКУДИНЪ И ПРЕЖНІЯ.

АНКУДИНЪ.

Ге!... старуха!... штой-та... На тебя эту ночь сна нѣтъ!... (*увидя дѣвокъ*) Ба! да ты и впрямъ свадьбу затѣяла?...

ФЕТИНЬЯ.

Таки не шутя.

АНКУДИНЪ.

Сунбурщица! да ты послушай меня.

ФЕТИНЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты хоть тресни, а я свои буду пѣть пѣсни; на зло тебѣ, дочь просватала въ село Хлѣбородово...

АНКУДИНЪ.

Э!... какъ! въ село Хлѣбородово ты хочешь выдать?

ФЕТИНЬЯ.

Такъ-таки.

АНКУДИНЪ.

А... а за ково бы тамъ?

ФЕТИНЬЯ.

За помѣщика деревни Доброй Пожни.

АНКУДИНЪ.

Вотъ на! да тамъ и помѣщиковъ-та нѣту.

ФЕТИНЬЯ.

Анъ лихъ есть; мнѣ кажется, Ѳаддей-мельникъ сватаетъ, и уже мы, я и она, (*указывая на дочь*) *его и видѣли*.

АНКУДИНЪ.

Когда видѣли?

ФЕТИНЬЯ.

Давеча, какъ смерклось.

АНКУДИНЪ.

Такъ Ѳаддей мельникъ вамъ сватаетъ?

ФЕТИНЬЯ.

Да такъ-таки, и онъ кленётся и божится за него какъ за дворянина.

АНКУДИНЪ.

Ха! ха! ха!... онъ васъ морочитъ; а вѣдь и ко мнѣ онъ же, и изъ той жа и деревни приходилъ сватать, только крестьянина.

ФЕТИНЬЯ.

Неужто.

АНКУДИНЪ.

Стану ль я тебя обманывать... да вотъ онъ и самъ катитъ къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МЕЛЬНИКЪ И ПРЕЖНІЕ.

ФЕТИНЬЯ.

Поди-тка, поди, сосѣдушка, разбери насъ: вѣдь ты сватаешь за дочь-ту мою дворянина?

МЕЛЬНИКЪ.

Ты ево видѣла?...

ФЕТИНЬЯ.

Видѣла.

МЕЛЬНИКЪ.

И спрашивать нечева.

АНКУДИНЪ.

Какъ-жа, а ко мнѣ ты приходилъ съ дѣтиной и называлъ ево крестьяниномъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Я и теперь въ томъ стою, и коли милости вашей въ потребу, такъ мы его и на лицо выставимъ.

АНКУДИНЪ И ФЕТИНЬЯ (*оба*).

Подавай-ка сюда, мы посмотримъ.

МЕЛЬНИКЪ.

За нами дѣло не станетъ (*ухватя ихъ обоихъ поетъ*)

И теперь я то пою;
Въ своемъ словѣ я стою:
Этой ночи,
Что есть мочи,
Я чудесъ вамъ натворю:
Тебя съ нею помирю!
Подождите,
Не ходите,
Жениха вамъ покажу,
И все дѣло развяжу.

(*уходитъ и они всѣ, смотря ему въ слѣдъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЪ (*кромѣ мельника*).

АНКУДИНЪ.

Старуха!... какъ ты смышляешь? свата-тъ нашъ не дьявольщину ль какую городитъ и ужъ не оборотня ли намъ сватаетъ?

ФЕТИНЬЯ.

Чево доброва и быть такъ.

АНКУДИНЪ (*поетъ*)

Вижу я, колдунъ морочитъ:
Обмануть насъ всѣхъ трехъ хочетъ;
Только какъ колдунъ ни дюжъ,
Да вѣдь я и самъ уклюжъ:
Какъ обманъ ево я смѣчу,
То какъ чорта изувѣчу,
Провожу съ двора дубьемъ...2

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МЕЛЬНИКЪ (*пьяной и съ балалайкой*), ФИЛИМОНЪ И ПРЕЖНІЕ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ну-те-тка... (*къ старику*) этова ли я къ тебѣ приводилъ?

АНКУДИНЪ.

Этова, этова, не спорное дѣло, только, братъ...

МЕЛЬНИКЪ (*къ старухѣ*).

А ты съ нимъ ли на дорогѣ-та столкнулась?

ФЕТИНЬЯ.

Съ нимъ, точнёхонько.

МЕЛЬНИКЪ.

А у невѣсты ужъ и спрашивать нечева.

АНЮТА (*подходя къ нимъ, разсматриваетъ Филимона; онъ ей кланяется и она ему*).

Онъ!... точнёхонько онъ!... какъ же я рада!

ФЕТИНЬЯ.

Да вѣдь онъ дворянинъ, ты сказывалъ?

МЕЛЬНИКЪ.

Да еще и природной.

АНКУДИНЪ.

Почему-жа мнѣ называлъ его крестьяниномъ?

МЕЛЬНИКЪ.

А потому-же, что это правда.

АНКУДИНЪ.

Што жъ за чертовщина такая? Дворянинъ и крестьянинъ, нѣтъ! нѣтъ, видно, братъ сватъ, ты насъ морочишь.

АНЮТА.

Батюшка и матушка, што до того нужды? пускай онъ хоть пастухъ будетъ, да мнѣ полюбился; не думайте, отдавайте скорѣе.

МЕЛЬНИКЪ (*беретъ старика и старуху за руки; сперва къ старику*).

Ты за нево отдать думаешь?

АНКУДИНЪ.

Съ охотой бы.

МЕЛЬНИКЪ (*къ старухѣ*).

А ты, сватьюшка?

ФЕТИНЬЯ.

И я бы не упрямилась, коли дворянинъ онъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Ладно, слушайте жъ, что я вамъ пѣть буду.

(*Настроиваетъ сперва балалайку, потомъ поетъ*).

Ужъ какъ шли старикъ съ старухой изъ лѣсочка,
Изъ лѣсочка,
Съ ними дочка,
Пригожайка... 2.
На встрѣчу имъ попался сосѣдъ-мельникъ,
Сосѣдъ-мельникъ,
Не бездѣльникъ,
Ворожайка... 2.
Сосѣдъ-мельникъ загадаетъ имъ загадку:
Имъ загадку,
Правду-матку
Загадаетъ... 2,
Еще што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ орётъ
И съ крестьянъ оброкъ берётъ.
Отгадайте!
Толкъ въ томъ дайте,
Не болтайте,
Отгадайте... 2.

АНКУДИНЪ.

Чортъ развѣ это отгадаетъ, а не мы, грѣшные!

МЕЛЬНИКЪ (*продолжая пѣть*).

Старики мои догадки не имѣютъ,
Не имѣютъ,
Не умѣютъ
Отгадати... 2.
Такъ инъ мнѣ пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити... 2.
Ища вотъ да што оно,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ, и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ орётъ
И съ крестьянъ оброкъ берётъ,
Это знайте:
Это знайте,
Не вступайте,
Больше въ спорецъ.
Ево знаютъ,
Называютъ,
Однодворецъ!...

Слышали ль?... онъ Однодворецъ, а Однодворецъ — и дворянинъ и крестьянинъ — все одинъ.

АНКУДИНЪ.

Вотъ на! а я хоть бы тѣ треснуть, не домыслился бъ этова.

МЕЛЬНИКЪ.

Ну! теперь спору больше нѣтъ.

АНКУДИНЪ.

Ни сколько.

ФЕТИНЬЯ.

И я ни словечка (*особливо*). Вѣдь все ужъ дочьта моя будетъ не за прямымъ мужикомъ-охреяномъ, а таки хотя за половиною да дворяниномъ.

АНКУДИНЪ.

Пускай, пускай по-твоему.

МЕЛЬНИКЪ.

Нечива жъ и смышлять больше, ну-тка въ добрый часъ, веселымъ пиркомъ да за свадебку.

ФЕТИНЬЯ.

Во святой часъ! по рукамъ да и за-мужъ.

АНКУДИНЪ.

Спасиба братъ сосѣдушка, правду молвить, удружилъ всѣмъ намъ. (*Начинаютъ пѣть*)

Теперь у насъ, старуха, нѣту спора:
Приходитъ наше дѣло до сговора.

ХОРЪ.

МЕЛЬНИКЪ.	ВСѢ.
Такъ... я къ вамъ, мои други,	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ,
Я не даромъ приходилъ,	Сватъ не даромъ приходилъ,
Я вамъ свадьбу снарядилъ,	Онъ намъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ угодилъ.	Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ угодилъ.

СТАРУХА.

Крушить не буду молодость дѣвичью,
Сыскала жениха ей по обычью.

ХОРЪ.

МЕЛЬНИКЪ.	ВСѢ.
Такъ... я къ вамъ мои другие...	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ.

ФИЛИМОНЪ.

Теперь мое сердечушко на мѣстѣ:
По нраву я пришолъ моей невѣстѣ.

ХОРЪ.

МЕЛЬНИКЪ.	ВСѢ.
Такъ... я къ вамъ мои други...	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

АНЮТА.

Не грезилось младенькѣ и не снилось,
Замужество чтобъ такое мнѣ случилось.

ХОРЪ.

МЕЛЬНИКЪ.	ВСѢ.
Такъ... я къ вамъ, мои други...	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

МЕЛЬНИКЪ.

Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка,
То придетъ мнѣ въ карманъ отъ нихъ полтинка.

ХОРЪ.

МЕЛЬНИКЪ.	ВСѢ.
Такъ... я къ вамъ, мои други,	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ,
Я не даромъ приходилъ,	Сватъ не даромъ приходилъ,

Я вамъ свадьбу снаря-
дилъ,
Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ
угодилъ.

Онъ намъ свадьбу снаря-
дилъ,
Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ
угодилъ.

ВСѢ.

Зачинать пора пирушку намъ смѣкать,
И въ веселости затѣимъ куликать.

МЕЛЬНИКЪ (*поетъ къ Анкудину*).

Поведи-ка ты къ себѣ, насъ добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть.

ВСѢ.

Поведи-ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть:
У тебя вина и пива много есть. (*Всѣ отходятъ*).

СЧАСТІЕ ПО ЖЕРЕБЬЮ.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

въ

ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Сочинена 1779 года Марта 9 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ХОЗЯЙКА, молодая вдова, крестьянка.
СОЛДАТКА, жилица у ней.
ФАЛЕЛЕЙ, пасынокъ } хозяйкины } женихи
МИРОНЪ, племянникъ } } жилицины.
ФИЛАТЪ, работникъ, женихъ хозяйкинъ.
ОКУТЬЕВЪ, служивой, постоялецъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

НАЧАЛО ДѢЙСТВІЯ.

Театръ представляетъ вдали поле, съ одной стороны небольшую гору, а съ другой деревню.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАСЫНОКЪ, ПЛЕМЯННИКЪ И РАБОТНИКЪ

(идучи изъ лѣсу, поютъ).

Работаючи по волѣ,
Сработаешь разомъ болѣ;
Въ лѣтній самый жаркій день;
Хоть матаещся какъ стень,
Нѣту сна, не придетъ лѣнь,
Не придетъ лѣнь.

А когда же, по неволѣ,
Господинъ погонитъ въ поле,
И въ осенній малый день,
Работая станешь въ пень,
Сонъ придетъ и придетъ лѣнь!
И придетъ лѣнь! *(потягиваются).*

Мы сегодня рано встали,
Да и много сработали,
И довольно приустали!

РАБОТНИКЪ.

Сѣна много я скосилъ...

ПАСЫНОКЪ.

Я покоёъ перетрусилъ...

ПЛЕМЯННИКЪ.

А я въ копны всё сносилъ.

ВСѢ.

Всѣ мы много сработали,
Всѣ мы очень пріустали. (*Отходя.*)
Добредёмъ-ка до двора;
Намъ и полдничать пора... 2.

(*Подошедъ къ крестьянскому дому, вѣшаютъ на заборъ свои косы, и послѣ входятъ во дворъ... а въ это время изъ лѣсу жъ выходятъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

СЛУЖИВОЙ И ЖИЛИЦА.

СЛУЖИВОЙ.

Это ваши работники?

ЖИЛИЦА.

Такъ, они: одинъ племянникъ хозяйкинъ, другой пасынокъ, я третій наемный.

СЛУЖИВОЙ.

Ну! ушли, хорошо; а мы на просторѣ между *тѣмъ* поговорить можемъ.... Сколько я радъ

этому, что нашелъ тебя! Разскажи-ка мнѣ, какъ ты здѣсь очутилась?

ЖИЛИЦА.

Меня привезъ сюда изъ деревни племянникъ хозяйкинъ, и вотъ какъ:... (*поетъ*)

Тебя въ рекруты какъ взяли
И въ походъ васъ всѣхъ послали
Службу царскую служить...
А намъ дѣлать что?... тужить.

Въ нуждѣ, въ горѣ я оставшись,
Долго грамотки ждала;
А ея я не дождавшись,
Свой домишка продала!

СЛУЖИВОЙ.

Такъ ты двора-тъ продала?...

ЖИЛИЦА.

Что жъ мнѣ было дѣлать-та? чѣмъ же бы мнѣ жить-та было? Да къ тому жъ, кажется, отъ всѣхъ сосѣдей стала мнѣ великая налога, стали говорить: ты дескатъ теперь солдатка, такъ тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста... Я отъ нихъ иногда и плакала;... а вѣдь мое бабье дѣло! то какъ прикажешь?...

СЛУЖИВОЙ.

И то правда!... Что жъ дѣлать?... Добро имъ быть такъ... Э!... сказать ли тебѣ? Послушай-ка: (*поетъ*)

Мы въ походѣ всѣ дружны;
Такъ стараемся жить:
Вмѣстѣ всѣмъ ѣсть и пить.

Намъ въ полку бабы нужны:
И рубашку скроить,
И зашить и помыть...

Работаючи изъ платы,
То безъ нужды проживёшь,
Офицеры тороваты
Въ полку нашемъ на платёжъ.

Станемъ вмѣстѣ мы трудиться
И не будемъ мы лѣниться,
На квартеры какъ придёмъ,
То копѣйку зашибёмъ.

ЖИЛИЦА.

Скоро ль же мы поѣдемъ отсюда?...

СЛУЖИВОЙ.

Не замедлимся никакъ, дай только мнѣ волю: я хочу сперва съ здѣшнею хозяйкою и съ ея работниками сшутить нынѣ шутку; а эта шутка чего-нибудь да будетъ имъ стоить.

ЖИЛИЦА.

Не обидно ли имъ это будетъ?...

СЛУЖИВОЙ.

А какая нужда? Горя нѣтъ! наше служивое дѣло, гдѣ чѣмъ ни поживился, то и наше... Только ты, смотри, прежде времени ни кому не проболтайся, что ты моя...

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛЕМЯННИКЪ И ПРЕЖНІЕ. (*Послѣдній, выходитъ не видя первыхъ, потягивается и говоритъ про себя.*)

ПЛЕМЯННИКЪ.

Ну!... то-то сытъ теперь и доволенъ! пополдничалъ послѣ работы... (*увидя прежнихъ, говоритъ про себя:*) А! а! а! суженая-то моя, вишь-ли съ кѣмъ изволитъ погуливать-та! Съ нашимъ постояльцомъ!... Что-та у нихъ за лады? Послушать было... (*Подходитъ къ нимъ тихо.*)

ЖИЛИЦА.

Чтожъ изъ этого будетъ?

СЛУЖИВОЙ.

А вотъ что: я тебѣ скажу: хозяйка ваша, за работника своего за-мужъ итти отдумала, затѣмъ, что полюбила меня; а тебя сватаетъ за своего сына, Фалелея...

ПЛЕМЯННИКЪ (*ставъ между ними.*)

Ба! какъ! съ какого резонту? Чтобы-те такъ? Кто ее у меня отниметъ?... Нѣтъ, братъ, погоди немного...

СЛУЖИВОЙ.

Какъ!... я тебѣ братъ?...

ПЛЕМЯННИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, ваша милость, я такъ обмолвился! Прости пожалуй.

СЛУЖИВОЙ.

То-то ты, смотри-же... Я вѣдь полно не сердитъ на эту пору, а то бы... Видишь ли ты, что я уже царской слуга?

ПЛЕМЯННИКЪ.

Вижу, вижу, кормилецъ, вижу!

СЛУЖИВОЙ.

Ну, договаривай, что еще?....

ПЛЕМЯННИКЪ.

А вотъ скажу вашей милости: ее сюда я привезъ; да еще и на свои алтыны-та; а спроси-тка издалеча ли?... Анъ будетъ верстъ и невѣдомо за сколько! Поилъ, кормилъ дорогою, да и здѣсь обуваю и одѣваю, а все для того, что мнѣ охота припала на ней жениться! (*къ Жилицѣ.*) А?... что, какъ ты скажешь?...

ЖИЛИЦА.

А мнѣ какая въ этомъ нужда? Чей домъ, того и воля.

СЛУЖИВОЙ.

Это правда; она не виновата. Послушай (*поетъ*)

Я вамъ спорить не мѣшаю,
Самъ къ хозяйкѣ поспѣшаю;
А ты знай себѣ простакъ:
Дѣло будетъ все не такъ.

(*Особо къ Жилицѣ.*)

Я уйду, ты оставайся,
И смотри жъ, не проболтайся!
Не надѣлай мнѣ хлопотъ...
Скоро намъ идти въ походъ...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СЛУЖИВАГО.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Поди пожалуй, я и радъ этому.

ЖИЛИЦА.

И мнѣ пойтить-было также.

ПЛЕМЯННИКЪ (*кривляясь.*)

А куды бы этакъ?

ЖИЛИЦА.

Ну, что ты такъ кривляешься-та? Мнѣ кажется, къ хозяйкѣ иттить надобно.

ПЛЕМЯННИКЪ.

А почто бы вотъ?...

ЖИЛИЦА.

Какъ почто? Ты слышалъ, что она меня за пасынка своего выдать думаетъ.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Пустое! пустое! не быть этому. (*поетъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ, ты моя лебедка, погоди,
За него не выходи!
Я истратился не мало,
И во что бъ еще ни стало;
А тебѣ за нимъ не быть. 2.

ЖИЛИЦА (*поетъ*).

Ну, да, что же! виновата ль въ этомъ я?
Здѣсь вѣдь воля не своя;
А тебѣ этакъ гордиться,
Ни къ чему вѣдь не годится;

И мнѣ ежель захотѣть,
Тебя такъ могу свертѣть! (*указываетъ руками.*)

ПЛЕМЯННИКЪ (*поетъ*).

И тебѣ этакъ гордиться,
Ни къ чему-то не годится;
И мнѣ ежель захотѣть,
Можно этакъ вѣдь свертѣть! (*тожъ указываетъ руками*).

ОБА.

ЖИЛИЦА.	ПЛЕМЯННИКЪ.
Анъ тебѣ-та вотъ бодриться	Анъ тебѣ та вотъ бодриться
Ни къ чему ужъ не годится.	Ужъ ни сколько не годится;
Мнѣ та только захотѣть,	Мнѣ-та только захотѣть,
Тебя этакъ льзя свертѣть.	Могу такъ тебя свертѣть.

ЖИЛИЦА (*говоритъ.*)

А вотъ, погоди на часъ, посмотри, что будетъ!... (*поетъ*).

Ссоры я еще прибавлю,
Побѣгу!... тебя оставлю:
Не хочу съ тобою быть,
Не хочу тебя любить. (*Хочетъ уйти.*)

ПЛЕМЯННИКЪ (*ее останавливаетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, прыткуха, погоди-ка начасъ.

ЖИЛИЦА.

Пусти меня!... О, какой безотвязной!

ПЛЕМЯННИКЪ (*еще удерживая.*)

Да вотъ не пустятъ.

ЖИЛИЦА.

А я вотъ теткѣ твоей пожалуюсь!

ПЛЕМЯННИКЪ.

И!... сказывай себѣ пожалуй, я не боюсь.

(*поетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, теткѣ я никакъ не покорюсь!
И пускай, хоть и въ конецъ я разорюсь
За тебя, а своему брату
Не спущу и по булату!
Вѣдь собой онъ не сверегъ,
То готовъ съ нимъ хоть на ножъ...

ЖИЛИЦА (*поетъ*).

Что жъ изъ этого случится?...
Вѣдь хозяйка-та вздурится;
Хоть рабочая пора,
Тебя сгонитъ со двора.

ПЛЕМЯННИКЪ.

То изъ этого случится:
Пускай тетка и вздурится,
Да рабочая пора;
Такъ нельзя согнать съ двора.

ОБА.

ЖИЛИЦА.	ПЛЕМЯННИКЪ.
Вѣдай точно, что слу- чится: Твоя тетка такъ взду- рится, Пусть рабочая пора, Да лихъ сгонитъ со двора.	А я чаю не случится; Пускай тетка и взду- рится, Да рабочая пора, Такъ нельзя согнать съ двора.

ПЛЕМЯННИКЪ *(говоритъ).*

Пустое, пустое! все это сказки. *(поетъ).*

Ни чуть тетка не вздурится,
И со мной не побранится.

ЖИЛИЦА *(поетъ).*

А я знаю, что вздурится,
И съ тобою побранится.

ПЛЕМЯННИКЪ *(поетъ).*

Да рабочая пора,
Такъ нельзя согнать съ двора.

ЖИЛИЦА *(поетъ).*

Пусть рабочая пора,
Да лихъ сгонитъ со двора.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Анъ нельзя согнать съ двора!

ЖИЛИЦА.

А вотъ сгонитъ со двора.

ОБА.

ЖИЛИЦА.	**ПЛЕМЯННИКЪ.**
А вотъ сгонитъ со двора,	Вотъ не сгонитъ со двора,
Да вотъ сгонитъ со двора.	Да не сгонитъ со двора.

(Уходятъ оба.)

ЯВЛЕНІЕ V.

СЛУЖИВОЙ *(выходитъ въ то время, какъ племянникъ и жилица споря уходятъ).*

Ха! ха! ха!.. Видно, что дошло у нихъ дѣло *до ссоры*; да пускай ихъ!.... А я покамѣстъ

приму напойку, другую своего порошку... А!... Какъ бы кто видалъ? какъ въ походѣ-та добрая чарка вина, да напойка порошку куды дороги, а особливо бываетъ тогда, гдѣ этого доброва взять не гдѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Отворяются двери, выходитъ хозяйка задумавшись, не видя Служиваго.

ХОЗЯЙКА *(поетъ).*

Что мнѣ дѣлать? я придумать не могу....
Какъ я суженому первому солгу?
Онъ мнѣ милъ, служивой былъ:
Итти за-мужъ по неволѣ!..
Что жъ сосѣдямъ я скажу?
Какъ Филату откажу!...

СЛУЖИВОЙ *(говоритъ.)*

Мы кинемъ жеребей, кому ты достанешься.

ХОЗЯЙКА.

Ай!... О, батька! чтобы тебя... какъ испугалъ меня на смерть!... Куды какой право!..

СЛУЖИВОЙ.

Не осердилась ли ты?

ХОЗЯЙКА.

Я?... Нѣтъ, я такъ, задумалась. *(особо)* Куды какъ собою миловиденъ, да кто его вѣдаетъ, что онъ такой не ласковой. Иные постояльцы

вонъ къ нашимъ дѣвкамъ. такъ и нивесь какъ въ душу вьются, а этотъ такъ никогда меня и не приголубитъ!..

СЛУЖИВОЙ.

Пустое, пустое! какъ не любить добрую хозяйку; да я теперь сердитъ немножко.

ХОЗЯЙКА.

А на кого? ужъ не на меня ли?

СЛУЖИВОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ!.... на землячковъ своихъ! Такъ досадно: брожу къ нимъ почти всякой день, ищу занять денегъ, да, проклятые, какъ на-смѣхъ, никто не ссудитъ; а нашему брату въ походѣ безъ нихъ живётъ иногда до зарѣзу.

ХОЗЯЙКА (*особо*).

Хорошо жъ! такъ мнѣ кстати въ этотъ разъ подарить его. (*Служивому.*) Давно я сбиралась, а теперь пришло къ слову: вотъ кошелекъ, которыій я сама сшила, и будто какъ знала, что и денегъ-та въ нево положила, что они тебѣ нужны. На, возьми себѣ, только будь повеселѣе.

СЛУЖИВОЙ (*принимая кошелекъ*).

Вотъ спасибо на подарокъ! благодаренъ, чего сказать.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

РАБОТНИКЪ И ПРЕЖНІЕ.

РАБОТНИКЪ (*выходя, ихъ не видя*).

Хотѣлъ отдохнуть, да и сна-та нѣтъ!... Ну! ужъ этотъ наслежникъ служивой! почто, слышь, ты вскружилъ мою головку!... (*увидя ихъ*) Те! те! те!! Вотъ! вотъ! она ужъ и съ нимъ вмѣстѣ, (*подбѣжавъ къ нимъ*) Нѣтъ! нѣтъ! хозяйка, ты отложи всѣ свои прихоти! а тебѣ не быть за нимъ.

ХОЗЯЙКА (*съ смѣхомъ*).

Что такъ? развѣ ты мой набольшой? или я жена твоя? И развѣ забылъ ты, что я твоя хозяйка?...

РАБОТНИКЪ.

О! о!... Я не гляжу на это.... (*особо*). А мы вотъ посмотримъ!...

ХОЗЯЙКА.

Смотри себѣ пожалуй!... (*поетъ*)

У меня нѣту ни свёкра, ни свекровки,
Нѣтъ деверьевъ, братьевъ, зятьевъ, ни золовки:
Мнѣ своя воля все дѣлать, что хочу;
А тебѣ все, что ни нада, заплачу!

РАБОТНИКЪ (*поетъ*).

Я объ этомъ вѣдь молчу,
И платёжа не хочу.

ХОЗЯЙКА.

Я сама себѣ хозяйка,
Сама, слышь ли ты, хозяйка....

РАБОТНИКЪ (*особо*).

Самая ты негодяйка!
Сущая вотъ негодяйка!...

ХОЗЯЙКА (*съ смѣхомъ говоритъ*).

За что жъ ты изволишь побранивать-та меня?

РАБОТНИКЪ.

Какъ за что? Вотъ то-то хорошо, что еще вздумала спрашивать. Развѣ забыла ты, что дала слово выйти за меня за-мужъ? и развѣ не твой языкъ мололъ это?...

ХОЗЯЙКА (*поетъ*).

Я сама себѣ хозяйка,
Сама, слышь ли ты, хозяйка?

РАБОТНИКЪ (*говоритъ*).

Что мнѣ до того нужды; а я знаю, что работаю у тебя ужъ сколько лѣтъ за это безъ платы! (*особо.*) **Такъ изволь-ка подумать; а она за другова нынѣ вздумала!...** (*сердится и отворачивается въ сторону.*)

ХОЗЯЙКА (*еще поетъ*).

Я сама себѣ хозяйка?
Сама, слышь ли ты, хозяйка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ХОЗЯЙКИ.

РАБОТНИКЪ (*не смотря на нее*).

Ты пой, что хочешь себѣ! а я слушать-та не хочу этово!... (*потомъ оборотясь и посмотря за нею*

(въ слѣдъ) ...Ну!... ушла... И говорить теперь нечево... Чтожъ дѣлать!... Быть такъ! терпѣть горе. О! этотъ наслежникъ, на пустомъ бы яево не видалъ полѣ!

СЛУЖИВОЙ *(стоя между-тѣмъ и смотря на него, качаетъ головою, потомъ поетъ).*

Ты послушай-ка, Филатъ:
Дѣло гдѣ идетъ на ладъ,
Лишнихъ тутъ ни кто не проситъ,
А тебя какъ чортъ къ намъ носитъ!...
Убирайся безъ грѣха... (2)

РАБОТНИКЪ *(поетъ).*

Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!
Самъ отсѣль ты убирайся
И со мной не заѣдайся,
А то я вѣдь какъ вздурюсь... *(особо).*
Съ тобой больно подерусь. *(говоритъ)*

Какъ бы да была на этотъ разъ у меня въ рукахъ дубина, я бы ребры твои всѣ не ребрами сдѣлалъ.—

СЛУЖИВОЙ *(поетъ).*

Какъ, со мной ты хочешь драться?

РАБОТНИКЪ *(струся).*

О!... тому не можно статься...

СЛУЖИВОЙ *(подступая къ нему).*

Ты со мною вздумалъ драться?

РАБОТНИКЪ *(также струся).*

Нѣтъ, тому не можно статься,
Чтобъ съ тобою мнѣ подраться.

(говоритъ особо).

У тебя вонъ тесакъ въ рукахъ, а у меня и лутошки нѣтъ.

СЛУЖИВОЙ (*поетъ особо*).

Онъ со мною вздумалъ драться!

РАБОТНИКЪ (*особо же*).

Не пора ль отсѣль убраться?....

ОБА.

СЛУЖИВОЙ.	(*особо*) РАБОТНИКЪ.
Я свалю его какъ снопъ,	Онъ свалитъ меня какъ снопъ,
Раскроивши ему лобъ.	Раскроивши мнѣ мой лобъ

СЛУЖИВОЙ (*говоритъ*).

Съ чего ты это взялъ себѣ въ разумъ?...

РАБОТНИКЪ (*улыбаясь*).

О служивушка, да ты послушай! (*поетъ*)

Я вздурился, мнѣ досадно,
Что у ней съ тобою ладно!
(*указывая въ ту сторону, куда ушла хозяйка*)
И какъ врагъ меня смутилъ,
Чтобъ я этакъ пошутилъ.
И я право пошутилъ!

ОБА.

СЛУЖИВОЙ.	РАБОТНИКЪ.
Это врагъ его смутилъ,	Это врагъ меня смутилъ.
Чтобъ онъ этакъ пошутилъ;	А я только пошутилъ,
Можетъ, онъ и пошутилъ.	Право, право я шутилъ.

СЛУЖИВОЙ (*особо говоритъ*).

Изволь-ка подумать, чѣмъ шутитъ.

РАБОТНИКЪ.

Хе!... Я вотъ, какъ тебѣ впослѣдніе дыхнуть, что ненарокомъ объ этомъ подумалъ, да слышь ты, какъ шатунъ слово-то-это у меня и выдернулъ... (*особо*). Видно, у него взять нѣчево, убираться по добру по здорову, покудова онъ не поколотилъ меня... (*хочетъ уйти*).

СЛУЖИВОЙ (*его останавливаетъ*).

Постой! постой! скажи-ка ты мнѣ.....

РАБОТНИКЪ.

О чемъ изволишь?

СЛУЖИВОЙ.

А вотъ о чемъ?... (*поетъ*)

Ты что еще бормочешь?
Чего еще ты хочешь?
Сталъ миръ у насъ съ тобой —
Доволенъ ли ты мной?....

Доволенъ, доволенъ, ужъ и глаза не глядятъ!... оставайся здорово... (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЛУЖИВОЙ (*одинъ*).

Ха! ха! ха! Ну, напужалъ я его, надѣлаетъ онъ теперь великихъ хлопотъ своей хозяйкѣ. Надобно мнѣ поскорѣе побѣжать и всѣхъ помирить ихъ... (*уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

(Оба выбѣгая поютъ)

На то стало; тебѣ, брату,
Не бывать на ней женату
Ты хоть тресни и вздурись,
А отъ ней ты отвяжись.

ПАСЫНОКЪ.

Самъ отъ ней ты отвяжися!
И при мнѣ съ ней не дружися.
Нѣтъ! хоть ты совсѣмъ вскружися,
А отъ ней самъ отвяжися:
Вѣдь она давнѣй моя.

ПАСЫНОКЪ *(со смѣхомъ)*

Да теперь лихъ не твоя;
А ужъ будетъ да моя.

ПЛЕМЯННИКЪ.

И теперь не твоя;
А вотъ всё-таки моя.

ОБА

ПАСЫНОКЪ.	ПЛЕМЯННИКЪ.
И теперь лихъ не твоя;	И теперь она моя,
А ужъ будетъ да моя.	А не будетъ лихъ твоя.

ПЛЕМЯННИКЪ *(говоритъ)*

Такъ вотъ не бывать этому, чтобъ она за тебя вышла.

ПАСЫНОКЪ.

Что-бишь это? Развѣ мать-та моя тебѣ не тетка, а я ей не пасынокъ, и она не сможетъ *сдѣлать*, что захочетъ?...

ПЛЕМЯННИКЪ (*поетъ*).

Жениться на ней, ну твоей ли это рожѣ?
На что то похоже?

ПАСЫНОКЪ (*поетъ*).

Да я-та тебя-та вотъ вишь помоложе,
Такъ я подороже.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЖИЛИЦА И ПРЕЖНІЕ.

ЖИЛИЦА (*подходя къ нимъ поетъ*)

Долго ль станете вы спорить,
И покудова вамъ вздорить?
Долго ль будетъ хлопотать
И отъ спору не отстать?

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ (*поютъ*)

За тебя мы съ нимъ хлопочемъ,
За тебя; а ты вдова —
На тебѣ жениться хочемъ
На тебѣ, мы оба два!

ЖИЛИЦА.

Вотъ какія это глупыя слова!
Почему знать, что я дѣвка, иль вдова?

ПЛЕМЯННИКЪ.

Какъ же?... Ты вѣдь мнѣ такъ пѣла:
Ты хоть мужа и имѣла,
Да на службѣ онъ убитъ....
Такъ съ тобою мы и квитъ!

ПАСЫНОКЪ.

Такъ съ тобою мы и квитъ.

ПЛЕМЯННИКЪ И ПАСЫНОКЪ.

Такъ съ тобою мы и квитъ!

ЖИЛИЦА.

Ну, это и правда, я этакъ сказала...
Ни чуть не солгала;
Да можетъ быть, слухъ-атъ былъ лживъ,
И мужъ-атъ мой живъ,
И точно онъ живъ.

ПЛЕМЯННИКЪ.

О! о! о! все это бредни!
Ты твердила онамедни.
Такъ какъ быть, что ты вдова,
Я вѣдь помню тѣ слова.

ПАСЫНОКЪ *(особо Жилицѣ)*.

Да пусть несбытно дѣло,
А я скажу то смѣло,
Теперь наединѣ:
Просватана ты мнѣ.

ЖИЛИЦА *(особо)*.

Я давно ково желала;
А теперь ево сыскала
Здѣсь севоднишняго дня.

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

А ково, дружокъ, меня?

ОБА ЖЪ *(особо)*.

Знаю, знаю, что меня.

ЖИЛИЦА.

Угадать вамъ это нада:
Я кого нашла, — и рада, —
Здѣсь севоднишняго дня...

ПАСЫНОКЪ (*особо радуясь*).

Знаю, знаю, что меня..... (2)

ПЛЕМЯННИКЪ (*сердясь и особо Жилицѣ*).

И то-сё молвь Фроловна
Тебѣ вѣдь онъ неровня;
А я вотъ, погляди.....

ПАСЫНОКЪ.

Нѣтъ, ты, братъ, погоди!...
Дружечекъ погляди.
Ну чѣмъ ево я хуже?

ЖИЛИЦА.

То видно по наружѣ:
Одинъ другова хуже!

ПАСЫНОКЪ (*Племяннику*).

Ты слышишь ли, я вѣдь хорошъ,
И я–та пригожъ!...

ПЛЕМЯННИКЪ.

Такъ ты-та и лжошь,
Не то все поёшь....

ПАСЫНОКЪ.

Анъ ты–та вотъ лжошь,
Не то все поёшь!

ОБА.

Анъ-ты-та вотъ лжошь,
Не то все поёшь!...

ЖИЛИЦА.

Оба, кажется, вы лжоте:
И не то поёте

ВСѢ (*вмѣстѣ*).

Анъ лихъ вы-та вотъ и лжоте
И не то поёте.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

СЛУЖИВОЙ И ПРЕЖНІЕ.

СЛУЖИВОЙ.

Ши.... Что за шумъ?... Велѣно всѣхъ подъ караулъ взять!....

ПАСЫНОКЪ.

Ахти, бѣда наша!....

ПЛЕМЯННИКЪ.

Да за что, служивушка?... Мы, кажется, ни кому не обидчики....

СЛУЖИВОЙ.

Вы крикомъ своимъ всю скотину въ стадѣ перепугали; а ее лишь теперь съ поля пригнали домой!..

ПАСЫНОКЪ.

Вотъ на!....

ПЛЕМЯННИКЪ.

И... и.... Доброй человѣкъ, какъ-было ты испугалъ насъ!

СЛУЖИВОЙ (*смѣется*).

Ха! ха! ха!..

ПАСЫНОКЪ.

А мы подумали, что и ни вѣсь, что сталось.

ПЛЕМЯННИКЪ (*особо*).

Нелегкое принесло его! (*къ жилицѣ*): Любушка! да полно думать! плюнь на все, и на Фалелея тутъ же: вѣдь онъ, ты видишь, шалунъ, такъ можешь ли ты съ нимъ въ совѣтѣ жить и домъ скопить?...

ПАСЫНОКЪ.

Чтобы такъ? Чѣмъ и я не дѣтина, а пожитку-та у меня больше.

ЖИЛИЦА.

Пожитку-та довольно, да ума-та мало!

ПАСЫНОКЪ.

Хе!... Смѣшно право; на что, любушка, намъ умъ съ тобою? Были бы у насъ деньги, а на деньги ума достать можно! Только вѣдь мы, не будемъ на это ихъ тратить.

СЛУЖИВОЙ (*трепля его по плечу*).

Нѣтъ, простякъ, у кого ума нѣтъ, такъ и деньги не помогутъ.

ПАСЫНОКЪ.

Какъ же?... А меня наши робята учили, вотъ послушайте, что я спою вамъ: (*поетъ*)

Нѣтъ ума, да денегъ много,
То не будешь жить убого;
А съ умомъ да безъ гроша —
Не дадутъ воды ковша.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Онъ не путаетъ пустова
У народа у простова,
Когда нѣтъ чево въ рукахъ,
Вѣкъ житъ будешь въ батракахъ.

СЛУЖИВОЙ.

Деньги — плюнуть, а хоть трудно
Жить на свѣтѣ больно скудно,
Да есть умъ, всё льзя достать,
И все доброе сыскать.

ЖИЛИЦА.

А я спорить въ этомъ стану:
Когда нѣтъ кому талану;
То съ умкомъ, дружечекъ мой,
Потащишься въ міръ съ сумой.
(Жилица уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ЖИЛИЦЫ.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Да что намъ объ этомъ толковать теперь? У кого что есть, такъ есть, а у кого нѣтъ, такъ негдѣ взять!... Не о томъ рѣчь; а у насъ свое дѣло! *(Служивому.)* Служивушка добренькой, попечалься обо мнѣ! Хозяйка-та теперь твою милость послушаетъ: Замолвь словечко!...

СЛУЖИВОЙ.

Я бы помирилъ васъ, какъ бы вотъ, вѣдаете... *(подставляетъ руку.)*

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Слова нѣтъ, изволь-ста, пожалуй!...

СЛУЖИВОЙ (*къ обоимъ*).

Кто больше дастъ, на того руку и тянуть стану.

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Я! я!... Изволь, за этимъ дѣло не станетъ.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Вотъ мои, напередъ съ гривной сорокъ!

ПАСЫНОКЪ.

А моихъ вотъ шестьдесятъ алтынъ!

ПЛЕМЯННИКЪ.

Такъ и я добавлю! держи-ка шляпу-та (*считаетъ*).

СЛУЖИВОЙ.

Ну, отсыпали, нечего сказать!...

ПЛЕМЯННИКЪ (*Служивому тихо.*)

Можно ли же мнѣ теперь понадѣяться-та на твою милость?....

СЛУЖИВОЙ (*ему также.*)

Крѣпко надѣйся, что она ему не достанется.

ПАСЫНОКЪ (*дергая тихо его за полу.*)

Я вотъ еще полтину денегъ прибавлю, только ты порадѣй мнѣ, а не ему (*даетъ еще ему денегъ тихо*).

СЛУЖИВОЙ.

Изволь, изволь, ты увидишь, что я на его руку тянуть не стану!.... Теперь оставайтесь, а я побѣгу къ хозяйкѣ..... А да вотъ она и сама идетъ къ намъ.... (*воротился.*)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ХОЗЯЙКА, РАБОТНИКЪ, *а за ними* ЖИЛИЦА И ПРЕЖНІЕ.

РАБОТНИКЪ (*Хозяйкѣ*).

Ты себѣ-таки что хочешь смышляй, а я пошолъ на то, и тебѣ сказываю. (*Поетъ*)

Положилъ себѣ зарокъ:
От тебя ни за порогъ
И съ Служивымъ спорить буду.

ХОЗЯЙКА.

А вотъ вижу, что быть худу!
И быть худу...

РАБОТНИКЪ.

Присѣку огонь я къ труту
И быть худу!
И, какъ надо, всѣхъ вздурю!...

СЛУЖИВОЙ.

Стойте... Я васъ помирю:
Съ вами здѣсь я потихоньку,
Полегоньку
Съ каждымъ врознь поговорю
И глаза вамъ отворю...

ВСѢ (*говорятъ ему*).

Это бы и ни вѣсь какъ хорошо было.

СЛУЖИВОЙ (*подходитъ къ Хозяйкѣ*).

Тебѣ за меня за-мужъ выйти охота пропала.

ХОЗЯЙКА.

О чемъ еще спрашивать? Ты и самъ вѣдаешь.

СЛУЖИВОЙ.

Ну, изрядно!... *(подходитъ къ работнику).* А тебѣ хозяйка надобна?...

РАБОТНИКЪ.

О томъ-та я и хлопочу съ нею и съ твоею милостью.

СЛУЖИВОЙ.

Подожди-жа.... *(подходитъ къ Пасынку и Племяннику):* а вамъ на ней жениться обоимъ думается?

(Указываетъ на Жилицу).

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Точнёхонько такъ... 2.

СЛУЖИВОЙ.

Такъ слушайте жъ, другова дѣлать нечева, какъ вотъ *(поетъ).*

Въ этомъ спорѣ,
Не въ сговорѣ,
Всякъ не хочетъ замолчать,
Надо чѣмъ-нибудь скончать....
Такъ всѣ вмѣстѣ
Объ невѣстѣ
Кинемъ жеребей тому,
Кто достанется кому....

ВСѢ.

Не можно лучше этова придумать!

СЛУЖИВОЙ.

Постойте жъ, *(подумавъ),* да, такъ изрядно, насъ здѣсь шестеро, то шесть и жеребьевъ надо... *(подходитъ къ хозяйкѣ),* дай-ка ты хоть отъ рукава своего ленточку, *(потомъ къ Жилицѣ)* и ты

дай свою *(они даютъ ему ленты, а онъ еще у себя съ косы отвязываетъ)*, а третья у меня и своя есть. Слушайте жъ: *(Сложа ленты каждую вдвое)*, вотъ видите ли? по два конца у всякой? То и будетъ: синяя съ синей, красная съ красной, а черная пустая.... Зажмурьтесь!... *(Всѣ зажмуриваются. Служивой, подходя, говоритъ къ хозяйкѣ):* Бери-ка сперва ты, Хозяйка. *(Къ работнику)* теперь ты, Филатъ, *(къ Пасынку и Племяннику)* нуте-ка вы!... *(Пасынокъ протягивая руку, а Служивой его ударя)*, постой, не тебѣ череда, Миронъ тебя постарѣ. *(Къ Племяннику)*. Бери-ка ты сперва, *(Племянникъ беретъ, а Служивой къ Пасынку)*, а вотъ теперь и ты примайся.... *(Подходитъ къ Жилицѣ)*, а ты напослѣдки осталась?... Бери-жа послѣдняя; держите жъ крѣпче!... Ну теперь взгляните!...

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ *(увидя, что они другъ съ другомъ, оба говорятъ)*.

Ба!... штой-та?...

СЛУЖИВОЙ И ЖИЛИЦА *(смѣются)*.

Ха! ха! ха!...

ЖИЛИЦА.

Вотъ изрядная пара!...

СЛУЖИВОЙ.

Они другъ другу суженые, *(еще смѣются)*.

ПЛЕМЯННИКЪ.

Нѣтъ-ста! не изволь-ка подсмѣивать-та! мы не хотимъ такъ; кинь-ка чуръ наизнова!...

ХОЗЯЙКА.

Да такъ-таки лучше, наизнова!...

ПАСЫНОКЪ.

И вѣдомо наизнова; а то нѣтъ, братъ, видишь какъ онъ смаклевалъ-та: выбралъ себѣ небось ту, коя получше!

СЛУЖИВОЙ (становится между ними).

Ши!... чуръ ни словечка; я вамъ нѣчто спою.

ПЛЕМЯННИКЪ И ПАСЫНОКЪ.

Ладно, мы слушать будемъ.

СЛУЖИВОЙ.

Только смотрите жъ не шумите!

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Ужъ что затѣвать пустое; а мы услышимъ что пѣть-та будешь...

СЛУЖИВОЙ.

А вотъ что: (поетъ).

Эта ваша вотъ жилица
Ужъ не дѣвка молодица,
И она жъ и не вдова.

ПАСЫНОКЪ (поетъ).

Это ложныя слова.

ПЛЕМЯННИКЪ (поетъ).

Да скажи жъ кто такова?

СЛУЖИВОЙ (зажимая имъ ротъ, одному послѣ другого говоритъ):

Еще-таки! а я вамъ сказалъ, чтобъ вы не шумѣли и дослушивали молча.... Или я вѣдь!.. (Замахивается, потомъ поетъ).

Вотъ что спѣть мнѣ вамъ осталось:
Всѣмъ по жеребью досталось.

(Къ Пасынку и Племяннику).

Вамъ двоимъ!

(Къ Хозяйкѣ и Работнику).

Тебѣ съ нимъ:

(Указывая на Жилицу).

А мнѣ эта...
Вотъ вамъ перва пѣсня спѣта!
А въ остатокъ вамъ скажу,
Докажу
Уже точными словами:
Мужички,
Простячки,
Я, вѣдь, шутку велъ надъ вами,
А она
Мнѣ жена...
Мнѣ законная жена!...
И вотъ вамъ весь и жеребей тутъ!

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Въ правду ты это говоришь?...

СЛУЖИВОЙ.

Хоть теперь умереть вамъ обоимъ, что это не ложь! потому что меня отдали въ рекруты и услали въ походъ; а она осталась въ деревнѣ, изъ которой ты ее привезъ сюда, а я ее нашелъ здѣсь.

ПАСЫНОКЪ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Такъ-инъ часъ тебѣ доброй и съ нею!

ХОЗЯЙКА.

На что жъ меня-то ты обманывалъ?...

СЛУЖИВОЙ.

Какъ быть, Хозяйка, наше служивое дѣло, гдѣ чѣмъ удалось поживиться, такъ то и наше, а не удалось, то плохо.

РАБОТНИКЪ.

И то дѣло, Хозяйка, гдѣ взять имъ свой прожитокъ, какъ не вокругъ насъ поживиться?...

СЛУЖИВОЙ (къ Работнику).

Тебѣ она безъ жеребья; а теперь и по жеребью она жъ досталась, ты и владѣй ею; а вамъ, простякамъ, видите, въ сужиной-та таланy нѣтъ.... Не жениться вамъ до смерти.

ХОРЪ.

Кто таланнымъ не родится,
Того доля — ввѣкъ тужить.
Хоть къ работѣ пригодится,
Да скудненько будетъ жить!

ХОЗЯЙКА.

Дѣлать нечева инова,
Стать любить его мнѣ снова.
А я въ этомъ побожусь,
Что къ тебѣ поддружусь.

ХОРЪ.

Кто талантливымъ родится.

ВЕСЬ ХОРЪ.

Кто талантливымъ родится,
Тому не о чемъ тужить:
Ни къ чему хоть не годится,
Да не скудно будетъ жить.

ПЛѢННИЧЕКЪ.

Не въ своей живемъ мы волѣ,
И намъ нѣтъ ни въ чемъ добра-доли!

ПАСЫНОКЪ.

Ну такъ мы съ тобой, Миронъ,
Побредёмъ-ка хоть и вонъ.

ХОРЪ.

Кто таланнымъ нес. и проч..

СУЖЕНЫЙ.

А тебѣ, вѣдь, нѣтъ кручины?
Здѣсь жила изъ даровщины...

ЖИЛИЦА.

Такъ таланъ, знать, мнѣ пришелъ,
Что меня ты здѣсь нашелъ!

ДІАЛОГЪ

СТРАННИКИ.

НА ОТКРЫТІЕ НОВАГО ПЕТРОВСКАГО ТЕАТРА,

ПЛѢННИКЪ.

Не въ своей живемъ мы волѣ,
И намъ нѣтъ ни въ чемъ брать доли!

ПАСЫНОКЪ.

Ну такъ мы съ тобой, Миронъ,
Побредемъ-ка хоть и вонъ.

ХОРЪ.

Кто талантливымъ и проч.

СУЖЕНОЙ.

А тебѣ, вѣдь, нѣтъ кручины?
Здѣсь жила изъ даровщины...

ЖИЛИЦА.

Такъ таланъ, знать, мнѣ пришелъ,
Что меня ты здѣсь нашелъ!

ДІАЛОГЪ

СТРАННИКИ.

НА ОТКРЫТІЕ НОВАГО ПЕТРОВСКАГО ТЕАТРА,

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АПОЛЛОНЪ.

МЕРКУРІЙ.

МОМУСЪ.

МУЗА ТАЛІЯ И

САТИРЪ.

Дѣйствіе вблизи города Москвы.

НАЧАЛО ДѢЙСТВІЯ.

Въ началѣ дѣйствія представляется ночь и съ горизонта снисходящая Луна съ слабымъ блескомъ; на землѣ же по одну сторону лѣсъ и отъ него пространство поля, а въ отдаленіи городъ Москва.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

МОМУСЪ И МУЗА *(пробираясь сквозь лѣсъ)*.

МУЗА *(про себя.)*

Въ какую дальную я сторону пускаюсь?...

МОМУСЪ.

Потише, Муза!... охъ!... пошолъ *я*, да ужъ каюсь:
Дорога такъ дурна;
А ночь темна... *(спотыкнувшись)*.
Вотъ все я спотыкаюсь!...
Остановись начасъ!...
Ай! ай!... попало што-та въ глазъ!...

МУЗА.

Куды досаденъ ты мнѣ всякой разъ!
Некстати все хохочешь,...
Ну! остановимся, коль этова ты хочешь..
(останавливается.)
Не рада, что пошла съ такимъ проводникомъ...

МОМУСЪ (*особо*).

А я доволенъ, что одѣлся мужикомъ:
И, въ случаѣ какомъ,
Изъ смертныхѣ ни кому не буду я знакомъ...
Да вотъ и Муза тожъ никакъ не постыдилась,
А по дорожному жъ, какъ надо, подрядилась!..

МУЗА.

Ты все-таки шутить никакъ не пересталъ?...

МОМУСЪ (*садясь на землю*).

Да такъ шутить... нѣтъ, я, мнѣ кажется, усталъ...

МУЗА.

Прилично-ли тебѣ трудомъ такъ малымъ
Назвать себя усталымъ,
И столько слабу быть, какъ смертному?—стыдись!
Ну ты вглядись:
Способствуетъ намъ все, что взоръ твой только встрѣтитъ.
Съ небесъ намъ это свѣтитъ:
Вонъ звѣзды, вонъ луна...

МОМУСЪ.

Куда какъ ты умна!...
Ну изъ лѣсу-та кто ихъ тамъ примѣтитъ?...

МУЗА.

Да это смертному лишь мракъ тутъ темной ночи,
А у безсмертнова повсюду видятъ очи!...

МОМУСЪ (*вставая и про себя*).

Моей не стало мочи,
Что ей отвѣтствовать... я сталъ теперя въ пень!...

МУЗА.

Аврора шествуетъ и, вѣрно, ясной день
Она намъ предвѣщаетъ...

МОМУСЪ (*особо.*)

Какъ-будто малова ребенка улещаетъ!..

МУЗА (*выводя изъ лѣсу.*)

И вотъ пространства мы достигли и полей...

МОМУСЪ (*смотря на свѣтъ*).

Да, эта нечево, гораздо посвѣтлѣй!
Насилу выбрались на чистую дорожку...

МУЗА.

Пойдемъ-жа понемножку!

МОМУСЪ.

Готовъ, изволь... нѣтъ! нѣтъ... постой, постой!..
Что это, видишь ли, вонъ, вона въ отдаленьѣ!
Мнѣ кажется, не лѣсъ густой;
А такъ, какъ-будто бы какое-то селенье!..

МУЗА (*всматриваясь*).

Да,... такъ...
Тебѣ твой зракъ
Не лжотъ никакъ;
И безъ сомнѣнья:
Тутъ городъ!... и вонъ въ немъ премножество
строенья!..

МОМУСЪ (*также смотря*).

Да и огромнова!... такъ вотъ и безъ труда!
Пойдемъ-ка мы туда...
Конечно, сжалились надъ нами боги
И избавляютъ насъ отъ дальныя дороги
И всѣхъ хлопотъ!..

МУЗА (*между тѣмъ всмотрясь и точно и про себя*).

Ахъ! самой это городъ тотъ!
Я вижу это ясно;
Такъ намъ въ него итти напрасно.

МОМУСЪ.

Ну! ну! чево жъ мы ждемъ?
Пойдемъ!
Тутъ путь ужъ намъ недальной,
Ба!... что это за видъ печальной?..
Что приключилось вдругъ? не можно ль объявить?

МУЗА.

Намъ надобно себя въ пути остановить:...
Всмотрися поприлежней,
Мы совратилися на путь съ тобою прежней.

МОМУСЪ.

Не скажешь ли ужъ ты, что это тутъ Москва,
Изъ коей мы съ тобой отъ горя побѣжали,
И мѣстечко найтить получше вображали?
Нѣтъ, нѣтъ!... не вѣрю я... Москва не такова...

МУЗА.

Увѣрься: вонъ тамъ многи домы
Тебѣ и мнѣ знакомы,
И я тебѣ не лгу...

МОМУСЪ.

Примѣтить этова я нѣшто не могу;
А развѣ вотъ еще себя я поприближу,
Тамъ, можетъ быть, увижу. *(подходитъ, всматриваетса и удивлялсь)*
Такъ, такъ и есть... и я зрю точно самъ;
Какимъ бы это быть тутъ надо чудесамъ,
Чтобъ мы поворотились
Туда жъ опять назадъ, откуда въ путь пустились?..

МУЗА.

Познаніе сего отъ насъ,
На этотъ разъ,
Совсѣмъ отнято!

МОМУСЪ.

Поэтому теперь намъ очень трудновато!...
И доказательно, что мы, ходя, ходя,
Вокругъ да около, а слѣду не найдя,
Дорожку жъ обрѣли гораздо мы кривеньку,
Которой обошли Москву лишь въ круговеньку...

МУЗА.

Но что несносно мнѣ,
Такъ то, что въ этой сторонѣ
Всѣ жители парнасскіе остались;
А намъ осуждено, чтобъ мы съ тобой скитались!...

МОМУСЪ.

Да... чувствую и я; и радость и печаль:
И мнѣ ихъ жаль!
Печалюсь, что пошли въ такую даль;
А радоваться же чему предпринимаю,
И самъ не понимаю.

МУЗА.

Но можетъ ли тебя отъ смѣха что унять?...

МОМУСЪ.

А на ково пѣнять?...
Нельзя, мой другъ, перемѣниться.
Я созданъ для утѣхъ....
Кому жъ не нравится мой смѣхъ,
Изволитъ тотъ посторониться!
Я ни кому ни въ чомъ не дѣлаю помѣхъ.

МУЗА.

Объ этомъ разсуждать теперя недосужно,
А намъ подумать нужно
Куда предпримемъ мы отседа путь?...

МОМУСЪ.

Какъ!... что?... еще намъ вдаль пуститься?
Слуга покорной!... нѣтъ нельзя ль остановиться
И здѣсь поотдохнуть?
Я въ этомъ не чета тебѣ и поперечу... (смотря вдаль).
Ба!... кто это идетъ намъ въ встрѣчу?
Какой такой уродъ?...

ЯВЛЕНІЕ II.

САТИРЪ И ПРЕЖНІЕ.

САТИРЪ (выходя тожъ изъ лѣсу и никогда не видя).

МУЗА (всматриваясь).

Мнѣ кажется, Сатиръ такъ шествуетъ поспѣшно.

МОМУСЪ.

Не очень это намъ утѣшно;
Однако жъ сдѣлаю ему я оборотъ....

МУЗА.

Къ пороку нашему онъ съ нами неразлученъ:

МОМУСЪ.

Да и какою же онъ тягостью навьюченъ!
Измаранныхъ бумагъ свово все ремесла;
Что нѣту и числа.
О! этотъ спутникъ намъ, ужъ то-та сѣлъ на шею!...

МУЗА.

Я рада бъ всей душою
Давно избавиться его!

МОМУСЪ.

Намъ грустно здѣсь теперь и безъ нево....

(Къ Музѣ).

Молчи жъ!... я притворюся

И, сколько можно мнѣ, надъ нимъ я посмѣюся...

МУЗА (отходитъ къ сторонѣ).

САТИРЪ (подходя).

Тутъ кто-та странники, да я ихъ не боюся...

МОМУСЪ.

Кто идетъ?... кто идетъ, глухъ или нѣтъ,..

Что не даетъ отвѣтъ?...

САТИРЪ.

Неужта тутъ застава?...

МОМУСЪ.

Застава! и во мнѣ ты зри при ней пристава!...

САТИРЪ.

Чтожъ такъ изволишь ты мнѣ грубо отвѣчать?...

МОМУСЪ.

Изволю?... есть приказъ: тутъ близко не пущать...

САТИРЪ (сбрасываетъ съ него шляпу.)

Имѣй почтенье ты къ Сатиру!...

Я есмь лѣсной божокъ!...

МОМУСЪ (наклонясь достать шляпу и садясь на землю.)

Полегче же, дружокъ.

Вѣдь это не въ свою зашелъ квартиру!..

САТИРЪ.

Къ чему ты такъ суровъ?...

МОМУСЪ.

Тепло мнѣ тутъ и такъ... въ лѣсу вонъ много дровъ!...

САТИРЪ *(особо)*.

Онъ мнѣ смѣется!

МОМУСЪ.

Да!... такъ у насъ ведется: *(и нашедъ бересту и прутикъ пишетъ.)*

САТИРЪ *(про себя же)*.

А я это сношу?..,
Но что онъ дѣлаетъ?... постой, его спрошу.

МОМУСЪ.

Стихи пишу!...

САТИРЪ.

Ещо чудняй онъ познается;
Какимъ его почесть?...

МОМУСЪ. *(подавая ему бересту.)*

Умѣешь въ грамотѣ?... изволь прочесть!...

САТИРЪ,

Чтобъ это значило?.. по этакимъ отвѣтамъ
Быть должно Момусу, по всѣмъ примѣтамъ;
(разсматриваетъ).
А! а!... да онъ и есть;... поймалъ же я его;
А это кто бъ ещо глядѣлъ изъ-за него?...
Такъ, Муза Талія... ну! всѣ теперь мы въ сборѣ.
Въ какомъ же странномъ вы уборѣ!
Неужто въ видѣ семъ стремитесь на Парнассъ?...
Къ чему скрываться?... я узналъ обоихъ васъ...

МОМУСЪ.

А ты что за разсказъ?
Какая бъ нуждица была тебѣ до насъ?...

САТИРЪ.

Короткими сказать словами:
Я спутникъ съ вами.

Вы упражняетесь въ какомъ вотъ ремеслѣ,
Такъ въ томъ и я числѣ...

МУЗА (*Момусу тихо*).

Намъ надо отъ него какъ можно удалиться?...

САТИРЪ.

Но гдѣ жъ мы думаемъ теперя поселиться?...
Въ Москвѣ пристанища ужъ нѣтъ...

МОМУСЪ.

Не нуженъ намъ такой сосѣдъ,
Съ которымъ столько лѣтъ
У многихъ дружбы нѣтъ!...

МУЗА (*Сатиру жъ*).

И мой тебѣ совѣтъ:
Поди своимъ путёмъ и насъ ты удаляйся;
А гдѣ изволишь — тамъ и прославляйся?...

МОМУСЪ (*ему жъ*).

И мимо насъ ходить изволь вокругъ!...

САТИРЪ.

Что сталось это вдругъ?...
Какая перемѣна?... (*указывая на Москву.*)
Оттоль меня изгнать старалась Мельпомена,
А здѣсь и Талія вотъ то жъ предприняла....

МОМУСЪ.

Да!.. не мѣшайся–тка въ чужія ты дѣла!..
Поди жъ! поди!.. что сталъ?.. ну слышишь, убирайся!...

САТИРЪ (*съ насмѣшкою*).

Пойтить не мудрено;... да что вы безъ меня?...
Вѣдь такъ, какъ смертные зимою безъ огня?..

Но, Момусъ, ты признайся,
По справедливости скажу я вамъ, не въ лесть:
(*къ Музѣ*).
Ты даръ имѣешь
Нравоученія съ утѣхой сплесть; (*къ Момусу.*)
А ты ей въ томъ радѣешь,
И можно приписать вамъ это въ честь;
Но этова не много,
А надобно гнать вонъ пороки очень строго....
Всмотритесь вы, что въ однихъ васъ пользы есть?...
Кто углубляется внимать сухимъ разсказамъ.
Изъ множества никто,
Я вѣдаю про то, —
Дивятся смѣючись лишь видимымъ проказамъ·
А если гдѣ меня лишь съ вами съединятъ,
То выраженія мои умы плѣнятъ!...

МОМУСЪ (*особо*).

Не меньше за это тебя и побранятъ...

САТИРЪ (*продолжаетъ*).

Всей силой для сего стараюсь я трудиться,
Дабы могло кому что къ пользѣ пригодиться.

МОМУСЪ.

Пустое!... что бъ собой исправилъ ты людей!...

САТИРЪ.

Не спорю!... это мнѣ извѣстно,
И вижу повсемѣстно:
Кто правду говоритъ, тотъ первый всѣмъ злодѣй,

МОМУСЪ.

Анъ ты-та вотъ и есть!... тебя, такъ какъ урода,
Давно бы отдалить пора отъ смертныхъ рода!...

ЯВЛЕНІЕ III.

МЕРКУРІЙ (*спускается по облакамъ*) И ПРЕЖНІЕ.

САТИРЪ.

Ши!... видите ли?.. вонъ!...
Меркурій съ облаковъ нисходитъ!...

(*Момусъ и Муза всматриваются.*)

МУЗА.

Пришествіе его меня въ восторгъ приводитъ...
Конечно, къ намъ его отправилъ Аполлонъ...

МОМУСЪ (*разсмотря.*)

Да, такъ и есть что онъ.
Э! спрячьтеся начасъ вы къ этому пригорку,
А я съ нимъ поведу свою здѣсь поговорку...
Подите жъ!.. что стоять!
Я гостя этова могу безъ васъ принять...

(*Муза и Сатиръ отходятъ къ сторонѣ; а Момусъ, взявъ стклянку, будто не видя Меркурія, пьетъ.*)

МЕРКУРІЙ (*сойдя на землю и не видя ихъ.*)

Съ Парнасса лишь спустился,
Такъ верстъ за нѣсколько ужъ я и очутился...
Безсмертныхъ завсегда коротокъ путь:
Вотъ еже ль надобно что гдѣ-нибудь,
Какъ ни было бъ далека,
Въ одно мгновенье ока!..
Лишь только вздумалъ, то на мѣстѣ томъ и сталъ.

(*Приближается къ Момусу, а онъ, будто его не видя, пивши изъ стклянки, и посмотря на небо, говоритъ про себя:*)

На силу стклянницу свою я опросталъ!...

МЕРКУРІЙ (*увидя его*).

Кто это?... а! прохожей...
Съ какою жъ грубой рожей?...
Однако жъ подойду...
И посмотрю, кого я въ немъ найду?...
(*Подходитъ и разсматриваетъ.*)
Да это Момусъ!... онъ, безъ всякія ошибки,
И всѣ его улыбки,
Я это точно зрю...
Постой-жа притворясь, я съ нимъ поговорю
Какъ можно посмирнѣе...

МОМУСЪ (*особо*).

Посмотримъ, кто изъ насъ умняе?..

МЕРКУРІЙ.

Прохожему желаю доброй путь!...

МОМУСЪ.

На что мнѣ?... безъ тебя иду я какъ-нибудь?

МЕРКУРІЙ.

Поласковѣе будь!
Я, видишь, вотъ къ тебѣ почтеніе имѣю...

МОМУСЪ.

Да я не разумѣю;...
А ваша честь? спросить я ежель смѣю....

МЕРКУРІЙ.

Нельзя тебѣ сказать, какую я имѣю...
Но ты мнѣ о себѣ скажи, кто ты таковъ?...

МОМУСЪ (*притворяясь робкимъ*).

Я... я; сударь?... я такъ, изъ простаковъ...

МЕРКУРІЙ.

А напримѣръ, твои родители кто были?...

МОМУСЪ.

— Таскаясь по лѣсамъ; ужъ все забыли.

МЕРКУРІЙ.

По крайней мѣрѣ знаешь то!...

МОМУСЪ.

А что?

МЕРКУРІЙ.

Кто есть отъ нихъ потомки?...

МОМУСЪ.

Изволишь отдохнуть?.... я постелю соломки....

МЕРКУРІЙ.

Объ этомъ ли съ тобой веду я рѣчь?...

МОМУСЪ.

Конечно, надобно себя и поберечь!...
Вотъ можешь тутъ прилечь... (*и отворотясь, смѣется*).

МЕРКУРІЙ.

Не смѣйся!... а скажи, кто были твои предки?...

МОМУСЪ.

Да я не имѣлъ... ни дрожекъ, ни каретки.
А все брожу пѣшкомъ,
И подпираюся вотъ этимъ посошкомъ...

МЕРКУРІЙ.

Такъ я жъ съ тобой, съ дружкомъ,
Иначе поступить умѣю!...

МОМУСЪ.

Отверзти устъ своихъ предъ вами ужъ не смѣю.

МЕРКУРІЙ.

Не притворяйся!... все вѣдь вижу я...

МОМУСЪ.

Ну, воля въ томъ твоя:
Не очень я дослышу...

МЕРКУРІЙ (*снимая съ него шляпу*).

Такъ эту сбрось съ себя прикрышу
И о своей скажи породѣ мнѣ!...

МОМУСЪ (*взявъ шляпу подъ пазуху и съ жалкимъ видомъ указывая на Москву*).

Вонъ въ этой сторонѣ,
А именно въ Москвѣ,
Случившимся пожаромъ
Въ несчастіе я впалъ!...

МЕРКУРІЙ (*особо*).

Повелъ исторію... и это ужъ не даромъ...
(*къ Момусу*).
Ну!... что жъ ты сталъ?...

МОМУСЪ.

Да, тамъ, гдѣ къ мѣстечку лишь только я присталъ
И гдѣ-было судьба меня ужъ какъ пригрѣла...
Но вдругъ премножество огня, гдѣ ни взялось,
Житье-бытье имъ наше обнялось—
И не замедлясь все на воздухъ поднялось!...
Такъ родословіе мое тутъ и сгорѣло...

МЕРКУРІЙ.

Неужто уже ты не вспомнишь ни о комъ?

МОМУСЪ.

Я вашей милости, мнѣ кажется, знакомъ?
Вѣдь вы изъ энтова селенья?...
(*указывая къ Парнасу*).

МЕРКУРІЙ.

Безъ сомнѣнья...

МОМУСЪ.

И я бывалъ тамъ много разъ
И видывалъ и васъ...

МЕРКУРІЙ.

Быть можетъ;... но тебѣ извѣстенъ ли Парнассъ?

МОМУСЪ.

Объ этомъ писано, да только не при насъ...

МЕРКУРІЙ.

И жители тебѣ на ономъ неизвѣстны?...

МОМУСЪ.

Не достаетъ о семъ понятья моево;
Однако жъ я слыхалъ, не помню отъ ково,
Что дамы тамъ куда какъ всѣ прелестны.

МЕРКУРІЙ (*между тѣмъ смотря къ пригорку.*)

А! энто кто еще?... я вижу тамъ двоихъ;
Узнать мнѣ надобно объ нихъ,
Кто бъ были таковы?... что такъ таятся...

МОМУСЪ.

То-жъ странники, какъ я въ незнамой сторонѣ,
Такъ всѣхъ боятся...

МЕРКУРІЙ.

Что за люди онѣ?...

МОМУСЪ.

Объ нихъ я, нечева, сказать вамъ не возьмуся...

МЕРКУРІЙ (*разсмотря.*)

О чемъ и спрашивать?... съ Сатиромъ Муса...
Ково мнѣ надобно, нашолъ я ихъ,
И всѣхъ троихъ...

МОМУСЪ (*про себя.*)

Ну, видно, что онъ къ намъ отправленъ Аполлономъ;
Съ какимъ-та только лишь резономъ?
Хотѣлъ бы вѣдать я...

МЕРКУРІЙ (ему).

Въ томъ воля не моя;
Къ Парнассу смертные отселя вопія,
Что вы отъ нихъ ушли и странствію вдалися...

МОМУСЪ.

Вотъ видишь!... да оттоль едва мы уплелися,
Избѣгнуть видимой опасности спѣша
Чуть-чуть ужъ только въ насъ держалася душа!...

МЕРКУРІЙ.

Теперь себя вы ободрите —
Меркурія во мнѣ вы зрите:
Ниспосланъ я, чтобъ васъ въ пути остановить;
А для ради чево, нельзя вамъ объявить....

МОМУСЪ.

Не любопытствуемъ!... пустились на отвагу....

МЕРКУРІЙ.

Премудры вышнія намѣренья ко благу!...

МУЗА (*Момусу*).

На участь намъ свою нельзя никакъ роптать,
А надобно отдать
Себя намъ Божьей власти.

МОМУСЪ.

Подвергнувшись напасти,
Вѣдь сколько мы въ пути,
Не вѣдая куды итти,
Имѣли страсти?... (*Къ Меркурію.*)
Пустилися совсѣмъ въ незнамой край,
А дѣло стало къ ночѣ...
Сказать тебѣ корочѣ:
Такъ тутъ-та разбирай,
Что горы и что кочки,

А мы спѣша, ни въ чомъ не дѣлая отсрочки,
Такъ спотыкались все на камни и пенёчки...

МЕРКУРІЙ.

Дивиться надобно, какъ могъ ты это снесть?

МОМУСЪ.

Я вижу, у тебя вонъ крылья есть,...
Такъ ты, какъ воздухъ осѣдлаешь,
И сидячи на немъ,
Хоть ночью, хотя днемъ,
Имъ править какъ конемъ,
Куда ни пожелаешь;...
И потому всегда безъ устали бываешь...

МЕРКУРІЙ (*Музѣ*).

Простительно!... вѣдь онъ
Для шутокъ сотворенъ:
Ко утѣшенію живущихъ на Парнассѣ...

МОМУСЪ.

А можно ли спросить: на вашемъ на Пегасѣ
Кто нынѣ умненькой изволитъ разъѣзжать?...

МЕРКУРІЙ.

Кто поводомъ его умѣетъ удержать... (*особо.*)
Насмѣшекъ надобно его мнѣ убѣжать,
Пора подняться къ Геликону
И возвѣстить объ нихъ немедля Аполлону...
(*Хочетъ уйти; но Сатиръ его удерживаетъ.*)

САТИРЪ.

Пожалуй-ка постой!... что я хочу сказать:
Не можно ль показать,
За наши службы,
Такой намъ дружбы,
Какъ ты, мнѣ кажется, къ Парнассу вотъ спѣшишь;

Гдѣ многихъ милостью своей должишь,
По случаю такому,
Въ веселенькой бы часъ
Не можно ли какъ тамъ напомнить и объ насъ?

МОМУСЪ.

Чтобъ къ мѣстечку бы намъ пристроиться ка-
кому!...

МЕРКУРІЙ (*посмотря на нихъ сурово и оборотясь къ Музѣ.*)

Помедли, Муза, здѣсь,
И ожидай меня съ небесъ:
Какъ черезъ часъ не прежде.
(*поднимается на воздухъ.*)

МОМУСЪ И САТИРЪ.

Такъ мы останемся ужъ въ той надеждѣ?...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ МЕРКУРІЯ.

МОМУСЪ.

Куды сердитъ!... и дать отвѣта не хотѣлъ,
Взвился и полетѣлъ...

САТИРЪ.

А Муза, будто бы во что-та углубилась?...

МУЗА (*про себя.*)

Надежды я совсѣмъ лишилась;
Возможно ль мнѣ спокойной быть?...
Я не могу забыть,

Тотъ городъ, гдѣ могли ужъ мы себя прославить;
А вотъ теперь должны совсѣмъ его оставить...

САТИРЪ.

Такой случай
Вѣдь съ нами встрѣтился, конечно, невзначай,
Вы вѣдаете сами...

МУЗА.

Сатиръ! отстань, не докучай!...
Владѣй своими ты дремучими лѣсами,
И возвышайся тамъ какъ хочешь чудесами.

МОМУСЪ (*ему жъ*).

А въ городъ, чуръ, никакъ ужъ ни ногой!...
Потщится всякъ тебѣ покорнымъ быть слугой...

САТИРЪ (*про себя*).

Курьёзно!... какъ они не признаются,
Что правиламъ ихъ всѣ лишь только что смѣются,
И при своемъ вовѣкъ разсудкѣ остаются....
А критики хотя не могутъ и любить,
Да ею льзя порокъ довольно убѣдить!...

МОМУСЪ (*особо*).

Сбираются тебя ужъ за это побить...

(Въ оное время, при разсвѣтаніи дня, означается вдали Парнассъ, со всѣми обитающими на ономъ.... при подножіи жъ горы Москва, и на открытомъ мѣстѣ новое зданіе.)

МОМУСЪ (*къ Музѣ*).

Муза! что ты дремлешь
И милости его рѣчамъ не внемлешь?
Мнѣ кажется, пора грустить и перестать.
Взгляни-тка: вонъ ужъ стало разсвѣтать!..

ЯВЛЕНІЕ V.

АПОЛЛОНЪ (*на своей колесницѣ*) И МЕРКУРІЙ (*ему предшествуетъ*).

САТИРЪ (*Момусу*).

Умолкни... Аполлонъ на облакахъ мнѣ зрится
И къ намъ часъ–отъ–часу онъ ближе становится...

МОМУСЪ.

Да и Меркурій тутъ предшествуетъ ему,
Ну, видно по всему:
Посланникъ божій что–нибудь объ насъ доноситъ...

МУЗА.

Потребно намъ нарядъ съ себя дорожной сбросить.
(*Скидываютъ поспѣшно съ себя верхнее платье и подходятъ къ Аполлону.*)

МЕРКУРІЙ (*сошедъ на землю, говоритъ къ Аполлону*).

«Вотъ, странники тѣ тутъ, которыхъ я обрѣлъ,
«И дожидаются, какъ я имъ повелѣлъ...

АПОЛЛОНЪ (*къ нимъ.*)

Пришло уже то время
И часъ, въ который вашъ отецъ,
Снимая съ васъ печалей бремя,
Творитъ и странствію конецъ!...
Въ Москву попрежнему вамъ должно возвратиться
И тамо водвориться!
Въ ней смертные встрѣчать желаютъ васъ!...
(*Сатиръ хочетъ говорить, а Момусъ удерживаетъ.*)

МОМУСЪ.

Молчи!... съ Олимпа сей нисходитъ гласъ!...

АПОЛЛОНЪ (*продолжаетъ*).

Представя время то, когда изъ сей столицы
Любители наукъ, взводя свои ученицы
К предальной высотѣ,
И удивляяся тамъ зримой красотѣ,
Нашедъ свободной путь они до Геликона,
Гдѣ много обрѣли познаніемъ закона....
По маломъ времени, простерлися отъ нихъ
Торжественные клики,
И соружилися въ предѣлахъ ихъ
И алтари велики....
Съ небесъ къ нимъ Музы всѣ сошли,
Блаженство въ сихъ мѣстахъ они себѣ нашли,
Преукрашенные имъ храмы отворились
И жертвы многія повсюду воскурились
Отъ ихъ прехвальныхъ дѣлъ!..
А что положенъ былъ предѣлъ,
Тамъ зданіе разрушить...

МОМУСЪ (*про себя*).

Желаемъ мы послушать
Про божески дѣла:
Какая бы была
Тому причина?

АПОЛЛОНЪ.

Неспостижимая судебъ пучина:
Всѣхъ божьихъ промысловъ!.. и потому
Проникнуть смертнымъ ихъ не можно ни кому...

МОМУСЪ (*про себя жъ*).

Такъ нечево жъ познанья дожидаться;
А видно, такъ остаться....

АПОЛЛОНЪ.

Грядите вы, вонъ въ этотъ домъ,
Которой соружонъ, хотя съ большимъ трудомъ;
Я смертнова избралъ сего для исполненья:
Онъ, не щадя ни силъ, ниже свово имѣнья,
Устроилъ вамъ убѣжище сіе!...
Вы тутъ живите...
Сатира отъ себя лишь только отжените!
Благословеніе есть въ томъ мое...

(подъемлется на воздухъ.)

САТИРЪ.

Великій Аполлонъ!... меня въ томъ извините!...

АПОЛЛОНЪ *(съ высоты).*

Гоните его прочь!... Гоните!
(и по семъ скрывается облаками.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ АПОЛЛОНА.

МЕРКУРІЙ *(Сатиру).*

Сатиръ! ты слышалъ божій гласъ?...

МОМУСЪ *(ему жъ).*

Крѣпчайшій данъ тебѣ приказъ!

МЕРКУРІЙ *(ему жъ).*

Забудь навѣкъ Парнассъ!

МОМУСЪ.

И въ томъ числѣ и насъ....

САТИРЪ (*къ Меркурію и Музѣ*).

Меркурій!... Муза!... я прошу однихъ лишь васъ:
Нельзя ль мнѣ съ вами тамъ побыть хоть притаяся?

МОМУСЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!... нельзя никакъ!... ступай ты восвояси
И съ нами болѣе не будь....
Во всѣ вотъ стороны тебѣ счастливой путь!...

САТИРЪ (*отходя съ сердитымъ видомъ*).

Присутствія свово я васъ избавлю;
Но вѣдайте, что всѣхъ безъ критикъ не оставлю.

МОМУСЪ (*въ слѣдъ ему*).

Что хочешь, то чудесь,
Да только лишь не здѣсь,
И выражать изволь намъ выговоры строги....

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ САТИРА.

МЕРКУРІЙ (*Момусу*).

Оставь его, взгляни на созданны чертоги:
Предуготовленны они для васъ двоихъ,
Входите въ нихъ!...

МУЗА.

Въ какомъ я восхищеньѣ?...
Зря столько многое въ семъ зданіи раченье:
Любители театръ!... что въ жертву вамъ принесть?

МОМУСЪ.

Имъ въ славу имъ и въ честь
Провозгласимъ хвалой въ награду.

МУЗА.

Въ толико мало дней такую чтобъ громаду
Устроить и во всемъ приличной видъ ей дать —
Льзя ль было ожидать?...

МОМУСЪ.

Изволь кто отгадать!..
Поспѣшно все вотъ какъ свертѣли...

МЕРКУРІЙ.

Тѣмъ самымъ обществу предугодить хотѣли.
Но пребывайте вы теперя здѣсь однѣ,
А я отправлюся къ предальной сторонѣ...

(*Подниматется на воздухъ, и въ оное время въ новопостроенномъ домѣ начинается музыка тихо*).

МОМУСЪ (*Меркурію.*)

По вашей волѣ
Противиться не смѣемъ болѣ....

МЕРКУРІЙ (*съ облаковъ*).

Я буду посѣщать васъ часто и оттолѣ...

МОМУСЪ (*ему*).

Потребно въ словѣ тверду быть,
Дабы вотъ не забыть
Полезнова для насъ такова обѣщанья....

(*Меркурій скрывается*).

МОМУСЪ (*къ Музѣ*).

Разсталися мы съ нимъ безъ дальнаго прощанья...

МУЗА.

Что это?.. музыки тамъ звуки начались?..

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

(*Жители, выходя изъ дома, поспѣшно приближаясь къ нимъ, поютъ*).

ХОРЪ.

Откуда вы взялись?
О, Муза! Момусъ! здѣсь опять мы васъ встрѣчаемъ...
Какую ощущаемъ
Отраду, видя васъ!
Изобразить нельзя сего на этотъ разъ...

МУЗА И МОМУСЪ.

По вашему привѣту:
Сомнѣнія намъ нѣту
Надежду положить,
Что безпрепятственно въ мѣстахъ сихъ можемъ жить...

ХОРЪ.

Вы мыслите неложно:
Сколь было намъ возможно,
Васъ льстяся возвратить,
Вамъ зданіе сіе мы льстились посвятить...

МУЗА И МОМУСЪ.

Наше въ томъ одно желанье:
Водворяся въ это зданье,
Время то возобновить,
Дни забавъ возстановить...

(*Нѣкоторые изъ жителей.*)

Начиная симъ веселье,
Поспѣшимъ на новоселье,
Силы силой ополчимъ!
Скуку въ адѣ заключимъ.

МУЗА И МОМУСЪ.

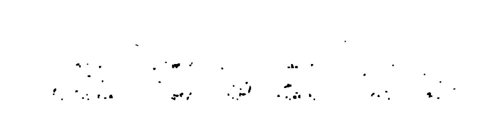
Составляя вамъ веселье,
Съ вами мы на новоселье...

ХОРЪ.

Силы силой ополчимъ,
Скуку въ адѣ заключимъ...

(*Всѣ отходятъ въ новой домъ и симъ оканчевается*).

СКАЗКИ.

Его сіятельству

Превосходительному Господину

Тайному Совѣтнику,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Дѣйствительному Камергеру

главному, учрежденныхъ для вымѣну государственныхъ ассигнацій банковъ

Директору

и

Ордена Святыя Анны Кавалеру

Графу

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ

ШУВАЛОВУ

Милостивому Государю.

Сіятельнѣйшій графъ!

Милостивый государь!

Какъ съ насъ невѣжества ниспали бремена
И наступили тѣ полезны времена:
Въ которы день отъ дня, безъ всякія препоны,
Наукамъ, ремесламъ въ Россіи зиждутъ троны.
Кто жъ праздности есть врагъ, тотъ тщится
усвѣвать
Въ дѣлахъ, могущихъ честь ему по мѣрѣ дать.
Для блага общаго Труды есть польза многа.
Труды ко счастію ближайшая дорога.

За основаніе пріемля мысль сію,
А Спутникомъ къ тому способность зря свою,
И въ предпріятіи моемъ толико смѣломъ:
Нашедши случай то, исполнить самымъ дѣломъ,
И суетности я своей хотя польстить,
Такой малѣйшей плодъ взялъ мѣры посвятить
Любителю наукъ; мнѣ эта мысль втвердилась,
Сіятельнѣйшій Графъ! къ тебѣ та мысль
склонилась.

Къ тебѣ, и ты мое самъ счастье соверши,
Пріими сей слабый трудъ отъ искренней души!
Къ тебѣ мой духъ давно усердіемъ пылаетъ,
И только онъ сево единаго желаетъ:
Достойнымъ сдѣлаться чтобъ милостей твоихъ,
И ожидаетъ ихъ,

Вашего Сіятельства,

Милостиваго государя

нижайшій слуга,

Александръ Аблесимовъ.

СКАЗКИ.

СКАЗКА I.

Китайская.

За истинную такъ иныя утверждаютъ,
Что все сотворено на свѣтѣ для людей.
На это разскажу примѣръ я сей:
Подобно какъ и твари разсуждаютъ.
Начну сперва я съ Крысъ:
Онѣ изъ норъ сползлись
Въ кучу
И, возводя свой къ Небу взоръ,
Зря солнце, зря лучи, и зря на небѣ тучу,
И вотъ ихъ разговоръ:
Великолѣпенъ свѣтъ! какое жъ въ немъ пространство!
Какое жъ въ немъ убранство!
Какой
Для насъ покой!
Какія созданы великія жилищи!
Какое множество готово всякій часъ
По закромамъ намъ пищи
Все, словомъ, что ни есть, все создано для насъ
Богами:

Такъ должны мы имѣть всѣхъ тварей здѣсь слугами!
Намъ Кошка есть одна великая боязнь;
Тиранствомъ льзя назвать ея жестоку казнь.
Оплошныхъ насъ тиранка пожираетъ,
А осторожна мышь состарясь умираетъ.
Тварь Утки плавали, а гдѣ?...
Въ прудѣ;
И плавая взирали
На вышню красоту, и также разсуждали:
Сестрицы! вѣдь луга, ручьи и озера
И рѣки и моря
И всѣ плоды, что есть различна роду,
Здѣсь созданы для насъ:
Не должны ль мы за то благодарить всякъ часъ
Природу,
Которая на свѣтъ всѣхъ насъ произвела
И пищу намъ дала,
Дала намъ и свободу.
Оселъ
Когда-то мимо шелъ
Потока
И чиста и глубока,
А день
Былъ ясной.
Узря свою въ водѣ онъ тѣнь,
Любуяся собой такъ, какъ Нарцисъ прекрасной,
Любуясь говорилъ: да что жъ
Довольно я хорошъ
И статенъ.
Пускай такъ люди врутъ: Оселъ-де не уменъ;
Однако онъ
Живетъ нерѣдко знатенъ

И ввѣкъ не знаетъ, чтобъ стыдиться,
Умѣетъ лишь гордиться.
Довольну похвалу Оселъ себѣ претъ;
Чево-жъ еще къ красѣ ему не достаетъ?
Роговъ.
Безъ никъ нельзя бодаться.
Осматриваася и съ зади и съ боковъ
Довольно на себя не могъ налюбоватся.
Кто можетъ, говорилъ, еще въ томъ сумнѣваться,
Чтобы на всѣхъ поляхъ трава расла
Не для ради Осла?
И люди созданныя Ослу повиноватся:
Всесвѣтной умница, да бѣденъ безъ числа,
Въ услугахъ у Осла:
Онъ носитъ корму намъ, онъ чиститъ наше стойло
И водитъ насъ на водопойло.
О! коль блаженъ нашъ вѣкъ!!
Такую дерзку рѣчь услышалъ человѣкъ.
Возможно ль, говорилъ, чтобъ это бѣдно племя,
Которо по судьбѣ
Таскать осуждено всегда тяжело бремя
Имѣло о себѣ
Толику
Мысль велику,
Не смысля, глупое, оно
Что все съ начала вѣка
На свѣтѣ создано
Для пользы человѣка.
Вседневно Ангелъ зря съ небесной высоты
Земныя суеты
И тако рекъ:
Колико человѣкъ

От Ангела далек;
Он должен во слезах, в болезни в свет родиться
И, живши на земли, работать и трудиться;
Поля орать
И пищу собирать;
Беды и счастье с ним всегда попеременно,
И после умереть он должен непременно.
В тот час
Услыша ТИНГЪ * сей глас
Как Твари разсуждали
И заблуждали
Созвав их, говорил:
Бог всю вселенную сначала сотворил,
Обилием плодов и Землю насадил,
А Тварей по свойству Природа разделила,
Для общей должности друг другу покорила;
И так устроя свет,
Путь истинный блаженства
В вас преимуществ всех ни в ком из смерт-
ных нет:
Имеет всяк из вас свои несовершенства.

СКАЗКА II.

Правда и Ложь.

Давно
Ложь с Правдою живет в почтенье не равно.

* Китайской бог.

Въ прошедши времена побольше съ Правдой жили
И ей служили.
А послѣ стало ужъ не такъ:
Во лжѣ узнали смакъ.
За Правду умереть готовъ лишь былъ дуракъ,
А умные на то ни мало не взирали.
Судьи, вотъ напримѣръ, что споры разбирали,
Они просѣльщиковъ безъ страха обирали
И кривдой Истину марали,
Иль, лучше, что одни, другія врали то-жъ.
Безъ принужденія вплетали въ правду Ложь,
И рѣчь была та не складна,
Гдѣ Истина одна.
А кто умѣлъ хоть всѣхъ Ложь въ Правду претворить,
О томъ неслась рѣчь такъ: гораздъ онъ говорить.
Вошла тогда Ложь въ моду:
Толпы умовъ она подъ власть себѣ брала
И кромѣ ни чево виnъ лутчихъ не пила;
А Правда бѣдная пила ужъ воду.
Ложь Истину всегда,
Безъ всякова стыда,
Какъ бѣднова богачъ, неправой тяжбой жала
И обижала.
Не стало больше силъ у Правды то сносить,
Тогда пошла она въ обидѣ попросить
За честь свою вступиться,
Надѣяся себѣ безъ всѣхъ
Помѣхъ
Найтить въ судѣ успѣхъ
Отъ Лжи оборониться.
У Правды тожъ
Была на Ложь.

Во всемъ улика.
Просила всю Юстицку Власть
Отъ мала до велика,
Не мня, что тѣмъ себѣ готовила напасть.
У Правды Стряпчихъ нѣту:
Брела сама въ Приказъ, таща и Ложь къ отвѣту.
Ложь, зря свою бѣду,
Пойдетъ къ суду:
Кругомъ она себя увидя виноватой,
Не чаяла въ судѣ отдѣлаться и платой;
И какъ мужикъ богатой
Не хочетъ никогда остатися въ винѣ,
Пронырливая Ложь подобно,
Какъ было ей удобно,
Подъ покровительство вступила къ Сатанѣ.
Ложь Дьяволъ увѣщалъ,
Она чтобъ не тужила,
А всю бъ въ томъ на него надежду положила.
Онъ Стряпчева къ суду сыскать ей обѣщалъ
Такова
Удалова,
Кой съ корня бы дѣла приказныя всѣ зналъ.
Исполнилося такъ: тотъ Ябедникъ предсталъ
Въ Юстицкое собранье,
И Правда тутъ.
Пошолъ имъ судъ,
Настало толкованье.
Тамъ Правда предъ судомъ Ложь стала уличать,
А Ябедникъ на то былъ долженъ отвѣчать.
Ужасно было зрѣть какъ Стряпчій разъярился,
Казалось, что тогда самъ чортъ въ него вселился:
Въ лицѣ онъ премѣнился,

Разинулъ пасть какъ адъ,
И испустилъ клеветъ на Правду ядъ;
Руками хлопалъ,
Ногами топалъ,
Зубами онъ скрипѣлъ
И яростью кипѣлъ,
Хрипѣлъ
И задыхался!...
Подъячіе врутъ такъ: суха де ложка ротъ
Приказному дерётъ.
Такъ крикомъ Ябедникъ въ судѣ не оправдался.
Полезныя текли для Правды тѣ часы
И Правосудія клонились къ ней вѣсы;
Какъ вдругъ чертенка съ три, откуда ни взялися,
Клубкомъ они свилися
У Стряпчева въ рукѣ,
И такъ свѣтилися, какъ злато въ кошелькѣ!
Чьево не соблазнитъ корысть проклята взора?
Хотя не завсегда,
Однако иногда
Перемогаетъ честь и дѣлаетъ въ насъ вора!
Теперь веселый видъ явила вся контора:
Не Стряпчева отвѣтъ тутъ Правду обвинилъ,
Но то, что Чортъ судей на деньги соблазнилъ:
Червонцы мнимые ихъ очи ослѣпили,
Они со Правдою злодѣйски поступили,
Вершили дѣло такъ: у Правды все отнять,
Продать
И за безчестіе въ платежъ все Лжѣ отдать.
Къ той описи Крючки приказны приступили.
А ихъ обряды таковы:
Какъ липку Правду облупили

Всю съ ногъ до головы,
И Правду дорогую
Оставили нагую!
Не можно описать сколь въ радость Чортъ пришолъ,
Какъ будто кладъ нашолъ,
Не кладъ и не игрушку —
У Ябедника душку,
И сдѣлалъ Чортъ въ тотъ день великую пирушку,
На коей для сево удачнова конца
На старости и самъ попрыгалъ голубца.

СКАЗКА III.

Мнѣніе Козла о свадьбѣ стараго Мѣщанина.

Козелъ, ища ночлега,
Увидѣлъ какъ на дворъ проѣхала телѣга,
За ней потомъ берлинъ
И въ немъ сидѣлъ женихъ, старинной Мѣщанинъ;
А тамъ, напослѣди, пріѣхала коляска
Съ невѣстой отъ вѣнца
И стала у крыльца.
Вошла невѣста въ домъ; сталъ пиръ и стала пляска.
Козелъ на пиръ,
Какъ нищій въ міръ,

Побрелъ, и межъ людей прокрался
И тутъ же съ пьяными толкался.
И видитъ жениха гораздо стара,
Съ сѣдою бородой
Сидяща впереди съ своею молодой.
Жена ему не пара
Затѣмъ, что не старà:
Ей только было лѣтъ десятка съ полтора.
Козелъ съ гостями за одно
Тянулъ вино
И брагу
И взялъ отвагу:
Насыпалъ лобъ,
Схвативши съ пивомъ кружку,
Ногою топъ,
Сталъ веселить пирушку.
Обычай есть
Крестьянскій строгой:
На свадьбѣ всѣмъ чтобъ дѣлать честь,
Кто бъ въ гости ни пришолъ, богатой иль убогой,
Но пуще воровства
Бояться колдовства,
Бояться, чтобъ не быть въ обновѣ свадьбѣ новой,
Невѣстѣ быть быкомъ, а жениху коровой.
И для тако-та лишь гостямъ не кажутъ зла.
Хозяинъ приказалъ всѣмъ потчивать Козла.
Козелъ сему привѣту
Былъ столько радъ,
Что и примѣра нѣту.
Подшедши къ Жениху, сказалъ: «здорово, братъ,
«Женяся.»
Женихъ, не разсердяся,

Отвѣтствовалъ смѣяся:
«Козелъ, ты бредишь ложь:
«Я братомъ быть Козлу ни мало не похожъ.»
Козелъ твердилъ все тожъ:
«Не сумнѣвайся въ томъ, что ты съ двумя ногами
«И сталъ, женившись, молодой,
«Но ты вѣдь ужъ теперь съ сѣдою бородой,
«Такъ будешь, можетъ быть, ты скоро и съ рогами.

СКАЗКА IV.

Олень и Бычокъ.

При рѣкѣ
Невдалекѣ
От той дубровы,
Олени гдѣ велись,
На тѣхъ лугахъ паслись
Бычки, Тѣлушки и Коровы
А въ стадѣ у Коровъ былъ вотъ какой Теленокъ
Такъ воленъ, какъ ребенокъ
Не телка, да бычокъ
И самой ужъ скачокъ,
Что называется, ково чѣмъ подурачить,
Ково бы чѣмъ уячить,
Иль травки у ково клочокъ, другой отнять,
Онъ, словомъ, всякова умѣлъ пересмѣхать;
Онъ всѣхъ по-своему тѣлятъ мычать заставилъ
И лучше ни ково себя не ставилъ

Тутъ не было такихъ, ево бъ кто проучилъ
Какъ нѣкогда Бычекъ къ Оленю подскочилъ
И сталъ надъ нимъ смѣяться,
Оленю дивоваться:
«Къ чему, сказалъ, рога такіе, какъ крючки?
«Ты зацѣпляешься вездѣ ужъ за сучки!»
Не уступалова Олень тотъ былъ десятка,
И, вѣрно бы, у нихъ была велика схватка,
Олень бы далъ ему тычокъ,
Когда бъ не зналъ, что тотъ знатненекъ былъ Бычокъ:
Порода ихъ ему на умъ взбѣжала,
Откуда удержала.
Однако не щадя сево врага,
Сказалъ ему отвѣтъ довольно коротенекъ:
«Не смѣйся, мой дружокъ, еще ты молоденекъ:
«Твой батюшка имѣлъ не меньше сихъ рога;
«А ты хоть и прыткуешь,
«Да только самъ роговъ такихъ же не минуешь.»

СКАЗКА V.

Лисица и Колдунъ.

Лисица и Колдунъ въ лѣсу сошлися
И такъ какъ старые знакомцы обошлися,
Потомъ расхвастались другъ другу удальствомъ,
Иль, лучше, плутовствомъ,

Которое они употреблять обыкли;
Обманывать привыкли.
Тотъ хвасталъ о себѣ, что онъ-та и дѣлецъ
Что онъ-та и хитрецъ,
И ужъ противъ ево не сыщется рѣзецъ!
Отвѣтствуетъ на то пронырлива Лисица,
Что вотарь была
Въ обманахъ и она не мелка мастерица,
И дѣлала дѣла
Такія что ей честь довольну приносили,
Такъ съ нимъ она
Равна.
Тѣ рѣчи Колдуна
Немного позабѣсили
Онъ мнитъ, что первому быть должно одному
Кому
Большинствомъ
Иль старшинствомъ.
Тотчасъ о томъ Колдунъ Лисицѣ предложилъ
И уговоръ такой онъ съ нею положилъ:
Тотъ первенство достанетъ,
Кто чѣмъ ково сперва проворнѣе обманетъ.
Не струсила Лиса,
Но этова-жъ часа
Назначила тотъ день и мѣсто для обману.
Колдунъ мнилъ ужъ ево ни кто не проведетъ.
Онъ дня тово нетерпѣливо ждетъ,
И такъ намѣренье свое кладетъ:
Поранѣ де Лисы ужъ я, конечно, встану,
И ждать не стану,
Лисицу напередъ обманомъ подкушу
И споръ рѣшу.

Какъ время лишь пришло,
Идетъ Колдунъ въ лѣсъ смѣло.
Пришолъ и ждетъ
Онъ въ полѣ
Часовъ пять шесть и болѣ.
Лисица ни откол
Къ нему нейдетъ.
Колдунъ дивится,
Ужъ тотъ ли это день назначенъ имъ сойтиться
Другъ друга обмануть?
Пришло ему на умъ, чтобъ на небо взглянуть
И дни смѣкнуть.
И какъ Колдунъ добрался,
Какой тогда былъ день—
Сталъ въ пень
Какъ въ вершу самъ попался:
День этотъ былъ тогда обманывъ ремесло—
АПРѢЛЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО.

СКАЗКА VI.

Женатой Хвастунъ.

Былъ нѣкто Щеголекъ довольно всѣмъ богатъ
И былъ женатъ,
А ко всему тому и волокита страстной,
Ревнивымъ всѣмъ былъ другъ опасной.

Какъ прежде онъ имѣлъ нарядной капиталъ,
Тогда что было мочи,
Старался щегольствомъ плѣнять онъ женски очи
И тѣмъ имѣньица не мало промоталъ.
Жена ево за то ни мало ни тазала
Да только наказала:
Взяла примѣръ съ него —
Влюбилася въ урода.
Въ какова жъ?.. въ своего
Влюбилась скорохода.
Досады на себя она не умножала,
Но купно и съ своимъ любовникомъ бѣжала;
Такъ этимъ сдѣлала она ему просторъ.
Однако муженекъ объ ней не затужился,
Но больше въ роскоши прямыя опустился:
Моталъ до этихъ поръ,
Какъ безъ остатку все имѣнье истощилось,
Да только страсти въ немъ къ любви не умень-
шилось,
Достатку больше нѣтъ, такъ въ карты сталь играть,
Иль инако сказать: вездѣ онъ началъ лгать:
«Тамъ сорвалъ банкъ ста два, тутъ былъ онъ въ по-
ловинѣ,
«Тогда онъ выигралъ сто призовъ у госпожь
«Отъ скуки по полтинѣ;
Но все ли ужъ сказалъ? не все еще... да что жъ?...
«Ещо сотъ пять поддѣлъ — на вѣчную играли;
«То олухъ былъ одинъ, что даромъ деньги брали!
И проигрышу нѣтъ,
Онъ можетъ заиграть по этому весь свѣтъ.
Да это онъ и мыслилъ
Что въ картахъ тысячи себѣ велики числилъ,

И утѣшался тѣмъ всегда,
Когда
Придетъ ево планета,
Эта,
Которая ему въ игрѣ заполоситъ,
Тогда онъ игрочковъ и самъ пообкоситъ,
А вотъ, и думалъ онъ, какъ это и начнется:
«Какъ будетъ сто рублей, на сотню будетъ пять,
«А на пять—тысячъ сто, пья будетъ наиграть.
«Тогда: кареты, домъ, откуда что возмется
«Богатой экипажъ, и все понаберется.
Въ тотъ часъ, какъ тѣшитъ духъ счастливой сей
судьбой
Въ мечтѣ увидитъ онъ тогда передъ собой,
Что кучка серебра скопилась хороша,
А какъ пройдетъ сей сладкій сонъ,
Тогда не сыщетъ онъ
Въ карманѣ ни гроша!!
Подобная мечта разсудокъ въ насъ губитъ,
Но мыслей этакихъ ни что не истребитъ.
Женатый заложилъ послѣдню деревнишку
И мыкался, искалъ картежную игришку.
Коль сребролюбцами не можно тѣхъ почесть,
Которы доставать не въ кладь класть деньги тщатся,
А только чтобъ на нихъ довольствомъ наслаж-
даться,
Такъ лакомыхъ такихъ до денегъ много есть.
Немедленно лгача тѣ гости посѣтили;
Но что жъ?... они ево чрезъ два дни въ міръ пу-
стили:
Лишенъ деревни онъ, лишенъ и денегъ сталъ,
Да лгать не перересталъ,

Но болѣе тово въ разсказы углубился,
Всѣмъ сказывалъ, что самъ отъ нихъ онъ поживился
Съ двѣ тысячи рублей; да только тѣхъ монетъ
Въ карманѣ нѣтъ.

СКАЗКА VII.

Словесной Судъ.

Какой-та Секретарь обиженъ былъ довольно.
А вотъ чѣмъ: капитанъ слугу ево
Безо всево
Посѣкъ гораздо больно,
И отъ сево:
Секретарекъ хлопочетъ,
Просить въ приказѣ хочетъ.
Въ то время былъ обѣдъ,
Такъ ужъ присутствія въ судебномъ мѣстѣ нѣтъ,
И разбрелося все подъяческое плѣмя.
Обиженной, не тратя время —
Извѣстно каково крапивно семя
Есть
Привязчево и колко —
Не только
Чтобы могъ пощочину чью снесть.
Хоть ненарокомъ кто ево по шеѣ смажетъ,
И къ слову одному привязку учинитъ

«Прошу прислушать.... скажетъ
«Рукою самъ укажетъ,
«Вотъ этотъ господинъ теперь меня бранитъ.
Читатель не дивись на этова урода—
Нѣтъ гаже изо всѣхъ подъяческова рода.
Однако продолжать мнѣ сказку надлежитъ.
Просильщикъ мой на дворъ къ судьѣ бѣжитъ,
Вступаетъ въ домъ судейской: челобитчикъ
И обидчикъ.
Узря холопа тутъ знакома,
Спросили: дома ли?... холопъ сказалъ имъ: «дома.
«Нѣтъ лишнихъ никово,
«Окромѣ одново
«Племянника ево,
Кой съ дядюшкой своимъ сидѣлъ въ одномъ приказѣ
И также былъ судья,
Лишь нѣтъ понятья въ немъ ни объ одномъ указѣ,
А былъ спѣсивъ и глупъ, какъ сельска попадья.
Нечаянной сей входъ судей встревожилъ много,
Въ чемъ способъ имъ найти:
Принять ли просьбу ихъ, или отъ нихъ уйти?
Однако въ торопяхъ ихъ спрашивали строго:
«Какая нужда ихъ
До нихъ?»
Просильщикъ имъ доноситъ
И, кланяся, проситъ:
Не допуская то до дальнаго труда,
Словеснова суда,
Обидчика свово предъ ними уличаетъ.
Пришла бѣда—
Судьи не отвѣчаетъ.
Не трусъ обидчикъ былъ;

Не дѣлая препоны,
Такъ, какъ велятъ законы,
Всю правду объявилъ.
Изъ дѣла этова безъ справокъ было видно,
Кому кто сдѣлалъ что обидно,
Ково кто чѣмъ винилъ
И какъ бранилъ.
Ни слова въ сказкѣ я своей не уронилъ:
Служивой ѣхалъ въ рядъ купить для птички клѣтку
И встрѣтилъ на пути пылящую Кокетку,
Которая тогда по новому снѣжку
Какъ къ милому дружку
На санкахъ парой мчится.
Служивой былъ нахалъ,
Такъ вздумалось ему за ней поволочиться,
Онъ въ слѣдъ ей поскакалъ
Нагналъ
И не далъ имъ дороги.
Слуга ему кричалъ что мочи есть: «прочь! прочь!
«Кто бъ ни былъ ты таковъ, переломаемъ ноги;
«Правь далѣ!... Ѣдетъ здѣсь подьяческая дочь!...
За дерзость ту слугѣ судъ сдѣланъ былъ имъ кратокъ:
Стащонъ слуга съ запятокъ,
И безо всѣхъ затѣй
Вкусилъ слуга тутъ страхъ плетей.
Присутствующіе, не зная какъ рѣшить,
А ссору эту ихъ не можно утишить,
Безъ должнаго имъ права
Мнятъ: нѣтъ на то устава,
Свою веди все рѣчь
Какъ должно огурцы въ годъ свѣжіе беречь,

И какъ солить икру въ прокъ; хоть было то не
кстатѣ
Но оба взадъ и впередъ ходили по палатѣ,
А челобитчики рѣшенія ихъ ждутъ
И вонъ нейдутъ;
Бранятся межъ собой; но только разговоромъ
Племянникъ проворчалъ, пускаяся на судъ
«Вотъ вздоръ какой глупцы несутъ!
«Какъ нѣту вамъ стыда трудить такимъ насъ вздо-
ромъ!
«Не та теперь пора!
«Мы ѣдемъ со двора.
«Удобности здѣсь нѣтъ рѣшить сево прошенья,
«А должно слѣдовать по силѣ Уложенья,
«Дѣлами судными не надлежитъ спѣшить.
Потомъ дворецкому далъ знакъ, бы то вершить.
Дворецкой, на себя принявъ судейску рожу,
Или на то похожу,
Сердито говоря
Винилъ Секретаря,
Винилъ и Капитана
Отъ коева нибудь хотѣвъ себѣ кафтана.
Однако дѣло то осталось ни на чомъ.
Холопъ былъ самъ виною
Вернулъ плечомъ,
Сталъ къ нимъ спиною
И строго повелѣлъ до утра погодить,
А поутру сходить
Къ ихъ третьему судьѣ — объ ономъ всякой знаетъ,
Которой наизустъ законы всѣ читаетъ.
Промолвилъ имъ и то: хоть онъ де напередъ
За то пооберетъ.

Однако разберетъ,
До завтра не отложитъ,
Но резолюцію тотчасъ положитъ.
И вотъ окончилъ чѣмъ дворецкой свой совѣтъ,
А имъ въ толь важный вздоръ входить досугу нѣтъ!

СКАЗКА VIII.

Читателямъ моимъ неясну мысль такую
Еще перетолкую,
Въ иное платьице я сказку наряжу
И такъ расположу:
Обиженъ Секретарь, что высѣченъ дѣтина
То плевая бѣда,
На чтобъ искать суда,
Когда бы не была другая въ томъ причина,
Отъ коей сталась быть Секретарю кручина!
Донесъ слуга, что ихъ служивой заманилъ
Въ свой домъ и дѣвушку водилъ
Въ бесѣдку
И поизмялъ на юпкѣ сѣтку,
Упрямова жъ слугу попотчивалъ бичомъ.
Мое сумнѣнье въ чомъ:
Служивой заманилъ не птичку въ клѣтку—
Приказную кокетку,
Къ себѣ не калачомъ.
Когда бы дѣвушка сама не похотѣла
Она бы ай! ай! ай! запѣла,

Слуга бъ ей подтянулъ,
Воскрикнувъ караулъ,
А послѣ то и сё, такъ люди бы сбѣжались,
Нахалы испужались
И разбѣжались.
Но, видно, дѣвушкѣ служивой былъ знакомъ,
Такъ нѣтъ и долгу ни накомъ.
Приказная душа о дочкѣ ужъ ни слова,
Что сдѣлала позоръ
И челобитная не въ томъ у нихъ готова,
А просьба на другой совсѣмъ была узоръ.
Слугѣ та честь досталась;
О дочкѣ жъ молвлено лишь только что каталась.
Приказной крючкодѣй
Просить былъ долженъ трехъ судей,
Которыхъ, помнится, вотъ этакъ прозывали:
Начальной Игроковъ,
Послѣдней Простяковъ;
Они не наживали
Мздоимствомъ серебра,
Да и не дѣлали ни худа, ни добра.
Въ приказѣ какъ судьи сидѣли
И важность какъ и всѣ казать хотѣли —
Въ дѣла глядѣли,
Да только ни о чомъ понятья не имѣли;
Такъ дѣлъ вершить и не умѣли.
Проворной Секретарь овсяное зерно
Имъ скажетъ что черно,
Судьи по сказкамъ то такимъ и признавали.
Въ другой разъ то жъ зерно имъ скажетъ что
бѣло,
Увѣрить тѣхъ судей и въ томъ не тяжело:

Судьи имъ только ротъ, какъ галки, разѣвали;
А тѣ крючки какъ имъ угодно изъясняли
Не сотенны мѣшки, да тысячни зѣвали,
И такъ о всѣхъ дѣлахъ докладывали имъ,
Подобно какъ слѣпымъ.
Искусну на стѣнѣ картину толковали
Не хитры сколь судьи начальный и меньшой,
Столь хитръ середней былъ, и былъ во всемъ ис-
кусенъ,
Лишь нѣсколько душой
Приказной гнусенъ.
Онъ, словомъ, былъ дѣлецъ,
Хитрецъ
И наконецъ
Другимъ не образецъ.
Составился ему вѣнецъ
Изъ злата и сребра и дорогихъ кристалловъ,
А для сево отъ всѣхъ онъ прозванъ Обираловъ.
Не куркали предъ нимъ приказные крючки:
Самъ могъ онъ надѣвать на всякова очки,
А изъ взятковъ
Задавалъ инымъ тычки,
Не опасаяся впередъ озадковъ.
И такъ Экспедиторъ
Ко безкорыстному судьѣ сперва во дворъ
Толкнулся,
Да обманулся:
Ни съ чѣмъ пришолъ, ни съ чѣмъ и откачнулся.
Оттоль секретарёкъ
Въ другой домокъ
На той же клячѣ скокъ
И къ Обиралову судьѣ питкнулся

А у сево крючка
Безъ полнова кулька
Гостинцовъ не свернулся.
Просильщиковъ судья хоть сотенъ трехъ лишилъ,
Однако обоимъ на пользу все рѣшилъ:
Онъ сдѣлалъ въ нихъ друзей и ссору утишилъ;
Служивой помирился,
На дѣвушкѣ женился
И стали жить да быть.
А!... Что бы мнѣ не позабыть
Окончить сказку точно,
Я думаю вотъ такъ,
А можетъ, это думаетъ и всякъ:
Быть лакому судьѣ-то черезъ чуръ порочно,
Быть глупому жъ судьѣ безплодно и безпрочно.

СКАЗКА IX.

Острой отвѣтъ Черкаса Господину.

Не лѣтомъ, не зимою
Да осенью прямою,
Когда Борей
Въ странѣ полночной дуетъ

Когда пловцы спѣшатъ къ пристанищу съ морей,
Когда безшубникъ зло на стужу негодуетъ
И о печахъ когда топить дадутъ приказъ,
Въ такое время шолъ по улицѣ Черкасъ
Безъ жупана,
Безъ кафтана;
Имѣя на плечахъ одинъ халатъ,
И тотъ былъ худъ немножко.
На этотъ часъ глядѣлъ въ окошко
Бояринъ изъ палатъ:
По виду, должно быть, въ такой одеждѣ нищу,
Кой ищитъ грошъ на пищу,
Но видѣть у сево льзя было изъ лица
Лѣтъ въ двадцать молодца,
А не увѣчнаго бродягу,
Слѣпова самова отвагу,
Какой безъ костыля не ступитъ шагу;
Такіе какъ-нибудь
Находятъ путь;
А этотъ, шедъ, рѣзвился.
Бояринъ, зря ево, дивился;
Желаніе узнать о немъ ево влекло,
Стучалъ Черкасу онъ въ стекло.
Черкасъ остановился,
А изъ палатъ къ нему лакей явился.
Холопская рука,
Сверхъ воли бѣдняка,
Схватила за заплаты
И повела въ палаты.
Какъ принятъ былъ Черкасъ, ненужно толковать:
Черкасъ пришолъ не пировать,
Черкаса называть

Не станутъ другомъ;
Что спросятъ, то сказалъ, да и на право кругомъ.
Бесѣда такова не можетъ быть долга.
Спросилъ ево бояринъ строго:
Куда онъ шолъ и чей слуга?
Черкасъ и самъ не изъяснялся много,
А только на вопросъ
Боярину донёсъ:
«Ни чей каже слуга, слуга я Пана Бога!
«Иду жъ куда мини дорога:
«Не маю я денговъ,
«Не маю сапоговъ,
«А нони жъ мини треба.
«сшукати хлѣба».
По сихъ словахъ потребно бъ сдѣлать честь:
Велѣть чево принесть
Бѣдняжкѣ ѣсть;
Но тутъ безо всево назадъ Черкасу бресть.
Не можно бѣдность ту присловицу имѣть,
Что сытъ голоднова отнюдь не разумѣетъ.
Бояринъ мнилъ: Черкасъ сказалъ то безъ затѣй.
Спросилъ ево еще: «ты божеской лакей?
«Да что жа на тебѣ одежда не богата?»
Сказалъ Черкасъ
Въ послѣдней разъ:
«Якъ Богу я служу, такая мини и плата!»

СКАЗКА X.

Волокита.

Былъ нѣкто щеголекъ; но щоголь изъ такихъ,
Что называется изъ щеголей прыткихъ:
По модѣ онъ вести всегда себя старался,
По модѣ убирался,
Духъ влюбчивой имѣлъ
И всѣ онъ нужные пріемы разумѣлъ:
Какъ въ комъ сыскать любовь, какъ женщиной плѣ-
ниться,
Какъ нѣжнымъ подойти и страстнымъ притвориться,
И былъ всегда въ своихъ поступкахъ очень смѣлъ
И денегъ было многа,
Женился, и жена попалась не убога,
Удачно подхватилъ,
Однако страсти той въ немъ бракъ не сократилъ;
Привычка прежняя ево не утихаетъ:
Онъ передъ всякою, какъ холостой, вздыхаетъ;
И только вступитъ съ чьей лишь дамой въ разговоръ,
То ни о чомъ иномъ не спроситъ,
Какъ станетъ выхвалять сперва ея уборъ,
Какой она прелестной носитъ;
Потомъ ту красоту до облакъ превозноситъ,
Прелестный цвѣтъ лица, глаза, румянецъ щокъ,
Пріятность рукъ и ногъ, прекрасной башмачокъ,
Съ которова тотчасъ, узря пылинку, сдуетъ,
Иль, вынувъ свой табакъ, онъ ей рекомендуетъ
И кажетъ страсть свою иль вздохомъ, иль рукой,
Что-будто отняла она ево покой!

Которая жъ надъ нимъ хоть только посмѣется,
А онъ ужъ ей тотчасъ и вѣрностью клянется.
Съ иной отчаяннымъ онъ духомъ говоритъ,
Что въ красотѣ ея подобной онъ не зритъ;
Въ другой пріятности всей силой выхваляетъ
И всѣмъ богинямъ онъ ее уподобляетъ.
Потратитъ пуда три предъ каждой нѣжныхъ словъ,
А любитъ ровно всѣхъ по нѣскольку часовъ;
И надъ которою побѣдою ликуетъ,
У той и въ мысли нѣтъ, а онъ ужъ къ ней ревнуетъ.
Въ одинъ разъ Щеголекъ къ красоткѣ подскочилъ
И молвилъ два-три слова,
Себя въ слуги ей поручилъ.
Красотка не сурова,
Красотка та въ нево,
Влюбилась въ самово
Для тово,
Любить что богача поймала.
Она съизмала
За деньги любитъ всѣхъ, безъ денегъ ни ково,
Красавица своей любовью торговала.
Красавица его къ себѣ поприковала
И какъ волшебница околдовала.
Ужъ онъ ни гдѣ безъ ней забавъ себѣ не зритъ,
Любовью къ ней одной горитъ,
Ее даритъ,
По ней съ ума онъ сходитъ,
Ее на мысль всякъ часъ приводитъ;
Ему она
Одна
Утѣха,
Другихъ веселій всѣхъ помѣха

И тоска,
И безъ нея не могъ онъ скушать ни куска.
А та любовію по тѣхъ поръ и пылала
Покамѣстъ обирала;
А какъ узрѣла, что у Щоголя тово
Не стало ничево
И что уже ево
Всево
Она охолостила
И по міру пустила,
Тогда ея потухла кровь
И миновалась вся у ней къ нему любовь.
Красотка бѣдняка сурово ужъ встрѣчаетъ,
Съ нимъ долго быть скучаетъ
И холодно на всѣ привѣтствы отвѣчаетъ:
«Охъ! радость, отвяжись!
«Несносенъ, ты ужъ скучишь!...
А онъ ей говоритъ: «жестокая! смягчись
«Ты такъ, какъ варваръ мучишь!
«Куды какъ нынѣ ты, незнамо для чево,
«Ко мнѣ сурова:
«Не хочешь молвить одново
«Со мной пріятна, слова?...»
Какія жъ бы ни дѣлалъ онъ,
Въ отчаяніи, пѣни
И хоть сто разъ предъ ней онъ станетъ на колѣни
И испускаетъ стонъ,
Не зря пути къ разсудку,
Но та красавица все ставила то въ шутку,
Затѣмъ,
Что мнила отъ нево отдѣлаться совсѣмъ
Да лишь не знала чѣмъ.

Красотка ухитрилась.
Съ буяномъ полюбилась
И съ нимъ уговорилась,
Назвавъ ево родней,
Кой будто изъ чужихъ краевъ пріѣхалъ къ ней.
А Щоголь хитрости такой не знаетъ,
Красавицу свою онъ въ мысляхъ лобызаетъ
И тѣнь ея въ мечтѣ руками осязаетъ;
Онъ страсти къ ней своей не можетъ уменьшить;
Любовь ему твердитъ къ ней всякій часъ спѣшить.
Вступя онъ въ спальню къ ней, найти утѣху чаетъ,
Но Рокъ уже ударъ готовъ былъ совершить:
Онъ, вмѣсто тамъ её, соперника встрѣчаетъ,
Которой бѣдняку не нѣжно отвѣчаетъ
И не любовная пошла у нихъ игра,
Тутъ въ страхъ онъ приведенъ былъ лютою судбиной,
Какъ тотъ буянъ погналъ ево дубиной
Со двора
И перешибъ ему и бокъ и руку,
Чѣмъ тотчасъ потушилъ ево любовну муку
И далъ вкусить со всѣмъ съ любовницей разлуку!
Пришедъ бѣднякъ домой, раскаянье творилъ
И твердымъ духомъ говорилъ,
Что онъ невѣрную забудетъ
И вспоминать объ ней по смерть не будетъ.
На путь онъ истинный совсѣмъ тогда пришолъ,
Жену свою нашолъ
Клялся ей, что съ ней жить не будетъ больше розно.
Онъ заблужденіе свое узналъ, да поздно,
Какъ все имѣнье той безпутной просвисталъ
И послѣ самъ въ стыдѣ и изувѣченъ сталъ.

СКАЗКА XI.

Ошибка, или острый отвѣтъ мошенниковъ Господину.

Поѣхать на гулянье
Имѣютъ многіе желанье;
По склонности своей себя всякъ веселитъ:
Иной все ходитъ тамъ, иной сидитъ;
Иной, напившись пьянъ, бурлитъ;
Иные взадъ впередъ на иноходцахъ рыщутъ,
Другіе надобныхъ узрѣть случая ищутъ;
Посадску тотъ вдову въ любовну ловитъ сѣть
И думаетъ отъ ней онъ руки понагрѣть;
Иной, пригожую узря, за ней гуляетъ,
Узнать объ ней желаетъ,
Съ лакеемъ онъ ея вступаетъ въ разговоръ
И спрашиваетъ чьихъ она и гдѣ ихъ дворъ;
Другой, въ знакомую влюбясь, предъ ней вздыхаетъ,
Его пылаетъ кровь;
Нашедши случай тутъ, онъ больше не скрываетъ
Къ ней жаркую любовь;
Тотъ, ставши пораженъ красавицынымъ взоромъ,
Стремится о любви дать знать ей разговоромъ;
А щоголь жалку рѣчь въ отчаяньи творитъ,
Что долго онъ своей красавицы не зритъ;
Ужамшись петиметръ, къ кокеткѣ подступаетъ,
На коемъ въ платьѣ нѣжный вкусъ блистаетъ:
Красавица въ уборъ прелестной въ этотъ разъ
Начорно нарядясь

На показъ
И тѣмъ свѣтъ знающихъ людей прельщаетъ;
Иному дѣвушка пріятно отвѣчаетъ,
А индѣ за женой ревнивый примѣчаетъ,
Какъ щоголь ей при немъ цвѣточекъ подаетъ
И ручку у нея пристойно жметъ:
Соперники, сойдясь, другъ друга бѣсятъ;
Посадски мужики съ женами пьютъ,
А мелки торгаши овощъ всякъ продаютъ,
Подъ пьяну руку всѣмъ за фунтъ полфунта вѣсятъ,
За стойкой въ кабакѣ подъячимъ сборъ;
Солдатъ надъ мужикомъ трусливымъ харабрится
А съ цѣловальникомъ всякъ за обмѣръ бранится;
У пьяныхъ межъ собой бываетъ споръ
И вздоръ,
И шумъ и враки,
И брань и драки;
Десятскіе глядятъ, получше кто одѣтъ,
Къ тому поприцѣпясь потащатъ подъ бекетъ;
Гусары тамъ бои кулачны разгоняютъ,
Бойцовъ подъ караулъ берутъ.
Бойцы арутъ
Разгонщикамъ пѣняютъ,
Въ нихъ кольями швыряютъ:
Тутъ чья взяла,
Да только выторжка бойцамъ всегда мала;
Фабричны пѣснями народъ тамъ утѣшаютъ,
Которы ихъ творцы нерѣдко вымышляютъ;
Плутишки жъ по чужимъ карманамъ промышляютъ.
Читатель! я тебя разсказомъ утрудилъ,
А на гульбищѣ вотъ какое было дѣло:
Мошенникъ смѣло

По всѣмъ мѣстамъ ходилъ
И вкругъ людей толкался,
Гдѣ плохо что лежитъ, къ тому и прибирался.
Проворная рука въ карманъ готова лѣзть
Гдѣ деньги есть,
Къ боярину тогда мошенникъ тотъ подкрался
И, безо всѣхъ чиновъ,
Въ карманъ рукою совъ,
Искалъ часовъ,
А у боярина ихъ нѣту.
Воръ тотчасъ и въ другой, въ тотъ, гдѣ кладутъ монету,
И шарить сталъ,
Да только ничего и тамо не засталъ.
По платью завсегда не трудно обмануться:
Деньжонки гдѣ?... у сермяковъ,
Посадскихъ мужиковъ
Ведутся;
А кто красно одѣтъ,
Навѣрную тутъ денегъ нѣтъ.
Бояринъ слышалъ все, да зналъ не ложно,
Что было у него въ карманахъ тѣхъ порожно,
И для ради того
Мошенника сего
Бояринъ не страшаетъ
И шарить допущаетъ,
Бояринъ весельчакъ,
А воръ смѣльчакъ.
Сказалъ бояринъ вору такъ;
Чѣмъ дѣло обличилось:
«Не осуди, что тутъ поклажи не случилось?
Воръ этотъ свѣтскій былъ, и всѣ ухватки зналъ,

Тотчасъ онъ, поклонясь, боярину сказалъ:
«Нѣтъ, ничего, сударь, у насъ и зачастую
«Живётъ; что и къ купцамъ въ мошну лазимъ пу-
стую.»

═══

СКАЗКА XII.

Карточный обманъ.

Жилъ былъ писецъ
Дѣлецъ,
Прошлецъ,
А совѣстью страмецъ;
Что имъ доказано однажды самымъ дѣломъ,
Когда игралъ онъ съ офицеромъ
Такой
Игрой,
Что названа угадка;
Къ чему нужна догадка.
О святкахъ дѣвочки хоронятъ золотцо
Иль перстень, иль кольцо,
А сами такъ поютъ: гадай! гадай дѣвица!
«Гдѣ спрятана былица?..
Тутъ дѣвочка тогда угадывать спѣши
И коя не нашла, такъ та и попляши.
Дѣвичья то игра; а эта молодецка
«И самая игорка свѣтска,
И она

Не очень мудрена.
Одинъ игру картъ взявъ, какъ плодъ пріятной съ
древа,
По карточкѣ начнетъ кидать
Направо и налѣва,
Другіе у него стремятся угадать
На счастье ль, на резонъ, иль какъ попало,
И кто не угадалъ, такъ долженъ то отдать
На картѣ что стояло;
А ежель угадалъ
Такъ деньги взялъ.
И въ эту-та угадку
Имѣли офицеръ съ подъячимъ схватку.
А чтобы дѣло то порядкомъ показать,
И тотъ обманъ писцовъ яснѣя разсказать,
То дѣлалось въ томъ годѣ,
Когда еще была игорка эта въ модѣ,
Тогда была она
Не такъ запрещена,
Такъ пользовались всѣ удачи тѣмъ доходомъ.
Служивой мимоходомъ
Къ подъячему зашелъ,
Писца на-веселѣ съ гостьми нашелъ.
Служивой съ тѣмъ писцомъ не вмѣстѣ хоть служили,
Однако межъ собой давно знакомы были.
По окончаніи привѣтныхъ первыхъ словъ,
Служивой сѣлъ за столъ безъ всѣхъ чиновъ.
Божественный стоялъ тутъ нектаръ — съ пуншемъ
чаша.
Подъячій возглашалъ гостямъ всѣмъ: «воля ваша,
«Скучна бесѣда наша:
«Чтобъ пуншъ не простывалъ,

«Мы лучше будемъ пить!» самъ въ рюмки наливалъ
И подавалъ
Гостямъ ихъ въ руки;
Потомъ пришедшему подъячій предложилъ:
Не позабавиться ль намъ въ карточки отъ скуки?
Сказавши гость, изволь, и денги положилъ,
А малой картами тотчасъ имъ услужилъ.
Гость карты въ руки взялъ, писецъ ему мигаетъ
И знаки тѣ даетъ,
Что будто заманить другихъ онъ помогаетъ.
Шутя повелъ игру и денегъ не кладетъ.
Служивой по себѣ кривой душѣ повѣрилъ,
Не мня, что тотъ писецъ предъ нимъ въ томъ лицемѣрилъ.
Писецъ выигрывалъ и деньги бралъ
И въ свой карманъ ихъ клалъ
Не шуткой, самымъ дѣломъ;
Проигрывая жъ ихъ, назадъ не отдавалъ,
А только головой кивалъ
И разумѣть давалъ
Мѣлить чтобъ на нево тѣ деньги мѣломъ.
Подъячій деньги всѣ къ себѣ переволокъ
И только на столѣ остался лишь мѣлокъ.
Окончилась игра; служивой чистъ остался—
Плотненько проигрался,
А все не догадался.
Не кормъ, то былъ обманъ.
Онъ руку совъ въ карманъ,
А тамъ, хотя противъ и воли,
Да только были голи;
Однако гость не унывалъ,
А уповалъ,

Что проигрышъ свой весь опять назадъ достанетъ
И больше онъ шутя играть не станетъ.
Ему знакомъ былъ тотъ обрядъ,
Какъ регула игры чинить повелѣваетъ,
Когда съ кѣмъ за одно она бываетъ,
То выигрышъ дѣлятъ,
А истинны свои тутъ всякой вычитаетъ;
Къ тому же думалъ онъ: игра была шутя
И вѣдалъ о себѣ, что онъ ужъ не дитя,
Не рекрутъ и въ игрѣ, самъ картой деньгу удилъ;
И потому подъячева онъ нудилъ
Тѣ деньги возвратить:
Онъ хочетъ, посидя, домой иттить.
Но говорилъ все то пристойно и опасно.
Тогда,
Безъ всякаго стыда,
Открылъ подъячій все свое пронырство ясно,
Не шуткой отходилъ,
А прямо говорилъ:
«Почтенный господинъ! я доложить вамъ смѣю:
«Я вашихъ у себя монетовъ не имѣю,
«Имѣю да свои: игра у насъ была,
«Въ которую ихъ мнѣ изволили протѣшить.
«Такъ я не виноватъ: мнѣ карта ихъ дала.»
Отъ словъ сихъ принужденъ служивой былъ опѣшить,
Не зналъ что отвѣчать,
Не вѣдалъ что зачать,
Да и нельзя смолчать.
Онъ съ сердцемъ говорилъ, что играно то шуткой;
Но доказательствъ въ томъ подъячій не спросилъ,
А доносилъ
Старинной прибауткой:

«На то де въ море ершъ, карась чтобъ не дремалъ!
«Шутя де пиво пьютъ, шутя мячемъ кидаютъ,
«А въ деньги никогда для шутки не играютъ.
«Равно де и въ игрѣ, ково бы ни поймалъ
Для лучшаго успѣху,
«Поддѣти олушка стараются на пѣху!...
Всѣ въ заходы тогда смѣялись гости тутъ,
Что документъ сей тутъ
Подвелъ не худъ.
Когда бы гость имѣлъ съ своимъ-то братомъ дѣло,
И брюхо бъ не болѣло;
А то не можетъ ли тронуть честныхъ людей
Что этакъ сработалъ приказный крючкодѣй.
Побрелъ бѣднякъ домой; ему не до потѣшекъ,
Тужилъ что обыграть подъячій могъ на пѣшекъ.

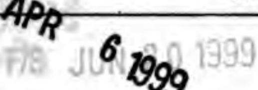
ЭЛЕГІЯ.

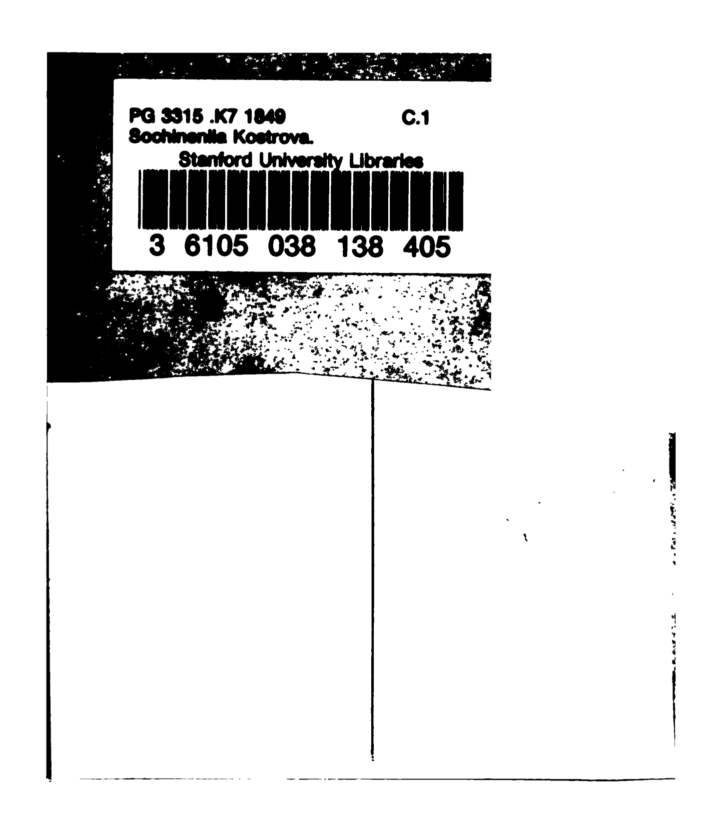
ЭЛЕГІЯ.

—

Сокрылися мои дражайшія утѣхи,
Въ жестокую печаль преобратились смѣхи.
Когда восходитъ лучъ вселенну освѣщать,
Не можетъ мнѣ минутъ веселыхъ предвѣщать.
Куда ни обращу свои плачевны очи,
Вездѣ я грусти зрю, и мракъ печальной ночи.
Ты радости мои пресѣкъ, жестокой рокъ,
Ты ввѣкъ опредѣлилъ мнѣ слезной лить потокъ;
Лишилъ меня, лишилъ ты сладкаго покою,
Сразилъ, какъ молніей, меня ты злой тоскою,
Въ тяжчайшія любви оковы заключилъ,
Несносной горести на жертву поручилъ.
Покрылъ мя тучею прегоркія печали,
Чтобъ бѣдства всѣ мои забавы окончали.
Но что я такъ мятусь, напасть моя тобой,
Когда уже мнѣ то предписано судьбой!
Но, ахъ! возможно ли, чтобъ я теперь не рвался?
Увы! ужъ я навѣкъ съ любезною разстался!
Разстался!... вспомню лишь я тотъ горчайшій часъ,
Какъ я драгой сказалъ прости въ послѣдній разъ,
Въ минуту ону духъ прискорбный возмутится,

И что ни мыслилъ я, все въ муку превратится.
Лишуся чувствія, въ очахъ померкнетъ свѣтъ,
И помню только то: драгой со мною нѣтъ.
О, нестерпима казнь немилосердной части!
О, мой плачевный вѣкъ! о, лютыя напасти!
Возможно ли сего мучительняй страдать,
Какъ вѣчно что любить и вѣчно не видать?
Повсеминутно мнѣ разлука въ мысль приходитъ,
Повсеминутно духъ въ смятеніе приводитъ.
Я рвуся, и ни въ чемъ отрады не сыщу.
Но еже ли еще и тщетно я грущу,
И мнѣ любезная невѣрна стала нынѣ,
Какой подвержена ты, жизнь моя, судьбинѣ!
Повѣрь, драгая, мнѣ: каковъ бы кто ни былъ,
Не будетъ такъ тебя любить, какъ я любилъ.
Но что отъ ложныя мечты мой духъ стонаетъ?
Моя любезная меня воспоминаетъ,
И ту же чувствуетъ она любовь ко мнѣ,
Которую она имѣла въ сей странѣ;
Но я не зрю ее и рвусь, изнемогая.
Ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ со мною, дорогая!

APR 6 1999
F/8 JUN 30 1999

PG 3315 .K7 1849 C.1
Sochineniia Kostrova.
Stanford University Libraries
3 6105 038 138 405

